

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

- 5.5. Политология,
- 5.6. Исторические науки,
- 5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 20.03.2023 года):

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки),
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фомин-Нилов Денис Валерьевич, канд. ист. наук, и.о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Власов Евгений Евгеньевич, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Волыничук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, независимый исследователь, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дудин Павел Николаевич, доктор ист. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, заведующий кафедрой международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Инь Жуюй, канд. полит. наук, заместитель директора Исследовательского института по развитию и сотрудничеству Китая и России на Дальнем Востоке Ляонинского университета, г. Шэньян, Китай.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, независимый исследователь, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Притчин Станислав Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва, Россия.

Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научно-го центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Шукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). <https://doi.org/prefix>: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>. Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

- 5.5. Political science,
- 5.6. Historical sciences,
- 5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of March 20, 2023):

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations (political sciences),
- 5.6.1. Domestic history (historical sciences),
- 5.6.2. General history (historical sciences),
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences),
- 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences),
- 5.9.6. Languages of the peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages) (philological sciences),
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Denis V. Fomin-Nilov, Candidate of Historical Sciences, Acting Rector of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Evgeny E. Vlasov, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Director of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Pavel N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Yin Ruyu, Candidate of Political Sciences, Deputy Director of the Research Institute for Development and Cooperation between China and Russia in the Far East, Liaoning University (Shenyang, China).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor).

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal

University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Stanislav A. Pritchkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Central Asia Sector, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgeny V. Pustovoit, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei S. Sevastyanov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (63) • 2024

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил
под названием "Известия
Восточного института
Дальневосточного
государственного
университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3>

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

От редакции 11

Соколовский А. Я. Изучение Вьетнама и
вьетнамского языка в Дальневосточном
федеральном университете 13

Глазкова Е. А. Этапы вьетнамской миграции в
США во второй половине XX века 23

Фам Лан Оань, Соколовский А. Я. Забавные
народные истории об умниках Южного
Вьетнама: развитие и особенности жанра 34

Симоненок А. В. Аспекты торгово-
экономического сотрудничества России и
Таиланда в конце XX – начале XXI вв. 46

Золотухин И. Н., Писарев И. И. Современные
российско-филиппинские отношения: вызовы и
возможности 56

ИНТЕРВЬЮ

"Расстаться с японоведением не могу...".
Интервью с З. Ф. Моргун 69

ИСТОРИЯ

Агапов М. В. "Посильная лепта в море великих
жертв на алтарь отечества...". Однодневные
газеты Дальнего Востока периода Первой
мировой войны 76

Мостовая А. С. Автомобильная
промышленность и компания "Тойота" в период
послевоенной оккупации Японии (1945–1952 гг.) 95

Чернолуцкая Е. Н. Взаимодействия СССР/РФ и
Японии по принятию соглашений о безвизовых
поездках между Южными Курильскими
островами и Японией (1964–1999 гг.) 107

ФИЛОЛОГИЯ

Дыбовский А. С. Языковое планирование в
Японии с середины XIX до начала XXI века 123

ПОЛИТИКА

Саидов Б. С. Сравнительный анализ
интеграционных инициатив и проектов России
и Китая в Центральной Азии 137

Волощак В. И. Позиции Республики Корея
и Японии по институционализации военно-
политического сотрудничества в Азиатско-
Тихоокеанском регионе 150

Самойленко П. Ю. Историческое архитектурное наследие и современная застройка Владивостока как ресурс интеграции в АТР и формирования бренда территории в рамках политики "Разворота на Восток": тренды и проблемы	162
---	-----

АРХИВ

Хисамутдинов А. А. Ольга и Борис Морозовы через Монголию в Китай (из семейного архива)	174
--	-----

Подписку на журнал можно осуществить через электронный каталог агентства "Урал-Пресс" (<https://www.ural-press.ru/catalog/>).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/ или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2024

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 3 (63) • 2024

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3>

CONTENTS

COUNTRIES OF SOUTHEAST ASIA: PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND INTERNATIONAL COOPERATION

From the editor of the heading 11

Sokolovskiy A. Ya. Studying Vietnam and the
Vietnamese language at the Far Eastern Federal
University 13

Glazkova E. A. Stages of Vietnamese Migration
to the United States in the Second Half of the XX
Century 23

Pham Lan Oanh, Sokolovsky A. Ya. Humorous
folktales about self-taught smart countrymen from
Southern Vietnam: it's genre development and
particular features 34

Simonenok A. V. Aspects of trade-economic
cooperation between Russia and Thailand on the
cusp of XX – XXI centuries 46

Zolotukhin I. N., Pisarev I. I. Contemporary
Russian-Philippine Relations: Challenges and
Opportunities 56

INTERVIEW

"I can't part with Japanese studies...".
Interview with Z. F. Morgun 69

HISTORY

Agapov V. L. One-day charity newspapers of the
Russian Far East during the World War I 76

Mostovaia A. S. The Japanese Automotive Industry
and Toyota Company During the Occupation Period
(1945–1952) 95

Chernolutskaia E. N. Interactions of the USSR/
Russian Federation and Japan on the adoption
of agreements on visa-free travel between the
Southern Kuril Islands and Japan (1964–1999) 107

PHILOLOGY

Dybovsky A. S. Language planning in Japan from
the mid XIX to the early XXI century 123

POLITICS

Saidov B. S. Comparative analysis of integration
initiatives and projects of Russia and China in
Central Asia 137

Voloshchak V. I. Republic of Korea's and Japan's
Stance on Defense Cooperation Institutionalization
in the Asia Pacific 150

Samoylenko P. Yu. Historical architectural heritage and modern development of Vladivostok as a resource for integration into the Asia-Pacific region and territory brand creation within the framework of the "Turn to the East" policy: trends and problems 162

ARCHIVE

Khisamutdinov A. A. Olga and Boris Morozov via Mongolia to China (from the family archive) 174

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.
The journal's subscription index is 42398.
Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/
E-mail: izvestyavi@yandex.ru
Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.
Editorial office location: room D620, building D, FEPU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.
Tel.: +7 423 265-24-24 (2942).
The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editorial board.
The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.
© Authors, Far Eastern Federal University, 2024

От редактора рубрики
From the editor of the heading

Юго-Восточная Азия – стремительно развивающийся субрегион Азиатско-Тихоокеанского политико-экономического региона мира, занимающий материковое и островное пространство площадью 5 млн. кв. км. На территории ЮВА проживает 675 млн. человек. Это более 8% населения планеты. Все страны ЮВА обрели независимость только после Второй мировой войны. В них сложились внешне очень разные, но внутренне похожие политические системы. Они представляют собой сложное сочетание западных и восточных институтов. По форме они напоминают западные политические системы, а по содержанию, – ритуалу и политической культуре, – восточные. Классической демократии, в том смысле, как ее понимают в Европе, здесь нет. В странах ЮВА распространены разные механизмы правления, – парламентская и авторитарная демократия, военный и коммунистический режимы, – выступающие в конечном счете как внешние формы власти политических и экономических элит. Даже те серьезные перемены, которые произошли на Филиппинах (1986 г.), в Таиланде (1992 г.), в Индонезии (1998 г.) и Мьянме (2021 г.), эту картину не изменили. Везде у власти находится сложный конгломерат сил, опирающийся на гражданскую и военную элиты. Вероятно, этим можно объяснить то, что разнообразие политических режимов в странах региона не стала помехой в их сближении и консолидации в едином блоке АСЕАН, превратившемся в стабильную международную и региональную организацию, способствующую межправительственному сотрудничеству в интересах экономической, политической и военной безопасности, а также образовательной и социокультурной интеграции между ее членами и другими странами. По темпам экономического роста многие страны ЮВА (например, Вьетнам) сегодня опережают даже Китай.

Юго-Восточная Азия сегодня играет большую роль в мировой экономике. Особый вклад в нее вносят такие индустриальные страны как Малайзия, Сингапур, Индонезия, Филиппины и Таиланд. Они представляют собой один из общепризнанных "центров роста" открытой экспортно-ориентированной модели мировой экономики. Не случайно, поэтому, что сегодня к ним приковано внимание политиков, экономистов и ученых всего мира.

Рубрику открывает статья А.Я. Соколовского "Изучение Вьетнама и вьетнамского языка в Дальневосточном федеральном университете". В ней автор рассматривает историю и современное состояние изучения Вьетнама и вьетнамского языка в Дальневосточном федеральном университете. Отмечается, что ДВФУ является единственным университетом на обширной территории Сибири и Дальнего Востока, где уже более сорока лет ведется изучение "вьетнамского феномена" и вьетнамского языка. Показана история формирования во Владивостоке третьего (после Москвы и Санкт-Петербурга), – Дальневосточного, – вьетнамоведческого центра, его успехи в подготовке специалистов, обеспечивающих всесторонние связи региона с дружественным Вьетнамом. Автор обращает внимание на те задачи и проблемы, которые стоят перед современной региональной вьетнамистикой и требуют решения в современных условиях.

В статье Е.А. Глазковой "Этапы вьетнамской миграции в США во второй половине XX века" проводится анализ вьетнамской миграции в США во второй половине прошлого века. Автор исследует причины миграции и подчеркивает, что, во-первых, она в значительной степени была результатом причастности США к военному конфликту во Вьетнаме. Вторая причина, по мнению автора, состояла в том, что после освобождения Южного Вьетнама и объединения страны, вьетнам-

ские беженцы покидали страну из-за политических и религиозных убеждений, отличных от политического курса нового режима.

Фам Лан Оань и А.Я. Соколовский в статье "Забавные народные истории об умниках Южного Вьетнама: развитие и особенности жанра" рассматривают сравнительно новый и пока недостаточно изученный вьетнамскими фольклористами жанр южно-вьетнамских народных забавных историй об умниках под названием "чуен чанг". Авторы исследуют их типичные сюжетные структуры, основные приемы композиции и организации художественного пространства. Проводится сравнительный анализ историй "чуен чанг" с подобными историями северного и других районов Вьетнама.

В статье А.В. Симоненко "Практические аспекты торгово-экономического сотрудничества России и Таиланда в конце XX – начале XXI вв." рассматриваются российско-тайландские торгово-экономические отношения на современном этапе. Эти отношения исследуются в контексте истории развития двустороннего сотрудничества. Автор анализирует динамику товарооборота за последние 30 лет, специфику товарной номенклатуры, выявляет факторы, оказывающие влияние на объемы российско-тайландской торговли. Раскрываются особенности инвестиционного сотрудничества двух стран.

Статья И.Н. Золотухина и И.И. Писарева "Современные российско-филиппинские отношения: вызовы и возможности" посвящена основным направлениям сотрудничества между Россией и Филиппинами на современном этапе. В ней затронуты предпосылки развития двусторонних отношений, а также рассмотрены результаты взаимодействия в области межгосударственных связей, экономики, безопасности, культурной сферы за последние полтора десятилетия. В статье дана оценка проблемных аспектов двусторонних отношений, отражено влияние на характер российско-филиппинского взаимодействия "американского фактора", прежде всего в условиях усиления военно-политического присутствия США в западной части Тихого океана и вовлечения Филиппин в политику сдерживания Китая. В работе представлены предложения и перспективы сближения России и Филиппин, указаны причины, способные повлиять на установление устойчивых отношений между ними.

Рубрика, разумеется, не претендует на полноту описания проблем развития и международного сотрудничества стран Юго-Восточной Азии. Она показала лишь некоторые важные сюжеты, касающиеся экономических, политических, гуманитарных и культурно-образовательных процессов в этих странах и их международного сотрудничества, включая отношения с Россией.

А. Я. Соколовский

Изучение Вьетнама и вьетнамского языка в Дальневосточном федеральном университете

Александр Якубович СОКОЛОВСКИЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sokolovskiy.aya@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается история и современное состояние изучения Вьетнама и вьетнамского языка в Дальневосточном федеральном университете. Показано научно-образовательное направление подготовки специалистов по Вьетнаму и вьетнамскому языку, роль российских вьетнамоведческих центров, а также вьетнамских вузов и вьетнамских специалистов в становлении дальневосточного вьетнамоведения.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный университет, Восточный институт-Школа региональных и международных исследований, Вьетнамский культурно-образовательный центр ДВФУ, Дальневосточный центр вьетнамоведения

Для цитирования: Соколовский А. Я. Изучение Вьетнама и вьетнамского языка в Дальневосточном федеральном университете // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 13–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/13-22>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/13-22>

Studying Vietnam and the Vietnamese language at the Far Eastern Federal University

Alexander Ya. SOKOLOVSKIY

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sokolovskiy.aya@dvfu.ru

Abstract. The article examines the history and current state of the study of Vietnam and the Vietnamese language at the Far Eastern Federal University. The scientific and educational direction of training specialists in Vietnam and the Vietnamese language, the role of Russian Vietnamese centers, as well as Vietnamese universities and Vietnamese specialists in the development of Far Eastern Vietnamese studies are shown.

Keywords: Far Eastern Federal University, Oriental Institute-School of Regional and International Studies, Vietnamese Cultural and Educational Center FEFU, Far Eastern Center for Vietnamese Studies

For citation: Sokolovskiy A. Ya. Studying Vietnam and the Vietnamese language at the Far Eastern Federal University // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 13–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/13-22>

Введение

Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) является единственным университетом Сибири и всего Дальневосточного Федерального округа, где изучается Вьетнам и вьетнамский язык. Вьетнамистика представлена здесь как самостоятельное образовательное и научное направление.

ДВФУ ведет свою историю с Восточного института, который был открыт во Владивостоке 125 лет тому назад (21 октября 1899 г.) по решению Государственного Совета России и по велению императора Николая II. Создание Восточного института положило начало высшему образованию на российском Дальнем Востоке. На его основе впоследствии были созданы: в 1920 г. Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), в середине 50-х годов Дальневосточный государственный университет (ДВГУ), а в 2011 г. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ).

Создание Восточного института во Владивостоке, накануне неспокойного XX века, было вызвано геополитической обстановкой того времени в дальневосточном регионе. Нужны были специалисты со знанием японского, китайского, маньчжурского, корейского и монгольского языков, способных обеспечивать международные связи России с ее дальневосточными соседями. И надо сказать, что созданный тогда Восточный институт успешно с этой задачей справлялся, как, впрочем, продолжает справляться и сегодня.

Вместе с тем условия второй половины XX века, связанные с образованием АСЕАН – влиятельной региональной организации в Юго-Восточной Азии, и общественно-политические процессы, происходящие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поставили вопрос о необходимости подготовки в Дальневосточном университете специалистов-экспертов по странам Южной и Юго-Восточной Азии, такими как Индия, Вьетнам, Таиланд и Индонезия.

Процесс рождения и становления этого нового научно-образовательного направления в ДВФУ составляет более сорока лет. Он включает в себя постепенное включение в орбиту изучения сначала Вьетнама и вьетнамского языка (1979 г.) затем Индии и хинди (1993 г.), далее Таиланда и тайского языка (1999 г.) и, наконец, Индонезии и индонезийского языка (2005 г.). Логическим и закономерным результатом этого научно-образовательного процесса стало создание в Восточном институте в 1994 году кафедры филологии стран Южной и Юго-Восточной Азии, которая позднее переросла в факультет изучения стран Южной и Юго-Восточной Азии с двумя кафедрами: кафедрой филологии ЮВА (языки и литература Вьетнама, Таиланда, Индонезии) и кафедрой индологии (языки хинди, бенгали, урду и санскрит). В настоящее время в ДВФУ на кафедре Тихоокеанской Азии Восточного института – Школы региональных и международных исследований (ВИ-ШРМИ) ведется подготовка специалистов по Индии, Вьетнаму и Таиланду со знанием языка хинди, вьетнамского и тайского по двум направлениям: 1) Зарубежное регионоведение. (Образовательная программа: Исследование регионов и стран Азии; Бакалавриат – обучение 4 года) и 2) Перевод и переводоведение (Образовательная программа: Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений; Специалитет – обучение 5 лет).

Изучение Вьетнама и вьетнамского языка

Раньше всех из стран Индо-Тихоокеанского региона в Дальневосточном университете приступили к изучению Вьетнама и вьетнамского языка. Это объясняется тем, что в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века интенсивно развивались всесторонние отношения дальневосточного региона России с Социалистической Республикой Вьетнам. Моряки Дальневосточного морского пароходства, а также морские суда из Находки, порта Ванино доставляли в добившийся независимости свободный Вьетнам необходимые для его мирной жизни грузы. В Приморском и Хабаровском краях в разных отраслях работало много вьетнамцев. В г. Находка было открыто генеральное консульство СРВ, которое позже переехало во Владивосток. Многие Научные институты Дальневосточного отделения Академии наук проводили с вьетнамскими учеными совместные научные исследования. Между тем нигде в регионе не было ни одного эксперта по Вьетнаму, не говоря уже о специалистах, владеющих вьетнамским языком. Тогдашнее руководство ДВГУ в лице декана Восточного факультета А.А. Хаматовой откликнулись на острую необходимость в специалистах, владеющих вьетнамским языком, и с конца 70-х годов университет стал направлять в Ханойский государственный университет по межправительственному соглашению молодых преподавателей-китаистов с целью овладения ими основами вьетнамского языка. Позже и вьетнамские преподаватели стали приезжать в ДВГУ для преподавания вьетнамского языка. Приступив в начале 80-х годов прошлого столетия к преподаванию вьетнамского языка студентам-китаистам как второго восточного языка, ДВГУ в 1987 году начал подготовку уже дипломированных специалистов по Вьетнаму, для которых вьетнамский язык стал основным восточным языком. Этому способствовало также то, что Дальневосточный университет стал регулярно приглашать на работу выпускников и преподавателей Ленинградского (ныне Санкт-Петербургский), а также Московского университетов. Так, важную лепту в становление дальневосточного центра вьетнамоведения и подготовку дальневосточных вьетнамистов внесли выпускники-ленинградцы С.Г. Ментов и Чан Тхи Ким Ань, а также профессора того же университета В.С. Панфилов и В.Н. Колотов, приезжавшие читать лекции в ДВГУ. Из Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова с той же целью приезжали доценты О.В. Новакова, И.А. Мальханова и В.В. Ремарчук. Большую

помощь в преподавании вьетнамского языка оказали преподаватели Ханойского университета Данг Ван Дам и Нгуен Зуи Нгок, а также преподаватели из других вьетнамских вузов: Зоан Тхи Тует Май, Нгуен Тиен Зунг, Ле Чан Тхюи Зунг, Ле Тхи Тху и Нгуен Дык Тхуан, которые регулярно приезжали во Владивосток для преподавания вьетнамского языка и теоретических курсов.

Более десяти лет на кафедре проработал старшим преподавателем Во Куок Доан. Как носитель языка, он преподавал разговорный аспект вьетнамского языка. Одновременно он учился в аспирантуре ДВГУ и защитил кандидатскую диссертацию по синтаксису русского языка. Сейчас его путь повторяет Нгуен Ань Нам – старший преподаватель кафедры. Он, как носитель языка, ведет разговорный аспект вьетнамского языка. Он только что закончил обучение в аспирантуре ДВФУ и готовится к защите кандидатской диссертации по русской литературе.

В результате поддержки и помощи со стороны главных российских центров вьетнамоведения и вьетнамских вузов во Владивостоке сформировался третий после Москвы и Санкт-Петербурга отечественный центр вьетнамоведения. Первоначально он создавался как прикладной, чисто практический центр, готовящий специалистов, владеющих вьетнамским языком, но затем он превратился в научно-образовательный вьетнамоведческий центр, в котором вьетнамистика представлена как самостоятельное образовательное и научно-исследовательское направление. Восточный институт – Школа региональных и международных исследований ДВФУ ежегодно набирает студентов, изучающих вьетнамский язык по программе специалитета "Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений" направления "Перевод и переводоведение". Ежегодно при поддержке Министерства образования и подготовки кадров СРВ и Министерства образования и науки РФ студенты –вьетнамисты из ДВФУ в течение 10 месяцев совершенствуют свои языковые навыки во Вьетнаме на факультете вьетнамского языка для иностранных студентов Института общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета.

Преподаватели-вьетнамисты ДВФУ помимо практического преподавания вьетнамского языка ведут также научно-исследовательскую работу. За более чем 40-летний период существования дальневосточного вьетнамоведения ими опубликовано более 100 научных работ по вьетнамской тематике (монографии, словари, учебные пособия, научные статьи), защищено три кандидатские диссертации (А.Я. Соколовский, Е.Е. Власов, Во Куок Доан), проведено несколько значимых научно-практических конференций и круглых столов (в том числе международных), окончили аспирантуру 6 преподавателей. Тематика вьетнамоведческих исследований, проводимых вьетнамооведами ДВФУ, связана с историей, политикой, экономикой, культурой и религиями Вьетнама. (см. список литературы).

Кандидат политических наук Власов Е.Е. исследует политические процессы, начавшиеся в СРВ в период обновления "Дой Мой". Он также анализирует политическую модернизацию современного Вьетнама и его опыт председательства в АСЕАН [1; 2].

Старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Глазкова Е.А. занимается изучением политики Вьетнама в сфере образования и религии [6; 7].

Долгое время работавшая на кафедре преподавателем вьетнамского языка Загородняя Н.Г. опубликовала несколько статей по вьетнамской обрядовой поэзии [9; 10].

Хорошо известный вьетнамист Мишукова Д.Д. – большой знаток Вьетнама: его истории, языка и культуры, – долгое время проработавшая на кафедре старшим преподавателем и заместителем декана факультета стран Южной и Юго-Восточной Азии, посвятила ряд своих работ вьетнамской филологии, словообразованию, вьетнамскому культурному коду и этнопсихологии. Но больше всего она известна как автор многочисленных книг по культуре Вьетнама [12; 13; 14; 15].

Ее коллега Роговцева А.В., проработавшая много лет на кафедре преподавателем вьетнамского языка, издала в соавторстве учебное пособие по вьетнамскому [16].

Старший преподаватель Рыбаченко (Марченко) Е.А. исследует потенциальные возможности внутреннего и внешнего туризма во Вьетнаме [11].

Предметом научных исследований профессора кафедры Соколовского А.Я. (канд. филол. н., доцент) являются вопросы регионального сотрудничества Приморского края с Вьетнамом, а также стратегическое партнерство обеих стран, роль общественных организаций в развитии двусторонних российско-вьетнамских связей. Он хорошо известен также как народный дипломат, долгое время возглавлявший Приморское общество дружбы с Вьетнамом. Награжден вьетнамским орденом "Дружба". Имеет серию публикаций о посещении Владивостока Хо Ши Мином в 20-е и 30-е годы XX в. и вкладе вьетнамского лидера в стратегическое партнерство, дружбу и сотрудничество обеих стран. Ряд его исследований посвящен вопросам языковой политики, миграции и проблеме сохранения традиционной вьетнамской культуры [21; 22; 23; 24].

Научные интересы и публикации Сучковой Е.В., работавшей сначала на кафедре старшим преподавателем, а затем продолжительное время являвшейся переводчиком в совместном российско-вьетнамском предприятии "Вьетсовпетро", а ныне – сотрудник Генерального консульства Вьетнама во Владивостоке, связаны с развитием современной промышленности Вьетнама, сотрудничеством обеих стран в оборонной сфере. У нее имеются публикации также по вьетнамской культуре и вьетнамской поэзии [25; 26].

Преподаватели кафедры постоянно привлекают к научной работе своих студентов-вьетнамистов, которые участвуют в научных конференциях ДВФУ и других научных центров, включая Центр изучения Вьетнама и стран АСЕАН ИДВ РАН (ныне ИККА). Так, например, студентка 3-его курса Саянок А.Ю. приняла участие в работе VIII международной научной конференции по актуальным проблемам вьетнамоведения в 2018 году, проходившей в ИДВ РАН в Москве, и выступила с докладом "Всеобъемлющее стратегическое партнерство РФ и СРВ на примере Приморского края" [20].

Студент Войтов С.А. стал участником там же проходившей 21-22 октября 2020 г. международной онлайн-конференции на тему "75 лет ДРВ: историческая ретроспектива". Он выступил с докладом, посвященным участию Вьетнама в программе развития субрегиона Большого Меконга [3].

Вьетнамский культурно-образовательный центр

Благодаря тесному сотрудничеству с генеральным консульством СРВ во Владивостоке, Приморским краевым обществом дружбы с Вьетнамом и с Региональной общественной организацией вьетнамских граждан, проживающих в Приморском крае, в университете в 2000 году был открыт Вьетнамский культурно-образовательный центр. Его директором приказом ректора был назначен на общественных началах профессор Восточного института А.Я. Соколовский. С тех пор центр ведет большую работу по распространению знаний о самобытной вьетнамской культуре и ее достижениях, а также содействует культурному обмену между Приморьем и Вьетнамом. Совместно с преподавателями и студентами кафедры Тихоокеанской Азии центр проводит лекции по истории вьетнамской культуры, вечера дружбы, отмечает вьетнамские национальные и народные праздники (Новый год по лунному календарю – "праздник Тет", праздник Тет Чунг Тху "Середина осени"), проводит межвузовские олимпиады по вьетнамскому языку, а также выставки и семинары.

В Центре действует студенческий самодеятельный театр "Золотой лотос", в состав которого входят студенты-вьетнамисты и вьетнамские студенты, обучающиеся в ДВФУ. Они создали по собственной инициативе творческое сообщество "Вьетнам рядом". В их совместном репертуаре вьетнамские народные и современные песни и танцы, презентации, дефиле национального платья аозай, презентации классических вьетнамских произведений Нгуен Зу, Нгуен Динь Тиеу, Ле Куи Дон и других, а также декламация стихов Хо Ши Мина из его "Тюремного дневника", стихотворений А.С. Пушкина и других русских и советских поэтов в переводе вьетнамских авторов.

На творческом фестивале "Звездный десант", проходившем в ДВФУ, самодеятельный театр был удостоен специального приза за хореографическую миниатюру "Вьетнамский фестиваль".

Вьетнамский культурно-образовательный центр ведет также научно-исследовательскую работу. Совместно с кафедрой Тихоокеанской Азии организует и проводит научные конференции и круглые столы разных уровней, включая международные. С большим успехом прошли, например, такие конференции, как:

1. Международная конференция "Вьетнам в современном мире". (Владивосток, 18-19 апреля 2005 г.) Материалы конференции опубликованы отдельной книгой [4].

2. Российско-вьетнамские отношения. История и современность. Научно-практическая конференция, посвященная 60-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом и к 30-летию вьетнамоведения в ДВГУ (Владивосток, 2010) [15].

3. Вьетнам: проблема цивилизационного выбора (1945–2015 гг.): международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию провозглашения независимости Вьетнама (Владивосток, 2015) [5].

В настоящее время ведется подготовка к круглому столу с международным участием, посвященному 100-летию первого приезда Хо Ши Мина во Владивосток (октябрь 1924 г.).

Центр готовит к публикации материалы проводимых им конференций, а также монографии и научные сборники. В 2000 году, например, в издательстве университета были изданы "Очерки по вьетнамской культуре" профессора А.Я. Соколовского [23]. В 2011 году в том же издательстве вышла книга "О Вьетнаме с любовью" [17]. Первая ее часть содержит воспоминания ветеранов-офицеров Тихоокеанского флота, выполнявших интернациональный воинский долг в ходе войны во Вьетнаме. Вторая часть книги содержит эссе студентов-победителей межвузовской олимпиады по вьетнамскому языку, которую ДВФУ проводит ежегодно при поддержке генерального консульства СРВ во Владивостоке и Приморского краевого общества дружбы с Вьетнамом.

В канун 200-летия со дня рождения Нгуен Динь Тиеу – великого вьетнамского поэта и культурного деятеля – Вьетнамский культурно-образовательный центр ДВФУ перевел и подготовил к печати монографию современного вьетнамского профессора Нгуен Ти Бена "Нгуен Динь Тиеу (1822–1888). Выдающийся поэт и блестящий деятель вьетнамской культуры". Монография была издана издательством ДВФУ в 2021 году [16].

Годом ранее также при активном участии Вьетнамского культурно-образовательного центра, была опубликована монография другого вьетнамского исследователя, кандидата искусствоведения Та Куанг Донга, посвященная современной музыкальной культуре Вьетнама "Фортепианная соната и концерт в творчестве вьетнамских композиторов: к проблеме соотношения национальных черт и европейской традиции" [8].

Издательство ДВФУ за публикацию этих монографий иностранных авторов было награждено Дипломами Дальневосточной выставки-ярмарки "Печатный двор". Директор Вьетнамского культурно-образовательного центра был отмечен Дипломом за укрепление российско-вьетнамских отношений в области научного книгоиздания.

Сотрудничество с Ханойским государственным университетом

ДВФУ имеет долгую историю взаимоотношений с вьетнамскими вузами. Он тесно сотрудничает со многими вьетнамскими университетами и научно-исследовательскими институтами. Среди них Ханойский государственный университет, Хайфонский педагогический университет, Данангский университет и Хошиминский педагогический университет, а также Государственный институт культуры и искусств г. Ханой. Это сотрудничество обеспечивает студентам и преподавателям ВИ-ШРМИ хорошую языковую и научную практику и языковую стажировку. В апреле 2024 года ДВФУ и Политехнический университет г. Хошимина в ходе вто-

рого форума ректоров российских и вьетнамских университетов, проходившем в Москве, подписали соглашение о научно-образовательном сотрудничестве. В рамках этого соглашения оба университета планируют реализовывать программы академической мобильности и способствовать развитию студенческих обменов и научных исследований.

Однако Ханойский государственный университет, где студенты-вьетнамисты из Владивостока начиная с 1979 года регулярно проходят десятимесячную языковую стажировку, признан стратегическим партнером ДВФУ. Бывший его ректор, а ныне министр образования и подготовки кадров СРВ Нгуен Ким Шон является почетным доктором ДВФУ. Также на базе ХГУ в 2018 г. было открыто представительство Дальневосточного федерального университета – первая в России точка непосредственного присутствия российского вуза во Вьетнаме.

Во время недавнего визита президента России В.В. Путина во Вьетнам, проходившего с 19 по 20 июня 2024 г., в Ханое состоялось подписание ректорами Дальневосточного федерального университета и Ханойского государственного университета нового соглашения о сотрудничестве между вузами. В церемонии подписания приняли участие главы России и Вьетнама Владимир Путин и То Лам.

В соответствии с соглашением представительство ДВФУ переедет в новый кампус ХГУ, что позволит расширить взаимодействие вузов. Оба университета планируют работать над ростом академической мобильности, с целью увеличения числа студентов, которым будет доступно обучение в обеих странах. Один из ключевых пунктов документа предусматривает развитие совместных исследовательских программ как уже в традиционных областях русистики и вьетнамоведения, так и в технических дисциплинах, таких как энергетика, гидротранспорт, технологии с применением искусственного интеллекта. Сейчас наступило новое время в сотрудничестве ДВФУ и ХГУ, заключающееся в расширении рамок взаимодействия ВУЗов, суть которого состоит в том, чтобы не ограничиваться только языковым образованием, но чтобы студенты ДВФУ и ХГУ на международном уровне изучали разные дисциплины, в том числе технические. Чтобы они обладали не только глубокими языковыми знаниями, но хорошо знали и понимали социальные особенности и специфику законодательства, принципы построения экономики стран АТР. Для этого ДВФУ подключает студентов к реализации совместных проектов в регионе. Так, между ДВФУ и компаниями Вьетнама заключены партнерские соглашения, а с 2023 года ученые ДВФУ, Сбера и ХГУ проводят совместные исследования искусственного интеллекта.

Список проектов ДВФУ, реализуемых с вьетнамскими учеными, постоянно растет. Сейчас команда ученых ДВФУ, например, ведет работу над адаптацией решения по мониторингу тропических циклонов под потребности вьетнамских предприятий.

Имеется еще один интересный проект. В нынешнем году Передовая инженерная школа (ПИШ) ДВФУ и Институт математики и компьютерных технологий ДВФУ обсуждают с ХГУ разработку контейнеров для хранения вьетнамской сельскохозяйственной продукции и программного обеспечения на основе искусственного интеллекта, направленного на мониторинг качества воздуха.

Безусловно, что для эффективной реализации этих и других проектов обойтись без специалистов, хорошо владеющих вьетнамским языком, никак нельзя. Поэтому руководство ВИ-ШРМИ и кафедра Тихоокеанской Азии уделяют большое внимание подготовке переводчиков-вьетнамистов, хорошо владеющих также вторым восточным языком по выбору (тайским, либо хинди) и обязательно английским.

Выводы

За 45 лет изучения Вьетнама и вьетнамского языка в ДВФУ во Владивостоке сформировался третий после Москвы и Санкт-Петербурга центр вьетнамоведения, призванный готовить квалифицированные кадры по Вьетнаму и вьетнамскому языку. За этот период ДВГУ/ДВФУ подготовил около 500 таких специалистов. Большинство из них связали свою жизнь с Вьетнамом и российско-вьетнамскими отношениями. Сегодня они успешно работают в разных сферах, включая науку,

политику, экономику, дипломатию, торговлю, культуру и образование. Приведу лишь некоторых из них.

Власов Евгений Евгеньевич – директор Восточного института – Школы региональных и международных исследований, проректор по международным отношениям ДВФУ.

Паршуткин Евгений Андреевич – дипломат, секретарь отдела Вьетнама Третьего департамента Азии МИД РФ, г. Москва.

Цыганков Кирилл Владимирович – начальник Экономического отдела Торгового представительства РФ во Вьетнаме.

Шафинская Наталья Валерьевна – долгое время являлась первым секретарем Посольства РФ во Вьетнаме, а также была директором Российского центра науки и культуры в Ханое. В настоящее время работает в Москве в Российской Академии народного хозяйства и госслужащих (РАНХиГС) при президенте РФ. Является начальником управления международного развития.

Мишукова Дарья Дмитриевна – известный в России эксперт по вьетнамской культуре, автор серии книг и многочисленных публикаций по Вьетнаму. Хорошо также известна во Вьетнаме. Награждена почетной медалью Министерства культуры, спорта и туризма СРВ за заслуги в развитии отрасли. Имеет также Почетные грамоты Управления культуры, спорта и туризма провинции Биньтхуан и города Хошимина. Является обладателем Национальной вьетнамской премии за достижения в области журналистики (2017 г.).

Сучкова Елена Валерьевна – работала много лет преподавателем вьетнамского языка в ДВФУ. Окончила аспирантуру в Институте истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Затем несколько лет работала переводчиком в российско-вьетнамском СП "Вьетсовпетро". В настоящее время работает переводчиком в Генеральном консульстве Вьетнама во Владивостоке.

Лузгина Екатерина Станиславовна – редактор газеты VietnamPlus (Вьетнам+) во вьетнамском информационном агентстве (ВИА).

Большая группа вьетнамистов, окончивших ДВГУ/ДВФУ, работают в настоящее время на разных ответственных должностях в Совместном российско-вьетнамском предприятии "Вьетсовпетро" на юге Вьетнама в г. Вунгтау. Это Приписная Ольга, Даньковская Ольга, Полещук Евгений, Иов Руслан.

Многие выпускники-вьетнамисты нашли себя в бизнесе:

Саянок Анастасия Юрьевна – генеральный директор ООО "РУСХОПРО" г. Москва.

Редькина Людмила Александровна – генеральный директор компании "Вьетфуд" г. Владивосток.

Зотова (Косенчук) Марина Викторовна – генеральный директор ООО "Кофе-брейк" г. Владивосток.

Несмотря на значительные успехи ДВФУ в подготовке специалистов по Вьетнаму и вьетнамскому языку, это не означает отсутствия узких мест в данном вопросе. Во-первых, среди преподавателей-вьетнамистов наблюдается низкий процент острепенности. На сегодняшний день из шести преподавателей-вьетнамистов только двое имеют ученую степень кандидата наук (Власов Е.Е., Соколовский А.Я.). И это при том, что обучались в аспирантуре и ее закончили еще трое. Во-вторых, за 10 последних лет произошел отток весьма квалифицированных преподавателей вьетнамского языка. По разным причинам кафедру покинули опытные преподаватели-практики, прекрасно владеющие вьетнамским языком. Это Карсанов В.С., Роговцева А.В. и Скорик А.Ю. Первые два были приглашены в Москву на престижную работу и в настоящее время работают там по специальности. А Скорик А.Ю. была приглашена для работы в Генконсульство Вьетнама во Владивостоке. Проработав там несколько лет, она вернулась на кафедру, но затем уволилась из ДВФУ по личным причинам. Отток с кафедры квалифицированных преподавателей-вьетнамистов не может не сказаться на качестве подготовки современных специалистов по Вьетнаму, хорошо владеющих вьетнамским языком. Результатом этого негативного явления является тот факт, что переводчиками с вьетнамского на ежегодно проходящем на площадке ДВФУ Восточном экономическом форуме,

работают не наши выпускники, а переводчики, приглашаемые Росконгрессом из Москвы и Санкт-Петербурга. Является очевидным, что необходимы преференции для специалистов, преподающих редкие языки, к которым относится вьетнамский.

В-третьих, программа Перевод и переводоведение предполагает подготовку переводчиков-синхронистов. К сожалению, мы не располагаем пока необходимыми условиями для подготовки таких специалистов. Нет у нас для этого необходимой материально-технической базы и соответствующих преподавателей. Но пришло время, которое требует наличия таких специалистов, и этот вопрос надо решать, так как ДВФУ ежегодно осуществляет набор студентов на специалитет на вьетнамское направление по программе "Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений". В-четвертых, ДВФУ переходит на научную практико-ориентированную форму подготовки специалистов. Такой подход требует расширения рамок восточного образования. Его суть состоит в том, чтобы не ограничиваться только языковым образованием, но чтобы выпускники также владели ИТ технологиями, хорошо знали и понимали Индо-Тихоокеанский регион, его социальные особенности и специфику законодательства государств, входящих в него, принципы построения их экономик и проводимую ими политику. Многие перечисленные выше узкие места и проблемы можно решить совместно с нашими партнерами из Ханойского национального университета, где открыто представительство ДВФУ. Можно наладить регулярный двусторонний обмен преподавателями вьетнамского и русского языков, которые существенно поднимут прежде всего уровень языковой подготовки, включая подготовку тех же синхронистов.

При этом следует исходить из зарекомендовавшего себя долговременного стратегического партнерства РФ и СРВ, которое было подтверждено в ходе недавнего государственного визита президента В.В. Путина в Ханой в июне 2024 г. и, в частности, в документах, подписанных во время этого важного визита.

Литература

1. Власов Е.Е. Политическая модернизация во Вьетнаме: опыт, проблемы, противоречия (к 30-летию начала политики обновления "Дой Мой") / Е.Е. Власов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (51). С. 236–241.
2. Власов Е.Е. Вьетнамский опыт председательства в АСЕАН в период пандемии / Е.Е. Власов, А.Н. Нгуен // Известия Восточного института. 2020. № 4 (48). С. 53–60.
3. Войтов С.А. Участие Вьетнама в программе развития субрегиона Большого Меконга // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 85–99.
4. Вьетнам в современном мире // Материалы международной конференции / отв. ред. А.Я. Соколовский. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. 308 с.
5. Вьетнам: проблема цивилизационного выбора (1945–2015 гг.) // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию провозглашения независимости Вьетнама, 65-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом, 40-летию освобождения Южного Вьетнама, 125-летию со дня рождения Хо Ши Мина. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2015. 272 с.
6. Глазкова, Е.А. Каодаизм в современном мире / Е.А. Глазкова // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2010. № 1. С. 18–26.
7. Глазкова, Е. А. Европа. Первые шаги в Азию / Е.А. Глазкова // Российско-вьетнамские отношения: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С. 97–106.
8. Донг Та Куанг. Фортепианная соната и концерт в творчестве вьетнамских композиторов: к проблеме соотношения национальных черт и европейской традиции: монография / науч. ред. А.Я. Соколовский. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. 220 с.
9. Завгородняя Н.Г. К вопросу об истории возникновения и формирования жанра вьетнамской обрядовой поэзии // Известия Восточного института ДВГУ. 2001. № 5. С. 162–169.
10. Завгородняя Н.Г. Прошлое и настоящее народной вьетнамской песни жанра "куан хо" (dap sa quan ho) // Четвертая научная конференция преподавателей и студентов Восточного института "100 лет Восточному институту (1899–1999)". Владивосток.: Изд-во Дальневост. ун-та. 1999. С. 63–64.
11. Марченко Е. Познакомьтесь с Вьетнамом заранее // Тропическая Азия. 2007. № 1. С. 8–9.
12. Мишукова Д.Д. Путешествие в страну драконов и фей. Ханой, 2006. 222 с.
13. Мишукова Д.Д. Вьетнам. Энциклопедия праздника Тет. М.: Литрес, 2022. 120 с.

14. Мишукова Д.Д. Вьетнам. Культурный код. М.: Литрес, 2023. 280 p.
15. Мишукова Д.Д. Вьетнам. Бизнес с драконом. М.: Литрес, 2022. 190 с.
16. Нгуен Ти Бен. Нгуен Динь Тиеу (1822–1888). Выдающийся поэт и блестящий деятель вьетнамской культуры: монография / Науч. ред. А.Я. Соколовский; пер. с вьетн. Н.А. Соколовской. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2021. 84 с
17. О Вьетнаме с любовью...: К 40-летию Приморского краевого Общества дружбы с Вьетнамом: сб. статей / науч. ред. А.Я. Соколовский. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2011. 208 с.
18. Роговцева А.В., Соколовский А.Я. Вьетнамский язык каждый день: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2010. 232 с.
19. Российско-вьетнамские отношения. История и современность // Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию установления дипломатических отношений между Россией и Вьетнамом и 30-летия вьетнамоведения в ДВГУ (науч. ред. А.Я. Соколовский). Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2010. 192 с.
20. Саянок А.Ю. Всеобъемлющее стратегическое партнерство РФ и СРВ на примере Приморского края // Актуальные проблемы вьетнамоведения. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 175–190.
21. Соколовский А.Я. Учебный вьетнамско-русский словарь. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1986. 300 с.
22. Соколовский А.Я. Подготовка специалистов по Южной и Юго-Восточной Азии в Восточном институте ДВГУ // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2007. №14. С. 7–36.
23. Соколовский А.Я. Очерки по Вьетнамской культуре. Научно- популярное издание. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. 153 с.
24. Соколовский А.Я. Введение в сегментную фонологию изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1992. 180 с.
25. Сучкова Е.В., Соколовский А.Я. Путешествие в мир вьетнамской поэзии. Учебно-методическое пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2006. 155 с.
26. Сучкова Е.В. Противоречия или синтез западной и восточной культур во Вьетнаме? // Россия-Восток-Запад. Проблемы межкультурной коммуникации. Третья международная конференция (5-7 апреля 2007, Владивосток). ДВГУ. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2007. С. 103.

References

1. Vlasov E.E. Political modernization in Vietnam: experience, problems, contradictions (on the 30th anniversary of the start of the Doi Moi renewal policy) / E.E. Vlasov // Social and human sciences in the Far East. 2016. No. 3 (51). P. 236–241. (In Russ.).
2. Vlasov E.E. Vietnamese experience of chairmanship in ASEAN during a pandemic / E.E. Vlasov, A.N. Nguyen // Oriental Institute Journal. 2020. No. 4 (48). P. 53–60. (In Russ.).
3. Voitov S.A. Participation of Vietnam in the development program of the Greater Mekong subregion / / Independent Vietnam: national interests and values. M.: IFES RAS, 2021. P. 85–99. (In Russ.).
4. Vietnam in the modern world // Materials of the international conference / editor-in-chief A.Ya. Sokolovsky. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2005. 308 p. (In Russ.).
5. Vietnam: the problem of civilizational choice (1945–2015) // Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the declaration of independence of Vietnam, the 65th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Vietnam, the 40th anniversary of the liberation of South Vietnam, the 125th anniversary since the birth of Ho Chi Minh. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2015. 272 p. (In Russ.).
6. Glazkova, E.A. Caodaism in the modern world / E.A. Glazkova // Ojkumena. Regional researches. 2010. No. 1. P. 18–26. (In Russ.).
7. Glazkova, E. A. Europe. First steps to Asia / E.A. Glazkova // Russian-Vietnamese relations: history and modernity. Materials of the scientific and practical conference. Vladivostok: Publishing house Dalnevost. Univ. 2010. P. 97–106. (In Russ.).
8. Dong Ta Quang. Piano sonata and concerto in the works of Vietnamese composers: on the problem of the relationship between national traits and European tradition: monograph / scientific editor A. Ya. Sokolovsky. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2020. 220 p. (In Russ.).
9. Zavgorodnyaya N.G. On the question of the history of the emergence and formation of the genre of Vietnamese ritual poetry // News of the Eastern Institute of the Far Eastern State University. 2001. No. 5. P. 162–169. (In Russ.).
10. Zavgorodnyaya N.G. The past and present of the Vietnamese folk song of the "quan ho" genre (dan ca quan ho) // Fourth scientific conference of teachers and students of the Oriental Institute "100 years of the Oriental Institute (1899–1999)". Vladivostok: Far Eastern University Publishing House. 1999. P. 63–64. (In Russ.).
11. Marchenko Elena. Get to know Vietnam in advance // Tropical Asia. 2007. No. 1. P. 8–9. (In Russ.).

12. Mishukova D.D. Journey to the land of dragons and fairies. Hanoi, 2006. 222 p.
13. Mishukova D.D. Vietnam. Encyclopedia of the Tet holiday. Moscow: Litres, 2022. 120 p. (In Russ.).
14. Mishukova D.D. Vietnam. Cultural code. M.: Litres, 2023. 280 p. (In Russ.).
15. Mishukova D.D. Vietnam. Business with the Dragon. M.: Litres, 2022. 190 p. (In Russ.).
16. Nguyen Chi Ben. Nguyen Dinh Tieu (1822–1888). An outstanding poet and brilliant figure of Vietnamese culture: monograph / scientific editor A.Ya. Sokolovsky; translation from Vietnam N.A. Sokolovskaya. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2021. 84 p. (In Russ.).
17. About Vietnam with love...: To the 40th anniversary of the Primorsky Regional Society for Friendship with Vietnam: collection of articles / scientific editor A.Ya. Sokolovsky. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2011. 208 p. (In Russ.).
18. Rogovtseva A.V., Sokolovsky A.Ya. Vietnamese language every day: study guide. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern Federal University, 2010. 232 p. (In Russ.).
19. Russian-Vietnamese relations. History and modernity. Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Vietnam and the 30th anniversary of Vietnamese studies at FENU (scientific editor A.Ya. Sokolovsky). Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2010. 192 p. (In Russ.).
20. Sayanok A.Yu. Comprehensive strategic partnership between the Russian Federation and Vietnam on the example of the Primorsky Territory // Actual problems of Vietnam studies. M.: IDV RAN, 2018. P. 175–190. (In Russ.).
21. Sokolovsky A.Ya. Educational Vietnamese-Russian dictionary. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 1986. 300 p. (In Russ.).
22. Sokolovsky A.Ya. Training of specialists in South and Southeast Asia at the Eastern Institute of Far Eastern State University // News of the Eastern Institute of the Far Eastern State University. 2007. No.14. P. 7–36. (In Russ.).
23. Sokolovsky A.Ya. Essays on Vietnamese culture. Popular science publication. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2000. 153 p. (In Russ.).
24. Sokolovsky A.Ya. An introduction to the segmental phonology of the isolating languages of the Far East and Southeast Asia. Monograph. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 1992. 180 p. (In Russ.).
25. Suchkova E.V., Sokolovsky A.Ya. Journey into the world of Vietnamese poetry. Training manual. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House. 2006. 155 p. (In Russ.).
26. Suchkova E.V. Contradictions or synthesis of Western and Eastern cultures in Vietnam? // Russia-East-West. Problems of intercultural communication. Third international conference (5–7 April 2007, Vladivostok). FENU. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2007. P.103. (In Russ.).

Александр Якубович СОКОЛОВСКИЙ, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sokolovskiy.aya@dvfu.ru
Alexander Ya. SOKOLOVSKY, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sokolovskiy.aya@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 08.07.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 19.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Этапы вьетнамской миграции в США во второй половине XX века

Елена Александровна ГЛАЗКОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, glazkova.ea@dvfu.ru

Аннотация. В данной работе на основе анализа новых источников и литературы проведён анализ вьетнамской миграции в США во второй половине XX в. Вьетнамская миграция в значительной степени является результатом причастности США к военному конфликту во Вьетнаме. После объединения страны вьетнамские беженцы покинули Вьетнам из-за политических и религиозных убеждений, отличных от нового политического курса страны и были переселены в США в рамках международных программ по переселению.

Ключевые слова: Вьетнам, США, переселение, миграция, миграционное законодательство, переселенческая политика

Для цитирования: Глазкова Е. А. Этапы вьетнамской миграции в США во второй половине XX века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 23–33. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/23-33>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/23-33>

Stages of Vietnamese Migration to the United States in the Second Half of the XX Century

Elena A. GLAZKOVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, glazkova.ea@dvfu.ru

Abstract. An analysis of the Vietnamese migration to the United States in the second half of the 20th century was carried out in this paper. Vietnamese migration is largely a result of US involvement in the Vietnam War. After reunification of the country, Vietnamese refugees fled the country due to political and religious persecution and were resettled in the United States through international resettlement programs.

Keywords: Vietnam, USA, resettlement, migration, resettlement peasants, migration legislation, resettlement policy

For citation: Glazkova E. A. Stages of Vietnamese Migration to the United States in the Second Half of the XX Century // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 23–33. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/23-33>

Введение

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью процесса вьетнамской миграции в отечественной и зарубежной литературе, возрастающей ролью международной миграции в современном мире и усиливающейся проблемой адаптации мигрантов, а также зависимостью принимающего общества от социо-культурных особенностей иммигрантов и наоборот. Целью данного исследования является определить основные характеристики и особенности вьетнамской миграции в США и выявить их зависимость от политики американских властей. Данная исследовательская работа написана на основе междисциплинарного подхода, который позволяет комплексно изучить гуманитарный, военно-политический и иные аспекты вьетнамской миграции во взаимодействии и взаимовлиянии.

Первый этап вьетнамской миграции в США

До 1975 г. вьетнамская иммиграция практически отсутствовала и лишь с окончанием затяжного военного конфликта начинается история вьетнамских мигрантов в США.

Вьетнамскую миграцию в США можно условно разделить на четыре этапа:

1. 1975 г. – этап эвакуации вьетнамских беженцев при помощи ВВС и ВМФ США;
2. 1976–1980 гг. – этап перехода от стихийного наплыва беженцев к подписанию первых соглашений по программе Упорядоченного выезда беженцев и DISERO;

3. 1980-е – 1990 гг. – этап реализации программ по воссоединению семей беженцев;

4. 1990-е – 2000-е гг. – этап реализации американских правительственных программ легального перемещения политических заключенных в рамках возобновления программы Упорядоченного выезда беженцев.

Критериями для выделения этапов послужили причины миграции и способы, которыми воспользовались вьетнамцы, чтобы покинуть страну, а также американские программы перемещения вьетнамских беженцев.

Первый этап эмиграции – послевоенный – начался в 1975 г. после окончания военных действий, объединения страны, образования Социалистической Республики Вьетнам (1976 г.) и установления коммунизма. Именно эти события спровоцировали первую волну более 125 тыс. беженцев, которые искали способ покинуть страну не только по причинам бедствий, вызванных войной, но и в связи с установлением новой идеологии. В основном это были те, кто работал в тесном контакте с американскими военными либо при южновьетнамском правительстве.

Именно в этот период правительство США разработали и провели ряд успешных и крупнейших в истории операций по эвакуации американских граждан и южновьетнамских беженцев.

Первой официальной операцией по эвакуации стала операция "Бэбилифт" (Operation Babylift), которая проводилась с 4 по 26 апреля 1975 г. из сайгонского аэропорта Таншоннят.

Операция получила печальную известность в основном из-за произошедшей в первый день авиакатастрофы. 4 апреля из Сайгона вылетел военно-транспортный самолет C5-Galaxy. На борту находилось 328 человек, большинство дети [16]. Через несколько минут после взлета пассажиры услышали сильный хлопок, после которого открылись створки задней ramпы и началась разгерметизация судна. Командир экипажа Денис Трейнор и второй пилот Тилфорд Харп попытались восстановить контроль над самолетом и совершить поворот на 180 градусов, чтобы вернуться в аэропорт Таншоннят. Самолет не удалось довести до аэропорта. Капитан был вынужден совершить аварийную посадку в рисовом поле. При касании с землей самолет развалился на четыре части, одна из которых загорелась. Место крушения находилось, в 1,6 км от ближайшей дороги, поэтому пожарные машины не могли добраться до места, а спасательные вертолеты пришлось посадить на некотором расстоянии от обломков. Для оказания помощи пострадавшим на место крушения прибыли около 100 южновьетнамских солдат. В результате аварии из 328 человек, находившихся на борту, погибли 78 детей, 35 сотрудников из Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму и 11 военнослужащих ВВС США, выжило 173 человека. Все оставшиеся в живых сироты в конечном итоге были доставлены в Соединенные Штаты [7]. Несмотря на трагедию, операция "Бэбилифт" была продолжена в штатном режиме.

По разным данным в ходе операции "Бэбилифт" было эвакуированно около 3300 детей, 2000 были доставлены в США, 1300 детей были приняты в Канаде, Австралии и в некоторых странах Европы.

Параллельно с операцией "Бэбилифт" правительством США были реализованы операции по эвакуации беженцев "Новая жизнь" (Operation New Life), "Порывистый ветер" (Operation Frequent Wind) и "Вновь прибывшие" (New Arrivals).

После вывода американских войск в 1973 г., тысячи американцев все ещё находились в Южном Вьетнаме, в основном это были работники посольства, Управления атташе по вопросам обороны и военные, которые осуществляли охрану этих двух объектов. Когда к марту 1975 г. северо-вьетнамские войска окружили Сайгон и началась срочная эвакуация американских граждан и вьетнамцев, которые работали при американских учреждениях, в результате паники, охватившей Сайгон, у точек сбора выстроились очереди вьетнамских граждан, которые боялись, что смена власти будет угрожать их жизням и боялись жить при новом политическом режиме.

18 апреля 1975 г. президент США Дж. Форд создал Межведомственную рабочую группу (Interagency Task Force – IATF) для Индокитая, в которую вошли двенадцать правительственных учреждений, в обязанность которых входило транспортировать, принять, регистрировать и переселить индокитайских беженцев, в основном из Южного Вьетнама, в Соединенные Штаты. Несмотря на то, что главная роль в урегулировании этого процесса отводилась Государственному департаменту США и Министерству здравоохранения, образования и социального обеспечения (Department of health, education, and welfare (HEW)), за Службой иммиграции и натурализации США (Immigration and Naturalization Service (INS)) оставалось право окончательного решения об определении статуса отдельных беженцев и их нахождении в Штатах. INS были разработаны четыре категории беженцев, имеющих право на эвакуацию:

1 категория: близкие родственники людей, находящихся в Соединенных Штатах, или несопровождаемые несовершеннолетние в возрасте до 17 лет;

2 категория: бывшие государственные служащие США;

3 категория: беженцы, которые из-за прежней тесной связи с Соединенными Штатами подвергались преследованиям или опасались преследования со стороны коммунистических властей, бывшие сотрудники американских фондов, волонтерских организаций и частных фирм; супруги и дети категории лиц, перечисленных выше, но которые мертвы или не имеют возможности покинуть страну;

4 категория: остальные беженцы, которые по веским причинам должны получить временное убежище по гуманитарным соображениям [18, с.79].

Операция по переселению беженцев "Новая жизнь" началась 23 апреля. В этот день из Сайгона было эвакуировано 13 тыс. человек. Все они были доставлены во временный регистрационный центр на Гуаме. К 27 апреля их число выросло до 20 тыс. беженцев, а к 13 мая количество беженцев достигло более 50 тыс. человек.

28 апреля в результате бомбардировки северо-вьетнамской армией аэропорта Таншоннят, эвакуация самолетами стала не возможна. Поэтому для реализации операции "Порывистый ветер" ближе к Сайгону были перемещены военные американские корабли, в том числе и несколько авианосцев: Ханкок, Энтерпрайз, Коралси, Окинава и Мидуэй.

Американское посольство ранее распространило буклет для своих граждан под названием "Стандартная инструкция и рекомендации для гражданских лиц в чрезвычайной ситуации". Буклет включал в себя карту Сайгона, с нанесенными на неё точками сбора и код эвакуации, который будет транслироваться по Радио Вооруженных сил: "Температура в Сайгоне составляет 105 градусов и продолжает повышаться", за кодом следует песня "Белое Рождество" [14]. Именно этот код служил сигналом для перемещения к точкам сбора.

Операция "Порывистый ветер" была проведена 29 и 30 апреля 1975 г. Это была первая крупная операция с использованием вертолетов, перевозивших людей на американские авианосцы. За время операции "Порывистый ветер" 71 американский военный вертолет и 20 вертолетов авиакомпании Эйрамерика (Air America) совершили 682 вылета, в ходе которых удалось эвакуировать более 7 тыс. человек, из них 1373 – гражданина Америки и 5595 – южных вьетнамцев [5].

Интересным является тот факт, что американское правительство признало переселение послевоенных вьетнамских беженцев в качестве своей обязанности. Более того, Государственный департамент США объявил, что руководство страны "рассматривает ситуацию с беженцами в ЮВА как результат нашего (т.е. американского) вторжения в этот регион и поэтому считает себя морально обязанным ликвидировать свои просчеты во внешней политике, приняв тех, кто притесняется коммунистами" [1, с.207].

Поэтому, чтобы финансировать эвакуацию беженцев, 23 мая 1975 г. был принят закон по Индокитаю, о миграции и помощи беженцам. Этот закон, принятый и одобренный под президентом Дж. Фордом, был ответом на падение Сайгона и конец войны во Вьетнаме. В соответствии с этим актом примерно 130 тыс. беженцев из Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи получили разрешение на въезд в Соединенные Штаты по особому статусу [4, с.97].

Основной поток беженцев прошёл через регистрационный центр на Гуаме, остальные на острове Уэйк, Таиланде и Филиппинах [9]. Далее мигрантов отправляли в лагеря беженцев, организованных в спешке на материковой части США. Правительство США создало четыре жилищных центра для принятия беженцев из Вьетнама:

- 1) Форт-Шаффи в Арканзасе;
- 2) Лагерь Пендлтон в Калифорнии;
- 3) Форт Индиантаун-Гэп в Пенсильвании;
- 4) База ВВС Эглин во Флориде.

В этих временных центрах вьетнамским беженцам пришлось провести по несколько месяцев в военных палатках, дожидаясь, когда им назначат спонсоров. Американские военные обеспечили их едой и временным жильём, в то время как IATF и благотворительные организации проводили курсы по изучению английского языка и культуры, а также искали спонсоров, которые могли бы взять на себя дальнейшей патронаж над отдельными вьетнамскими беженцами.

Спонсорами программы "Порывистый ветер" могли быть: человек, семья, работодатель, церковь или любое другое учреждение, которые готовы были нести ответственность за благополучие беженца или семьи беженцев, пока они сами не обретут минимальную финансовую независимость. В обязанности спонсора входило обязательство кормить, одевать, защищать семью беженцев. Спонсор помогал беженцам найти работу, зачислить детей в школу и адаптироваться к новым условиям.

Основными спонсорами этой программы выступили Конференция католических епископов США, Всемирная церковная служба, Международный комитет спасения, Лютеранская служба миграции и помощи беженцам, а также некоторые буддийские общины.

Работа, которую находили спонсоры своим подопечным, не была высокооплачиваемой. Так, Ларри Томпсон в своей книге "Беженцы индокитайского побега" приводит несколько примеров: 55 человек из Форт-Шаффи были отправлены для работы в Джонсборо Арканзас на обувную фабрику, 100 человек отправились в Кингспорт штат Теннесси для работы на швейной фабрике, ещё 590 человек на завод по переработке птицы в Брокен-Боу и в Граннис штат Оклахома, 42 человека на мясокомбинат в Уисите штат Канзас [18, с. 138].

Также беженцев принимали большинство церквей, расположенных в округе Ориндж, где сейчас находится одна из самых больших вьетнамских диаспор США.

К 20 декабря 1975 г. все вьетнамские беженцы были переселены в разные штаты, и программы "Новая жизнь" и "Порывистый ветер" были официально закрыты.

В результате операций "Бэбилифт", "Новая жизнь", "Порывистый ветер" и "Вновь прибывшие" общее число эвакуированных вьетнамцев составило 140 тыс. человек [11].

Второй этап вьетнамской миграции в США

Вторая волна вьетнамских беженцев приходится на 1976–1980-е гг. Этот миграционный опыт известен в истории как явление "людей в лодках" ("boat people").

Эти иммигранты покидали Вьетнам из-за страха перед новой коммунистической администрацией. Определенная часть южных вьетнамцев не приняла коммунистическую идеологию, в особенности это касалось верующих вьетнамцев: католиков, буддистов и каодаистов, которые составляли большую часть населения Южного Вьетнама. Этот страх подпитывался так называемыми "лагерями перевоспитания", организованными в тот период коммунистическим правительством с просветительской целью: в лагерях преподавали теорию марксизма-ленинизма от нескольких месяцев до нескольких лет. По факту эти "лагеря перевоспитания" являлись ничем иным, как трудовыми лагерями, в которых царили антисанитария, голод и болезни. По оценкам вьетнамского историка Нгуен За Фу, 65 тыс. вьетнамцев были казнены после окончания войны, при этом около 1 млн. человек

были отправлены в лагеря для перевоспитания, где, по оценкам, около 165 тыс. человек погибли [21, с.98].

Еще одним фактором, побудившим бежать из страны, послужило негативное отношение коммунистического правительства к этническим китайцам (ngũ dì Hoa), проживающим в Южном Вьетнаме, несмотря на их ассимиляцию с местным населением уже на протяжении нескольких поколений. К началу 1978 г. были приняты официальные меры для экспроприации бизнеса частных предпринимателей, большинство из которых были этническими китайцами. Эти действия совпали с заметным ухудшением отношений между Вьетнамом и Китаем, который являлся союзником Камбоджи во время столкновений с красными кхмерами. Поэтому весомый процент "людей в лодках" составили именно этнические китайцы.

Вследствие вышеперечисленных причин множество беженцев покидали коммунистический Вьетнам на небольших, часто неисправных, непригодных к дальним путешествиям лодках и судах в соседние страны, такие как Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Филиппины, Гонконг, чтобы там, в лагерях для беженцев, дождаться возможности иммигрировать в Соединенные Штаты, Австралию, Францию или Канаду. Однако из-за непригодности лодок от 200 до 400 тыс. вьетнамских беженцев погибли в море [22, с.277].

Хотя эта волна беженцев началась в 1976 г. и продолжалась до 1980-г., пик беженцев пришелся на сентябрь 1978 г. – июль 1979 г. Эта волна включала все социальные слои общества от рыбаков, которые владели небольшими лодками, до предпринимателей, которые покупали места в лодках за большие деньги. К концу 1978 г. численность людей, покидающих страну на лодках, увеличилась в четыре раза. Согласно официальной статистике, к концу 1978 г. в лагерях по всей Юго-Восточной Азии было около 62 тыс. вьетнамских "людей в лодках" [10], а в 1979 г. только за июнь в соседние страны Юго-Восточной Азии и Гонконг прибыли более 54 тыс. вьетнамских беженцев на лодках [12]. По мере того как росло число беженцев, росла и враждебность местного населения. Напряжение усиливал тот факт, что некоторые из лодок, прибывающих к берегам стран Юго-Восточной Азии, были не маленькими деревянными рыболовецкими судами, а грузовыми судами, зафрахтованными для перевозки более 2 тыс. человек одновременно. В ноябре 1978 г., например, грузовой корабль Хай Хонг прибыл в Порт-Кланге в Малайзии и попросил разрешения высадить 2500 вьетнамских беженцев. Многие страны региона были озабочены ситуацией и не давали беженцам разрешения на постоянное пребывание на территории своего государства, а некоторые страны не предоставляли даже временное убежище. Сингапур отказался принимать беженцев, у которых не было гарантий переселения по истечении срока временного пребывания в 90 дней. Малайзия и Таиланд часто прибегали к тому, что отправляли лодки обратно в море [17], что послужило одной из причин массовой гибели вьетнамских беженцев "в лодках".

С появлением новых вьетнамцев в лагерях беженцев страны Юго-Восточной Азии объединились, заявив в конце июня 1979 г., что они "достигли предела своей выносливости и решили, что они не примут новых прибывших" [18, с.122].

В ответ на это Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) в июле 1979 г. провел международную конференцию в Женеве, на которой говорилось, что "в Юго-Восточной Азии существует серьезный кризис для сотен тысяч беженцев" [6, с.104]. УВКБ и Социалистическая Республика Вьетнам подписали Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым была разработана программа легальной эмиграции из Вьетнама, известная как Программа упорядоченного выезда (Orderly Departure Program (ODP)). ODP был предназначен для того, чтобы дать возможность людям, желающим покинуть Вьетнам, сделать это безопасным и упорядоченным образом вместо того, чтобы присоединиться к рядам вьетнамских "людей в лодках". Более полумиллиона человек эмигрировали из Вьетнама благодаря этой программе. Существование ODP позволило международному сообществу достичь консенсуса в отношении того, как решать проблемы, связанные с вьетнамскими беженцами и просителями убежища.

Результатом конференции стали договоренности со странами Юго-Восточной Азии о согласии предоставить временное убежище беженцам, Вьетнам согласился содействовать упорядоченному выезду и предотвращать отправку "людей в лодках", а западные страны договорились ускорить процесс переселения.

Лица, имеющие право на выезд из Вьетнама, определялись обменом списками между правительством Вьетнама и страной переселения. Первые списки были обменены США и Вьетнамом в конце 1979 г. Список США состоял из 4 тыс. человек, в основном бывших сотрудников США и вьетнамцев с родственниками в Соединенных Штатах. Вьетнамский список включал 21 тыс. человек, большинство из которых – этнические китайцы. Между этими двумя списками было очень мало совпадений, и потребовалось почти 18 месяцев переговоров под руководством УВКБ, чтобы договориться о 1700 человек, имеющих право на ODP [13, с. 137].

Одновременно с этим УВКБ начал проводить меры по борьбе с пиратством, от которого страдали многие беженцы в лодках. Согласно статистике УВКБ 1981 г., 349 лодок подверглись нападению в среднем по три раза, 578 женщин были изнасилованы, 228 женщин были похищены и 881 человек погиб или пропал без вести [17].

В августе 1979 г. вступила в силу программа УВКБ по переселению беженцев, спасенных в море, известная как Disembarkation Resettlement Offers (DISERO). В соответствии с этой программой, восемь западных государств, включая Соединенные Штаты, совместно согласились гарантировать переселение для любого вьетнамского беженца, спасенного в море торговыми судами. В следующие пять месяцев в море было спасено 81 судно, в котором находилось 4031 человек. В мае 1980 г. В общей сложности 67 тыс. вьетнамцев были спасены в море в период между 1975 и 1990 гг. [21, с. 107].

К июню 1982 г. была официально запущена антипиратская программа, которую профинансировали 12 стран. Сумма финансирования составила 3,6 млн. долл. США. В Таиланде усилия по борьбе с пиратством первоначально были сосредоточены на морском и воздушном патрулировании, что привело к постепенному сокращению числа нападений. К середине 1990 г. сообщения о нападении пиратских судов перестали поступать, а в декабре 1991 г. программа УВКБ по борьбе с пиратством была прекращена.

До сих пор нет точных данных о погибших в море "людей в лодках". Однако число людей, пытавшееся бежать по морю, согласно отчету УВКБ ООН в период 1976 по 1994 гг. достигло 1,5 миллиона (Камбоджа, Лаос, Вьетнам). Оценки смертности в разных источниках варьируются от 50 тыс. до 200 тыс. [17].

Еще одним эффективным шагом по спасению "людей в лодках" стало создание организации Boat people SOS (BPSOS). Основанная в 1980 г., BPSOS провела ряд совместных миссий по спасению на море с международными организациями и спасла более 3 тыс. вьетнамских "людей в лодках" в Южно-Китайском море. В связи с серьезными изменениями в политике США и международного сообщества в отношении вьетнамских "людей на лодках", в 1990 г. BPSOS создала программу вьетнамской частной спонсорской помощи для переселения более 300 беженцев из Юго-Восточной Азии в Канаду. В конце 1996 г., поскольку большинство лодочников были либо репатриированы, либо переселены, BPSOS сфокусировала свое внимание на оказании помощи и расширения прав и возможностей вьетнамских иммигрантов и беженцев в Америке. С тех пор BPSOS создает новые программы и услуги для оказания помощи членам местного сообщества в иммиграционных службах, общественном здравоохранении, помогает в адаптации и других социальных и образовательных программах для мигрантов.

Таким образом, всего с 1976 по 1995 гг. различными зарубежными странами (Австралия, Бельгия, Канада, Германия, Финляндия, Франция, Великобритания, Япония и др.) было принято 754 842 вьетнамских беженца, 424 590 из них поселились в США по программе ODP [17].

Третий этап вьетнамской миграции в США

Третий период миграции вьетнамцев в Америку напрямую связан с улучшением миграционной политики в США. Принятый в 1980 г. Закон о беженцах не только точно определил статус беженцев и ввел понятие "убежище", но и привел законодательство США в соответствие с международным правом. Закон 1986 г., предложенный сенатором-республиканцем от штата Вайоминг А. Симпсоном, позволил нелегалам, которые прибыли в Штаты до 31 декабря 1981 г., при этом не совершили правонарушений, признали вину и уплатили штраф, получить статус временно проживающих в США иностранцев при условии сдачи экзаменов по английскому языку и истории США [2].

В 1988 г. Конгрессом США был принят Закон о возвращении домой детей американско-азиатского происхождения (Vietnamese Amerasian Homecoming Act). Согласно этому закону, приблизительно 77 тыс. детей американско-азиатского происхождения прибыли в Америку со своими ближайшими родственниками.

Дети американско-азиатского происхождения, родившиеся между 1962 и 1975 гг., были в основном взрослыми, когда они прибыли в Америку в период с 1982–1990-е гг. Оставив все трудности во Вьетнаме, они с нетерпением ожидали новой главы в своей жизни, ожидая, наконец, найти дом и обрести идентичность, к которой всегда стремились.

Во Вьетнаме этих детей называли отбросами – *bụi đời* (дословный перевод: пыль жизни), многие из них были вынуждены расти на улицах, т.к. не принимались вьетнамским обществом. Матери таких детей тоже подвергались нападкам и остракизму со стороны вьетнамского общества [20, с. 34].

Согласно исследованию Университета штата Огайо, 76 % вьетнамских детей американско-азиатского происхождения хотели встретиться с отцами, когда приехали в Соединенные Штаты, но только 30 процентов знали имена своих отцов. Около 22 % из них пытались установить контакт, и только 3 % действительно смогли встретить своих биологических отцов. На самом деле, большинство американских отцов не хотели встречаться с своими вьетнамскими детьми, т.к. зачастую они были рождены вне брака [3].

Четвертый этап вьетнамской миграции в США

Четвертый этап вьетнамской миграции связан с еще одной программой разработанной в рамках ODP, которая называлась "Программа переселения политических заключенных" (The Special Released Re-Education Center Detainee Resettlement Program), больше она известна как "Программа гуманитарного переселения" (Humanitarian Resettlement (HR)), подписанная в 1989 г., на практике была реализована лишь с середины 1990-х гг.

Эта программа была разработана для вывоза из Вьетнама людей, которые после 1975 г. были помещены в "лагеря перевоспитания" из-за своей связи с американским режимом. Под программу попадали вьетнамские граждане, которые провели год или более лет в "лагерях перевоспитания" в результате их тесной связи с американскими агентствами и организациями или правительством США до 30 апреля 1975 г., а также их близкие родственники (жёны и дети); вдовы и дети вьетнамских граждан, которые были отправлены в "лагеря перевоспитания" в результате их тесной связи с правительством США до 30 апреля 1975 г., умершие в "лагере перевоспитания" или в течении года после выхода из него [19].

В 1995 г. в программу были внесены изменения, согласно которым детям задержанных было отказано в допуске в США в качестве беженцев. Однако уже в 1997 г. сенатор Джон Маккейн представил законопроект, который восстанавливал статус беженца детям политических заключенных. В 1998 г., после того как Конгресс одобрил этот законопроект, он был подписан президентом Клинтоном 1 мая 1998 г. Окончание программы было прописано 30 сентября 1999 г, но президент Буш официально продлил программу до 30 сентября 2003 г.

В рамках этой программы в период 1990–2000 гг. в США переселились около 200 тыс. вьетнамцев [8].

Хотелось бы отметить, что законная миграция вьетнамских граждан в США не ограничилась 2000 годом "Программа гуманитарного переселения" неоднократно пересматривалась и продлевалась. Так, например, в 2015 г. вышла совместная резолюция Сената №5 от 6 июля 2015 г., которая призывает Конгресс и президента Соединенных Штатов расширить программу гуманитарного переселения, чтобы позволить ветеранам-инвалидам южновьетнамской армии, которые в настоящее время проживают в Социалистической Республике Вьетнам, въезжать в Соединенные Штаты. В тексте резолюции говорится о том, что вьетнамско-американское сообщество играет важную роль в социальном, культурном и экономическом ландшафте штата Калифорния и Соединенных Штатов; что правительство Соединенных Штатов и американский народ имеют обязательство перед вьетнамскими гражданами, которые сражались в качестве союзников во время войны во Вьетнаме и продолжают подвергаться преследованиям и угрозам со стороны коммунистического правительства Социалистической Республики Вьетнам; что ветераны южновьетнамской армии, также известные как "Quân Lực Việt Nam Cộng Hòa", продемонстрировали свою приверженность Соединенным Штатам, сражаясь вместе с вооруженными силами Соединенных Штатов во время войны во Вьетнаме; но по разным причинам не попали в программу гуманитарного переселения до 2003 г. Резолюция № 5 рекомендует включить инвалидов-ветеранов южновьетнамской армии, также известных как "Quân Lực Việt Nam Cộng Hòa", а также и их сыновей и дочерей в "Программу гуманитарного переселения". Резолюция, разработанная Сенатом и Ассамблеей штата Калифорния, призывает президента, вице-президента Соединенных Штатов и Конгресс Соединенных Штатов повторно санкционировать Программу гуманитарного переселения и Программу упорядоченного выезда, чтобы разрешить ветеранам-инвалидам южновьетнамской армии и их семьям, которые в настоящее время проживают в Социалистической Республике Вьетнам, подать заявку на въезд в Соединенные Штаты [15].

Заключение

В ходе проведенного исследования были выделены 4 этапа вьетнамской миграции. Критериями для выделения этапов послужили причины миграции и события, которыми воспользовались вьетнамцы, чтобы покинуть страну, а также американские программы перемещения вьетнамских беженцев.

Первый этап – это этап эвакуации вьетнамских беженцев военными силами США в рамках операций "Бэбилифт", "Новая жизнь", "Порывистый ветер" и "Вновь прибывшие". И хотя сама эвакуация длилась месяц, программа завершилась официальным закрытием операции "Вновь прибывшие" после расселения всех 140 тыс. беженцев.

Второй этап (1976–1980 гг.) – характеризуется переходом от стихийного наплыва беженцев к подписанию первых соглашений, разработкой государственных программ и политических решений, способствующих реализации эффективной миграционной политики. Именно на второй этап приходится миграционный опыт, известный в истории как явление "людей в лодках" ("boat people"), в ответ на который Верховным комиссаром ООН по делам беженцев была разработана программа легальной эмиграции из Вьетнама – Программа упорядоченного выезда (Orderly Departure Program (ODP), согласно которой страны Юго-Восточной Азии согласились предоставить временное убежище беженцам, Вьетнам согласился содействовать упорядоченному выезду и предотвратить отправление "людей в лодках", а западные страны договорились ускорить процесс переселения.

Третий и четвертый этапы были продолжением ОДП. На этих этапах были реализованы программы по воссоединению семей беженцев в рамках принятого Конгрессом США в 1988 г. Закона о возвращении домой детей американо-азиатского происхождения и программы перемещения вьетнамских политических заключенных.

Таким образом, для первого и начала второго этапов было характерно стихийное бегство из страны южновьетнамских граждан, помощь которым оказывалась без согласования с вьетнамскими властями. Третий и четвертый этапы, в отли-

ции от первого и начала второго этапов, характеризуются официальным участием США в решении проблем вьетнамских беженцев и подписанием с вьетнамскими властями Меморандума о непрепятствовании мигрантам и содействии в реализации программы Упорядоченного выезда беженцев. На этих этапах были разработаны и реализованы программы, которые способствовали воссоединению семей беженцев и перемещению политических заключенных.

Литература

1. Сергеев С. В. Проблема вьетнамских беженцев в американо-вьетнамских отношениях // Америка-но-вьетнамские отношения: 1945–1989 гг. М., 1989. С. 207–209.
2. Филиппенко А. А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990–2015 гг. // Официальный сайт Национальной электронной библиотеки. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005567696?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 15.06.2024).
3. Grabmeier J. Thoughts Of Fathers Often Trouble Vietnamese Amerasians // The official website of The Ohio State University. URL: <https://news.osu.edu/news/2000/04/27/amasian/> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Haines D. Refugees in America in the 1990's: a reference handbook. Westport: Greenwood Press, 1996. 469 p.
5. Haulman D. L. Vietnam evacuation: operation Frequent wind // The official website of The U.S. Department of Defence. URL: <https://media.defense.gov/2012/Aug/23/2001330098/-1/-1/0/Oper%20Frequent%20Wind.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).
6. Kumin J. Orderly Departure from Vietnam: Cold War Anomaly or Humanitarian Innovation? // Refugee Survey Quarterly. 2008. Vol. 27, No. 1. P. 104–118.
7. Lavalie A. J. C. Last flight from Saigon. Washington. 1978 // Google Book. URL: https://books.google.ru/books?id=TmSApdkHyWIC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 24.06.2024).
8. Nguyen An Tuan. Luggage to America: Vietnamese Intellectual and Entrepreneurial Immigrants in the New Millennium // The official website of The Ohio State University. URL: https://etd.ohiolink.edu/rws_etd/document/get/bgsu1368535151/inline (дата обращения: 17.06.2024).
9. Report to the Congress by the Comptroller General of the US. Evacuation and temporary care afforded Indochinese refugees – Operation New Life. Date: 3.06.1976 // The official website of U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/assets/120/115626.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).
10. Report to the Congress by the Comptroller General of the US. The Indochinese exodus: a humanitarian dilemma. Date: 24.04.1979 // The official website of U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/assets/120/115626.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).
11. Report to the Congress by the Comptroller General of the US. Domestic resettlement of Indochinese refugees – struggle for self reliance. Date: 10.05.1977 // The official website of U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/assets/120/118759.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).
12. Report of the United Nation High Commissioner for refugees. General Assembly. Official records: thirty-fifth session supplement No.12. Date: 6.10.1980 // The official website of UNHCR. URL: <http://www.unhcr.org/4cc039db9.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).
13. Robinson W. C. Terms of Refuge London. Zed Books, 1998. 336 p.
14. Sahara Ayako. Operations New Life/Arrivals: U.S. National Project to Forget the Vietnam War // eScholarship of The University of California. URL: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/content/qt8782s7bc/qt8782s7bc.pdf?t=lq6sds> (дата обращения: 10.06.2024).
15. Senate Joint Resolution № 5. Vietnam: humanitarian resettlement. Chapter 94. Date: 6/07/2015 // The official website of California Legislative Information. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201520160SJR5 (дата обращения: 10.06.2024).
16. Smith, H. D. The final forty-five days in Vietnam // The official website of The Vietnamese Center & Sam Johnson Archive of The Texas Tech University. URL: <https://www.vietnam.ttu.edu/reports/images.php?img=/images/1923/19230101001.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).
17. The State of the World's Refugees 2000 by United Nation High Commissioner for refugees. Date: 01.01.2000 // The official website of UNHCR. URL: <http://www.unhcr.org/3ebf9bad0.html> (дата обращения: 20.06.2024).
18. Tompson, L. C. Refugee workers in the Indochina exodus, 1975–1982. Jefferson: McFarland & Company, 2009. 275 p.
19. Vietnamese Announcement of Humanitarian Resettlement Program // The official website of U.S. Department of State. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/56936.htm> (дата обращения: 19.06.2024).
20. Đỗ Quang Hưng. Một số vấn đề lịch sử Thiên chúa giáo ở Việt Nam. HN.: DHTH HN, 1990. 115 tr. = До Куанг Хынг. Некоторые вопросы истории католической церкви во Вьетнаме. Ханой, 1990. 115 с.
21. Nguyễn Gia Phú. Lịch sử tư tưởng Phương Đông và Việt Nam. HCM.: TĐTH t/p HCM, 1996. 194 tr. =

Нгуен За Фу. История идеологии на Востоке и во Вьетнаме. Хошимин, 1996. 194 с.

22. Trần Phần Chấn, Hồ Sơn Đài. Miền Đông Nam Bộ kháng chiến (1945–1975). HN.: NXB Quân đội nhân dân, 1990. 252 tr. = Чан Фан Тянь Хо Шон Даи. Восточная часть Намбо в войне Соппротивления (1945–1975). Ханой: Изд-во Народной армии, 1990. 252 с.

References

1. Sergeev S. V. The problem of Vietnamese refugees in Vietnam-American relations // Vietnam-American relations: 1945–1989. M., 1989. P. 207–209. (In Russ.).
2. Filippenko A. A. Problems of US migration policy in 1990–2015. // The official website of the National eLibrary. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005567696?page=1&rotate=0&theme=white (accessed 15.06.2024). (In Russ.).
3. Grabmeier J. Thoughts Of Fathers Often Trouble Vietnamese Amerasians // The official website of The Ohio State University. URL: <https://news.osu.edu/news/2000/04/27/amasian/> (accessed 20.06.2024).
4. Haines D. Refugees in America in the 1990's: a reference handbook. Westport: Greenwood Press, 1996. 469 p.
5. Haulman D. L. Vietnam evacuation: operation Frequent wind // The official website of The U.S. Department Of Defence. URL: <https://media.defense.gov/2012/Aug/23/2001330098/-1/-1/0/Oper%20Frequent%20Wind.pdf> (accessed 20.06.2024).
6. Kumin J. Orderly Departure from Vietnam: Cold War Anomaly or Humanitarian Innovation? // Refugee Survey Quarterly. 2008. Vol. 27, No. 1. P. 104–118.
7. Lavalle A. J. C. Last flight from Saigon. Washington. 1978 // Google Book URL: https://books.google.ru/books?id=TmSAPdkHyWIC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed 24.06.2024).
8. Nguyen An Tuan. Luggage to America: Vietnamese Intellectual and Entrepreneurial Immigrants in the New Millennium // The official website of The Ohio State University URL: https://etd.ohiolink.edu/rws_etd/document/get/bgsu1368535151/inline (accessed 17.06.2024).
9. Report to the Congress by the Comptroller General of the US. Evacuation and temporary care afforded Indochinese refugees – Operation New Life. Date: 3.06.1976 // The official website of U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/assets/120/115626.pdf> (accessed 20.06.2024).
10. Report to the Congress by the Comptroller General of the US. The Indochinese exodus: a humanitarian dilemma. Date: 24.04.1979 // The official website of U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/assets/120/115626.pdf> (accessed 18.06.2024).
11. Report to the Congress by the Comptroller General of the US. Domestic resettlement of Indochinese refugees – struggle for self reliance. Date: 10.05.1977 // The official website of U.S. Government Accountability Office. URL: <https://www.gao.gov/assets/120/118759.pdf> (accessed 18.06.2024).
12. Report of the United Nation High Commissioner for refugees. General Assembly. Official records: thirty-fifth session supplement No.12. Date: 6.10.1980 // The official website of UNHCR. URL: <http://www.unhcr.org/4cc039db9.pdf> (accessed 20.06.2024).
13. Robinson W. C. Terms of Refuge. London: Zed Books, 1998. 336 p.
14. Sahara Ayako. Operations New Life/Arrivals: U.S. National Project to Forget the Vietnam War // eScholarship of The University of California. URL: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/content/qt8782s7bc/qt8782s7bc.pdf?i=1q6sds> (accessed 10.06.2024).
15. Senate Joint Resolution № 5. Vietnam: humanitarian resettlement. Chapter 94. Date: 6/07/2015 // The official website of California Legislative Information. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201520160SJR5 (accessed 10.06.2024).
16. Smith, H. D. The final forty-five days in Vietnam // The official website of The Vietnamese Center & Sam Johnson Archive of The Texas Tech University. URL: <https://www.vietnam.ttu.edu/reports/images.php?img=/images/1923/19230101001.pdf> (accessed 11.06.2024).
17. The State of the World's Refugees 2000 by United Nation High Commissioner for refugees. Date: 01.01.2000 // The official website of UNHCR. URL: <http://www.unhcr.org/3ebf9bad0.html> (accessed 20.06.2024).
18. Tompson, L. C. Refugee workers in the Indochina exodus, 1975–1982. Jefferson: McFarland & Company, 2009. 275 p.
19. Vietnamese Announcement of Humanitarian Resettlement Program // The official website of U.S. Department of State. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/56936.htm> (accessed 19.06.2024).
20. Do Quang Hung. Some historical issues of Christianity in Vietnam. HN.: DHTH HN, 1990. 115 p. (In Viet.).
21. Nguyễn Gia Phú. History of Eastern and Vietnamese worldview. HCM.: TDTH HCM, 1996. 194 p. (In Viet.).
22. Trần Phan Chan, Hồ Sơn Đài. War of resistance in eastern of South Vietnam (1945–1975). HN.: NXB Quân đội nhân dân, 1990. 252 p. (In Viet.).

Елена Александровна ГЛАЗКОВА, старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: glazkova.ea@dvfu.ru

Elena A. GLAZKOVA, Senior Lecturer, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: glazkova.ea@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 15.07.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.08.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.09.2024

Забавные народные истории об умниках Южного Вьетнама: развитие и особенности жанра

ФАМ ЛАН ОАНЬ

Национальный институт культуры и искусств, Ханой, Вьетнам, lanoanhvht@gmail.com

Александр Якубович СОКОЛОВСКИЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sokolovskiy.aya@dvfu.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительно новый и пока недостаточно изученный вьетнамскими фольклористами жанр южно-вьетнамских народных забавных историй об умниках под названием "чуен чанг", дословно переводимый с вьетнамского языка как истории о мудрых народных остряках. Авторы исследуют эти забавные истории, в том числе истории о дядюшке-птицелове по имени О из провинции Бенче (26 историй) и истории о дядюшке Ба Фи из провинции Камау, что находится на самом юге Вьетнама (54 истории). Описываются их типичные сюжетные структуры, основные приемы композиции и организации художественного пространства. Проводится сравнительный анализ историй *чуен чанг* с подобными историями северного и других районов Вьетнама. Данная статья представляет собой первый шаг к знакомству с жанром забавных историй об умниках *чуен чанг*, получивших распространение в Южном Вьетнаме. В ней впервые рассмотрена история появления этого жанра, его развитие и особенности.

Ключевые слова: народные истории чуен чанг, фольклор Южного Вьетнама, персонажи южно-вьетнамских народных забавных историй, гротеск во вьетнамском фольклоре

Для цитирования: Фам Лан Оань, Соколовский А. Я. Забавные народные истории об умниках Южного Вьетнама: развитие и особенности жанра // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 34–45. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/34-45>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/34-45>

Humorous folktales about self-taught smart countrymen from Southern Vietnam: it's genre development and particular features

PHAM LAN OANH

Vietnam National Institute of Culture and Arts Studies, Hanoi, Vietnam, lanoanhvht@gmail.com

Alexander Ya. SOKOLOVSKY

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, sokolovskiy.aya@dvfu.ru

Abstract. The article presents a relatively new genre of South Vietnamese folk funny stories about wise men called "truyen trang", which is literally translated from Vietnamese as tales about wise folk wits, and has not yet been sufficiently studied by Vietnamese folklorists. The author explores South Vietnamese tales about a birdcatcher named O from Ben Tre province (26 tales) and tales about Uncle Ba Phi from the Ca Mau region, which is located in the extreme south of Vietnam (54 tales). Their typical plot structures, basic techniques of composition and organization of artistic space are explored. A comparative analysis of Chuyen Trang tales with similar tales from the northern and other regions of Vietnam is carried out. This article is the first step towards getting acquainted with the genre of funny stories about *truyen trang* smart guys, which became widespread in South Vietnam. For the first time, it examines the history of the emergence of this genre, its development and features.

Keywords: truyen trang folk tales, South Vietnamese folklore, characters of South Vietnamese folk tales, grotesque in Vietnamese folklore

For citation: Pham Lan Oanh, Sokolovsky A. Ya. Humorous folktales about self-taught smart countrymen from Southern Vietnam: it's genre development and particular features // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 34–45. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/34-45>

Перевод статьи с вьетнамского Н. А. Соколовской

© Фам Лан Оань, Соколовский А. Я., 2024

Введение

Забавные истории об умных деревенских остряках Южного Вьетнама *чуен чанг* сравнительно новый и пока не до конца изученный вьетнамскими фольклористами жанр южно-вьетнамских забавных народных историй¹.

Этот жанр представлен целыми циклами занимательных историй, в сюжете которых действуют одни и те же главные герои из простых людей, полных жизненных сил и врожденного остроумия. Истории *чуен чанг* отражают повседневную жизнь крестьян, живущих в южно-вьетнамских живописных селениях, полных очарования и различных приключений, а также состязаний в остроумии с местными богатеями и чиновниками.

Южные забавные народные истории и озорные веселые анекдоты *чуен чанг*, являясь частью богатого вьетнамского фольклора, проливают свет на понимание мировоззрения, менталитета, верований и житейской философии южно-вьетнамского простого народа, видения им окружающего мира и социального устройства в феодальные времена, охватывающие более чем 200 летнюю историю с 1698 по 1945 годы.

Определение жанра *чуен чанг*

В сокровищнице вьетнамского фольклора содержится немало забавных народных историй с яркими и колоритными персонажами – выходцами из разных мест страны – с севера и с юга. В Южном Вьетнаме бытует много разных историй о дядюшках-птицеловах: Бо Нине, Там Ко, Бай Ле, Ба Фи и других. Эти персонажи, несмотря на то что они неразрывно связаны со своей малой родиной, известны во всем Южном Вьетнаме. Это касается и дядюшки-птицелова по имени О из провинции Бенче, и Бо Ниня из провинции Тьензянг, и Ба Фи из провинции Камау. Их истории знает весь южный Вьетнам.

Тем не менее вьетнамские фольклористы на сегодняшний день еще не пришли к единому мнению о жанровой принадлежности этих историй. Вьетнамские народные забавные истории об умниках *чуен чанг* (по-вьетнамски *truyện trạng* дословно переводятся как *умники, острые на язык*). Их часто относят к разновидности анекдотов, но в то же время выделяют в обособленный подвид с повторяющимся (серийным) центральным персонажем, который представляет собой цикл историй. Забавные истории об умниках обычно классифицируют следующим образом:

- забавные истории как разновидность бытовых сказок,
- забавные истории как разновидность народных анекдотов,
- забавные истории об умниках как отдельный самостоятельный жанр.

Авторов, которые исследуют забавные истории *чуен чанг*, можно условно разделить на 2 группы: на тех, кто не дает строго определения этому жанру, но при составлении сборников фольклорных произведений выносят эти забавные истории просто в отдельный раздел под названием "*Забавные истории об умниках*". Другие авторы придерживаются строгого определения жанра *чуен чанг* как отдельного и выступают за его самостоятельное существование наряду с такими жанрами фольклора, как басня, сказка, миф и т. д. [2; 5; 7; 11]. Мы придерживаемся на этот счет точки зрения известного вьетнамского специалиста по вьетнамской культуре профессора Нгуен Ти Бена, который также считает, что эти истории представляют собой отдельный подвид фольклорного жанра. По его мнению, само слово *чанг* (*trạng*) появилось во вьетнамском языке еще в дофеодальный период и широко использовалось в таких словосочетаниях как "*nói trạng*" (ной чанг) – *говорить заумно*, "*kể chuyện trạng*" (ке чуен чанг) – *рассказывать слишком замысловато*. Выражение "*Nói trạng*" (ной чанг) – *говорить слишком учено, заумно* – выступает синони-

¹ В российской вьетнамистике исследовался, как правило, северо-вьетнамский фольклор, и, в частности, народные забавные истории. Так, в 1974 г. в Москве вышел сборник "Высокоученый Куинь и другие забавные истории". Перевод с вьетнамского, предисловие и примечания сделал Н.И. Никулин – известный отечественный вьетнамист. Позднее в своих работах он неоднократно обращался к вьетнамским народным забавным историям и анекдотам. В том числе в монографии "Вьетнамская литература от средних веков к новому времени (X–XVIII вв.)", изданной в 1977 г. В ней большое место уделено северо-вьетнамскому фольклору.

мом к выражениям "шутить, балагурить, дурачиться" при условии, что слушатели принимают сказанное за чистую монету; *навать с три короба, насмешничать так лихо*, что аудитория слушателей верит в сказанное. Вьетнамская народная молва прозвала таких ловких рассказчиков "умниками" с оттенком восхищения перед их вышеупомянутым талантом красноречия" [5, с. 45]. Профессор Нгуен Ти Бен полагает, что название этого жанра "имеет смысловую связь со словом *чан нгуен* (*trạng nguyên*) – лауреат конкурсных экзаменов на ученую степень в феодальном Вьетнаме. В бытовом языке вьетнамцы употребляют такие дериваты слова "лауреат", как *говорить высокоучено /заумно* – *nói trạng*, *заумная история* – *truyện trạng*, а также *умник* – *ông trạng*. Само слово *trạng nguyên*, полностью означающее *лауреат конкурсных экзаменов на ученую степень* во вьетнамском языке употребляется редко, чаще встречается его сокращенный вариант. Например, в таких словах и именах нарицательных, как *ученый муж*, *ученый дядюшка Ме*, *умник Нгот* и *умник Чинь* и т.д. [5, с.17–18].

Таким образом, высокоученые лауреаты конкурсных экзаменов на ученую степень при императорском дворе стали образцом и прототипом фольклорных историй об умниках "чуен чанг". Говоря об этих историях, мы подразумеваем циклы забавных историй, связанных одним центральным персонажем, который и создает историю. Во вьетнамском фольклоре на севере и на юге страны бытуют целые циклы забавных историй об умниках. Это известные истории об ученом Лоне, о высокоученом Куине, о Ба Зай, Ту Суате, умнике Тху Тхиеме, дядюшке Ба Фи и других [7].

История собирания вьетнамского фольклора

Сборники народных забавных историй и анекдотов *чуен чанг* появились значительно позже собраний таких жанров вьетнамского фольклора, как сказки и народные песни *казао*. Процесс их жанрового развития можно разделить на два этапа: до и после 1954 г., то есть до освобождения Вьетнама от французского колониального правления и после освобождения Вьетнама от него.

Впервые сборник забавных историй *чуен чанг* Южного Вьетнама был опубликован в 1913 г. в г. Сайгоне под названием "Истории о дядюшке О или дядюшке-птицелове" ("О" по-вьетнамски означает название птицы олуша). Он включал 15 историй и был составлен и опубликован Буй Куанг Нью, который, отслужив во французской армии, вернулся в провинцию Бенче, открыл там книжную лавку, записал и представил читателю сборник историй о похождениях дядюшки-птицелова в этих краях [3].

После освобождения Южного Вьетнама в 1975 г. собирание и изучение вьетнамского фольклора перешли на новый этап своего развития: стали появляться сборники произведений народного творчества южной части Вьетнама, в том числе и забавные истории *чуен чанг*. Собиратели и исследователи фольклорных произведений представили читателю ряд новых персонажей из сокровищницы забавных историй *чуен чанг*. В 1978 г. другой автор, Ха Тяу, в газете "Нянзан" и журнале Вьетнамской ассоциации народного творчества, впервые познакомил читателя с короткими юмористическими историями о персонаже Ба Фи [цит. по: 15, с. 63].

Годом позже Нгуен Вьет Тунг опубликовал истории о дядюшке Ба Фи в газетах "Культура и искусство г. Хошимина" и "Культура и искусство Минь Хай" [10]. В 1979 г. авторы Чыонг Тинь и Фонг Тяу опубликовали сборник "Вьетнамский народный смех", в который включили 8 историй о дядюшке-птицелове и 4 истории Ба Фи [18]. Эта книга дважды переиздавалась (в 1986 и 1993 гг.) с первоначальным количеством забавных историй *чуен чанг*.

В 1988 г. Нгуен Фыонг Тхао и Хоанг Тхи Бать Лиен опубликовали сборник приключений дядюшки-птицелова из 11 историй, собранных в городке Мокай провинции Бенче, в родном краю этого персонажа, где он некогда обитал и занимался птицеловством. Этот сборник был составлен по мотивам тех 11 историй, которые были изданы Буй Куанг Нью [8].

Следует отметить, что с конца 80-х годов прошлого века начинается период наиболее активного собирания и публикации народных юмористических историй

жанра *чуен чанг*. Буй Мань Ни, Нгуен Тан Фат и Чан Тан Винь опубликовали в 1989 г. собрание народных юмористических историй Южного Вьетнама, в которое, помимо 8 переизданных историй о приключениях дядюшки-птицелова, опубликованных Чыонг Тинем и Фонг Тяу в 1988 г., вошли и истории о новых персонажах из сокровищницы народного юмора – Бом Бее и Бо Нине [2].

В 1990 г. Фан Ань Туан опубликовал книгу "Интересные истории дядюшки Ба Фи", в которую вошли новые забавные истории *чуен чанг* об этом популярном персонаже [12].

В 1995 г. был опубликован сборник "Сокровищница смешных историй (анекдотов) Вьетнама в 5-ти томах, составленный Ву Нгок Кханем [19]. Третий его том был полностью посвящен забавным историям *чуен чанг*. В этом томе автор систематизировал уже изданные истории *чуен чанг* без их редактирования, объективно представив читателю жанровую форму вьетнамских забавных историй *чуен чанг*.

В этом же году авторы в составе Тхать Фыонг, Нгуен Ти Бен и Май Хыонг издали коллективный сборник вьетнамских народных забавных историй *чуен чанг*, в который вошли народные забавные истории об умниках-остряках, истории о деревенских умниках, истории об ученых мужах. В данном сборнике этот фольклорный жанр был представлен авторами в достаточном объеме. Причем исходный устный повествовательный материал был тщательно подобран и систематизирован. Раздел "Забавные истории об умниках южного Вьетнама" представлен несколькими циклами историй о дядюшке-птицелове Бо Нине, дядюшке Ме и Ба Фи в третьем томе данного сборника [15].

В Полном собрании вьетнамского фольклора в 19-ти томах [11], напечатанном Издательством общественных наук в 2005 г., в разделе "Вьетнамские анекдоты: забавные истории *чуен чанг*" представлены 18 сюжетных линий вьетнамских народных забавных историй, включая 4 истории о Бом Бее, 4 истории о Бо Нине, 4 истории о дядюшке Ме, 26 историй о дядюшке-птицелове и 39 историй о Ба Фи.

В наше время во Вьетнаме также продолжается сбор и публикация забавных юмористических историй об умниках. В 2014 г. Чиеу Нгуен опубликовал "Сборник вьетнамских забавных историй *чуен чанг*. Избранное" в 2-х томах [16].

В 2018 г. Народный комитет уезда Чан Ван Тхой провинции Камау, например, опубликовал 38 историй дядюшки Ба Фи в книге "Дядюшка Ба Фи: человек и его сочинения" [1].

Изучение забавных историй *чуен чанг*

Как уже говорилось выше, изучение забавных историй *чуен чанг* можно условно разделить на 2 периода: до и после 1954 г. то есть до освобождения Вьетнама от французского колониального правления и после освобождения Вьетнама от него. До 1954 г. фольклористика как наука на юге Вьетнама пребывала в зачаточном состоянии и серьезных, системных исследований забавных историй *чуен чанг* как отдельного жанра почти не проводилось.

До того как Буй Куанг Нью представил читателям цикл историй о дядюшке-птицелове, он писал: "Хоть истории о птицелове и незначительны, забавно то, что в наши дни люди часто называют лгунов внуками дядюшки-птицелова, а сами даже не ведают, откуда взялось это нарицательное имя" [1, с. 63].

Столь невысокое мнение Буй Куанг Нью о "незатейливых" историях о дядюшке-птицелове говорит о том, что он еще не осознавал ценность этих забавных баек, которые в первую очередь являлись одним из звеньев в цепочке народных юмористических историй *чуен чанг*, которая протянулась на всю страну: с Севера на Юг.

Между тем еще в 1965 г. фольклорист Ха Тяу, исследуя процесс трансформации героя народной сказки в героя анекдота, неслучайно писал: "Ученые мужи из народных анекдотов – идеальные персонажи, рожденные народной фантазией в деревенской среде, неразрывно связаны с деревней" [цит. по 15, с. 47]. Ха Тяу изучал забавные истории Ба Фи, исходя из деревенского происхождения персонажа, которое считал фундаментом его формирования. Исследование цикла историй персонажа Ба Фи, предпринятое фольклористом Ха Тяу, представляет собой анализ

самого процесса творческого замысла, красоты и ценности формы и содержания цикла забавных историй Ба Фи.

Первыми авторами, заговорившими о ценности цикла забавных историй о дядюшке-птицелове, были Динь За Кхань и Чу Суан Зиен. За ними последовали Хоанг Лиен и Фыонг Тхао, написавшие о значимости этих историй в газете "Культура и искусство г. Хошимин". В 1997 г. профессор Нгуен Ти Бен посвятил отдельную главу своей научной работы о фольклоре провинции Бенче с достаточно актуальным комментарием о цикле забавных историй о дядюшке-птицелове [6].

28 ноября 2002 г. властями провинции Камау была организована научная конференция, посвященная циклу забавных историй Ба Фи и народной культуре Южного Вьетнама, на которой были представлены 15 докладов. В них авторы поднимали темы ценности содержания и художественности забавных историй Ба Фи, их особом месте в фонде вьетнамских народных юмористических историй. Обсуждались также способы их сохранения.

В 2004 г. профессор Нгуен Ти Бен опубликовал исследование "Попытка определения жанра забавных историй *чуен чанг* в фольклоре Вьетнама" [5]. В ней он настаивает на понимании жанра забавных южно-вьетнамских историй как отдельного подвида национального фольклора.

Затем вышли также глубокие работы Чиеу Нгуена, характеризующие забавные истории *чуен чанг*, в том числе работа, посвященная определению жанра забавных историй Ба Фи [17]. Однако отметим, что автор отнёс цикл историй о Ба Фи к категории просто деревенских анекдотов.

В 2018 г. Народный комитет уезда Чан Ван Тхой провинции Камау издал книгу "Дядюшка Ба Фи: человек и его сочинения" [1]. Книга содержит 26 исследовательских статей о дядюшке Ба Фи и историй о нем по трем темам: воспоминания о дядюшке Ба Фи, художественная ценность историй о нем и истории дядюшки Ба Фи как типичное явление нематериальной культуры [1]. Нужно отметить, что вышеперечисленные исследования, безусловно, внесли свой вклад в изучение историй Ба Фи и забавных историй *чуен чанг* Юга страны и Вьетнама в целом.

В наше время продолжают появляться интересные работы, в которых исследуются забавные истории *чуен чанг*. Так, например, в 2019 г. вышла статья Нгуен Нгок Чиена "Определение забавных историй *чуен чанг* в потоке вьетнамского народного повествования" [7].

В 2020 г. Хуинь Нгок Чанг и Фам Тхиеу Хыонг издали Полное собрание фольклора Южного Вьетнама [4]. Эти авторы, как и профессор Нгуен Ти Бен, считают южно-вьетнамские фольклорные жанры, какими являются басни, анекдоты и забавные истории об умниках-остряках, ярким витком "потока" вьетнамского фольклора, "текущего" с Севера на Юг страны [4, с. 38–39].

Цикл историй о дядюшке-птицелове и дядюшке Ба Фи

Во времена правления династии Нгуен (1802–1945 гг.) в южной части Вьетнама не было высокоученых мужей в непосредственном понимании этого слова, то есть успешно сдавших конкурсные экзамены на ученую степень при императорском дворе. Но смекалистых умников-остряков из народа в фольклоре южной части страны было хоть отбавляй. Из их числа стоит отдельно упомянуть дядюшку-птицелова из провинции Бенче, а среди других известных фольклорных умников Юга страны в целом, прозванных умниками-прохвостами, выделяются такие персонажи, как Бо Нинь, Бэй Ле, дядюшка Ме, Там Ко, а также персонаж-выходец из самой южной части страны – дядюшка Ба Фи.

В отличие от ученых северных персонажей дельты Красной реки, слишком бахвалившихся своей грамотностью и эрудицией, умники из дельты Меконга в повседневной жизни отличались искренностью и простотой. Единственный из 11 персонажей забавных историй *чуен чанг*, которому довелось состязаться с чиновниками феодальной столицы Хюэ, был дядюшка-птицелов. Этот персонаж добрался до самого города Хюэ, чтобы показать имперским чиновникам, кто умней: придворные ученые мужи или простолюдин с юга, у которого "учености не набралось бы и в листок тамариндового дерева".

Вот как описывал жизнь дядюшки-птицелова в сборнике забавных историй об этом персонаже 1913-го года издания Буй Куанг Нью: "На месте маленького селения, которое впоследствии стало носить "говорящее" название – Бахча, некогда рос густой лес, который местное население выкорчевало и засадило всевозможными бахчевыми культурами: сладкой и горькой тыквой, откуда и произошел топоним этого населенного пункта. Местечко было частью деревни Хойфыок кантона Миньдат округа Бенче (современная община Диньтхуи уезда Северный Мокай провинции Бенче). В те самые времена в этом местечке поселилась бездетная семейная пара в возрасте вполне зрелых 50-ти лет, они обрабатывали землю; жена разводила свиней, уток и кур. Из-за близости леса на уток и кур часто нападали птицы олуши, поэтому муж стал мастерить силки для птиц-расхитительниц. Пойманных олушей муж продавал на рынке, за что был прозван местной детворой дядюшкой олушей (или просто дядюшкой-птицеловом)" [1, с. 131]. Южно-вьетнамские исследователи дают очень четкую характеристику этому персонажу: дядюшка-птицелов – это герой, который состязается в смекалке с представителями всех возможных ступеней власти: от сельских старост, уездных и провинциальных чиновников и наместников до императорского двора столицы Хюэ.

Первой жертвой незаурядной смекалки дядюшки-птицелова стал знатный вельможа (забавная история "Дядюшка-птицелов в г. Хюэ", история "Урок моего учителя"), за ним последовали и другие придворные чиновники ("Как дядюшка-птицелов обхитрил важных чиновников" (дословно: "победил чиновников в состязании по красноречию или остро словию"). Впросак попадали и уездные чиновники из родных мест дядюшки-птицелова, которых ухитрился ловко облапошить этот необразованный персонаж ("Врал по книге", "Я ведь – предприниматель"), а также их жены ("Кокосовая лавка жены уездного чиновника"). Не миновала эта участь и колониальных наместников ("Как дядюшка-птицелов наместника за обедом обхитрил") и сельских старост ("Как старосте захотелось отведать мяса буйвола") и учителей ("Врёт, да еще и книгу просит") и т.д.

Другие излюбленные персонажи, которых побеждает своей смекалкой дядюшка-птицелов, – это богачи ("Как дядюшка давал займы буйволов", "Пощечина", "Я отлучусь присмотреть за ребенком").

Таким образом, персонажи, считающие себя важными особами столицы и уезда, и богачи, столкнувшись с дядюшкой-птицеловом, которого народная молва окрестила "пустомелей и обманщиком", оказываются невеждами и скупердяями. Юмор в историях о дядюшке-птицелове схож с юмором историй о высокоученом Куине из фольклора северной части Вьетнама: в обоих циклах историй вскрываются неприглядные и комические черты феодального строя, но главное отличие историй севера и юга заключается в наличии ситуации, когда в историях о дядюшке-птицелове главный конфликт склоняется в сторону ситуации-испытания не жели к цели вызвать смех у слушателя. Для создания этой ситуации-испытания для дядюшки-птицелова используется два вида структуры сюжета:

1. Персонажи А и Б сами приглашают дядюшку-птицелова посоревноваться в красноречии; дядюшка-птицелов побеждает. В истории "Как дядюшка-птицелов за обедом наместника разгромил" в роли этих персонажей выступают наместники и старосты. В истории "Дядюшка-птицелов в Хюэ" эту роль исполняет придворный знатный вельможа. Именно эти персонажи создают ситуацию испытания/соревнования с дядюшкой-птицеловом.

2. Дядюшка-птицелов по собственной инициативе пытается обхитрить персонажей А и Б. Причем он это делает так, что небылица становится правдоподобной. А и Б попадают впросак. Главный герой выигрывает. Так, в истории "Как дядюшка давал буйволов займы" жертвой хитреца становится богач, в истории "Много желать – добра не видать" – мясник, в истории "Я же – предприниматель" – уездной чиновник и т.д. Второй вид структуры сюжета отличается от первого тем, что главный герой сам вовлекает своих оппонентов в ситуацию состязания с ним.

В обоих типах сюжетных структур фольклорному автору приходится создавать небылицу/нереальную ситуацию, которая выглядит правдоподобной, но при

этом не является стержнем для развития сюжета, разоблачения настоящего облика оппонента и быстрой реакции дядюшки-птицелова. Ситуация испытания/состязания возникает молниеносно и вызывает у слушателей смех в финале истории. Современные слушатели и читатели, знакомясь с тем, как старшие поколения берегли и передавали от родителей к детям истории о дядюшке-птицелове, уже не считают его просто достойным порицания обманщиком, каким видели его современники, называя "плутом-пустословом".

Другой цикл забавных историй о дядюшке-птицелове рассказывает о персонаже, пришедшем и поселившемся на новой земле. Главный герой малообразован, но его молниеносная реакция в ситуации испытания выдает блестящий житейский ум. Критический юмор появляется в каждой истории, раскрывая истинное лицо вышеперечисленных персонажей. Дядюшка-птицелов молниеносно и резко реагирует в условиях ситуации/испытания. Столкнувшись со скупым и корыстным богачом, дядюшка-птицелов "приглашает" скупердя взять у него взаймы буйволов. Жажда наживы ослепляет богача. Он со слугами приходит в дом дядюшки-птицелова, где тот выбирает молодых буйволов-телят, связывает их между собой веревкой и отдает слугам богача. Слуги ведут буйволов к дому жадного богача, и тут мать-буйволица начинает звать своих телят. В результате телята бегут к буйволице, а богач терпит поражение, показав всем свою жадность: из стремления к наживе он готов оторвать детей-телят от их матери-буйволицы [2, с. 20, 21]. Вместе с представлениями о людях в этих историях нашло свое отражение и художественное пространство. Так, художественное пространство в историях о дядюшке-птицелове представляет собой социум феодального строя времен правления династии Нгуен (1802–1945 гг.). В этом пространстве дядюшка-птицелов – пришлый человек, осваивающий новую землю, один из многих малограмотных людей, которому приходится сосуществовать и общаться с учеными мужами всех уровней власти того времени: от сельского старосты, уездных и провинциальных чиновников и наместников до знатного вельможи, члена императорского двора, родственника самого императора. Художественное пространство в этих южно-вьетнамских историях отличается от пространства в "Историях о высокоученом Куине" (из фольклора Северного Вьетнама), четко разделенного на 2 полюса, где Куинь находится в резкой оппозиции с властями и силами нематериального мира периода правления Ле и Чинь. Борьба между ними непримиримая и ожесточенная. В этом цикле повествование завершается физической гибелью героев, описание которой превратилось во вьетнамскую народную поговорку: "Бог умрет – умрет и Куинь". По-видимому, ее следует понимать в том смысле, что такие народные герои, как Куинь, будут существовать вечно.

В художественном пространстве историй о дядюшке-птицелове из Южного Вьетнама борьба между героями ведется на интеллектуальном (нефизическом) уровне. Здесь смех у слушателей вызывает финал истории, где высокоученые представители власти проигрывают в "интеллектуальном" состязании по силе смекалки безграмотному босяку. Читая истории о дядюшке-птицелове, знакомимся с жизнью пришлого люда, осваивающего новые земли, их отношением к имперской власти и небесным силам того времени: от святой матушки мира Ба Тьюа Сы (Bà Chúa Xứ) до императорских наместников, уездных чиновников, столичной знати, вельмож и императорского двора. "Другими словами, императорский двор и силы небесные в глазах простых людей, босяков, в этих историях неизменно предстают в комическом свете. В нём выражен эстетический идеал простых людей, осваивающих новые земли в эпоху династии Нгуен [2, с. 33].

Сюжетную линию забавных историй *чуен чанг* о дядюшке-птицелове Южного Вьетнама продолжает цикл историй дядюшки Ба Фи.

В отличие от дядюшки-птицелова по имени О прототипом персонажа Ба Фи был реальный человек по имени Нгуен Лонг Фи, родившийся в 1884 г. в местечке Затьмуй села Кайзан, которое сейчас относится к деревенской общине Фухынгу уезда Кайныок провинции Камау, и умерший 3. 11. 1964 г. в поселке Киньнганг общины Кханьхай уезда Чан Ван Тхой провинции Камау. Неразрывно связанный с са-

мой южной частью Вьетнама, дядюшка Ба Фи наделен широкими познаниями об окружающей его природе: земле, речных каналах, разных представителях богатой фауны и флоры его родного края (деревьев, произрастающих в его родных краях: авиценнии, ризофоре остроконечной, эвкалипте; о диких животных: тиграх, косулях, диких кабанах, крокодилах, питонах, варапах и выдрах). Благодаря этому, народные истории, повествующие от его лица, отличаются особым притяжением, вызывают у слушателей веселый смех и живой интерес. Приведем пару рассказов Ба Фи в сокращении, чтобы проиллюстрировать колорит и прелесть рассказов дядюшки Ба Фи. Рассказ "Олень в глубокой воде" повествует о том, как однажды Ба Фи пошел в лес. Погода была жаркой, и в лесу стало нестерпимо душно. Поэтому ему захотелось освежиться. К счастью, неподалеку в лесу оказался ручей, в котором он с наслаждением искупался. Рубашку рассказчик, раздевшись, повесил на ветку ближайшей пальмы. Но, когда Ба Фи, вылезая из ручья, потянулся за ней, ветка, на которой висела рубашка, неожиданно встала и побежала прочь от него. Это оказался лесной олень, до этого стоявший в глубокой воде ручья и тоже спасавшийся от духоты. Ба Фи боялся потерять рубашку, поскольку в ее кармане был пакетик с лекарством, необходимым ему. Поэтому он быстро помчался за оленем, приговаривая: "Олень, олень! Я думал, что ты пальмовая ветка, верни мне мою одежду! Я серьезно тебе говорю – хватит убегать. Если у тебя нет рубашки, то я подарю тебе ее. Только верни мне пакетик с лекарством!" [1].

Другой рассказ называется "Обнимаю змею". Он так же начинается с леса.

Во время засухи Ба Фи отправился за медом в лес У Минь. В полдень, набрав меда, он решил отдохнуть, прислонившись к каепутовому дереву. Он достал пачку сигарет и стал курить. Вдруг, откуда ни возьмись, случился пожар. Зная как в таких случаях надо спасаться от пожара в горящем лесу, он вскопал землю вокруг того места, где находился. А затем стал залезать на пальму вверх. А сделать это было совсем нелегко. Ствол пальмы был гладкий и скользкий. Приходилось карабкаться вверх, крепко обнимая ствол пальмы и плотно прижимаясь к нему. Вдруг, что-то обожгло его руку. Это оказалась змея, которая также, как и он, спасалась от огня, находясь высоко над землей на том же дереве, что и он. Ба Фи упал с дерева, а когда очнулся, то нашел себя там, где вчера сидел и курил. Вот так неожиданно заканчивается этот рассказ.

В 54 историях дядюшки Ба Фи, записанных исследователями фольклора Южного Вьетнама, представление о человеке отличается от представлений о нем, отраженное в народных забавных историях *чуен чанг* других регионов страны. Люди из самой южной провинции Камау осваивали новые земли, строили поселки и деревни, противостояли дикой природе, богатой как материальными ресурсами, так и невидимыми природными силами. По этой причине в этих историях природа будто окутывает, скрывает персонаж. Истории Ба Фи – это увеличенная картина природы, которую персонаж "показывает" слушателю. Она результат его отношений с природой и, говоря в более широком смысле, ее источником являются отношения людей, осваивающих новые южные земли страны.

Представления об окружающем мире, природе, воплощались в рассказах Ба Фи в форме забавных историй, главным персонажем которых является он сам. Таковы рассказы "Волшебная нить", "Медовое стропило", "Охота на диких кабанов", "Ходячая слива", "Дракон Питон", "Колосящий рис" и многие другие [1].

Возможно, во времена освоения земель региона Камау, природа этого края была богата "материальными и нематериальными ценностями", но не в такой мере, как она описывалась в гротескных историях дядюшки Ба Фи. Но преувеличение ему простительно, так как в нем выразилось желание человека покорить природу, желание людей освоить и обработать новую землю. Притяжение природы увело сюжетную линию цикла историй Ба Фи в другое русло, и конфликт между героем Ба Фи и его оппонентами отличается от историй о дядюшке-птицелове и о высокоученом Куине с севера.

Художественное пространство в историях дядюшки Ба Фи – это природа, а не социум как в историях о дядюшке-птицелове и высокоученом Куине. Главным

художественным приемом этих историй является гротеск, все повествование стремится к гротеску. Гротеск – это цель этих историй. Совокупность гротескных деталей историй Ба Фи – это мир логически связанных между собой гротескных частиц, собранных воедино с целью вызвать смех у слушателя и заставить его поверить в парадоксальную ситуацию/небылицу, структура каждой из историй этого цикла строится по следующей схеме:

Правдивая / Реальная деталь + Гротескное повествование + Деталь А'

Реальное событие + Развитие события + Событие А'

(Сокращенно: А) (по правдоподобности) (На самом деле А' – это гротескный вариант А).

История завершается, когда компонент А' проявляется в полной мере. Поэтому функция повествования заключается в том, чтобы создать ряд деталей, правдоподобных и гротескных, чтобы вовлечь слушателя в мир создания персонажа. Кажется, что и сам персонаж, понимая это, завершает повествование следующим утверждением: "Не веришь, так спроси у своей жены!" Образно выражаясь, у дядюшки Ба Фи есть увеличительное стекло, и он приглашает слушателей взглянуть через него на какой-либо предмет, а потом говорит слушателям, что этот увеличенный предмет и есть предмет настоящий" [2, с. 18, 19]. Эта увеличенная "картина" есть природа Камау; художественное пространство здесь – это природа со всеми её богатствами, а не загнивающее феодальное общество, обнажающее свои трагикомические черты.

Давая общую оценку историям о Ба Фи, вьетнамский исследователь Нгуен Суан Кинь пишет следующее: "Истории дядюшки Ба Фи – это достаточно новые произведения. Способом высмеивания в них выступает гротеск. Во многих историях этого цикла главный герой сам ведет повествование от первого лица, чего нет в историях о дядюшке-птицелове, остряке по имени Поросенок, высокоученом Куине, Сиене из деревни Бот, поэте-сатирике Базай-Тусуате, Нгуен Кине и Тху Тхиеме" [9, с. 146–147].

Таким образом, вместе с циклом историй о дядюшке-птицелове, цикл забавных историй дядюшки Ба Фи из самых южных областей Вьетнама вносит свой вклад в сокровищницу вьетнамских народных забавных историй *чуен чанг*. При этом каждый из этих двух циклов обладает своей отдельной ценностью. Если для историй о дядюшке-птицелове более характерны описания отношений между людьми, то в историях Ба Фи внимание сфокусировано на силах природы. В первом случае, истории обличают пороки и пагубные привычки человека, а во втором – читателю раскрываются материальные и нематериальные богатства природы.

В целом процесс сбора и исследования народных забавных историй об умниках *чуен чанг*, в период с 1913 г. по настоящее время дал много замечательных результатов, главным из которых стало подтверждение того, что этот жанр является частью вьетнамской народной прозы, что Вьетнам обладает сокровищницей народных забавных историй об умниках со своими особенными и уникальными персонажами, которые присутствуют только в этом жанре фольклора Южного Вьетнама и вместе составляют одну "семью" с дядюшкой-птицеловом и Ба Фи.

Эти особенности не отрицают наличия общих черт с народными забавными историями *чуен чанг* других регионов Вьетнама, где фигурируют персонажи "старшего возраста". Это такие истории, как истории об ученом Лоне, высокоученом Куине, Ба Зае, Ту Суате, Тху Тхиеме и другие. Фольклорные персонажи из Южного Вьетнама делают народные истории об умниках "моложе" и актуальней.

Заключение

В сокровищнице вьетнамского фольклора содержится достаточно много забавных народных историй *чуен чанг* с яркими и колоритными персонажами-выходцами из Южного Вьетнама. Повествования о них составляют целые циклы (серии), в которых все истории имеют одних и тех же главных героев – мудрых деревенских остряков, способных заткнуть за пояс любого толстосума или тупого и жадного самодура-чиновника и надменного вельможу. Особенно популярными в Южном Вьетнаме являются истории о деревенских умниках-остряках – дядюшках Бо

Нине, Там Ко, Бай Ле, но особенно о дядюшке-птицелове Ба Фи и других. Эти персонажи, несмотря на то что каждый из них неразрывно связан со своим родным селением (малой родиной), известны во всем Южном Вьетнаме. Хотя истории *чуен чанг* издавались неоднократно отдельными сборниками в разные годы, однако они остаются до сих пор еще недостаточно изученными вьетнамскими фольклористами. В частности, остается открытым вопрос о том, к какому жанру отнести все эти истории: к сказкам, анекдотам, быличкам или другим видам фольклора.

Южно-вьетнамские народные забавные истории *чуен чанг*, являясь особым фольклорным жанром, образуют отдельный подвид богатого вьетнамского фольклора. Они вносят свою лепту в понимание мировоззрения, менталитета, верований, национального характера южно-вьетнамских жителей, видения ими окружающего мира, его повседневной жизни, социального устройства. Забавные истории *чуен чанг* также указывают на такие важные черты национального характера жителей Южного Вьетнама, как их патриотизм, свободолюбие, оптимизм, умение стойко переносить тяготы жизни, житейский ум, смекалка, смелость, находчивость, здоровый и тонкий юмор, любовь к меткому слову и остроумной шутке. Являясь достоянием народной культуры, веселые и озорные истории *чуен чанг* общезначимы не только для жителей юга Вьетнама, но и для всей страны. Поэтому они близки и понятны каждому вьетнамцу, где бы он ни проживал. Забавные истории об умниках и остряках Южного Вьетнама – неотъемлемая часть богатой вьетнамской народной культуры.

Литература

1. *Bác Ba Phi, con người và tác phẩm*, nxb Văn hóa Văn nghệ thành phố Hồ Chí Minh, 2018. 303 tr 2018. 303 s. = Дядюшка Ба Фи: человек и его сочинения. Хошимин: Изд-во Культура и искусство, 2018. 303 с.
2. Bùi Mạnh Nhị, Trần Tấn Vĩnh, Nguyễn Tấn Phát, *Truyện cười dân gian Nam Bộ*, nxb Thành phố Hồ Chí Minh, 1989. 254 tr. = Буй Мань Ни, Чан Тан Винь, Нгуен Тан Фат. Народный смех Южного Вьетнама. Хошимин.: Изд-во г. Хошимина, 1989. 254 с.
3. Bùi Quang Nho, *Truyện ông Ó, Nhà in Huỳnh Kim Danh, Sài Gòn*, 1913. 130 tr = Буй Куанг Нью. Истории о дядюшке-птицелове О. Сайгон.: Изд-во Хуинь Ким Зань, 1913. 130 с.
4. Huynh Ngọc Trang, Pham Thieu Huong. *Tổng tập văn học dân gian Nam Bộ, tập 1, quyển 1*, Nxb Văn hóa văn nghệ tp HCM, 2020. 855 tr. = Хуинь Нгок Чанг, Фам Тхиеу Хыонг. Полное собрание фольклора Южного Вьетнама. Ч1. Книга 1. Хошимин: Изд-во Культура и искусство, 2020. 855 с.
5. Nguyễn Chí Bền. *Thử xác định đặc điểm thể loại truyện trạng trong văn học dân gian Việt Nam*, Nguồn sáng dân gian số 1/2004, tr. 21, 50- 55. = Нгуен Ти Бен. Попытка определения жанра забавных историй об умниках во вьетнамском фольклоре // Источник света народного творчества. 2004. № 4. 167 с.
6. Nguyễn Chí Bền, *Tìm hiểu một số hiện tượng văn hóa dân gian Bến Tre*, nxb Khoa học xã hội, Hà Nội, 1997, 237 tr. = Нгуен Ти Бен. К пониманию ряда явлений народной культуры провинции Бенче. Ханой, 1997. 237 с.
7. Nguyễn Ngọc Chiến, *Định vị truyện trạng trong dòng tự sự dân gian Việt Nam*, Tạp chí Khoa học Đại học Đà Lạt, *Chuyên san Khoa học Xã hội và Nhân văn*, Tập 9, Số 4, 2019. tr. 180 = Нгуен Нгок Тиен. Определение забавных историй об умниках в потоке вьетнамского фольклора // Наука. Далатский институт, 2019. № 4. 180 с.
8. Nguyễn Phương Thảo, Hoàng Thị Bạch Liên, *Văn học dân gian Bến Tre*, nxb Khoa học xã hội, Hà Nội, 1988. = Нгуен Фыонг Тхао, Хоанг Тхи Бать Лиен. Фольклор провинции Бенче. Ханой: Изд-во "Общественные науки", 1988. 131 с.
9. Nguyễn Xuân Kính *Bài Một nét riêng của truyện kể bác Ba Phi // Bác Ba Phi, con người và tác phẩm*, Nxb Văn hóa văn nghệ tp HCM, 2018, tr 146, 147. = Нгуен Суан Кинь. Некоторые особенные черты в рассказах дядюшки Ба Фи // Дядюшка Ба Фи: человек и дело. Хошимин: Изд-во Культура и искусство, 2018. С. 146-147.
10. Nguyễn Việt Tùng, *Chuyện vui Ba Phi, Hội Văn nghệ Minh Hải xb*, 1979 = Нгуен Вьет Тунг. Забавные истории Ба Фи. Хошимин: Изд-во Ассоциации Минь Хай, 1979. 276 с.
11. Phạm Lan Oanh, Nguyễn Chí Bền, *Tổng tập văn học dân gian người Việt, tập 9 – Truyện cười phần truyện trạng*, nxb Khoa học xã hội, H, 2005. 1057 tr. = Фам Лан Оань, Нгуен Ти Бен. Полное собрание вьетнамского фольклора: Забавные истории об умниках: сборник. Т. 9. Ханой: Изд-во Общественные науки, 2005. 1057 с.
12. Phan Anh Tuấn, *Những câu chuyện lý thú của bác Ba Phi*, nxb thành phố Hồ Chí Minh, 1990. 81 tr. = Фан Ань Туан. Интересные истории дядюшки Ба Фи. Хошимин: Изд-во г. Хошимина, 1990. 81 с.
13. Thạch Phương, *Đoàn Tử đồng chủ biên, Địa chí Bến Tre*, nxb Khoa học xã hội, Hà Nội, 1991, tr. 613 = Тхатъ Фыонг. Справочник по культуре, истории и географии провинции Бенче. Ханой: Изд-во "Обще-

ственные науки", 1991. 613 с.

14. Thạch Phương, Huỳnh Lứa, Hồ Lê, Nguyễn Quang Vinh, Văn hóa dân gian người Việt Nam Bộ, nxb Khoa học xã hội, Hà Nội, 1992, 271 tr. = Тхать Фыонг, Хуинь Лыа, Хо Ле, Нгуен Куанг Винь. Фольклор Южного Вьетнама. Ханой: Изд-во "Общественные науки", 1992. 271 с.

15. Thạch Phương, Nguyễn Chí Bền, Mai Hương, Kho tàng truyện trạng Việt Nam, nxb Khoa học xã hội, Hà Nội, tập 3, 1995, 219 tr. = Тхать Фыонг, Нгуен Ти Бен, Май Хыонг. Сокровищница вьетнамских народных забавных историй об умниках. Т. 3. Ханой: Изд-во Общественные науки, 1995. 219 с.

16. Triều Nguyên, Truyện trạng Việt Nam, sưu tầm, tuyển chọn, giới thiệu, Nxb Văn hóa Thông tin, 2014, tập 1. 407 tr., tập 2. 407 tr. = Чиеу Нгуен. Избранные забавные рассказы Вьетнама. Изд-во Культура и информация, 2014. Ч. 1. 407 с., Ч. 2. 407 с.

17. Triều Nguyên, Xác định thể loại truyện Ba Phi, tạp chí Khoa học, Đại học Văn hiến, 2017. tập 5, số 5, tr. 38-45. = Чиеу Нгуен. Определение жанра Забавных историй дядюшки Ба Фи. Ханой: Изд-во "Наука". Институт традиционной культуры, 2017. № 5. 154 с.

18. Trương Chính và Phong Châu, Tiếng cười dân gian Việt Nam, nxb Khoa học xã hội, Hà Nội, 1979. 412 tr. = Чыонг Тинь, Фонг Тяу. Вьетнамский народный смех. Ханой: Изд-во Общественные науки, 1979. 412 с.

19. Vũ Ngọc Khánh, Kho tàng truyện cười Việt Nam, nxb Văn hóa Thông tin, Hà Nội, tập 3, 1995. 826 tr. = Ву Нгок Кхань. Сокровищница вьетнамских анекдотов. Выпуск 3. Ханой: Изд-во Культура и информация, 1995. 826 с.

References

1. Uncle Ba Phi: The Man and the Deed. Ho Chi Minh City.: Culture and Art Publishing House, 2018. 303 p. (In Viet.).

2. Bui Manh Ni, Tran Tan Vinh, Nguyen Tan Phat. The people's laughter of South Vietnam. Hochiminh City: Hochiminh City Publishing House, 1989. 254 p. (In Viet.).

3. Bui Quang Nio. Stories about Uncle Birdcatcher O. Saigon: Huynh Kim Zan Publishing House, 1913. 130 p. (In Viet.).

4. Huynh Ngoc Trang, Pham Thieu Huong. Complete Collection of Folklore of South Vietnam. Part 1. Book 1. Ho Chi Minh City: Culture and Art Publishing House, 2020. 855 p. (In Viet.).

5. Nguyen Thi Ben. An attempt to define the genre of funny stories about smart guys in Vietnamese folklore // Source of light of folk art. 2004. No. 4. 167 p. (In Viet.).

6. Nguyen Thi Ben. Towards an understanding of a number of phenomena of the folk culture of Ben Tre province. Hanoi, 1997. 237 p. (In Viet.).

7. Nguyen Ngoc Tien. Identification of Funny Stories about Smart People in the Stream of Vietnamese Folklore // Science. Dalat Institute, 2019. No. 4. 180 p. (In Viet.).

8. Nguyen Phuong Thao, Hoang Thi Bach Lien. Folklore of Ben Tre Province. Hanoi: Social Sciences Publishing House, 1988. P. 131. (In Viet.).

9. Nguyen Xuan Kinh. Some Special Features in Uncle Ba Phi's Stories // Uncle Ba Phi

10. Nguyen Viet Tung. Funny stories of Ba Phi. Ho Chi Minh City: Publishing House of the Association of Cultural Figures and Artists "Minhai", 1979. 246 p. (In Viet.).

11. Pham Lan Oanh, Nguyen Thi Ben. Complete collection of Vietnamese folklore: Funny stories about smart guys: collection. Vol. 9. Hanoi: Social Sciences Publishing House, 2005. 1057 p. (In Viet.).

12. Phan Anh Tuan. Interesting Stories of Uncle Ba Phi. Ho Chi Minh City: Ho Chi Minh City Publishing House, 1990. 81 p. (In Viet.).

13. Thạch Phương. Handbook of the Culture, History and Geography of Ben Tre Province. Hanoi: Social Sciences Publishing House, 1991. 613 p. (In Viet.).

14. Thạch Phương, Huỳnh Lứa, Hồ Lê, Nguyễn Quang Vinh. Folklore of South Vietnam. Hanoi: Publishing House "Social Sciences", 1992. 271 p. (In Viet.).

15. Thạch Phương, Nguyễn Thị Bền, Mai Hương. A Treasury of Vietnamese Folk Funny Stories about Smart Guys. Vol. 3. Hanoi: Social Sciences Publishing House, 1995. 219 p. (In Viet.).

16. Triều Nguyên. Selected funny stories of Vietnam. Publishing house Culture and information. 2014. Part 1. 407 p., Part 2. 407 p. (In Viet.).

17. Triều Nguyên. Definition of the genre of Uncle Ba Phi's Funny Stories. Hanoi: Nauka Publishing House. Institute of Traditional Culture, 2017. No. 5. 154 p. (In Viet.).

18. Trương Tinh, Phong Châu. Vietnamese Folk Laughter. Hanoi: Social Sciences Publishing House, 1979. 412 p. (In Viet.).

19. Vũ Ngọc Khánh. A Treasury of Vietnamese Anecdotes. Issue 3. Hanoi: Culture and Information Publishing House, 1995. 826 p. (In Viet.).

ФАМ ЛАН ОАНЬ, доктор филологии, зам. директора Национального института культуры и искусств, г. Ханой, Вьетнам, e-mail: lanoanhvht@gmail.com

Александр Якубович СОКОЛОВСКИЙ, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: sokolovskiy.aya@dvfu.ru

PHAM LAN OANH, Ph. D. (in Philology), Vice-President, Vietnam National Institute of Culture and Arts Studies, Hanoi, Vietnam, e-mail: lanoanhvht@gmail.com

Alexander Ya. SOKOLOVSKY, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: sokolovskiy.aya@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 21.07.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 18.05.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.09.2024

Аспекты торгово-экономического сотрудничества России и Таиланда в конце XX – начале XXI вв.

Анна Владимировна СИМОНЕНОК

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, asimonenok@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена торгово-экономическим отношениям России и Таиланда на современном этапе, которые рассматриваются в контексте истории развития двустороннего сотрудничества. Анализируется динамика товарооборота за последние 30 лет, специфика товарной номенклатуры, выявляются факторы, оказывающие влияние на объёмы российско-тайландской торговли. Раскрываются особенности инвестиционного сотрудничества двух стран. Период 1990-х – 2010-х годов показан как очередной этап российско-тайландских торгово-экономических связей, которые в новых исторических условиях дополнились новыми чертами, но во многом сохранили преемственность.

Ключевые слова: Таиланд, Россия, экономические связи, двусторонняя торговля, инвестиции

Для цитирования: Симоненок А. В. Аспекты торгово-экономического сотрудничества России и Таиланда в конце XX – начале XXI вв. // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 46–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/46-55>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/46-55>

Aspects of trade-economic cooperation between Russia and Thailand on the cusp of XX – XXI centuries

Anna V. SIMONENOK

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, asimonenok@yandex.ru

Abstract. The work examines the modern trade-economic relations between Russia and Thailand in the context of the history of bilateral relations. The period of the 1990–2010s is shown as the next stage of Russian–Thai trade and economic cooperation, which largely maintain continuity, but in the new historical conditions have complete by new features. The author reviews commodity nomenclature and the dynamics of trade turnover over the past 30 years, investigates the factors influencing the volume of Russian–Thai trade, analyzes the level of investment ties and the profile of Russian and Thai investors.

Keywords: Thailand, Russia, economic cooperation, bilateral trade, investment

For citation: Simonenok A. V. Aspects of trade-economic cooperation between Russia and Thailand on the cusp of XX – XXI centuries // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 46–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/46-55>

Официальная история российско-тайских связей ведёт своё начало с июля 1887 г. – даты установления дипломатических отношений между Российской империей и Сиамом¹ – и насчитывает уже более 125 лет. На протяжении этого периода торгово-экономические контакты играли то доминирующую, то подчинённую роль и вносили разный вклад в практику двустороннего взаимодействия.

Становление экономических связей

В конце XIX – начале XX вв. торговые отношения заметно отставали от активно развивающихся русско-сиамских политических связей. Товарооборот с Сиамом был крайне незначительным. Более-менее заметные показатели фиксировались в 1890-е гг. за счёт экспорта русского керосина. В 1898 г. его было поставлено в Сиам на сумму 308 тыс. долл. [9, с. 284]. Но начавшийся в 1900 г. экономический кризис подорвал торговлю керосином, и с 1901 г. этот российский товар на сиамском рынке больше не появлялся. Импорт из Сиам в отдельные годы измерялся

¹ Королевство Таиланд официально называлось Сиам до 1939 г. и в 1945–1948 гг.

несколькими тысячами долларов и был представлен весьма ограниченными объёмами тика, а также небольшим количеством риса (для Владивостока).

Смена политического режима в России в 1917 г. не изменила характер торгово-экономических связей с Сиамом. Они находились почти на нулевой отметке, так что даже разрыв дипломатических отношений в 1918 г. не смог кардинально повлиять на ситуацию.

Некоторое оживление торговых контактов стало отмечаться лишь в послевоенные годы. К 1970-м гг. темпы роста ускорились и был уже замечен очевидный прогресс. С этого момента торгово-экономическое сотрудничество стало основным направлением двусторонних отношений, которое опережало все другие сферы взаимодействия. Подписание в 1970 г. торгового соглашения, которое стало первым в советско-тайландской истории межправительственным документом, регулирующий двусторонние отношения, способствовало расширению советско-тайландских торговых связей. Товарооборот увеличивался кратно. Если в 1950-е гг. он составлял всего 0,3-0,5 млн руб., в 1960-е – 3-4 млн руб., то 1970-е гг. – 10-20 млн руб., а в 1980-е гг. – 100-200 млн руб. [3, с. 556–557; 4, с. 234; 5, с. 186, 218, 234; 6, с. 256; 7, с. 266–267].

Несмотря на то, что торгово-экономические контакты стали наиболее динамично развивающимся направлением двустороннего взаимодействия во второй половине XX в., они продолжали оставаться крайне ограниченными. Во многом было связано с отсутствием у Советского Союза и Таиланда коммерческого интереса друг к другу. Таиланд имел близкую к монокультурной структуру экспорта (каучук, рис), его продукция была невысокого качества и зачастую предлагалась по завышенным ценам. Советские товары также слабо выдерживали конкуренцию на тайландском рынке, заметно уступая высокотехнологичной продукции, завозимой из промышленно развитых стран Европы и США. Из СССР в Таиланд поставлялись в очень незначительных объёмах минеральные удобрения, бумага, некоторые виды машин и оборудования. В 1970–1980-е гг. Советский Союз сохранял устойчиво отрицательное сальдо в торговле с Таиландом, которое увеличивалось пропорционально увеличению двустороннего товарооборота.

Торговое сотрудничество в 1990-е – 2010-е гг.

С распадом СССР начался новый этап в российско-тайландских отношениях. К нему стороны подошли с очень низкими показателями торгово-экономического взаимодействия. По данным российской статистики, в 1991 г. двусторонний товарооборот составлял 490 млн. руб., по тайским данным – 325 млн долл. [2, с. 37; 21]. Однако либерально-демократическая волна, охватившая в 1990-е гг. Россию и мир, открыла окно возможностей для расширения связей. Инициированная российским правительством активная либерализация экономики, происходившая на фоне благоприятной внешнеполитической обстановки, снятия идеологических барьеров и разрушения стереотипов, способствовала резкому росту в первой половине 1990-х гг. российско-тайландской торговли.

По тайским данным, в 1995 г. товарооборот РФ и Таиланда составил 1,7 млрд долл., при этом дисбаланс был огромным: 1,2 млрд долл. составлял экспорт российских товаров. Российская продукция на тайландском рынке была представлена в основном металлопрокатом и металлоломом. В 1990-е гг. на долю металлов приходилось 70-80% всей двусторонней торговли. Из Таиланда в Россию завозились традиционные товары: сахар-сырец, рис, текстиль, одежда. Поставки осуществлялись в очень незначительных объёмах – 200-400 млн долл. (до середины 1990-х гг.), что создавало сильный торговый дисбаланс в пользу России. [21].

Резкий взлёт торговых отношений на этом этапе был прерван негативными макроэкономическими факторами: азиатским финансовым кризисом 1997-98 гг., обрушившим экономику Таиланда, и крупнейшим в новейшей истории России экономическим кризисом 1998 г., который сопровождался дефолтом и девальвацией. В 1998 г. двусторонний товарооборот упал до рекордно низких 178 млн долл. (меньше чем в 1980-е гг.) (см. рис. 1).

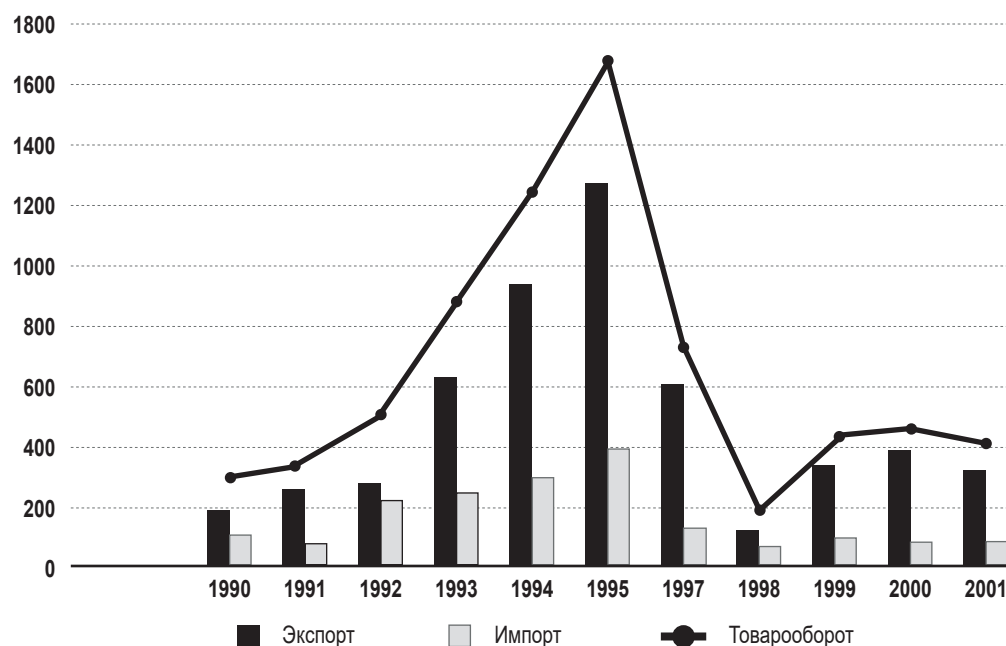

Рис. 1. Товарооборот России с Таиландом в 1990–2001 гг. (млн долл.).

Источник: составлено автором на основе: [17; 21].

Fig. 1. Trade turnover Russia with Thailand 1990–2001 (million USD).

Source: compiled by the author based on: [17; 21].

От экономических шоков российско-тайская торговля смогла оправиться довольно быстро и уже через 5 лет вернулась к докризисным показателям. По данным министерства торговли Таиланда, в 2004 г. товарооборот с Россией достиг 1,3 млрд долл. и в последующие годы показывал высокие темпы роста. К 2011 г. объём двусторонней торговли увеличился более чем в 4 раза до 5,7 млрд долл. (см. рис. 2).

Высокие экспортные показатели были достигнуты за счёт выхода на тайландский рынок российской нефти. Таиланд впервые начал экспортировать нефть из России в середине 2000-х гг. Первые два года в незначительных объёмах – 20–30 млн тонн, а к концу десятилетия поставки возросли кратно до 800 млн долл. в 2008 гг. По данным тайской статистики, в конце 2000-х гг. нефть заняла второе место, с долей 30%, в списке российских товаров, поставляемых в Таиланд (на первом располагались чёрные металлы (36%)). А в 2010-х гг. стала уже основным российским продуктом на тайландском рынке. В 2011 г. её было закуплено на сумму 2,6 млрд долл. (более 50% поставок из России) [25]. В этот год был зафиксирован наивысший объём двусторонней торговли за всю историю российско-тайландских отношений (как предшествующую 2011 году, так и последующую). Российские источники дают цифру 4,1 млн долл, а тайские – 5,7 млн долл. Однако в общем объёме внешнеторговых связей эти показатели оказались ничтожно малы. Доля Таиланда в товарообороте РФ в 2011 г. составила всего 0,5%, а доля России в торговле Таиланда – 1,2% [16; 24].

Характер торгово-экономических отношений России и Таиланда в 2000-е гг. не изменился. Увеличение товарооборота шло за счёт увеличения экспорта России. Согласно тайским источникам, в 2011 г. поставки российской продукции превосходили закупки тайландских товаров в 4 раза. Таиланд имел стабильно отрицательное сальдо в торговле с РФ, которое составляло в 2005 г. – 1,3 млрд. долл., 2008 г. – 1,9 млрд., 2011 г. – 3,4 млрд. долл. [24].

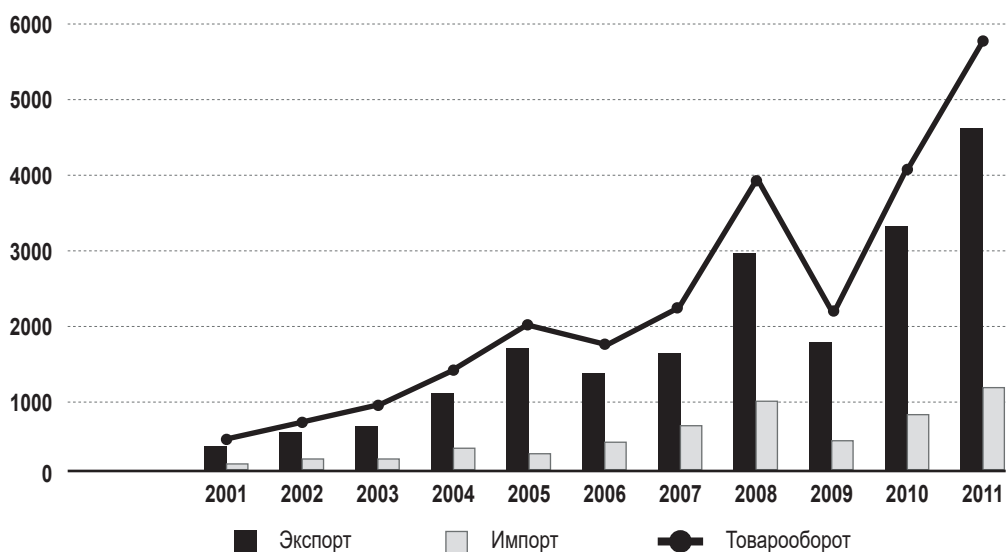

Рис. 2. Товарооборот России с Таиландом в 2001–2011 гг. (млн долл.).

Источник: составлено автором на основе: [24].

Fig. 2. Trade turnover Russia with Thailand 2001–2011 (million USD).

Source: compiled by the author based on: [24].

Между тем, согласно российской статистики, предоставляемой Федеральной таможенной службой РФ (ФТС РФ), картина была обратной – именно Россия в торговле с Таиландом имела отрицательное сальдо (за исключением отдельных лет) (см. табл. 1).

Столь существенное расхождение показателей обусловлено разницей в методологии подсчёта таможенных ведомств России и Таиланда. Таможенный департамент Таиланда ведёт учёт импорта по стране происхождения товаров, поэтому российская нефть, купленная Таиландом на бирже в Сингапуре, учитывается в тайландской статистике, как импортированная из России. Такая методика позволяет более объективно оценить объёмы российских товаров на тайландском рынке. В свою очередь, ФТС РФ также фиксирует импорт из Таиланда в объёмах больших, чем указывается в тайских реестрах, так как учитывает, в том числе, товары, которые поставляются в Россию через дочерние компании, зарегистрированные в третьих странах (в Европе, Китае).

На протяжении 2000–2010-х гг. львиную долю российского экспорта продолжали составлять нефть, металлы, минеральные продукты, удобрения, продукция химической промышленности. Среди тайских товаров лидирующую позицию с 2000-х гг. заняли машины и оборудование. Изменение структуры импорта из Таиланда в сторону увеличения доли машин и оборудования по сравнению с объёмами сырьевых товаров стало происходить в первые годы XXI в. Так, если в 2003 г. на машины приходилось 10%, в 2004 г. – около 20%, а в 2008 г. – почти 30% поставок из Таиланда [24]. В 2020 г. доля машин, оборудования и транспортных средств составляла уже 63,6% экспорта Таиланда в Россию, продукции химической промышленности, каучука – 15,6%, продовольственных товаров и с/х сырья – 10,4% [18].

Во второй половине 2010-е гг. происходят изменения в торговом балансе России и Таиланда. Значительное сокращение российского экспорта уменьшило диспропорции в структуре товарооборота, но привело к заметному снижению объёмов двусторонней торговли (см. рис. 3).

Резкий спад в 2015 г. не был напрямую связан с внутривнутриполитическими событиями (воссоединение Крыма с Россией, военный переворот в Таиланде (2014)), а стал следствием резкого падения цен на нефть на мировом рынке со 110 долл. за баррель в 2014 г. до 50-55 долл. в 2015 г. (в отдельные месяцы 2016 г. цена опу-

	Оборот		Экспорт		Импорт		Баланс	
	ФТС РФ	Минторг Таиланда	ФТС РФ	Минторг Таиланда	ФТС РФ	Минторг Таиланда	ФТС РФ	Минторг Таиланда
2006	906,5	1657,6	347,1	1272,5	559,5	385,1	-212,4	+887,4
2007	1336,7	2154,1	330,3	1537,9	1006,5	616,2	-676,2	+921,6
2008	2729,6	3821,5	1232,2	2862,4	1497,4	959,1	-265,2	+1903,3
2009	1373,4	2097,9	439,3	1692,2	934,1	405,7	-494,8	+1286,5
2010	2906,5	3995,8	1536,3	3224,7	1370,2	771,1	+166,1	+2453,6
2011	4107,2	5668,5	2126,1	4519,0	1981,1	1149,5	+145	+3369,5
2012	3383,0	5189	1411,7	4056,2	1971,3	1132,8	-559,6	+2923,4
2013	3355,9	4693,3	1272,6	3529,5	2083,4	1163,8	-810,8	+2365,7

Табл. 1. Сравнение данных ФТС РФ и Министерства торговли Таиланда по товарообороту России с Таиландом (млн долл.)

Источник: составлено автором на основе: [16; 24].

Table 1. Comparison of data from the Federal Customs Service of the Russian Federation and the Ministry of Trade of Thailand on Russian-Thai trade (million USD)

Source: compiled by the author based on: [16; 24].

скалась до 35 долл. за баррель). Поскольку в Таиланд поставляется не контрактная российская нефть, а биржевая, любые колебания на рынке нефти отражаются на стоимости экспорта, тем более когда этот сырьевой товар занимает такую значительную долю. По данным министерства торговли Таиланда, в 2014 г. при общей стоимости импорта из России в 3,7 млрд долл., на нефть было потрачено 2,5 млрд. долл. [24]. Поэтому падение в два-три раза цены на нефть повлекло за собой двукратное сокращение стоимостного баланса торговли России и Таиланда, при том что объёмы поставок изменились не сильно. Постепенное восстановление нефтяного рынка и возвращение цен до уровня 55-60 долл. в 2017 г. и 75-80 долл. в 2018 г. способствовало тому, что российско-таиландская торговля вновь начала расти.

Однако вернуться к высоким показателям 2014 г. сторонам так и не удалось. На развитие отношений в этот период оказывал влияние целый ряд сдерживающих факторов. Это прежде всего такие серьёзные вызовы, как всеобщая изоляция и ограничения, связанные с пандемией COVID-19 (2020–2021), нестабильность в Таиланде, вызванная политическим кризисом до и после военного переворота 2014 г., структурная перестройка российской экономики в условиях санкционного давления (особенно с начала специальной военной операции в 2022 г.). Свой негативный вклад вносили и локальные внутриэкономические проблемы. Так, например, наводнение в промышленных районах Центрального Таиланда и Бангкока в 2011 г. сильно ослабило производственный сектор, следствием чего стало снижение потребности таиландской промышленности в энергоресурсах, в результате в 2012–2013 гг. экспорт российской нефти несколько сократился (см. рис. 3).

В 2022–2023 гг. по данным как российской, так и тайской статистики, двусторонний товарооборот достиг рекордно низких показателей: 1,9 (2022) и 1,5 млрд долл. (2023) [10; 24]. Снижение произошло главным образом за счёт падения российского экспорта, российская нефть почти перестала поступать на рынок Таиланда. Основной причиной сложившейся ситуации стали санкции, наложенные на Россию после начала специальной военной операции. Здесь важно отметить, что Таиланд к санкциям не присоединился, и какие-либо дискриминационные барьеры, препятствующие расширению экспорта конкретно из России, в Королевстве отсутствуют. Однако жёсткое санкционное давление со стороны других участников мирового рынка нарушило цепочки поставок, логистические маршруты, си-

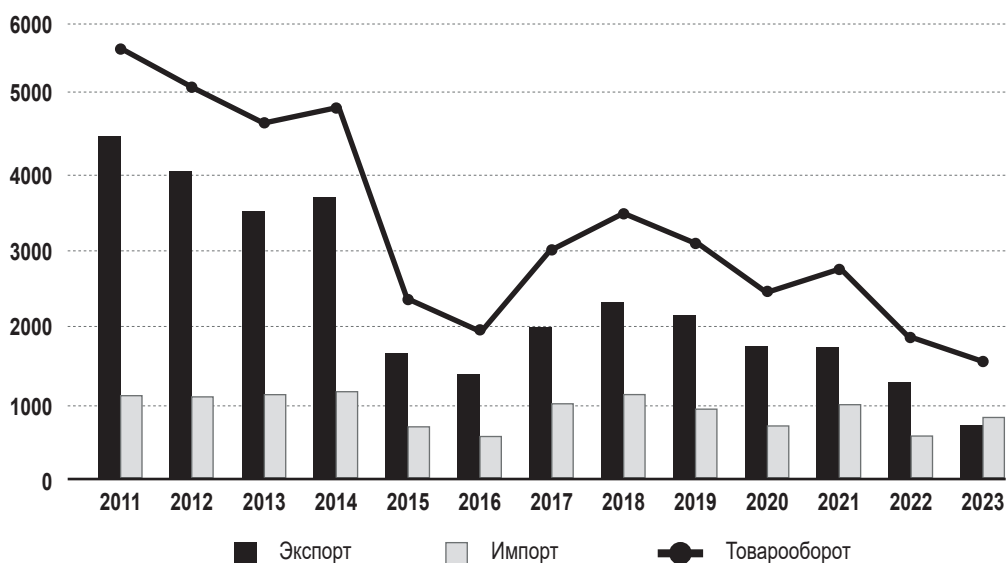

Рис. 3. Товарооборот России с Таиландом в 2011–2023 гг. (млн долл.).

Источник: составлено автором на основе: [24].

Fig. 3. Trade turnover Russia with Thailand 2011–2023 (million USD).

Source: compiled by the author based on: [24].

стему расчётов, разбалансировало инфраструктуру международной торговли, что негативно отразилось на двусторонней торговле.

В апреле 2023 г. на заседании смешанной российско-тайландской комиссии по двустороннему сотрудничеству было заявлено, что Минэкономразвития РФ оценивает потенциал экспорта России в Таиланд более чем в 20 млрд долл. По мнению российских чиновников, его наращиванию мог бы способствовать запуск новых логистических маршрутов. Один из таких транспортных путей уже работает – это морская линия между Владивостоком и портами Вьетнама, через которые Россия готова организовать траншипмент из портов Таиланда [1]. Однако пока данный проект остаётся в планах.

Инвестиционные связи

Российско-тайландское инвестиционное сотрудничество в настоящий момент находится на самом начальном этапе развития. В истории советско-тайландских отношений можно встретить единичные примеры совместных предприятий. Первое такое предприятие было создано в 1975 г. совместно с тайской пароходной компанией "THASOS Shipping & Agency". Советско-тайландская компания "ТАСОС" занималась координацией взаимодействий между заинтересованными тайландскими фирмами/организациями и советскими морскими судами, заходящими в тайландские порты. Много лет "ТАСОС" оставалась единственной совместной компанией с Таиландом. В 1989 г. появилось ещё одно предприятие – "Совпак" с уставным капиталом в 60 тыс. руб. Учредителями стали научно-производственное объединение "Полимербыт" (51 %) и бангкокская фирма "Аскак Лимитед Ко" (49 %). В сферу деятельности "Совпак" входила разработка на базе полимерных материалов и других изделий из пластмасс товаров народного потребления и их сбыт [13, с. 214–215].

С распадом Советского Союза эти контакты оборвались. Новые инвестиционные связи на новой основе начали налаживаться лишь в начале 2000-х гг. За 20 лет в этом направлении был достигнут определённый прогресс, но уровень инвестиционного сотрудничества остаётся невысоким.

Несмотря на то, что тайские компании проявляют интерес к инвестициям в Россию, реализованных инвестпроектов пока очень мало. По состоянию на 2017 г.

суммарный объем тайландских капиталовложений в российскую экономику оценивался в 1,6 млрд долл., на 2023 г. – около 2 млрд долл. [1; 14].

Среди успешных тайских инвесторов в России можно выделить "Charoen Pokphand Foods" (CPF) – промышленно-животноводческий холдинг, и "Warehouse Company" – производителя косметики. CPF является крупнейшим тайландским инвестором в РФ. Его дочернее предприятие работает в России с 2006 г. и реализует инвестиционный проект по строительству нескольких предприятий: комбикормового завода на территории Луховицкого района, птицефабрики под Санкт-Петербургом, 12 свиноферм в Московской, Калужской, Калининградской и других областях. Объем капиталовложений компании в экономику Российской Федерации в 2022 г. составил 1,8 млрд долл. [11]. Руководство CPF намерено расширить экономическое присутствие компании на российском рынке, в том числе за счет реализации планов по выращиванию и переработке сои на Дальнем Востоке России.

Ситуация с российскими инвестициями в Таиланде несколько иная. Количество российских компаний в Таиланде больше, чем тайских в России, и они охватывают более широкий спектр экономической деятельности. Однако по объёму капиталовложений Россия значительно уступает Таиланду. В 2017 г. объём российских инвестиций в Королевство оценивался всего в 500 с лишним млн долл. [14].

В Таиланде в настоящее время реализуется более двух десятков российских инвестиционных проектов в различных секторах. Преимущественно в сфере торговли и туризма, но есть и компании, занимающиеся программным обеспечением, научными исследованиями, производством ювелирных изделий и др. [15]. Все они, как правило, являются предприятиями малого и среднего бизнеса и инвестируют в небольших объёмах. Так, например, российская компания "Сибирское Золото" реализует проект аквапарка "Рамаяна Паттайя" инвестиционной стоимостью 28 млн долл., российско-тайландская компания "Amek Industries" – проект по производству деревянной мебели инвестиционной стоимостью 4,3 млн долл., российско-тайландская "Formica – Phianite Company" производит искусственные драгоценные камни, инвестиционная стоимость 600 тыс. долл., российско-французская компания "Weblogy Consulting" разрабатывает программное обеспечение, инвестиционная стоимость 132 тыс. долл. [23].

Расширение объёмов российско-тайландского инвестиционного сотрудничества возможно за счёт развития новых форм взаимодействия и освоения наиболее востребованных сегодня в Таиланде направлений экономической деятельности, среди которых на первом месте производство высокотехнологичной продукции и услуг. По мнению представителей тайского бизнеса, хорошие перспективы на тайландском рынке имеют компании, продвигающие инновационные продукты и новые передовые технологии [8].

Российские компании, реализующие высокотехнологичные проекты, действительно имеют конкурентное преимущество на рынке Таиланда. В качестве примера можно привести ГК "Росатом", которая в 2017 г. победила в тендере по проекту строительства в провинции Накхон Найок циклотронно-радиохимического комплекса. В настоящее время АО "Rusatom healthcare" совместно с тайландской компанией "Kinetics Corporation Ltd" приступила к завершающему этапу работ по возведению на территории Института ядерных технологий (TINT) Центра по производству радиофармпрепаратов, которые будут использоваться для диагностики онкологических и кардиологических заболеваний [12].

Говоря о российско-тайландском сотрудничестве невозможно обойти вниманием сферу туризма, которая является одним из самых динамичных направлений двустороннего взаимодействия. Таиланд давно стал популярным местом отдыха россиян. Число российских туристов, ежегодно посещающих Таиланд, за два последних десятилетия выросло на порядок со 100 тыс. в 1997 г. до 1,1 млн человек в 2017 г. [20]. После резкого спада, вызванного ковидными ограничениями (в 2022 г. страну посетило всего 435 тыс. россиян), Таиланду удалось в 2023 г. полно-

стью восстановить потерянные за время пандемии объемы российского турпотока и даже немного их превысить. Как сообщил Российский союз туриндустрии со ссылкой на данные управления по туризму Таиланда, в 2023 г. Королевство посетили 1,48 млн российских туристов, что на 10 тыс больше, чем в допандемийном 2019 г. [19]. По количеству туристов, отдыхающих в Таиланде, Россия продолжает оставаться безусловным лидером среди неазиатских стран и занимает пятое место среди всех стран (после Малайзии, Китая, Южной Кореи и Индии).

Число тайских туристов, приезжающих в Россию, в разы ниже. По данным министерства по туризму и спорту Таиланда, до пандемии (2018) их было около 70 тыс. человек, что составило лишь 0,3% от всех иностранных туристов в России [22].

Заключение

Российско-таиландские торгово-экономические связи прошли трудный этап становления. На протяжении десятилетий они имели крайне слабую динамику развития и играли второстепенную роль в общем комплексе двусторонних отношений. В 1970–1980-х гг. положение изменилось, торговые контакты начали развиваться динамично, опережая другие направления сотрудничества. Эта тенденция продолжилась в 1990-е гг., когда после падения железного занавеса Россия и Таиланд резко активизировали торгово-экономические связи, которые на рубеже XX – XXI вв. стали выступать в роли драйвера двустороннего взаимодействия.

Наибольшего прогресса стороны добились в сфере товарообмена. И хотя объём двусторонней торговли в абсолютных цифрах на протяжении 1990-х – 2010-х гг. оставался весьма скромным и в лучшие годы не доходил до 6 млрд долл., к 2014 г. стороны смогли достичь значительных результатов в торговом сотрудничестве по сравнению с очень низкими показателями двустороннего товарооборота, которые фиксировались в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Прогресс отмечается и в инвестиционных связях России и Таиланда. В 1990-х гг. они начали развиваться фактически с нуля, и за это время появилось несколько десятков совместных предприятий. Однако пока российско-таиландское инвестиционное сотрудничество остаётся относительно новым и недостаточно хорошо освоенным направлением взаимодействия, и уровень его сохраняется невысоким. Дополнительными сдерживающими факторами для активного роста как российских, так и тайских инвестиций являются ограниченные инвестиционные возможности сторон.

Говоря о перспективах, важно учитывать историю взаимоотношений и понимать внутреннюю логику развития двусторонних торгово-экономических связей. За 127 лет отношений Россия и Таиланд не смогли стать друг для друга важными и необходимыми торговыми партнёрами. Это было обусловлено не только субъективными причинами: политическое недоверие и настороженность, санкционные и протекционистские меры, слабые знания торговых представителей об особенностях рынков России и Таиланда. Определяющее значение имели объективные факторы: значительная удалённость стран друг от друга, отсутствие удобных логистических коридоров, узкий ассортимент как российских, так и тайских товаров, а также их низкая конкурентоспособность по цене и по качеству на внешних рынках (обусловленной недостаточным уровнем промышленного производства и дороговизной транспортировки).

Все вышеперечисленные факторы сохраняют свою актуальность и сегодня, выступая серьёзным препятствием для развития российско-таиландских торгово-экономических связей. Преодолеть их возможно только через решение внутриэкономических проблем России и Таиланда – повышение качества и ассортимента производства, расширение экспортного потенциала, создание новых доступных и удобных логистических маршрутов.

Литература

1. В Бангкоке состоялось первое после пандемии заседание Смешанной Российско-Таиландской Комиссии по двустороннему сотрудничеству // Министерство Российской Федерации по развитию Даль-

него Востока и Арктики. 27.04.2023. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/v_bangkoke_sostoyalos_pervoe_posle_pandemii_zasedanie_smeshannoy_rossiysko_tailandskoy_komissii_po_d/ (дата обращения: 10.04.2024).

2. Внешнеэкономические связи Российской Федерации. 1992: стат. сб. М.: Республиканский информационный центр, 1992. 118 с.

3. Внешняя торговля Союза ССР за 1955–1959 годы: стат. сб. М.: Внешторгиздат, 1961. 623 с.

4. Внешняя торговля СССР в 1980 г.: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1981, 279 с.

5. Внешняя торговля СССР в 1989–1990 гг.: стат. сб. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. 266 с.

6. Внешняя торговля СССР за 1968 г.: стат. сб. М.: Международные отношения, 1969. 300 с.

7. Внешняя торговля СССР за 1975 г.: стат. сб. М.: Международные отношения, 1976. 312 с.

8. Инновации – ключ к выходу на рынок // Международное сотрудничество. Мост дружбы: Россия – Таиланд. Тематическое приложение к еженедельнику "Экономика и жизнь". 2015. № 44. С. 9.

9. Козлова М. Г. Россия и страны Юго-Восточной Азии / М. Г. Козлова. М.: Наука, 1986. 327 с.

10. Посол РФ в Таиланде: товарооборот между двумя странами в 2023 году снизился на 17% // ТАСС. 10.02.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19949799> (дата обращения: 16.04.2024).

11. Россия и Таиланд. Экономические связи // МИД РФ. URL: https://thailand.mid.ru/ru/countries/ekonomicheskie_svyazi/ (дата обращения: 10.04.2024).

12. "Русатом Хэлскеа" и "НИИЭФА" провели тренинг по техобслуживанию циклотронного комплекса для Института ядерных исследований Таиланда // Интернет-портал сообщества ТЭК. 09.06.2022. URL: <https://energyland.info/analytic-show-229407> (дата обращения: 10.04.2024).

13. Совместные предприятия СССР. Справочник. М.: Центр "Экко", 1990. 303 с.

14. Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Россия – Таиланд: 120 лет взаимного уважения и доверия", опубликованная в еженедельнике "Matchon Weekly" (Таиланд) // МИД РФ. 04.12.2017. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/th/1558088/> (дата обращения: 25.03.2024).

15. Таиланд – Россия: разделяя общее прошлое, вместе строить общее будущее. Интервью министра иностранных дел Королевства Таиланд Дон Праматвиная // Международная жизнь. 2017, № 11. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1934> (дата обращения: 10.04.2024).

16. Таможенная статистика // ФТС РФ. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 07.04.2024).

17. Торгово-экономические отношения России и Таиланда // МИД РФ. 23.10.2002. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1678396&lang=ru> (дата обращения: 04.03.2024).

18. Торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации с Королевством Таиланд // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/c210a2b7161aba410d9451e3e78e70a0/TEC_Thailand_May_2021.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

19. Турпоток в Таиланд из России в 2023 году превысил показатель 2019 года // Интерфакс. 10.01.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/939545> (дата обращения: 10.04.2024).

20. Чарумани К. Особенности современного взаимовыгодного сотрудничества России со странами АТЭС на примере Таиланда // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 4. С. 45–48.

21. นันทวัลย์ ศกุนตนาค สหพันธ์รัฐสเซียตลาดใหม่ที่ท้าทายของไทย // กรมส่งเสริมการค้าระหว่างประเทศ กระทรวงพาณิชย์ = Нантаван Сакунтанак. Российская Федерация – новый перспективный рынок Таиланда // Департамент внешней торговли Министерства торговли Таиланда. URL: https://www.ditp.go.th/contents_attach/78687/78687.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

22. ถังพอล จรุงจิตพัฒนากุล ปรับโฟกัส มองรัสเซีย โอกาสของธุรกิจไทย. // Focused and Quick. 2020. Iss. 172 = Натчапон Тярунпипаткун. Фокусный взгляд на Россию и возможности для тайского бизнеса. URL: <https://content.botlc.or.th/mm-info/BOTCollection/BOTFAQ/FAQ172.pdf> (дата обращения: 18.04.2024).

23. สหพันธ์รัฐสเซีย // กระทรวงการต่างประเทศ = Российская Федерация // Министерство иностранных дел Королевства Таиланд. URL: <https://www.mfa.go.th/th/content/5d5bcc2215e39c306000a1eb?cate=5d5bcb4e15e39c30600006870> (дата обращения: 03.05.2024).

24. สรุป การส่งออก/นำเข้า/ดุลการค้า // สำนักงานปลัดกระทรวงพาณิชย์ = Данные экспорта, импорта, торгового баланса // Канцелярия постоянного секретаря министерства торговли Таиланда. URL: <https://tradereport.moc.go.th/TradeThai.aspx> (дата обращения: 07.04.2024).

สินค้านำเข้า 15 อันดับแรกของไทยรายประเทศสเซีย = Ведущие 15 товаров, импортируемых из Таиланда в Россию // Канцелярия постоянного секретаря министерства торговли Таиланда. URL: <https://tradereport.moc.go.th/Report/Default.aspx?Report=MenucomTopNCountry&Option=2&Lang=Th&ImExType=0> (дата обращения: 07.04.2024).

References

1. Joint Russian-Thai commission on bilateral cooperation held first meeting after the pandemic in Bangkok // Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic. 27.04.2023. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/v_bangkoke_sostoyalos_pervoe_posle_pandemii_zasedanie_smeshannoy_

rossiysko_tailandskoy_komissii_po_d/ (accessed 10.04.2024). (In Russ.).

2. Foreign economic relations of the Russian Federation. 1992: stat. book. M.: Respublikanskiy informatsionnyy tsentr, 1992. 118 p.

3. Foreign trade of the USSR for 1955–1959: stat. book. M.: Vneshtorgizdat, 1961. 623 p.

4. Foreign trade of the USSR in 1980: stat. book. M.: Finansy i statistika, 1981, 279 p.

5. Foreign trade of the USSR in 1989–1990: stat. book. M.: Respublikanskiy informatsionno-izdatel'skiy tsentr, 1992. 266 p.

6. Foreign trade of the USSR for 1968: stat. book. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1969. 300 p.

7. Foreign trade of the USSR for 1975: stat. book. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1976. 312 p.

8. Innovation is the key to entering the market // International cooperation. Bridge of Friendship: Russia – Thailand. Thematic supplement to the weekly "Ekonomika i zhizn". 2015. № 44. P. 9.

9. Kozlova M. G. Russia and Southeast Asian countries / M. G. Kozlova. M.: Nauka, 1986. 327 p.

10. Russian Ambassador to Thailand: in 2023 trade turnover between two countries decreased by 17% // TASS. 10.02.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19949799> (accessed 16.04.2024). (In Russ.).

11. Russia and Thailand. Economic relations // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://thailand.mid.ru/ru/countries/ekonomicheskie_svyazi/ (accessed 10.04.2024). (In Russ.).

12. "Rusatom Healthcare" and "NIIIEFA" conducted training on cyclotron complex maintenance for the Institute of Nuclear Research of Thailand // Internet portal of the fuel and energy complex community. 09.06.2022. URL: <https://energyland.info/analitic-show-229407> (accessed 10.04.2024). (In Russ.).

13. Joint ventures of the USSR. Handbook. M.: Tsentr "Ekko", 1990. 303 p.

14. Article by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov "Russia – Thailand: 120 years of mutual respect and trust", published in the weekly "Matichon Weekly" (Thailand) // Russian Ministry of Foreign Affairs. 04.12.2017. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/th/1558088/> (accessed 25.03.2024). (In Russ.).

15. Thailand – Russia: sharing a common past, building a common future together. Interview with the Minister of Foreign Affairs of the Kingdom of Thailand Don Pramudwinai // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2017. № 11. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1934> (accessed 10.04.2024). (In Russ.).

16. Customs statistics // Federal Customs Service of the Russian Federation. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (accessed 07.04.2024). (In Russ.).

17. Trade and economic relations between Russia and Thailand // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 23.10.2002. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1678396&lang=ru> (accessed 04.03.2024). (In Russ.).

18. Trade and economic cooperation of the Russian Federation with the Kingdom of Thailand // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/c210a2b7161aba410d9451e3e78e70a0/TEC_Thailand_May_2021.pdf (accessed 25.03.2024). (In Russ.).

19. Tourist flow to Thailand from Russia in 2023 exceeded the figure for 2019 // Interfax. 10.01.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/939545> (accessed 10.04.2024). (In Russ.).

20. Charumanee K. Features of Contemporary Mutual Beneficial Cooperation of Russia with APEC Countries: Case Study of Thailand // Historical and social educational ideas. 2015. Tom 7. № 4. P. 45–48.

21. Nantawan Sakuntanak Russian Federation is a new challenging market for Thailand // Department of Foreign Trade of the Ministry of Commerce. URL: https://www.ditp.go.th/contents_attach/78687/78687.pdf (accessed 12.03.2024). (In Thai).

22. Natchaphon Charoonpipatkun. Focus on Russia and Opportunities for Thai Business // Focused and Quick. 2020. Iss. 172. URL: <https://content.botlc.or.th/mm-info/BOTCollection/BOTFAQ/FAQ172.pdf> (accessed 18.04.2024). (In Thai).

23. Russian Economic Relations // Ministry of Foreign Affairs of the Kingdom of Thailand. URL: <https://www.mfa.go.th/th/content/5d5bcc2215e39c306000a1eb?cate=5d5bcb4e15e39c30600006870> (accessed 03.05.2024). (In Thai).

24. Summary of exports, imports, trade balance // Office of the Permanent Secretary, Ministry of Commerce of Thailand. URL: <https://tradereport.moc.go.th/TradeThai.aspx> (accessed 07.04.2024). (In Thai).

Top 15 imported products from Thailand by Russia // Office of the Permanent Secretary, Ministry of Commerce. URL: <https://tradereport.moc.go.th/Report/Default.aspx?Report=MenucomTopNCountry&Option=2&Lang=Th&ImExType=0> (accessed 07.04.2024). (In Thai).

Анна Владимировна СИМОНЕНОК, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: asimonenok@yandex.ru

Anna V. SIMONENOK, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center of Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: asimonenok@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 24.05.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 22.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Современные российско-филиппинские отношения: вызовы и возможности

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, zolivnik@mail.ru

Иван Иванович ПИСАРЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, pisarev.ii@dvfu.ru

Аннотация. Работа посвящена основным направлениям сотрудничества между Россией и Филиппинами на современном этапе. В ней затронуты предпосылки развития двусторонних отношений, а также рассмотрены результаты взаимодействия в области межгосударственных связей, экономики, безопасности, культурной сферы за последние полтора десятилетия. В статье дана оценка проблемных аспектов двусторонних отношений, отражено влияние на характер российско-филиппинского взаимодействия "американского фактора", прежде всего в условиях усиления военно-политического присутствия США в западной части Тихого океана и вовлечения Филиппин в политику сдерживания Китая. В работе представлены предложения и рассуждения касательно сближения России и Филиппин, указаны причины, способные повлиять на установления устойчивых отношений между ними. Методической основой работы является анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов и документов по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: Россия, Филиппины, сотрудничество, экономика, политика, культура, безопасность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда ДВФУ и Дальневосточного федерального университета. Проект № 22-08-06-006

Для цитирования: Золотухин И. Н., Писарев И. И. Современные российско-филиппинские отношения: вызовы и возможности // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 56–68. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/56-68>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/56-68>

Contemporary Russian-Philippine Relations: Challenges and Opportunities

Ivan N. ZOLOTUKHIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zolivnik@mail.ru

Ivan I. PISAREV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, pisarev.ii@dvfu.ru

Abstract. This article is devoted to the main areas of cooperation between Russia and the Philippines in the present. It discusses the prerequisites for the development of bilateral relations along with the results of interaction in the spheres of interstate relations, economy, security, culture over the past decade and a half. The article also examines the problematic aspects of bilateral relations, reflects the impact of the American factor on the nature of Russian-Philippine interaction, primarily in the context of strengthening of the US military and political presence in the Western Pacific and the involvement of the Philippines in the policy of containing China. The paper presents proposals and arguments regarding the rapprochement between Russia and the Philippines, indicating the reasons that may affect the establishment of stable relations between the two countries. The methodological basis of the work is the analysis of the research findings of both Russian and international scholars, as well as materials and documents that are available on the topic of research.

Keywords: Russia, the Philippines, cooperation, politics, economy, culture, security

The study was carried out with financial support from the FEFU Foundation and the Far Eastern Federal University. Project No. 22-08-06-006

For citation: Zolotukhin I. N., Pisarev I. I. Contemporary Russian-Philippine Relations: Challenges and Opportunities // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 56–68. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/56-68>

Введение

Взаимодействие с Филиппинами отражает логику внешнеполитического курса России на укрепление связей с Юго-Восточной Азией (ЮВА), регионом, обладающим колоссальным экономическим потенциалом и открытым для международно-

го сотрудничества, но вместе с тем находящимся в эпицентре геополитического противостояния между Китаем и США. Несмотря на незначительный вес в регионе, Россия обладает рядом экономических и политических возможностей для продвижения своих интересов. Для того чтобы усилить позиции в ЮВА, ей важно демонстрировать дипломатическую мудрость и сохранять дружественные отношения с региональными государствами, большинство из которых не присоединилось к антироссийским санкциям, заняв нейтральную позицию относительно российско-украинского конфликта.

Политическое сотрудничество

Наметившаяся с начала XXI века позитивная динамика в отношениях между Россией и странами ЮВА позволила нашей стране сблизиться с Филиппинами (которые исторически не являлись её союзником и/или ведущим торгово-экономическим партнером) и определить основные направления двустороннего сотрудничества.

Если соглашения между СССР и Филиппинами носили преимущественно номинальный характер, то с конца 1990-х гг. между обеими странами был подписан ряд содержательных двусторонних документов о культурном сотрудничестве [21], затем разрабатывается договорная база по взаимодействию в экономической и гуманитарной сферах. Основные направления развития двустороннего сотрудничества были определены в июне 2009 г. на переговорах президентов Г. М. Арройо и Д.А. Медведева. В принятой за год до этой встречи Концепции внешней политики России впервые было упомянуто о нацеленности Москвы развивать многоплановое сотрудничество с Филиппинами [11, с. 57]. В ноябре 2011 г. был сформирован Российско-филиппинский деловой совет при Торгово-промышленной палате РФ, а четырьмя годами позже подписано Межправительственное соглашение о создании Совместной Российско-Филиппинской комиссии по торговому и экономическому сотрудничеству в статусе межправительственной комиссии (МПК), первая встреча сопредседателей которой состоялась в январе 2017 г.

Приход к власти на Филиппинах в 2016 г. Родриго Дутерте, заявившего о сближении с Россией и проведении "независимой внешней политики", стал импульсом активизации филиппино-российских отношений. В конце мая 2017 г., в ходе визита Дутерте в Москву, было подписано 11 документов, касающихся разных аспектов двустороннего сотрудничества, в том числе утверждена совместная программа действий на 2017–2019 гг., предусматривавшая взаимодействие по широкому кругу экономических задач (туризм, продовольственная безопасность, транспорт, агропромышленный сектор и др.) [8, с. 164].

Однако сменивший Дутерте в 2022 г. новый президент и сын бывшего одиозного президента Фердинанда Маркоса (старший) проамерикански настроенный Фердинанд Маркос (младший) в ходе своего правления повернул вектор внешней политики Филиппин в направлении США, отойдя от наметившегося потепления Манилы в отношениях как с Москвой, так и с Пекином.

Экономическое сотрудничество

Экономический вектор двустороннего сотрудничества становится определяющим в отношениях двух стран, однако за последующие годы не удаётся выправить дисбаланс между российским экспортом на Филиппины и филиппинским импортом в Россию. Ключевой проблемой последних десяти лет экономического сотрудничества остаётся невысокий, непропорциональный и нестабильный товарооборот между двумя странами, объёмы которого после 2021 г. неуклонно сокращаются (см. рис 1).

Наиболее заметным изменением в структуре российского экспорта за последние 15 лет стало сокращение поставок нефти и увеличение поставок металлов. С 2017 г. возрастает неэнергетический экспорт России на Филиппины: так в 2021 г. нефть составила примерно лишь 6% от совокупного экспорта. В этом же году более чем в 8 раз по сравнению с 2016 г. выросли поставки продовольствия из России, достигнув пика в 2018 г. (боле 26% от всего экспорта) [2]. Вместе с тем

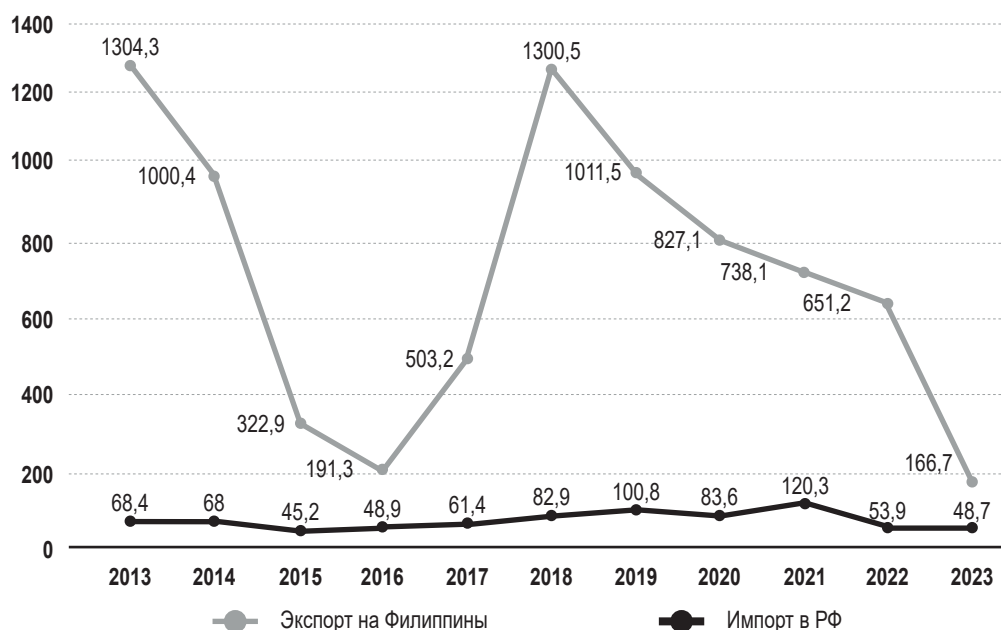

Рис. 1. Товарооборот между РФ и Филиппинами (в млн. долл.).

Источник: составлено авторами на основе: [31; 37; 38].

Fig. 1. Trade turnover between the Russian Federation and the Philippines (in million USD).

Source: compiled by the authors based on: [31; 37; 38].

сырьевые товары продолжают преобладать в экспортной номенклатуре экспорта России на Филиппины, хотя доля несырьевого сектора понемногу возрастает [18, с. 97]. В 2022 г. поставки нефти из России превысили 18%, возросли поставки угля [31].

До 2022 г. львиная доля филиппинских поставок в Россию (более 80%) приходилась на продукцию электронной промышленности. Филиппины вошли в десятку крупнейших экспортёров микроэлектроники и полупроводников, поступающих в Россию. В мае 2023 г. фирмы-получатели электронной продукции были подвергнуты санкциям Министерства финансов США за участие в цепочке поставок оборонной промышленности России [42]. Таким образом, торгово-экономическое сотрудничество России и Филиппин пока не является активным, хотя Филиппины и проявляют интерес к расширению импорта из России, особенно в области удобрений, топлива и поставок сельхозпродукции.

Двусторонним торгово-экономическим отношениям недостаёт совместных бизнес-проектов, несмотря на то что в 2009 г. на Филиппинах была создана филиппино-российская бизнес-ассамблея. Российским компаниям сложно работать на незнакомом для них филиппинском рынке в условиях высокой конкуренции со стороны азиатских и западных игроков. Приятным исключением можно назвать строительство жилого комплекса One Sierra в Маниле девелоперской группой "ПИК", одним из крупнейших российских застройщиков [35].

В свою очередь, филиппинский бизнес в России также практически не представлен, хотя периодически организуются форумы для представителей делового сообщества обеих стран, которые могли бы способствовать привлечению филиппинского бизнеса на российский рынок. На сегодняшний день сложно найти заметные филиппинские инвестиционные или бизнес-проекты в России, что подтверждает идею о том, что потенциал взаимодействия не реализуется странами полноценно.

В данной ситуации российской стороне следует в первую очередь усилить экспертную поддержку для бизнеса, который может искать новые рынки для торгов-

ли в условиях, когда многие связи были нарушены из-за экономических санкций и пандемии COVID-19. Кроме того, следует продолжать интенсифицировать взаимодействие на межгосударственном уровне с целью вывести торгово-экономические отношения из-под угрозы ухудшения политических отношений. Как российскому, так и филиппинскому бизнесу следует воспользоваться возможностью, которая имеется из-за отсутствия экономических ограничений, хотя не принимать риск их возможного возникновения нельзя.

Важной сферой экономического сотрудничества между странами стало сельское хозяйство, в частности, животноводство. По этому поводу посол Филиппин в Российской Федерации Игорь Байлен заявил о желании своей страны закупать мясо у России и поставлять морепродукты в обратном направлении. Этот шаг, по словам дипломата, открывает новую перспективу для развития торговли и сельского хозяйства между двумя странами [27].

Кроме мясной продукции, Россия также готова поставлять на филиппинский рынок автомобили и лекарства. В то время как Филиппинский бизнес заинтересован в сотрудничестве в таких областях, как энергетика, добыча и переработка редкоземельных элементов, информационно-телекоммуникационные технологии и креативные индустрии [40]. Также Филиппины заинтересованы в сотрудничестве с Россией в сфере освоения космоса [1] в связи с созданием в 2019 г. Национального космического агентства, призванного собрать под единым началом все инициативы страны по исследованию космического пространства.

Традиционно сильной сферой сотрудничества между странами является туризм: в 2006 г. между Филиппинами и Россией подписано соглашение в сфере туризма, с 2013 г. для граждан России действует безвизовый режим сроком до 30 дней. Все это позволило в допандемийном 2019 г. довести количество туристов из России на Филиппины до 40 тыс. чел. [15]. При этом в настоящее время филиппинские туроператоры заинтересованные не только в развитии туристических потоков из России на Филиппины, но и в обратном направлении въездного туризма филиппинцев в Россию. Для въезда на Филиппины россиянам необходимо иметь загранпаспорт, действительный не менее шести месяцев, заполнить онлайн-форму не позднее, чем за три дня до прибытия, и показать полученный QR-код во время регистрации или при въезде. Также может понадобиться обратный билет [15]. По данным одного из ведущих российских исследователей Филиппин Д.С. Панариной, Россия занимает 19-ю позицию в списке стран, туристы которых приезжают наиболее часто на Филиппины. Столь невысокая позиция обусловлена тем, что между Россией и Филиппинами до сих пор нет прямого авиационного сообщения [17, с. 134].

Сотрудничество в сфере атомной энергетики

Сотрудничество в сфере мирного атома остаётся важным аспектом двусторонних отношений, хотя его перспективы на ближайшее будущее зависят не только от возможностей и конкурентных преимуществ России. На сегодняшний день только Филиппинам удалось создать АЭС в ЮБА, но ядерный объект был законсервирован в 1986 г. (на решение правительства остановить запуск ядерного реактора повлияла авария на Чернобыльской АЭС). Вопросы безопасности всегда перевешивали перспективы решение проблемы "энергетического голода" на Филиппинах, где ядерная энергетика по-прежнему не включена в энергетический баланс страны, а запуск ядерного реактора планируется не раньше 2030 г. [9, с. 148] В то же время филиппинское руководство страны всерьёз намерено постепенно диверсифицировать источники национальной энергетики и развивать научно-технические связи в данной сфере. В 2018 г. МАГАТЭ провело по запросу Филиппин миссии по комплексному рассмотрению ядерной инфраструктуры [3, с. 33].

Являясь признанным мировым лидером в области реализации программ мирного атома, Россия выразила готовность участвовать в развитии атомной энергетики Филиппин. В мае 2017 г. "Росатом" и Министерство науки и технологий Филиппин подписали меморандум о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, в который включены такие сферы, как применение ради-

ационных технологий, сооружение и эксплуатация исследовательских реакторов, фундаментальные и прикладные исследования (в том числе в области сооружения и эксплуатация АЭС), а также партнерство в развитии ядерной инфраструктуры Филиппин, включая подготовку персонала и повышение в стране уровня общественной приемлемости атомной энергетики и радиационных технологий [19].

Важная область сотрудничества – выполнение технико-экономических обоснований по строительству небольших модульных атомных электростанций – на суше и на шельфе. Россия предложила Филиппинам разместить в акватории страны плавучие атомные электростанции (ПАТЭС) [33]. Обладая высокой мобильностью и системами безопасности, ПАТЭС способна длительно функционировать в отдаленных районах, в том числе с высокой сейсмоактивностью, изолированных от электросети или в труднодоступных местах. Кроме того, реактор ПАТЭС спроектирован не только для подачи электроэнергии и тепловой энергии, но и для опреснения воды. "Росатом" выразил готовность оказать поддержку в создании ядерной программы на Филиппинах, начиная от развития инфраструктуры и подготовки персонала до поддержки всего жизненного цикла функционирования ядерного объекта, длящегося не менее 80 лет [33]. Предложение со стороны России о размещении ПАТЭС стало еще более актуальным в свете недавнего введения в промышленную эксплуатацию плавучего атомного энергоблока "Академик Ломоносов". В начале 2022 г. "Росатом" занялся обоснованием проекта строительства атомной станции малой мощности на Филиппинах [23].

Двустороннее сотрудничество в области атомной энергетики представляет для России интерес, поскольку это существенно увеличит экономические активы нашей страны и позволит заложить основы для развития высокотехнологических отраслей на взаимовыгодной основе. В то же время для нашей страны важно не только учитывать финансовые возможности Филиппин, но и принимать во внимание сложный ландшафт международных отношений в ЮВА, где влияние России не может не вызывать беспокойство со стороны других геополитических игроков. В ноябре 2023 г. филиппинская сторона подписала с США "Соглашение 123"¹, сделав не только важный шаг на пути перехода к мирному атому [29], но и поставив Россию перед необходимостью конкуренции за право стать партнёром Манилы в реализации ядерной программы. Очевидно, что в контексте тесного стратегического сотрудничества между США и Филиппинами вопрос участия в создании ядерных объектов на архипелаге лежит в политической плоскости, поэтому "Росатому", несмотря на имеющиеся у компании достижения и активы, понадобится серьёзная поддержка со стороны Москвы.

Сотрудничество в сфере безопасности

Не обошлось без геополитических препятствий в реализации российско-филиппинского сотрудничества в сфере обороны. Казавшийся беспрецедентным разворот Манилы от традиционной ориентации на стратегический союз с Вашингтоном в сторону расширения оборонного и военно-технического сотрудничества с Москвой столкнулся с суровой реальностью. Начавшееся при Дутерте сближение с Москвой по линии военно-политического взаимодействия могло стать основой для нивелирования как возрастающего геополитического влияния Китая, так и прежнего доминирования США в вопросах национальной и региональной безопасности. Филиппины, имеющие нерешенный территориальный конфликт с Китаем касательно принадлежности островов архипелага Спратли, а также противостоящие экстремистским группировкам и экспансии террористического интернационала на юге страны, могли получить в лице России надежного поставщика для оснащения своих вооруженных сил, который вряд ли станет использовать зависи-

¹ Соглашение 123 (Section 123 Agreement) – подраздел Закона Соединенных Штатов Америки об атомной энергии 1954 г. под названием "Сотрудничество с другими государствами", который открыл возможность предоставлять мирные ядерные технологии для неядерных государств на условиях заключения соответствующего соглашения, которое утверждается Президентом США и ратифицируется Конгрессом.

мость покупателя от постпродажного обслуживания в качестве инструмента политического давления.

Однако на данный момент партнёрство в военно-технической сфере между странами пока ограничилось заходами российских военных кораблей в филиппинские порты [7] и заходами филиппинских военных кораблей в порт Владивостока [12], совместными учениями Тихоокеанской флотилии и ВМС Филиппин, совещаниями по линии военных ведомств двух стран и покупками филиппинской стороной легкого стрелкового оружия у АО "Концерн Калашников". Начало спецоперации на Украине поставило под сомнение перспективы российско-филиппинского военно-технического сотрудничества. В августе 2022 г. Филиппины подтвердили расторжение единственного крупного оборонного контракта на сумму 322,3 млн. \$ с "Совтехноэкспортом" на 16 вертолетов Ми-17 из-за опасений по поводу возможных санкций со стороны США [43]. Восстановление и упорочение отношений между США и Филиппинами при президенте Маркосе (мл.), по сути превращающее последние в "непотопляемую базу" американской тихоокеанской стратегии, направленной на сдерживание Китая, окончательно расставило точки над *i* касательно внешнеполитических приоритетов нынешнего филиппинского руководства.

Сотрудничество в гуманитарной сфере

В условиях сложной международно-политической ситуации в АТР, влияющей на характер двусторонних отношений, важным инструментом сохранения взаимного доверия и диалога выступает развитие культурно-гуманитарных, научно-образовательных, спортивных, туристических связей. Между сторонами имеется опыт организации культурных и спортивных мероприятий по линии ведомственных структур, в том числе проведение перекрёстных Дней российской и филиппинской культуры. Сотрудничество между Россией и Филиппинами в гуманитарной сфере наиболее четко можно проследить в сфере культуры, образования и оказания гуманитарной помощи при преодолении последствий природных бедствий.

Культура. Филиппинский исследователь Лоуренс Салазар указывает на то, что в 1997 г. Россия и Филиппины подписали соглашение о сотрудничестве в сфере культуры. Федеральное агентство по культуре и кинематографии России и Национальная комиссия по культуре и искусству Филиппин подписали протокол о сотрудничестве в сфере культуры на 2006–2008 гг. В рамках празднования 30-летия установления российско-филиппинских отношений была проведена серия культурных мероприятий филиппинских артистов в России и российских артистов на Филиппинах [41, p. 20].

Посольство России на Филиппинах сообщает о том, что в 2017 г. в Москве и Санкт-Петербурге прошли Дни филиппинской культуры в России, а в 2018 г. прошла Неделя российского кино на Филиппинах, и что в 2020–2022 гг. между Минкультуры России и Национальной комиссией по культуре и искусству Филиппин действовал Протокол о сотрудничестве [21].

Образование. Исторически сложилось, что в СССР, а позднее в России училось совсем немного граждан Филиппин. И даже в настоящее время число филиппинцев, обучающихся в России, невелико: часть студентов учится в Москве (РУДН и ВШЭ), а часть – в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге [15]. Одновременно с этим налаживается обмен преподавателями и студентами ИСАА при МГУ и Санкт-Петербургского государственного университета с Университетом Филиппин [10].

В ноябре 2013 г. на базе университета Сан-Карлос под эгидой фонда "Русский мир" открыт Кабинет русского языка [21]. Еще одним примером развития отношений между странами в сфере образования является то, что находящийся во Владивостоке Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) развивает отношения с филиппинским Университетом Новой Эры (New Era University), располагающимся в Кесон-Сити, городе столичного региона Метро Манилы: в декабре 2023 г. между университетами был подписан договор о сотрудничестве, а в феврале 2024 г. была проведена онлайн-встреча между исследователями и студентами, изучающими международные отношения в обеих странах. Также в рамках прово-

димых в ДВФУ ежегодных конференциях АТЭС по сотрудничеству в сфере высшего образования ежегодно принимают участие представители университетов Филиппин.

Гуманитарная помощь. Филиппины постоянно страдают от стихийных бедствий, таких как землетрясения, тропические штормы, циклоны и тайфуны, извержения вулканов, которые приводят к масштабным разрушениям и человеческим жертвам. Оказание Россией гуманитарной помощи пострадавшему населению этой страны по линии МЧС является ещё одной сферой укрепления двусторонних отношений. Исследователь Д.С. Панарина указывает на то, что за последние годы на двусторонней основе Россия оказала помощь Филиппинам в преодолении последствий землетрясения на острове Негрос (2012 г.), тропического шторма Хайян, называемого на Филиппинах Йоланда (2013 г.), тропических циклонов Тембин и Кай-так (2018 г.) Также Россия направляла на Филиппины вакцину и средства диагностики от коронавирусной инфекции [16, с. 177]. При этом практически вся гуманитарная помощь доставляется на Филиппины через дальневосточные аэропорты Владивостока и Хабаровска, а также морские порты Приморского края.

Помимо официальных каналов продвижения интереса к русской культуре на Филиппинах необходим также опыт наших соотечественников, проживающих в этой стране и напрямую общающихся с местным населением, в том числе через общественные организации, объединения экспатов, клубы в социальных сетях. Знания и контакты представителей расширяющегося в последние годы русскоязычного сообщества на Филиппинах помогут более тесному знакомству российского бизнеса с особенностями филиппинского рынка, что пригодится для налаживания деловых связей двух стран.

Межрегиональное сотрудничество

Прежде всего, межрегиональное сотрудничество закреплено через создание и оформление побратимских связей: так Метро Манила (город-район Лас Пиньяс) – город-побратим Москвы, а также российских региональных столиц – городов Уфа и Сочи; Владивосток – город-побратим Метро Манилы (город-район Макати) [34]; Кисловодск – побратим города Багио (1985 г.) [4] и Себу – город-побратим российских городов Владимир (2008 г.), Санкт-Петербург (2010 г., соглашение продлено в 2024 г.) и Владивосток (2023 г.). Ведущими российскими регионами российско-филиппинского сотрудничества являются московский и дальневосточный.

Межрегиональное сотрудничество московского региона. Относительно Москвы как участника российско-филиппинского межрегионального сотрудничества можно сказать следующее: через Москву осуществляется большая часть политических, деловых и экономических контактов между странами. В последние годы увеличивается объем сотрудничества между столицами двух стран. Свидетельством этого является тот факт, что в 2023 г. в Маниле была подписана Программа сотрудничества между Москвой и Манилой на 2023-25 гг. [22]

Также необходимо отметить, что в Москве проживает наибольшее количество филиппинцев в России – около 93% от общего количества граждан стран, проживающих в России [39]. Традиционные сферы занятости филиппинских работников в России – те же, что и в остальных частях света, где трудятся филиппинские трудовые мигранты, включая Саудовскую Аравию, Объединенные арабские эмираты, Тайвань, Гонконг или Сингапур. Наиболее часто они заняты на таких позициях, как няни, горничные, садовники и на других позициях домашнего персонала. Российские агентства по найму характеризуют их следующими словами: "ответственные, дисциплинированные, доброжелательные, преданные, чистоплотные... – словом, образцовые" [25], при этом филиппинские работники "не образуют замкнутых национальных сообществ (анклавов и гетто) на территории Москвы и не являются фигурантами криминальных сводок" [20].

К сожалению, точных данных по количеству филиппинских мигрантов в Россию не существует, однако наблюдатели отмечают пятикратный рост их численности в нашей стране в последние 10-12 лет. Так, в 2012 г. филиппинских трудовых мигрантов в России насчитывалось около 2 тыс. чел.[20], в 2021 г. – около 8 тыс.

[15], а в 2022 г. их было уже около 10 тысяч чел. [36]. Кроме того, Филиппины готовы предложить российскому рынку труда и квалифицированных врачей, инженеров, бизнес- и IT-персонал, а также работников сферы туризма [5].

Региональное сотрудничество Москвы как столицы России из всех регионов Филиппин в большей степени сфокусировано на взаимодействии с Большой Манилой (Metro Manila) как столичным регионом Филиппин. Между этими городами проходит обмен муниципальными делегациями и между ними наиболее очевидно проявляет себя так называемая "дипломатия городов". Именно она играет "важнейшую роль в развитии экономик, помогает обмениваться лучшими практиками управления мегаполисами, внедрять инновационные решения, способствует культурному и гуманитарному диалогу" [22]. Крупным является товарооборот между компаниями двух мегаполисов: по итогам 2021 г. он увеличился за год почти на 50%, составив \$450 млн. У сторон есть серьёзный потенциал для сотрудничества в фармацевтике и разработке медоборудования, цифровых технологиях, транспортной инфраструктуре" [22].

Межрегиональные отношения между Москвой и Манилой настолько важны в двухсторонних отношениях между странами, что посол Российской Федерации на Филиппинах Марат Павлов называет взаимодействие между двумя столицами флагманом межрегионального сотрудничества между странами [13].

Межрегиональное сотрудничество Дальневосточного региона. В силу географического расположения и относительной близости к Филиппинам, Российский Дальний Восток играет важную роль в развитии российско-филиппинских межрегиональных отношений. Наиболее важным в этом плане сферой является сфера транспорта и логистики, поскольку товарооборот между двумя странами осуществляется в основном через морские порты Дальнего Востока и, в частности, через порты Приморского края.

Дальневосточный регион играл особую роль с самых ранних стадий развития российско-филиппинских отношений именно из-за транспортно-логистических причин, поскольку обеспечение продовольственной безопасности этого региона России требовало ее взаимодействия со странами-соседями на Тихом океане, так как доставка продовольствия на дальневосточные рубежи страны из её центральной части представлялась проблематичной [21].

Межрегиональное сотрудничество региона Дальнего Востока с регионами Филиппин представляется фактором регионального развития в обеих рассматриваемых странах. Говоря о важности этого явления в двухсторонних отношениях России с другими странами, А. Г. Шеломенцев и др. указывают на то, что "основой развития межрегионального сотрудничества регионов Дальнего Востока являются [...] особенности геоэкономического положения его краев и областей в приграничной зоне с крупнейшим мировым рынком сырья Азиатско-Тихоокеанского региона" [28, с. 419]. Эти же авторы указывают на следующие наиболее перспективные для межрегионального сотрудничества экономические кластеры экономики Дальнего Востока: рыбохозяйственный, горнодобывающий, туристический и транспортно-логистический [28, с. 421]. Положительными результатами межрегионального сотрудничества при этом могут быть: рост объемов промышленного производства, развитие отраслей перерабатывающей промышленности, создание новых и расширение действующих предприятий, повышение темпов роста ВРП, сокращение числа дотационных регионов, существенное укрепление экспортного потенциала субъектов Дальнего Востока [28, с. 422]. Представляется, что такой подход является перспективным не только для межрегионального сотрудничества России с ближайшими странами-соседями, такими как Китай, обе Кореи и Япония, но и с Филиппинами.

В настоящее время в рамках межрегионального сотрудничества между двумя странами можно особо выделить взаимодействие между Себу в регионе Висайских островов на Филиппинах и Владивостоком в Дальневосточном регионе России. Себу и Владивосток связывают отношения с 1995 г. В 2022 г. в рамках мероприятий, приуроченных к проведению Восточного экономического форума (ВЭФ),

между городами было подписано соглашение о дружбе и сотрудничестве [30]. Аналогично в рамках мероприятий, приуроченных к ВЭФ-2023, в ходе подписания соглашения между мэром Себу Майклом Рамой и мэром Владивостока Константином Шестаковым между городами были установлены побратимские отношения [32]. Данное соглашение предполагает межрегиональное сотрудничество в следующих сферах: торговля и экономика, образование, туризм, здравоохранение, сельское хозяйство и животноводство, ЖКХ, транспорт, создание новых предприятий и новых рабочих мест, культура и искусство, спорт, молодежная политика, обмен между жителями городов, а также проведение фестивалей, выставок, семинаров и других мероприятий в каждом из городов-подписантов соглашения [32]. В целом ВЭФ играет немаловажную роль в развитии межрегионального сотрудничества, поскольку ежегодно его посещают официальные делегации Филиппин.

Не первый год в рамках межрегионального сотрудничества между странами обсуждается вопрос открытия прямого авиационного сообщения между Владивостоком и Себу, который может стимулировать увеличение турпотока между странами, также укрепить экономические связи и выстроить народную дипломатию [6]. Кроме Владивостока рассматривается возможность организации авиаперелетов в Себу из других крупных региональных центров России: из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Иркутска, а также Хабаровска рейсами авиакомпании "Аэрофлот" [13].

Относительно перспектив межрегионального сотрудничества региона Минданао и Владивостока высказался временный поверенный в делах посольства Филиппин в Российской Федерации Роберт Феррер: "Владивосток также важен, поскольку именно через него продукты из Филиппин попадают в Россию. Как сказал наш президент Дутерте, который родом с Минданао, если создать коридор для прямых морских перевозок между этим островом и Владивостоком, это будет способствовать бурному развитию экономики Минданао, особенно его западной части. Потому что это откроет каналы для наших фермеров, рыбаков и производителей из Минданао, минуя Манилу и другие порты, Пусан или Сингапур. Это позволит создать прямой поток экспорта в Россию через Владивосток. Это мечта нашего президента" [14].

Заключение

С политической и экономической точек зрения в последнее десятилетие, в особенности в период правления президента Дутерте, наблюдается сближение между Россией и Филиппинами, что нашло отражение в заметной интенсификации двустороннего диалога, чего не отмечалось за всю предыдущую историю российско-филиппинских отношений. Важность двусторонних связей подчеркивал экс-зам. министра иностранных дел РФ Игорь Моргулов, называя Филиппины одним из ключевых партнеров России в ЮВА [22]. С экономической точки зрения отношения между странами представляются многообещающими. На Филиппинах прогнозируется ежегодный рост ВВП на уровне 6-8% в ближайшие годы, что вместе с увеличением численности населения приведет к росту рынка продовольственных товаров [26]. Это позволяет рассматривать взаимодействие с Филиппинами весьма перспективным для экономики России.

В то же время на сегодняшний момент масштабы российско-филиппинского сотрудничества остаются незначительными, хотя направления двустороннего взаимодействия не ограничиваются сугубо экономическими и политическими аспектами. России предстоит развивать существующие и находить новые ниши партнерства, чтобы создать прочную основу двусторонних отношений, что в силу приверженности Филиппин действующим договоренностям с США, будет сделать непросто. В то же время Филиппины всячески подчеркивают свою приверженность миру и принципу "всем друг и никому не враг", выражая интерес к обоюдному сотрудничеству, оставаясь дружественным для России государством.

Литература

1. Венгерский Д. Министр правительства Москвы: Филиппины хотят сотрудничать в экономике и освоении космоса // ТАСС. 2.02.2023. URL: <https://tass.ru/interviews/16945947> (дата обращения: 26.03.2024).
2. Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/> (дата обращения: 20.03.2024).
3. Годовой доклад МАГАТЭ за 2018 год. МАГАТЭ, 2019. 175 с.
4. Города-побратимы Кисловодска // Официальный сайт Кисловодска. URL: <https://kislovodsk-kurort.org/home/ispolnitelnaia-vlast/upravlenie-po-kurortu-i-turizmu1531320070/goroda-pobratimy-kislovodska> (дата обращения: 26.05.2024).
5. Гусев А. Бизнесмены-"модернизаторы" зовут филиппинцев в Россию // Центральная профсоюзная газета "Солидарность". 14.03.2012. URL: https://www.solidarnost.org/thems/politEkonomiya/politEkonomiya_8729.html (дата обращения: 26.03.2024).
6. Дуэль В. Владивосток и остров Себу на Филиппинах свяжет прямой рейс // Аргументы и факты. 10.09.2023. URL: https://aif.ru/politics/vladivostok_i_ostrov_sebu_na_filippinah_svyazhet_pryamoy_reys (дата обращения: 30.05.2024).
7. Журман О. Во Владивосток впервые прибыл корабль ВМФ Республики Филиппины // Российская газета. 1.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/01/reg-dfo/vo-vladivostok-vpervye-pribyl-korabl-vms-respubliki-filippiny.html> (дата обращения: 22.05.2024).
8. Золотухин И.Н. Филиппины на пути к "независимой внешней политике" через призму отношений с великими державами Пацифики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3 (42). С.156–171.
9. Золотухин И.Н., Цзя Су Ян. Развитие ядерной энергетики в Юго-Восточной Азии: история, тенденции, перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). С. 145–157.
10. К 40-летию дипломатических отношений между РФ и Республикой Филиппины // МГИМО. 3.06.2016. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/k-40-letiyu-diplomaticeskikh-otnosheniy-mezhdu-rf-i-respublikoy-filippiny/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 26.03.2024).
11. Концепции внешней политики РФ, 1993–2023 гг. Сост. Д.В. Кузнецов. 122 с. https://vk.com/doc16716709_660876641?hash=xpczHGAYsL0gAZt7s5aCMYJnzxoul7fkG6lrooOiJ0P&dl=xm3fFgNdhKNM7TbDjWj4gYFZAevmztDex9Yzx6FGoH (дата обращения: 12.01.2024).
12. Корабль ВМС Филиппин прибыл во Владивосток для участия в параде на День ВМФ // РИА Новости. 26.07.2019. URL: <https://ria.ru/20190726/1556892651.html> (дата обращения: 30.05.2024).
13. Костина А. Маниловый звон: Филиппины готовы запустить рейсы с РФ в начале года // Известия. 11.09.2023. URL: <https://iz.ru/1598715/anastasiia-kostina/manilovyi-zvon-filippiny-gotovy-zapustit-reisy-s-rf-v-nachale-goda> (дата обращения: 31.03.2024).
14. Костина А. Посол России на Филиппинах Марат Павлов – о прямых рейсах, сотрудничестве в энергетике и любви местных к Пушкину // Известия. 29.12.2023. URL: <https://iz.ru/1627873/anastasiia-kostina/my-trebuem-garantii-bezopasnosti-nashikh-vozdushnykh-sudov> (дата обращения: 31.03.2024).
15. Лабутина Д. Роберт Феррер: Россия так велика, что мир кажется вращающимся вокруг неё // РИА Новости. 8.09.2021. URL: <https://ria.ru/20210908/ferrer-1749081509.html> (дата обращения: 26.03.2024).
16. Панарина Д. С. Гуманитарное сотрудничество в истории российско-филиппинских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1. №. 1 (54). С. 168–192.
17. Панарина Д.С. Развитие двустороннего российско-филиппинского туризма // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. №. 5. С. 133–141.
18. Продвижение экономических интересов России в странах Восточной Азии: рабочая тетрадь № 72 / 2022 / [Е.А. Канаев, О.А. Данилова, А.С. Пятчкова, М. А. Терских и др.; под ред. Е. О. Карпинской, С. М. Гавриловой] / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2022. 140 с.
19. "Росатом" и Индонезия подписали меморандум по АЭС // Вести.ру. 17.09.2015. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2665174&cid=6> (дата обращения: 20.03.2024).
20. РАСПП: В отличие от таджиков, филиппинцы не объединяются в диаспоры // Российско-Азиатский союз промышленников и предпринимателей. 30.03.2012 URL: https://raspp.ru/press_center/raspp_v_otlichie_ot_tadzhikov_filippincy_ne_ob_edinyayutsya_v_diaspory/ (дата обращения: 26.03.2024).
21. Россия – Филиппины // Посольство РФ в Республике Филиппины. URL: <https://philippines.mid.ru/countries/> (дата обращения: 26.03.2024).
22. Россия и Филиппины: новые горизонты сотрудничества // МГИМО. URL: https://english.mgimo.ru/news/45-russia-philippines?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 26.03.2024).
23. Россия и Филиппины подписали соглашение о строительстве АЭС малой мощности // РИА Новости. 20.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220120/aes-1768770816.html> (дата обращения: 28.03.2024).
24. Россия и Филиппины развивают межрегиональное сотрудничество // Министерство экономического развития РФ. 6.10.2023. URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_filippiny_razvivayut_mezhregionalnoe_sotrudnichestvo.html (дата обращения: 26.03.2024).

25. Смолякова Т. Российский рынок труда пополнится трудовыми мигрантами с Филиппин // Российская газета. 6.03.2012. URL: <https://rg.ru/2012/03/07/fil.html> (дата обращения: 29.03.2024).
26. Филиппинские компании заинтересованы в сотрудничестве с Россией // Agroexport. 6.06.2023. URL: <https://aemcx.ru/2023/06/22/филиппинские-компании-заинтересован> (дата обращения: 29.03.2024).
27. Филиппины и Россия: новое сотрудничество в сельском хозяйстве // Meatinfo. – 13.06.2024. URL: <https://meatinfo.ru/news/filippini-i-rossiya-novoe-sotrudnichestvo-v-selskom-hozyaystve-463317> (дата обращения: 16.06.2024).
28. Шеломенцев А.Г., Терентьева Т. В., Козлова О. А., Макарова М. Н. Межрегиональное сотрудничество как институт реализации стратегий развития регионов Дальнего Востока // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. №. 11 (часть 3). С. 417–422.
29. Alojipan S. C. Mga Nuclear Power Plant para sa Pilipinas, posible na (Nuclear Power Plants for the Philippines, now possible) // Pinoy Peryodiko. 5.12.2023. URL: <https://pinoyperiyodiko.manilatimes.net/2023/12/05/balita/mga-nuclear-power-plant-para-sa-pilipinas-posible-na/3715/> (дата обращения: 23.03.2024).
30. Bunachita J.S. City inks pact with Vladivostok for 'friendship and cooperation' // Cebu City Government. 8.09.2022. URL: <https://cebucity.news/2022/09/08/city-inks-pact-with-vladivostok-for-friendship-and-cooperation/> (дата обращения: 16.06.2024).
31. Business statistics. General view 2001–2023 // International Trade Center. URL: <https://intracen.org/resources/data-and-analysis/trade-statistics#export-of-goods> (дата обращения: 31.03.2024).
32. Cebu, Vladivostok formalize 'sister city' ties // Cebu City News. 11.09.2023. URL: <https://cebucity.news/2023/09/11/cebu-vladivostok-formalize-sister-city-ties/> (дата обращения: 16.06.2024).
33. Cordero T. Russia offers floating nuclear power plant for PHL // GMA News. 14.05.2018. URL: <http://www.gmanetwork.com/news/money/companies/653280/russia-offers-floating-nuclear-power-plant-for-phl/story/> (дата обращения: 29.03.2024).
34. List of sister cities in Metro Manila // Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_sister_cities_in_Metro_Manila (дата обращения: 16.06.2024).
35. One Sierra. Dot Property // Moving Asia Online. URL: <https://www.dotproperty.com.ph/condo/17381/one-sierra> (дата обращения: 12.04.2024).
36. Patinio F. Government to help Overseas Filipino Workers in Russia as economic sanctions bite // Philippine News Agency. 23.03.2022. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1170489> (дата обращения: 26.03.2024).
37. Philippines Export to Russia 2023 // Trading economics. URL: <https://tradingeconomics.com/philippines/exports/russia> (дата обращения: 12.04.2024).
38. Philippines Imports from Russia 2023 // Trading economics. URL: <https://tradingeconomics.com/philippines/imports/russia> (дата обращения: 12.04.2024).
39. Philippines-Russia relations. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Philippines%E2%80%93Russia_relations (дата обращения: 26.03.2024).
40. Russia and the Philippines are developing interregional cooperation // AK&M Information Agency. 6.10.2023. URL: <https://www.akm.ru/eng/press/russia-and-the-philippines-are-developing-interregional-cooperation> (дата обращения: 26.03.2024).
41. Salazar L. C. Bilateral cultural diplomacy: 50 years of Philippine experience // Journal of Cultural Management and Policy. 2015. Vol 5. Issue 1. P. 13–25.
42. Somerville G., Crawford J. Risky Business: Southeast Asia's Continued Trade with Russia // RUSI. 24.08.2023. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/risky-business-southeast-asias-continued-trade-russia> (дата обращения: 15.04.2024).
43. Yeo M. Philippines tries to claw back money after cancelling Russian helicopter deal // Asia Pacific. 12.12.2022. URL: <https://www.defensenews.com/global/asia-pacific/2022/08/11/philippines-tries-to-claw-back-money-after-canceling-russian-helicopter-deal/> (дата обращения: 16.04.2024).

References

1. Vengerskiy D. Minister of the Moscow Government: The Philippines wants to cooperate in the economy and space exploration // TASS. 2.02.2023. URL: <https://tass.ru/interviews/16945947> (accessed 26.03.2024). (In Russ.).
2. Foreign trade of Russia: website. URL: <https://russian-trade.com> (accessed 20.03.2024). (In Russ.).
3. IAEA Annual Report for 2018. IAEA, 2019. 175 p. (In Russ.).
4. Sister cities of Kislovodsk // Official website of Kislovodsk. URL: <https://kislovodsk-kurort.org/home/ispolnitelnaia-vlast/upravlenie-po-kurortu-i-turizmu1531320070/goroda-pobratimyy-kislovodsk> (accessed 26.05.2024). (In Russ.).
5. Gusev A. Businessmen-"modernizers" invite Filipinos to Russia // Central trade union newspaper "Solidarity". 03.14.2012. URL: https://www.solidarnost.org/thems/politEkonomiya/politEkonomiya_8729.html (accessed 03.26.2024). (In Russ.).
6. Duel' V. Vladivostok and the island of Cebu in the Philippines will be connected by a direct flight // Arguments and Facts. 9.10.2023. URL: https://aif.ru/politics/vladivostok_i_ostrov_sebu_na_filippinah_svyazhet

pyamoy_reys (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

7. Zhurman O. A ship of the Navy of the Republic of the Philippines arrived in Vladivostok for the first time // Russian newspaper. 1.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/01/reg-dfo/vo-vladivostok-vpervye-pribyl-korabl-vms-respubliki-filippiny.html> (accessed 22.05.2024). (In Russ.).

8. Zolotukhin I.N. The Philippines is on the way to an "independent foreign policy" through the prism of relations with the great powers of the Pacific // Ojkumena. Regional Researches. 2017. No. 3 (42). P. 156–171. (In Russ.).

9. Zolotukhin I.N., Tszya Su Yan. Development of nuclear energy in Southeast Asia: history, trends, prospects // Ojkumena. Regional Researches. 2018. No. 4 (47). P. 145–157. (In Russ.).

10. To the 40th anniversary of diplomatic relations between the Russian Federation and the Republic of the Philippines // MGIMO: website. 3.06.2016. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/k-40-letiyu-diplomaticheskikh-otnosheniy-mezhdu-rf-i-respublikoy-filippiny/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 26.03.2024). (In Russ.).

11. Concepts of foreign policy of the Russian Federation, 1993–2023. Comp. by D.V. Kuznetsov. 122 p. URL: https://vk.com/doc16716709_660876641?hash=xpczHGAYsL0gAZt7s5aCMYJnzxoul7fkG6lrooOiJOP&dl=xm3fFgNdHKNM7TbDjiWj4gYFZAevmztDEX9Yzx6FgoH (accessed 12.01.2024). (In Russ.).

12. A Philippine Navy ship arrived in Vladivostok to participate in the parade on Navy Day // RIA News. 26.07.2019. URL: <https://ria.ru/20190726/1556892651.html> (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

13. Kostina A. Manila ringing: The Philippines is ready to launch flights from the Russian Federation at the beginning of the year // Izvestia. 11.09.2023. URL: <https://iz.ru/1598715/anastasiia-kostina/manilovyi-zvon-filippiny-gotovy-zapustit-reisy-s-rf-v-nachale-goda> (accessed 31.03.2024). (In Russ.).

14. Kostina A. Russian Ambassador to the Philippines Marat Pavlov – about direct flights, cooperation in the energy sector and the local love for Pushkin // Izvestia. 29.12.2023. URL: <https://iz.ru/1627873/anastasiia-kostina/my-trebuem-garantii-bezopasnosti-nashikh-vozdushnykh-sudov> (accessed 31.03.2024). (In Russ.).

15. Labutina D. Robert Ferrer: Russia is so great that the world seems to revolve around it // RIA News. 8.09.2021. URL: <https://ria.ru/20210908/ferrer-1749081509.html> (accessed 26.03.2024). (In Russ.).

16. Panarina D.S. Humanitarian cooperation in the history of Russian-Philippine relations // Southeast Asia: current problems of development. 2022. Vol. 1. No. 1 (54). P. 168–192. (In Russ.).

17. Panarina D.S. Development of bilateral Russian-Philippine tourism // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 5. P. 133–141. (In Russ.).

18. Promoting Russia's economic interests in East Asian countries: workbook N. 72 / 2022 / [E.A. Kanaev, O.A. Danilova, A.S. Pyatachkova, M.A. Terskikh and others; edited by E. O. Karpinskaya, S. M. Gavrilova] / Russian Council on International Affairs (RIAC). M.: NP RCIA, 2022. 140 p. (In Russ.).

19. Rosatom and Indonesia signed a memorandum on nuclear power plants // Vesti.ru. 17.09.2015. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2665174&cid=6> (accessed 20.03.2024). (In Russ.).

20. RAUIE: Unlike Tajiks, Filipinos do not unite into diasporas // Russian-Asian Union of Industrialists and Entrepreneurs. 30.03.2012 URL: https://raspp.ru/press_center/raspp_v_otlichie_ot_tadzhikov_filippincy_ne_obedinyayutsya_v_diasporu/ (accessed 26.03.2024). (In Russ.).

21. Russia – Philippines // Russian Embassy in the Republic of the Philippines: website. URL: <https://philippines.mid.ru/ru/countries> (accessed 26.03.2024). (In Russ.).

22. Russia and the Philippines: new horizons of cooperation // MGIMO: website. URL: https://english.mgimo.ru/news/45-russia-philippines?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 26.03.2024). (In Russ.).

23. Russia and the Philippines signed an agreement on the construction of low-power nuclear power plants // RIA News. 20.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220120/aes-1768770816.html> (accessed 28.03.2024). (In Russ.).

24. Russia and the Philippines are developing interregional cooperation // Ministry of Economic Development of the Russian Federation: website. 6.10.2023. URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_filippiny_razvivayut_mezhregionalnoe_sotrudnichestvo.html (accessed 26.03.2024). (In Russ.).

25. Smolyakova T. Russian labor market will be replenished with labor migrants from the Philippines // Rossiyskaya Gazeta. 6.03.2012. URL: <https://rg.ru/2012/03/07/fil.html> (accessed 29.03.2024). (In Russ.).

26. Philippine companies are interested in cooperation with Russia // Agroexport. 6.06.2023. URL: <https://aemcx.ru/2023/06/22/Philippine-companies-interested> (accessed 29.03.2024). (In Russ.).

27. Philippines and Russia: new cooperation in agriculture // Meatinfo. 13.06.2024. URL: <https://meatinfo.ru/news/filippini-i-rossiya-novoe-sotrudnichestvo-v-selskom-hozyaystve-463317> (accessed 16.06.2024). (In Russ.).

28. Shelomentsev A.G., Terentyeva T.V., Kozlova O.A., Makarova M.N. Interregional cooperation as an institution for implementing development strategies of the regions of the Far East // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2014. No. 11 (part 3). P. 417–422. (In Russ.).

29. Alojipan S. C. Nuclear Power Plants for the Philippines, now possible // Pinoy Peryodiko. 5.12.2023. URL: <https://pinoyperydiko.manilatimes.net/2023/12/05/balita/mga-nuclear-power-plant-para-sa-pilipinas-posible-na/3715> (accessed 23.03.2024).

30. Bunachita J.S. City inks pact with Vladivostok for 'friendship and cooperation' // Cebu City Government:

- website. 8.09.2022. URL: <https://cebucity.news/2022/09/08/city-inks-pact-with-vladivostok-for-friendship-and-cooperation> (accessed 16.06.2024).
31. Business statistics. General view 2001–2023 // International Trade Center: website. URL: <https://intracen.org/resources/data-and-analysis/trade-statistics#export-of-goods> (accessed 31.03.2024).
32. Cebu, Vladivostok formalize 'sister city' ties // Cebu City News. 11.09.2023. URL: <https://cebucity.news/2023/09/11/cebu-vladivostok-formalize-sister-city-ties> (accessed 16.06.2024).
33. Cordero T. Russia offers floating nuclear power plant for PHL // GMA News. 14.05.2018. URL: <http://www.gmanetwork.com/news/money/companies/653280/russia-offers-floating-nuclear-power-plant-for-phl/story> (accessed 29.03.2024).
34. List of sister cities in Metro Manila // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_sister_cities_in_Metro_Manila (accessed 16.06.2024).
35. One Sierra. Dot Property // Moving Asia Online: website. URL: <https://www.dotproperty.com.ph/condo/17381/one-sierra> (accessed 12.04.2024).
36. Patinio F. Government to help Overseas Filipino Workers in Russia as economic sanctions bite // Philippine News Agency. 23.03.2022. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1170489> (accessed 26.03.2024).
37. Philippines Export to Russia 2023 // Trading economics: website. URL: <https://tradingeconomics.com/philippines/exports/russia> (accessed 12.04.2024).
38. Philippines Imports from Russia 2023 // Trading economics: website. URL: <https://tradingeconomics.com/philippines/imports/russia> (accessed 12.04.2024).
39. Philippines-Russia relations. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Philippines%E2%80%93Russia_relations (accessed 26.03.2024).
40. Russia and the Philippines are developing interregional cooperation // AK&M Information Agency. 6.10.2023. URL: <https://www.akm.ru/eng/press/russia-and-the-philippines-are-developing-interregional-cooperation> (accessed 26.03.2024).
41. Salazar L. C. Bilateral cultural diplomacy: 50 years of Philippine experience // Journal of Cultural Management and Policy. 2015. Vol 5. Issue 1. P. 13–25.
42. Somerville G., Crawford J. Risky Business: Southeast Asia's Continued Trade with Russia // RUSI: website. 24.08.2023. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/risky-business-southeast-asias-continued-trade-russia> (accessed 15.04.2024).
43. Yeo M. Philippines tries to claw back money after canceling Russian helicopter deal // Asia Pacific. 12.12.2022. URL: <https://www.defensenews.com/global/asia-pacific/2022/08/11/philippines-tries-to-claw-back-money-after-canceling-russian-helicopter-deal> (accessed 16.04.2024).

Иван Николаевич ЗОЛОТУХИН, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: zolivnik@mail.ru

Иван Иванович ПИСАРЕВ, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: pisarev.ii@dvfu.ru

Ivan N. ZOLOTUKHIN, Candidate of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zolivnik@mail.ru

Ivan I. PISAREV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: pisarev.ii@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 19.12.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 11.05.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Интервью
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

"Расстаться с японоведением не могу...". Интервью с З. Ф. Моргун

Зоя Фёдоровна МОРГУН

независимый исследователь, Владивосток, Россия, zfmorgun@mail.ru

Ключевые слова: востоковедение, японоведение, российский Дальний Восток, Восточный институт, "Известия Восточного института"

Для цитирования: "Расстаться с японоведением не могу...". Интервью с З. Ф. Моргун // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 69–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

Interview
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

"I can't part with Japanese studies...". Interview with Z. F. Morgun

Zoya F. MORGUN

Independent Researcher, Vladivostok, Russia, zfmorgun@mail.ru

Keywords: oriental studies, Japanese studies, Russian Far East, Oriental Institute, "Oriental Institute Journal"

For citation: "I can't part with Japanese studies...". Interview with Z. F. Morgun // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 69–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

В год 125-летия Восточного института редакция нашего журнала обратилась к бывшим и нынешним сотрудникам ВИ, представителям разных областей науки, с просьбой рассказать о прошлом и настоящем дальневосточного востоковедения, о развитии своих кафедр и направлений исследований, о собственной профессиональной деятельности. Собранные материалы – очерки и интервью – в дальнейшем будут опубликованы на страницах "Известий Восточного института". В этом номере мы представляем вниманию наших читателей краткую версию беседы с выдающимся японоведом и первым ответственным редактором возрожденного в 1994 г. журнала Зоей Федоровной Моргун. К публикации данный материал был подготовлен А.А. Киреевым.

Зоя Федоровна, окончив восточный факультет ДВГУ, вы более 60 лет посвятили востоковедческим исследованиям. С чем был связан выбор вами этой профессии?

Я родилась в 1947 году на острове Русском, где находилась воинская часть, школа связи. Мой папа был военный, и мы жили в закрытом гарнизоне, где все выписывали тогда газету "Боевая вахта". И только наши соседи выписывали "Красное знамя". Однажды, зайдя к ним, я увидела на столе эту газету и просто из любопытства пролистала ее. На последней странице среди объявлений прочитала о том, что объявляется дополнительный набор на отделение японского языка. Это был первый набор. Еще ничего не зная об этом, почему-то сразу решила, что буду там учиться. На тот момент я училась в 9-ом классе, и еще два года провела в школе на Русском острове. Потом мы переехали в город, и именно так все и случилось. И на всю оставшуюся жизнь. Хотя я уже третий год не работаю, но расстаться с японоведением не могу. Сейчас занимаюсь японской тематикой даже более активно, потому что появилось больше времени.

В 1970 г. вы получили диплом по специальности востоковед-филолог, переводчик с японского языка. Сегодня круг интересов, которые связывают вас с этой страной, выходит далеко за рамки языкознания. Как происходило ваше знакомство с Японией?

© Моргун З. Ф., 2024

Фото 1. На выставке в г. Находка (1968 г.). Слева направо: Мацудзакэ, Е.В. Верисоцкая (Мищенко), Ж.В. Кучерук, З.Ф. Моргун.

Источник: личный архив З.Ф. Моргун

Foto 1. At the exhibition in Nakhodka (1968). From left to right: Matsudzako, E.V. Verisotskaya (Mishchenko), Zh.V. Kucheruk, Z.F. Morgun.

Source: personal archive of Z.F. Morgun.

Если вспомнить первую встречу с японцами, то это случилось по окончании первого курса. Нас несколько человек взяли проводниками на спецпоезд. Из Йокогамы теплоходом доставляли японцев в Находку, там они пересаживались на этот спецпоезд. 16 часов он шел до Хабаровска, дальше самолетом до Москвы, и далее в европейском направлении. Нас готовили как дипломированных проводников. Нам выдали форму, и я была назначена проводником в первом вагоне. И вот с огромными чемоданами на колесах с причала через железнодорожные пути японцы шли до поезда. Я стояла в стойке, на вытяжку, при берете и в форме. И выучила фразу: "итигося", то есть "первый вагон". Они шли толпой, а я должна была своих отсортировать, и говорила: "итигося". 36 человек прошло мимо меня в вагон, и никто не понял вообще, в чем дело. Этот первый рейс был на Байкал. На Байкале в тот 1965 г. проходил первый фестиваль дружбы советской и японской молодежи. Четверо суток мы путешествовали с ними до Иркутска. Потом я работала проводником на маршруте Хабаровск – Находка, мы мыли вагон внутри, застилали постели, ну и так далее, трудовая практика. В Находке (Владивосток был закрытым городом) в интерклубе также можно было увидеть японцев-моряков, которые работали на японских судах. Пока пришедшие в Находку суда стояли под выгрузкой или загрузкой, они посещали вечером интерклуб.

В Японию я попала уже будучи на втором курсе. В то время проводили круизы на теплоходах вокруг Японии для наших туристов из разных республик СССР. Круизы отправлялись из Находки, и нас туда брали официантками, но я не попала в эту привилегированную группу. Я и три моих одногруппницы были просто убор-

Фото 2. В резиденции принца Микаса-но Мия. Слева направо: З.Ф. Моргун, принц Микаса-но Мия, профессор Вакио Фудзимото, профессор Окаяма Ясуда.

Источник: личный архив З.Ф. Моргун.

Foto 2. At the residence of Prince Mikasa-no Miya. From left to right: Z.F. Morgun, Prince Mikasa-no Miya, Professor Wakio Fujimoto, Professor Okayama Yasuda.

Source: personal archive of Z.F. Morgun.

щицами. В нашу задачу входило мыть туалеты и души, убирать коридоры и лестницы. Хотелось жутко посмотреть Японию, но её на тот момент я видела только из иллюминатора теплохода, потому что, когда он стоял у причала, все туристы уезжали на экскурсии, а мы оставались. Оставались, потому что масса японцев шла посмотреть советский корабль. Мы должны были с ними общаться, показывать им теплоход. Кроме того, на стоянках в больших городах вечером устраивали для них концерт, потому что в составе круизов, обязательно была какая-то творческая группа, и мы тоже должны были там находиться.

Когда я закончила третий курс (1968 г.), уже активно стали развиваться связи с Японией, в том числе и туристические. И нас, группу студентов-японистов, отобрали для работы в московском "Интуристе", в качестве практики на лето. Мы прошли двухнедельную подготовку в "Интуристе", и все лето работали с языком. Хочешь – не хочешь, выкручивайся. Нас ставили на группы, и мы ездили по Советскому Союзу.

В 1994 г., по вашей инициативе, был возрожден основанный еще в начале XX века журнал "Известия Восточного института". Кто принял участие в реализации этой идеи? Как формировались содержание и структура журнала?

К тому моменту я уже в 1991 г. побывала на трёхмесячной стажировке в Японии, в Осацком государственном университете, и активно общалась там с профессором Вакио Фудзимото. Он тоже занимался темой японцев в России, но не так глубоко. Он собирал архивные материалы и заразил меня этим. После той стажировки я стала работать в наших архивах, где и обнаружила журнал "Известия Восточного института", который издавал Е.Г. Спальвин с 1899 г. Листая этот журнал,

подумала, а почему бы не зафиксировать то, что сейчас происходит в сфере востоковедения. Я решила попробовать возродить журнал, который будет освещать востоковедческие вопросы в ДВГУ и вокруг него. Эта идея родилась в 1993 г., а в 1994 уже шла работа над статьями, их сбор и обработка. И в 1994 г., в год, когда был воссоздан Восточный институт, вышел первый номер. Журнал выходил один раз в год, потому что было невероятно сложно собрать номер. Но тем не менее я твердо была уверена, что это необходимо, потому что, как и раньше, журнал должен был фиксировать все связанное с востоковедением, все, что могло быть полезным для будущих исследований. Нужно сделать это сейчас для тех, кто через 20, 50 лет займётся этой темой.

Проект журнала первым поддержал декан факультета японоведения С.Н. Ильин. Он позвонил ректору ДВГУ В.И. Курилову и получил его одобрение. Мне удалось привлечь многих авторов и не только местных. Например, у нас печатались китаист А.Н. Хохлов из ИВ РАН, академик В.С. Мясников и другие. С самого начала откликнулась Э.В. Ермакова, а также А.М. Буюков, А.А. Хаматова, С.Ю. Врадий, П.Э. Падалко, Е.В. Верисоцкая, В.В. Верхоляк.

Вскоре сформировалась и структура издания. Появились такие рубрики, как "Восточный институт: история и современность", "История", "Экономика", "Лингвистика", "Литературоведение", "Наши юбиляры", "Хроника жизни Восточного института". То есть изначально журнал был multidisciplinary, широкого профиля.

Публиковались в журнале и иностранные авторы, прежде всего из Китая и Японии. Нами было выпущено четыре специальных выпуска по японской тематике, которые профинансировал Японский фонд.

Журнал выпускался силами небольшого коллектива. В редакцию, кроме меня, входило три человека: верстальщик, редактор (первоначально Л.Е. Кириллова) и корректор. Причем я в штат не входила и первые три года работала просто на общественных началах.

Вы давно и плодотворно сотрудничаете со многими японскими исследователями. О ком из них вы могли бы рассказать?

В круг японских ученых меня ввел Вакио Фудзимото. С Фудзимото я познакомилась в 1975 г. в Находке, где проводился первый международный молодежный симпозиум (тогда – семинар). На тот момент я работала в Институте истории. Симпозиум проходил в Доме культуры моряков и был организован Комитетом молодежных организаций СССР. Они собирали молодежь, и не только научную, и доклады были как научными, так и политическими. Там были иностранные участники, например из Гватемалы, которые учились в Москве, в Институте дружбы народов, некоторые даже инкогнито. Это было общественно-политическое мероприятие, цель которого состояла в налаживании контактов. Симпозиумы проводились сначала в Находке, а затем во Владивостоке, который оставался тогда закрытым городом.

В то время Вакио Фудзимото был уже заведующим кафедрой в Осацком государственном университете. По достижении пенсионного возраста он стал ректором Осацкого университета экономики и права, сейчас уже почетным. Тем не менее Фудзимото продолжает приезжать во Владивосток. Он является основателем российского-японского симпозиума учёных ДВО РАН и японских ученых. Под его началом было проведено 35 симпозиумов в Японии, во Владивостоке и в Хабаровске.

Через Фудзимото я познакомилась с известным японским исследователем Тэраюки Хара, который написал книгу "Сибирская экспедиция. Революция и интервенция. 1917–1922". В 1991 г. я сопровождала Тэраюки Хара в его поездке в Амурскую область. Работая в архивах Японии по истории интервенции, он нашёл документы про село Ивановку, где японские интервенты в 1919 г. заживо сожгли жителей. Испытывая большое чувство вины, он хотел посетить это место. Тэраюки Хара с женой прилетел в Хабаровск (Владивосток был еще закрыт). Там я к ним присоединилась, долетели до Благовещенска и оттуда поехали в Ивановку. Мы

ехали туда на черной "Волге", по дороге он попросил остановиться, купил красные гвоздики. Когда прибыли в Ивановку, возложил эти цветы перед стоявшим там обелиском и молился. Потом, уже в самой деревне, нас встретили и накормили обедом. Позднее Хара-сэнсэй описал эту поездку в своей статье.

В своих поездках по Японии я находила много интересной информации и новых источников. Так, в 1991 г. Вакио Фудзимото устроил мне посещение в Токио архива МИД Японии, архива Токийского государственного университета, а также Центра славяноведения на Хоккайдо с его библиотекой. Еще один пласт материалов – это частные семейные архивы японцев, в прошлом связанных с Владивостоком. Оттуда я много почерпнула. Например, в моей книге есть эпизод из истории японского предпринимательства во Владивостоке, о Кондо Сигеси. Японский журнал "Север" предложил мне написать статью о японцах во Владивостоке. Я тогда отправила им материал о японском предпринимательстве во Владивостоке в 1910-х – 1920-х гг. И в том числе там упоминался Кондо Сигеси. Этот журнал случайно попал в руки его внучки. Она взяла мой адрес в редакции журнала и позвонила, представилась, и мы часа полтора проговорили. Осенью этого же года дочь Киоко Мано и внучка Кадзуко Аикава приехали во Владивосток, я их встретила и показала те места, которые связаны с их предком, те здания, которые сохранились. Я несколько раз бывала у нее в гостях в Японии. У нее дома сохранились и фотографии того времени, но им была совершенно непонятна его деятельность во Владивостоке, а я уже к тому моменту поработала в Москве в архиве МИД РФ и нашла целые папки, посвященные Сёсэн Гуми. Когда они от меня узнали историю деда и отца, они были очень счастливы. Впоследствии Сигеси Кондо перевел свой бизнес из Владивостока в Харбин. И это достаточно типичный случай. В моей книге есть и в новой книге тоже будет большой раздел, посвященный этой семье. Это пример того, как ко мне попали фотографии из семейного архива, причём касающиеся не только одной семьи. Так, у меня не было фотографии Риэ Ватанабэ, японского консула во Владивостоке, а у них в семейном архиве она была, и я использовала в книге эту фотографию. Таких примеров немало.

Вот еще одна история. Я была в командировке в Москве, в Архиве внешней политики Российской империи МИД. В читальном зале мне показалось, что один из посетителей похож на японца. Подошла к нему и спросила. Оказалось, это профессор Коити Ясуда, очень известный в Японии русист. Он читал и делал выписки из дневника цесаревича Николая, который тот вел во время своего путешествия на крейсере "Память Азова". Это большой рукописный фолиант, заполненный мелким бисерным почерком Николая, с дореволюционной, конечно, орфографией. Какое мужество надо было иметь, чтобы разобраться с этим японцу! Господина Ясуда в тот момент очень интересовало, что написал Николай в своем дневнике после инцидента в г. Оцу, где полицейский ударил его шашкой. Мы поговорили с ним. Выяснилось, что он тоже из круга Вакио Фудзимото.

Профессор Ясуда с аспирантских лет был знаком с принцем Микаса-но Мия, братом императора Японии. У принца же было заведено собирать книги, издаваемые японскими издательствами, и затем дарить их известным зарубежным университетам. И Ясуда порекомендовал отправить очередной книжный дар нашему ДВГУ. Таким образом, в 1998 г. ДВГУ было передано 1400 экземпляров книг различного направления. До этого подобный же дар получил Ленинградский институт востоковедения. Эти книги выставлялись в читальном зале ВИ, а сейчас хранятся, видимо, в университетской библиотеке.

В 2015 г. в числе немногих россиян вы были удостоены награды правительства Японии – Ордена Восходящего солнца с золотыми лучами. Как это произошло?

До меня, еще в 1980-е гг., такой же орден был вручен В.В. Горчакову. Потом было долгое затишье. И вдруг однажды из консульства Японии мне позвонил секретарь и попросил уточнить информацию о себе. Это было весной, а осенью мне вновь позвонили из консульства и сообщили о том, что японским правительством было принято решение наградить меня этим орденом. Для меня, конечно, это было не-

ожиданным. Затем было вручение. Впоследствии такую же награду получили А.А. Шнырко и В.Л. Ларин. На мероприятиях, связанных с Японией, я всегда этот орден ношу. Нужно сказать, что к моему ордену прилагалась наградная грамота с личной печатью императора Японии, печатями премьер-министра Синдзо Абэ и министра иностранных дел. Видимо, принимая решение, японская сторона собрала сведения о том, что я к тому времени сделала. Я провела пять выставок, посвященных японской тематике, в том числе первую – в музее ДВГУ. При участии японской стороны был создан памятный знак Урадзю хонгандзи. Совместно с обществом "Япония – Приморский край" установлены памятные таблички на зданиях, связанных с историей японцев во Владивостоке. Также, по инициативе и при финансовой поддержке Генерального консульства Японии и Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева, издан путеводитель по японским местам Владивостока. Я предоставила для него исторические фотографии из своего архива и стала автором сопроводительного текста. Уже вышла в свет в 2014 г. моя книга "Японская мозаика Владивостока. 1860-е – 1937 гг."

За годы работы в Институте истории ДВО РАН, Восточном институте ДВГУ и ДВФУ вами опубликованы более сотни научных трудов. Но в 2010-е гг. в вашем творчестве появилось новое направление – научно-популярная литература. Что побудило ученого взяться за перо беллетриста?

Материалы для книги "Японская мозаика Владивостока" я собирала начиная с 1991 г. Я писала отдельные статьи, в том числе в журнал "Известия Восточного института". Когда надо было оформлять все собранное в книгу, задумалась над формой этого текста. Дело в том, что академический стиль письма труден для широкой аудитории, многие читатели не могут одолеть такую публикацию. Я долго обдумывала структуру книги, выбирала между хронологическим и предметным подходом. В итоге остановилась на том, что будет показан исторический фон, а на нем судьбы конкретных людей и, что очень важно, мое личное их восприятие. Судя по отзывам, такой текст легче читать. А исторический фон позволяет объяснить, почему происходило именно так. Таким образом и сложился мой персональный стиль работы. Еще один важный момент – это фотографии. Хотя издатели иногда недооценивают их, я считаю, что фотографии показывают и время, и людей так, как это не передать текстом. Поэтому, когда буду делать публикацию о Харбине, то буду добиваться, чтобы фотографии были крупным планом.

Еще до выхода "Японской мозаики" в 2011 г. был выпущен буклет, посвященный японцам во Владивостоке. В 1990-е гг. стало приезжать много японцев, не просто в качестве туристов, а группами, которые интересовались именно Владивостоком. Одна из таких групп была из Тоёмы, от общества дружбы "Тоёма – Приморье". В ее составе был Иноаки-сан. У него эта экскурсия вызвала большой интерес. Потом он прислал съемочную группу, и они сняли при моем участии фильм для японцев. Иноаки-сан предложил отметить японские места во Владивостоке табличками. Вниманию к этому проявило и консульство Японии. Я проводила экскурсию для сотрудников и членов семей консульства по японским местам. В ходе нее возникала идея собрать эти места в единый маршрут. Идея эта получила поддержку и в японском консульстве, и в музее Арсеньева, директором которого тогда был В.Н. Соколов. Буклет с картой переведен и на японский язык и издан на средства японского консульства и Японского фонда. Активное участие в этом принял музей Арсеньева, предоставивший фотографии. Есть в буклете фотографии и из моего личного архива. Вакио Фудзимото выступил как редактор.

"Японская мозаика" вышла на русском языке в 2014 г. В 2016 г. она была переиздана в Японии. Эта книга была отмечена грамотой выставки-ярмарки "Печатный двор". Книга активно читается: только в Чеховской библиотеке с 2015 г. у нее было более 1000 читателей. Есть эта книга и в продаже. Не так давно, в декабре 2023 г., выпущено уже третье ее издание. Это расширенная версия "Японской мозаики Владивостока, в ней появились новая глава "Послевоенное Приморье: японский след" и хроника отношений Владивостока и Японии вплоть до 2022 г.

Ваша книга "Японская мозаика Владивостока" пользуется большим интересом читателей и выдержала уже ряд изданий. Полагаю, что в планах есть и новые книги. О ком или о чем они будут?

Сейчас я занимаюсь темой японцев-выходцев из Харбина. Эта тема возникла не вчера и даже не позавчера. Изначально, я хотела рассмотреть историю японцев в городах Дальнего Востока России, включая Владивосток, Дальнереченск (Иман), Хабаровск, Уссурийск, Сучан, Зея, Благовещенск и, естественно, Харбин. Тогда он был русским городом. Материалы об этих городах есть. Но, поскольку нельзя объять необъятное, в итоге я сосредоточилась на Владивостоке, в период до 1937 г. Когда я в основном завершила изучение Владивостока, то обратилась к следующему по значимости центру – Харбину. Дело в том, что, когда в 1909 г. отменили порто-франко во Владивостоке, многие крупные японские торговые фирмы перебазировались в Харбин, и там началась их новая история. Об этом, в частности, пишет в своей книге бывший харбинец Иэясу Куросаки. Он собрал свыше полутора тысяч открыток, посвящённых Харбину. По моему предложению, электронные копии этих открыток он передал в музей Арсеньева. Таких материалов по Харбину, как открытки и личные дневники, достаточно. В настоящий момент я занимаюсь биографией Никиты Ямасита. Он тоже выходец из Харбина, затем выступал в известной группе "Роял Найтс", весьма популярной в СССР исполнением песни "Журавли", а позднее участвовал в создании лесоторговой фирмы и торговле с Советским Союзом.

До Русско-японской войны японцев в Харбине было немного. Скорее, это были предприниматели, содержавшие публичные дома, лавки. Были и разведчики. Например, Куросаки передал мне копию схемы Харбина, составленную Исемицу, который открыв в городе фотографию, по сути, занимался шпионажем. Публичные дома, фотоателье вообще часто служили прикрытием для разведывательной деятельности.

Харбином в целом занимаются многие, но именно тема японского присутствия в нем слабо разработана. Главное, что не используют информацию выходцев из Харбина, которые сегодня моего возраста или чуть старше. Среди них есть полукровки, у которых матери русские, а отцы японцы. В Японии эти люди сохраняют связь друг с другом. Если успею, надеюсь подготовить по этой теме книгу.

Зоя Фёдоровна МОРГУН, канд. ист. наук, независимый исследователь, г. Владивосток, Россия, e-mail: zfmorgun@mail.ru

Zoya F. MORGUN, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: zfmorgun@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 09.07.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Научная статья
УДК 94(100)"1914/19"
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/76-94>

"Посильная лепта в море великих жертв на алтарь отечества...". Однодневные газеты Дальнего Востока периода Первой мировой войны

Вадим Львович АГАПОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, agapov_vl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история четырёх однодневных газет, выпущенных с благотворительной целью коллективами журналистов и общественных деятелей во Владивостоке и Хабаровске в мае – июне 1915 г. и в мае 1916 г. На основе газетных публикаций и архивных документов показаны появление идеи этих изданий, отношение администрации Приморской области к инициативе общественности, подготовка к выпуску, распространение, достигнутый эффект (тиражи, собранные средства). Особое внимание обращено на конфликты, возникшие в среде сотрудников печати Владивостока при подготовке к проведению в городе Дня печати. Проведён анализ содержания изданий "Владивостокский день печати", "Сибирскому стрелку", "Воину-сибиряку" (г. Владивосток) и "День печати" (г. Хабаровск). Сделан вывод о том, что исследуемые газеты были успешны в смысле своей основной цели – сбора средств для раненых солдат. Но они также отразили изменение общественных настроений в годы войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, благотворительность, Восточный институт, День печати, однодневные газеты, кружечный сбор

Для цитирования: Агапов М. В. "Посильная лепта в море великих жертв на алтарь отечества...". Однодневные газеты Дальнего Востока периода Первой мировой войны // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 76–94. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/76-94>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/76-94>

One-day charity newspapers of the Russian Far East during the World War I

Vadim L. AGAPOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, agapov_vl@mail.ru

Abstract. The article examines the history of four one-day newspapers published for charitable purposes by teams of journalists and public figures in Vladivostok and Khabarovsk in 1915 and 1916. Based on newspaper publications and archival documents, the emergence of the idea of these publications, the attitude of the administration of the Primorsky region to the public initiative, preparation for release, distribution, the achieved effect (circulation, funds raised) are shown. Particular attention is paid to the conflicts that arose among Vladivostok press workers during preparation for the Press Day in the city. A review of the contents of the publications "Vladivostokskiy den' pechati", "Sibirskomu strelku", "Voinu-sibiryaku" (Vladivostok) and "Den' pechati" (Khabarovsk) was made. It is concluded that the newspapers studied were successful in terms of their main goal – raising funds for wounded soldiers. But they could not show the unity of society.

Keywords: World War I, Russian Empire, Press day, one-day newspapers, charity, fundraising, Oriental Institute

For citation: Agapov V. L. One-day charity newspapers of the Russian Far East during the World War I // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 76–94. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/76-94>

Введение

Начало Первой мировой войны актуализировало социальную функцию журналистики. Призывы к "единению" общества перед лицом внешнего врага получили практическое выражение во всесторонней помощи тыла фронту. В периодической печати была развёрнута мощная агитационная кампания, показывающая и пропагандирующая это патриотическое движение. Возникло много специальных изданий, столичных и провинциальных, в которых рассказывалось о деятельности учреждений и организаций по призрению семей воевавших, раненых и погибших воинов.

Среди таких изданий Г.В. Жирков называет "Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов" (Петроград, 1914–1916 гг.), "Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам" (Москва, 1914–1917 гг.), "Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам" (Москва, 1914–1917 гг.), "Вестник помощи призванным на войну" (Омск, 1914–1916 гг.) и др. [34, с. 347–348].

Журналы благотворительных обществ выходили 1–2 раза в месяц. Но практиковался во время войны также выпуск однодневных газет и листовок: средства с продаж этих газет прямо направлялись в фонды помощи семьям участников войны и раненым солдатам. Примерами являются "Помощь раненым" (1914. 21 октября – газета Екатеринбургского управления Российского общества Красного Креста); "Красный Крест" (1915 – листок Попечительного совета Забайкальской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста в Чите) [34, с. 348–349].

Практика выпуска однодневных газет имела широкое распространение в столице и регионах. Н.В. Жиликова в статье "Новые газеты и журналы Томска периода Первой мировой войны" раскрыла историю появления и особенности однодневных газет Томска [32].

В Томске в период военного времени выходили однодневные газеты "Студенческий день" (6 апреля 1915 г. – газета комитета Томского студенческого благотворительного кружка), "Отклики печати" (27 апреля 1915 г. – газета Томского отдела Сибирского общества помощи раненым). В качестве издателей выступали общественные организации. Их тематический комплекс, утверждавшийся губернатором, был разнообразен: от медицины и материалов на тему войны до рассуждений о культуре, но цель была общей – благотворительность и помощь фронту. Однодневные газеты выпускались по традиционной модели городских и областных изданий, включали в себя обычные рубрики: передовая статья-обращение, телеграммы, томские, сибирские и российские новости, фельетоны, стихотворения и художественные произведения других жанров и т.д. Эти издания служили повышению авторитета газет в обществе, выступая аналогом общественной акции, центра консолидации благотворительных сил [32, с. 71–73]. Тираж газеты "Студенческий день" оценивался в 13 000 экз., что свидетельствует об их востребованности [33, с. 248].

Цель статьи – показать историю и особенности однодневных газет Дальнего Востока России периода Первой мировой войны. Рассмотрены издания "Владивостокский день печати", "Сибирскому стрелку", "Воину-сибиряку" (г. Владивосток) и "День печати" (г. Хабаровск). Три из них, как и их томские аналоги, вышли в первой половине 1915 г., одно – год спустя, что определяет хронологические рамки исследования.

При работе использованы две группы **источников**. Первую составляют неопубликованные документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Наиболее важным для нашей темы является Фонд 1 Приморское областное правление, Опись 2, Дело 2440 "Прошение редакторов и издателей газет и переписка с хабаровским полицмейстером об издании газеты "День печати" в гор. Хабаровске". Несмотря на название, в дело входят документы об издании трёх упомянутых выше однодневных газет: прошения, переписка об изданиях, протоколы собраний и отчет о выпуске "Владивостокского дня печати". Вторая группа представлена материалами периодической печати: помимо собственно номеров "Владивостокского дня печати", "Сибирскому стрелку", "Дня печати" и "Воину-сибиряку", в неё входят публикации ежедневных владивостокских газет, редакции которых участвовали в подготовке и распространении благотворительных изданий и освещали эту работу и её результаты на своих страницах.

Зарождение идеи о проведении "Дня печати" во Владивостоке

С началом Первой мировой войны приморские газеты живо откликнулись на подъём патриотических настроений в обществе. 29 июля (11 августа) 1914 г. хабаровские "Приамурские ведомости" сообщали о создании Приамурского комитета

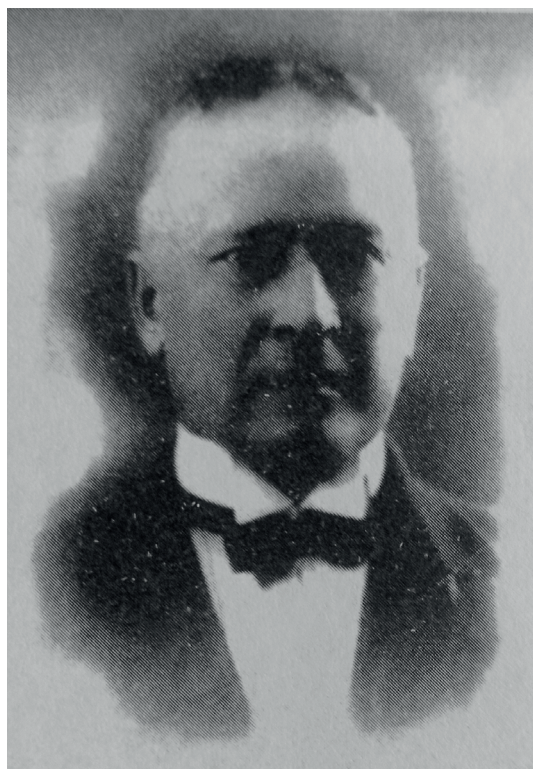

Фото 1. А.В. Гребенщиков

Источник: [8].

Photo 1. A.V. Grebenshnikov

Source: [8].

по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям и призывали всех граждан внести свою лепту [39, с. 1]. До 31 мая (13 июня) 1915 г. в комитет поступило 262 847 руб. 75 коп. пожертвований [56, с. 5–6].

Во Владивостоке "Далекая окраина" писала о необходимости пожертвований, объявляла сборы средств, печатала сведения о пожертвованиях частных лиц, призывы помогать семьям русских солдат, героически защищающих права Родины, попираемые "озверелым врагом" [50, с. 1]. Осенью 1914 г. газета оказала информационную поддержку акции "кружечный сбор", устроенной местным отделом общества Красного креста.

Идею объединения всех литературных сил для помощи сражающейся армии дальневосточные журналисты заимствовали у столичных коллег. Стремясь повысить роль печати, петроградские журналисты провели "день печати". В выпущенном по этому поводу воззвании, напечатанном в газете "Вечерний курьер" 10(23) октября 1914 г., говорилось: "Мы, деятели печати, в эти дни являемся второй, по иному мо-

билизированной армией великой России. Дело печати в эти дни – подойти к каждой двери и настойчиво стучать в неё и непрестанно напоминать о тех неотложных обязанностях, каких требует от нас живая жизнь" [7, с. 30].

11(24) ноября в зале петроградской городской Думы собралось свыше шестидесяти сотрудников петроградских газет для обсуждения участия повременной печати в сборе денег на нужды, сопряжённые с войной. "После продолжительных прений, порой принимавших весьма страстный характер, собрание большинством всех, против трёх, признало желательной идею объединённой деятельности петроградской печати по сбору в среде её самой" [28, с. 4]. Была организована выставка "Война и печать", на которой экспонировались книги, брошюры, лубки, географические карты. Вслед за Петроградом аналогичные мероприятия были проведены в Москве и других городах [7, с. 30].

Наиболее масштабным (и имеющим наибольшее отношение к теме нашей статьи) из этих благотворительных мероприятий сотрудников печати стал "День печати", прошедший в Москве 9(22) февраля 1915 г. Владивостокская газета "Русский Восток" описывала его так (приведём текст заметки целиком): "9 февраля в Москве не вышла ни одна из газет. Вышло только одна газета "День печати" в пользу раненых и больных воинов. Газета издается особым редакционным комитетом, избранным издателем и собранием московских журналистов. В качестве редактора газету подписал главноуполномоченный всероссийского земского союза кн. Г.Е. Львов. Утренний выпуск газеты вышел в количестве около одного миллиона экземпляров. Печаталась газета в нескольких типографиях в 10 страницах. Объявлений собрано на 20 000 руб. Цена номера 10 коп. Кроме утреннего выпуска газеты, были выпущены ещё в три часа дня и вечером" [20, с. 3].

Фото 2. Газета "Владивостокский день печати" от 01 июля 1915 г.

Источник: из фондов Российской национальной библиотеки.

Photo 2. Newspaper "Vladivostokskiy den' pechat' from July 1, 1915.

Source: from the collections of The National Library of Russia.

Заметка сопровождалась призывом к владивостокским "труженикам печатного дела" "устроить у нас "День печати" в пользу Приамурского комитета помощи увечным и раненым воинам и их семьям" [21, с. 3].

26 февраля (11 марта) 1915 г. по инициативе редакции "Далеко окраины" во Владивостоке произошло совещание представителей местной печати по вопросу об устройстве во Владивостоке "Дня печати". "Симпатичная идея" встретила

Фото 3. Газета "Воин-Сибиряк" от 21 мая 1916 г.
Источник: из фондов Государственного архива Приморского края.
Photo 3. Newspaper "Voinu-sibiryaku" from May 21, 1916
Source: from the funds of the State Archives of Primorsky Krai.

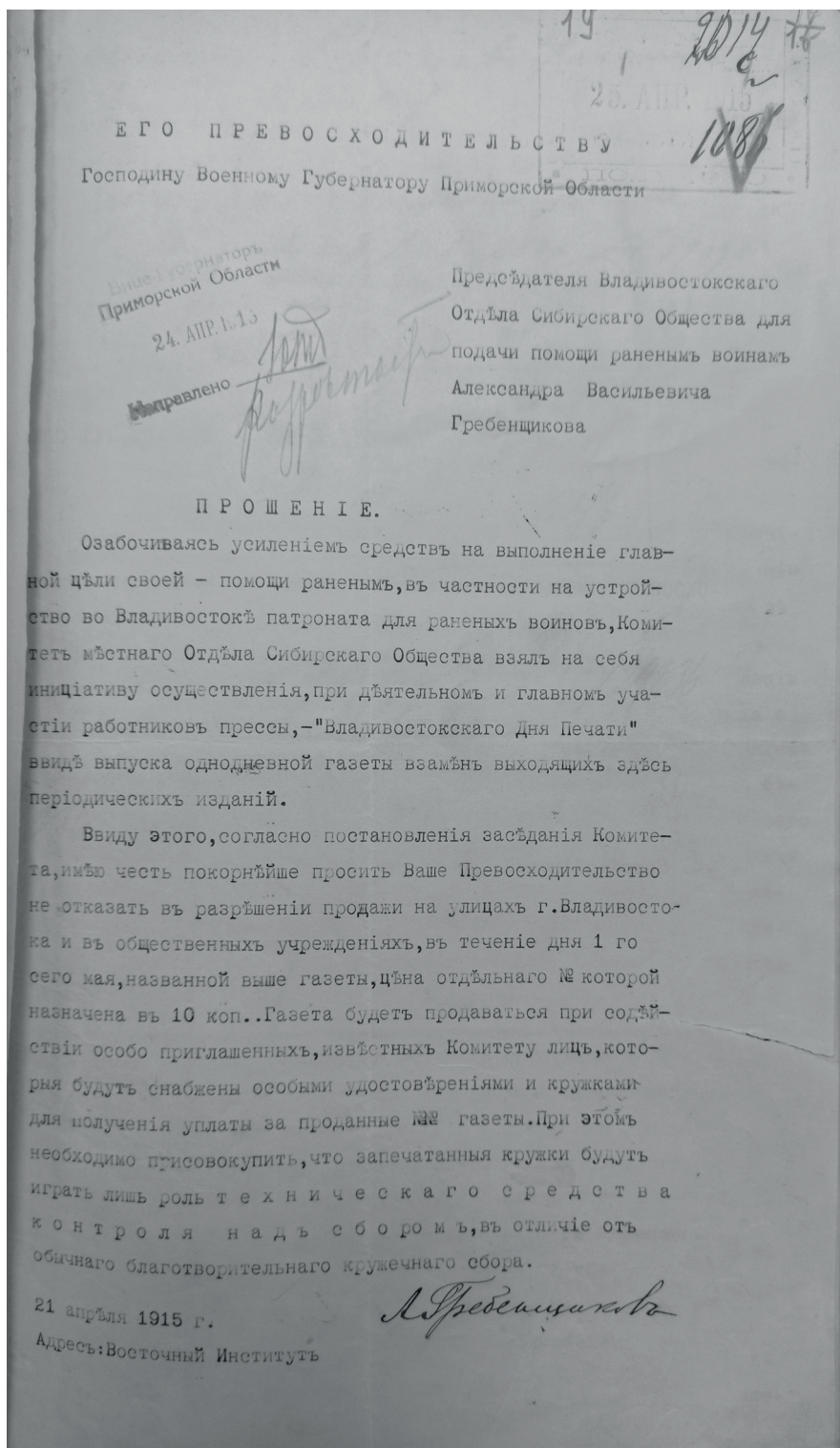

Фото 4. Прошение Гребенщикова.

Источник: (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 19.).

Photo 4. Grebenshchikov's petition.

Source: (RGIA DV. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 19.).

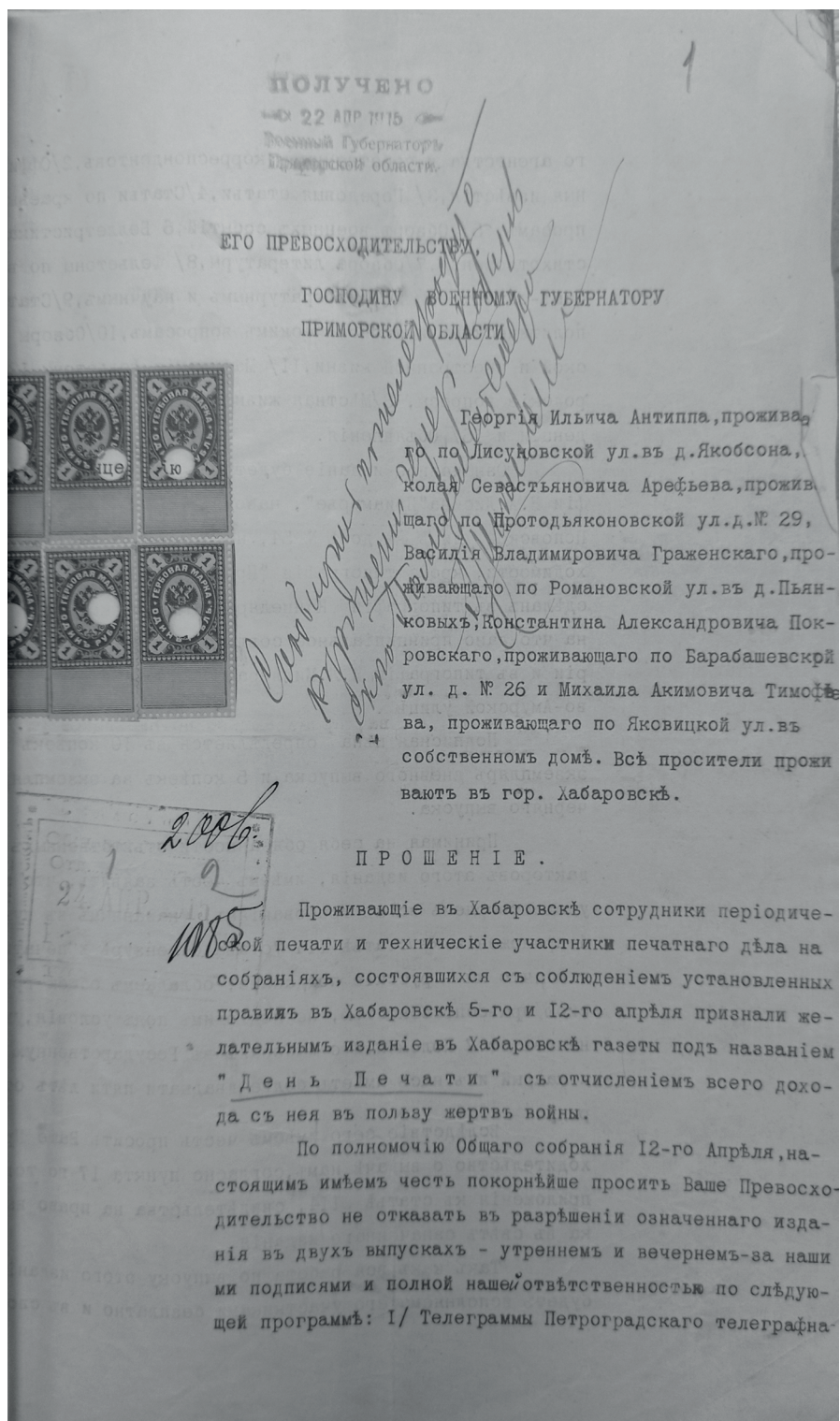

Фото 5. Прошение об издании Дня печати (г. Хабаровск).

Источник: (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 1.).

Photo 5. Request for the publication of the "Day of the Press" (Khabarovsk).

Source: (RGIA DV. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 1.).

полное сочувствие со стороны представителей двух газет: "Далекой окраины" и "Русского Востока". Представитель газеты "Дальний Восток" отнёсся к инициативе скептически и уклонился от обсуждения "Дня печати" [22, с. 3]. 2(15) марта "Русский Восток" опубликовал корреспонденцию из Петрограда, в которой говорилось, что, "надо проснуться петроградской печати, отбросить личные счёты, забыть разлад и последовать тем прекрасным примерам, которыми полны наши газеты и журналы..." В комментарии к этой публикации редакция отметила: "Увы, и наш Владивосток недалеко ушёл от всех этих явлений" [68, с. 1–2].

Действительно, объединение даже с благой целью владивостокских журналистов было не рядовой задачей. В 1915 г. в городе выходило всего четыре газеты [1]. Старейшей из них была газета "Дальний Восток" В.А. Панова, основанная в 1892 г. и имевшая крупнейшую в городе типографию, в которой на 1(14) марта 1914 г. работало 72 сотрудника (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2367. Л. 29). Второй по старшинству (основана в 1907 г.) была "Далекая окраина" – "лучшая и наиболее серьёзная местная газета" либерального направления (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 28, 28об.), с тиражом в 1913 г. 4 000 экз. (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 21). Третьей – "Русский Восток" (1914 г.), принадлежавший группе членов Владивостокского Биржевого комитета с крайне правыми взглядами (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 34, 34об.). Четвёртой – "хулиганский листок" (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 28об.) "Текущий день" Ф.В. Мисюры. В момент начала обсуждения "Дня печати" это издание было приостановлено (закрыто) Приамурским генерал-губернатором с 10(23) февраля 1915 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 115), но с 5(18) марта возобновилось под названием "Новости дня" (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2433. Л. 9). Все эти газеты традиционно находились во враждебных отношениях друг с другом и вели между собой бесконечные "газетные войны" [2].

Подготовка и проведение "Дня печати" во Владивостоке и Хабаровске

Поскольку журналистам во Владивостоке поначалу не удалось договориться о проведении "Дня печати", благотворительная инициатива перешла от печати к общественным деятелям в лице профессора Восточного института А.В. Гребенщикова (выпускник Восточного института 1907 года, маньчжуровед, защитил диссертацию по маньчжурскому шаманству, автор монографии "Маньчжуры, их язык и письменность" [8, с. 94–95]). 3(16) апреля 1915 г. он возглавил прошедшее в помещении Биржевого комитета заседание комитета Владивостокского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам. В заседании приняли участие приглашённые редакторы и издатели всех городских периодических изданий, кроме газеты "Дальний Восток".

На обсуждение была вынесена идея создания газеты, средства с продаж которой можно было бы направить в помощь "страждущим воинам-сибирякам". По завершении заседания была выбрана хозяйственно-редакционная комиссия, в которую вошли г-жа В.В. Оффенберг, г-жа Е.Г. Луценко, проф. А.В. Гребенщиков, проф. Е.Г. Спальвин, А.В. Бабинцев, Ф.А. Вальден, В.Я. Липовецкий (редактор газеты "Русский Восток"), Н.П. Леонов (редактор газеты "Далекая окраина"), Н.П. Раменский (редактор газеты "Новости дня"), М.Н. Вознесенский, К.К. Андрущенко, Н.П. Матвеев, В.Ф. Михайловский [14, с. 2; 23, с. 3].

В "Русском Востоке" приветствовали этот шаг к единению прессы: "Наш город в лице своих культурных представителей, наряду с деятелями печатного слова таких культурных центров, как Москва, а затем Томская объединённая организация деятелей печати Западной Сибири, явится одним из тех городов, где идеи профессиональной помощи нашим раненым нашли себе самое яркое выражение..." [9, с. 2–3].

4(17) апреля в 8 ч. вечера на первом заседании хозяйственно-редакционной комиссии присутствовали 9 человек "представителей печати и членов общества" (Гребенщиков, Спальвин, Бабинцев, Вознесенский, Липовецкий, Матвеев, Андрущенко, Раменский, Леонов). Председателем единогласно избрали профессора А.В. Гребенщикова. Днём выпуска было намечено 1 мая, редакции газет "Далекая окраина"

ина", "Русский Восток" и "Новости дня" согласились в этот день своих газет не выпускать. Печатать планировалось поровну (по 4 листа) в типографиях "Русского Востока" и "Далекой окраины"). Тираж был определён в 10 000 экз. Было подсчитано, что на это потребуется 10 000 листов бумаги, стоимостью 200 руб. За бумагой решено обратиться к местным фирмам Т.Д. И.Я. Чурин и Ко, Т.Д. Бр. Синкевич и Т.Д. Кунст и Альберс. По лицам и учреждениям Приамурского края было решено распространить анкету на тему: как отразились военные события на вашей деятельности. В состав комитета был дополнительно приглашён редактор "Биржевых бюллетеней" И.С. Кларк [19, с. 4]. Сбор объявлений для издания было решено начать с 6 апреля [24, с. 3].

Обращение к Т.Д. "Кунст и Альберс" выглядит неожиданно, если знать, что с самого начала войны "Русский Восток" вёл "травлю" немецкого торгового дома, размещающая на своих страницах германофобские публикации, содержащие призывы "выгнать из Приамурья" немцев, а их имущество конфисковать [18, с. 2].

6(19) апреля хозяйственно-редакционная комиссия обсуждала позицию "Дальнего Востока". При этом И.С. Кларк сказал, что "на поведение газеты "Дальний Восток" не стоит обращать внимания" [25, с. 3]. Позднее он предупреждал, что "представление путём печати на суд общества возникших при организации дела недоразумений едва ли будет содействовать общему его успеху" [58, с. 5; 59, с. 3]. А.В. Гребенщиков объявлял редакции газеты "Дальний Восток", что она "не лишена" возможности "примкнуть к общему делу местной прессы" [53, с. 4; 54, с. 3]. Однако на В.А. Панова это обращение не подействовало.

Большие надежды в организаторов вселило совпадение устраиваемого ими "Дня печати" в пользу раненых героев со "скромным торжеством деятелей низшей школы, которые подготовляются к устройству 1-го мая грандиозного патристического праздника городских школьников". По словам автора "Русского Востока", "таким образом, тот путь, который был выбран редакционно-издательской комиссией по устройству "Дня печати" во Владивостоке, во многом совпал с общим направлением работ в Москве по устройству своего "Дня печати", где тоже принимали участие школьники [38, с. 3]. Инициативная группа не раз обращалась к редакциям газет: "желательно, чтобы на заседании присутствовали сотрудники всех местных газет" [76, с. 4; 77, с. 2].

Пятое заседание хозяйственно-редакционной комиссии по устройству "Дня печати" в г. Владивостоке прошло 13(26) апреля. Из членов комиссии присутствовали Гребенщиков, Спальвин, Михайловский, Матвеев, Липовецкий, Андрущенко, Леонов, Вознесенский, Раменский, Кларк, также было много приглашённых лиц. Было принято решение дополнительно ввести в состав комиссии 6 человек, из них 3 от наборщиков и печатников: М.Л. Лободин ("Далекая окраина"), С.И. Зелинский ("Русский Восток"), М.В. Осипов ("Новости дня") – и 3 от сотрудников: П.С. Гарев, А.А. Леонтьев, П.Н. Макаев. В итоге в ней стало 20 членов. Сделано это было с той же целью расширить число участников акции. При этом печатниками был задан вопрос, кто является организатором "Дня печати": сотрудники печати или Сибирское общество помощи раненым. На это был дан ответ: "Устроителями "Дня печати" являются труженики всей владивостокской прессы, за исключением газеты "Дальний Восток"" [29, с. 3].

16(29) апреля в присутствии 16 членов комиссии представитель наборщиков "Далекой окраины" заявил, что участие Сибирского общества "придаёт этому дню особенный характер, не имеющий ничего общего с профессиональными задачами устроителей "Дня печати" в других городах". После чего "демонстративно покинул комнату". С аналогичным заявлением выступил представитель от наборщиков газеты "Новости дня". Комиссия решила распространить открытое письмо наборщикам. А.В. Гребенщиков, участие которого служило раздражающим фактором для ряда сотрудников печатного дела, отказался от подписи газеты в качестве редактора. Секретарь комиссии Андрущенко заявил, что сложившееся положение "является следствием своеобразного понимания г. редактором "Д.О." Н.П. Леоновым своих обязанностей", и отказался от звания секретаря. Решено отправить

Гребенщикова и Макаева переговорить с Леоновым "относительно выяснения вопроса о дальнейшем участии этой газеты в устройстве "Дня печати"" [30, с. 3]. Автор "Русского Востока" писал: "Идея организации во Владивостоке "Дня печати" встретила свои Сциллу и Харибду. Поднимает мятежный голос чье-то задетое самолюбие, крадет отвратительная интрига и уже расправляет хищные лапы..." [62, с. 3].

Редакция газеты опубликовала несколько открытых писем, в которых говорили о "величайшей войне", потребовавшей "напряжения всех физических и духовных сил", небывалом количестве раненых и инвалидов, необходимости объединения всех тружеников печати "по примеру Москвы", предлагала печатникам и наборщикам выбрать из своих рядов от 3 до 6 уполномоченных для участия в назначенном на 20 апреля новом заседании [60, с. 3], объясняла, что печать не должна отгораживаться от общества, призывала поддержать инициативу [26, с. 3].

На седьмом заседании хозяйственно-редакционной комиссии 20 апреля (3 мая) под председательством А.В. Гребенщикова и в присутствии 11 членов комиссии окончательно стало ясно, что наборщики типографии "Далекая окраина", типографии Восточного института и областного правления отказываются от участия в "Дне печати". Однако его поддержали наборщики типографии Шрейтмана и лично Н.П. Матвеев. М.В. Осипов из типографии "Новости дня" доложил, что "Леонов при встрече с ним выразил сожаление, что он и наборщики "Н.д." желают примкнуть к "Дню печати", устроенному Сибирским обществом". Леонов объяснил, что пропагандирует идею об устройстве профессионального "Дня печати". С этого момента "Далекая окраина" перестала освещать подготовку "Дня печати" и вышла из числа участников акции. В комиссии остались только представители "Русского Востока", "Новостей дня" и "Биржевых бюллетеней", которыми было решено переименовать газету из "Дня владивостокской печати" во "Владивостокский день печати".

Тогда же определены редакционная комиссия и отделы будущего издания: 1) общественно-политический и обзор военных событий (заведующий – М.Н. Вознесенский), 2) Дальний Восток (профессор А.В. Гребенщиков), 3) торгово-промышленный (И.С. Кларк), 4) Анкета (В.Я. Липовецкий), 5) военно-морской (В.Ф. Михайловский), 6) Городской, учебный (А.С. Леонтьев), 7) Краевой, местный (Н.П. Матвеев), 8) литературный (П.Н. Макаев, П.С. Гарев), 9) Обзор печати (К.К. Андрущенко), 10) Отдел афоризмов (профессор Е.Г. Спальвин). Одновременно в хозяйственно-редакционную комиссию добавлены Ф.В. Мисюра, П.Н. Макаев, Бежанов, Зеленский, Н.П. Матвеев, Драгун, М. Осипов и др. [31, с. 3].

21 апреля "Русский Восток" последний раз призвал общество к единению [55, с. 3]. В этот же день, 21 апреля (4 мая), А.В. Гребенщиков подал военному губернатору Приморской области прошение, в котором говорилось: "Озабочиваясь усилением средств на выполнение главной цели своей – помощи раненым, в частности, на устройство во Владивостоке патроната для раненых воинов, Комитет местного Отдела Сибирского общества взял на себя инициативу осуществления, при деятельном и главном участии работников прессы – "Владивостокского дня печати" в виде выпуска однодневной газеты взамен выходящих здесь периодических изданий". Продажа издания планировалась на 1 мая по цене 10 коп. за номер лицами, известными комитету и снабженными удостоверениями и кружками для получения уплаты (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 19).

Почти одновременно с владивостокскими общественниками о дне печати задумались и в Хабаровске. 5(18) апреля в Народном доме состоялось собрание, на котором присутствовало 19 техников печатного дела, 5 сотрудников печати и 16 сочувствующих лиц. Был избран временный комитет и на 12(25) апреля назначено заседание лиц, желающих принять техническое и литературное участие в издании газеты в пользу жертв войны [4, с. 1]. Оно состоялось в доме Хабаровской Городской Управы под председательством журналиста и политического деятеля из партии социалистов-революционеров Н.С. Арефьева. По результатам заседания ещё 20 апреля (3 мая) было подано прошение о разрешении "издания в г. Хабаровске газеты "День печати" с отчислением всего дохода с неё в пользу жертв войны".

Программа издания: 1) Телеграммы Петроградского телеграфного агентства и собственных корреспондентов, 2) Официальные известия, 3) Передовые статьи, 4) Статьи по краевым вопросам, 5) Обзор военных событий, 6) Беллетристика и стихотворения, 7) Обзор литературы, 8) Фельетоны по вопросам общественным, литературным и научным, 9) Статьи по политическим и экономическим вопросам, 10) Обзоры русской и иностранной жизни, 11) Маленькие фельетоны, 12) Городские вопросы, 13) Местная жизнь, 14) Хроника, 15) Корреспонденции, 16) Объявления. Прошение подписали Г.И. Антипа, Н.С. Арефьев, В.В. Граженский, К.А. Покровский, М.А. Тимофеев, обещавшие взять на себя "полную ответственность" за издание. Печатание "Дня печати" планировалось в типографии Н.А. Лисина (редактор-издатель газеты "Приамурье"), набирать текст в типографии канцелярии генерал-губернатора и в типографии И.Л. Миллера (редактор-издатель газеты "Приамурская жизнь"). Подписная цена обозначалась в 10 коп. (планировались утренний и вечерний выпуски, по 5 коп. за каждый) (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 1–3). "Далекая окраина" рассказала об этой инициативе хабаровских коллег в заметке из номера от 2(15) мая, сообщив, что "разрешения на это пока ещё не получено" [27, с. 3].

На самом деле ответ на оба прошения исполняющий обязанности военного губернатора Приморской области вице-губернатор Л.А. Коренев подготовил 27 апреля (10 мая). Решение было: препятствий не встречается, но издание это не должно называться ни газетой, ни журналом, подчиняясь правилам, указанным в 143 статье Устава о печати (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 4, 7об., 20, 23).

Означенная статья требовала предоставления непериодического издания на проверку инспектору по делам печати за 2–7 дней до выпуска, что лишало редакторов-издателей возможности помещения дневного материала, агентских телеграмм и хроники.

Владивостокская редакция решила вопрос просто: новостной материал (из официальных источников) был перенесён в вечернее приложение к "Дню печати". Это позволило быстро получить разрешение на выпуск. Однако отказ от участия в предприятии крупнейших газет "Далекая окраина" и "Дальний Восток" создал технические трудности в печати издания. Решить проблему помогли "местные общественные силы", предоставившие редакции литературный материал и взявшие на себя обязанность найти рекламные объявления и помочь в распространении газеты. Торговые дома "Кунст и Альберс" и "И.Я. Чурин и Ко" пожертвовали по 15 стоп дефицитной газетной бумаги. Номера печатались в электро-типографии "Русского Востока" на ул. Суйфунской [36, с. 3]. Эта работа так тяжело далась сотрудникам типографии, что следующий после 1 мая номер "Русского Востока" им пришлось выпустить в сокращённом варианте, и он содержал массу ошибок и опечаток. В следующих номерах газета даже объявляла о поисках грамотного сотрудника в типографию.

1(14) мая 1915 г., в воскресенье, **"Владивостокский день печати"** увидел свет с подзаголовком "Издание Владивостокского отдела Сибирского общества помощи раненым, сотрудников Владивостокской прессы и группы технических работников печатного дела". В нем было 4 листа большого газетного формата (8 полос), что немного больше, чем у обычных газет (они имели 4–6 полос). Цена за один номер составляла 10 коп., что превышало стоимость номера ежедневных газет вдвое. Ещё одним источником доходов была реклама. Она занимала более 30 % объёма издания (страницы 6–8).

Главным лозунгом газеты стал "помогите раненым". Издание названо "посильной лептой" "в море великих жертв, которые принес на алтарь отечества Русский народ" [10, с. 1]. Собранные от продажи средства должны были пойти в Сибирское общество помощи раненым. Объявление о выходе "Владивостокского дня печати", призывавшее покупать эту газету с целью поддержки раненых воинов, появилось в "Русском Востоке" и "Новостях дня", а также в "Далекой окраине" и "Дальнем Востоке", несмотря на то, что последние не приняли участие в выпуске. Журналисты из "Новостей дня" утверждали, что "Далекая окраина" и "Дальний Восток" рекла-

мируют "Владивостокский день печати", чтобы легче было ограбить раненых путем продажи своих номеров [12, с. 3].

В этот же день, 1(14) мая, вышел вечерний выпуск "Владивостокского дня печати" с военными телеграммами Петроградского телеграфного агентства. На страницах газеты читателей призывали покупать "только эти телеграммы". Редакцию "Дальнего Востока" потом обвинили в том, что она продавала свои телеграммы в день выхода "Дня печати", чтобы дополнительно на этом подзаработать [61, с. 3].

Проведение акции, как и планировалось, совпало с патриотическим шествием детей-школьников, в котором приняли участие "свыше 3-х тысяч человек" [79, с. 3]. Распространителям газеты были предварительно выданы удостоверения, кружки (всего их было 186 штук) с наложенными пломбами и наклейками Владивостокского отдела Сибирского общества, и белые повязки с надписью "в помощь сибирским войскам". В распространении газеты помогали и дети [63, с. 3].

По мнению устроителей, "Владивостокский день печати" дал "блестящие материальные результаты". Тираж утреннего выпуска составил 6 000 (или 6 500) экз., вечернего – 2 500 экз. Приём кружек осуществлялся в Канцелярии Восточного института. Подсчёт дал сумму 1 727 руб. 16 коп. (кроме того, по подписным листам получено ещё 28 руб. 69 коп.), которые были переданы казначею Владивостокского отдела Сибирского общества инженеру В.И. Пьянкову (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 24). Сумма платы за рекламу оценивалась "приблизительно немного более 2 000 руб.", что позволило редакции "Русского Востока" объявить, что, "в общем, доход от "Дня печати" выражается приблизительно в сумме около 4 000 руб." [35, с. 3].

Инициаторов хабаровского "Дня печати" требование вице-губернатора о соответствии 143 статье поставило в затруднительное положение. Выпуск был перенесён сначала с 11 на 25 мая. Председатель редакционного комитета Н.С. Арёфьев телеграфировал во Владивосток (резиденцию военного губернатора Приморской области), что "условия статьи технически невыполнимы" (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 10) и ходатайствовал о разрешении включать агентские телеграммы и хронику без предъявления их инспектору (который на всём Дальнем Востоке был только во Владивостоке), но с предъявлением в момент выпуска наблюдающему за печатью г. Хабаровска (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 12). Разрешение было получено 5(18) июня, что задержало выход издания ещё на несколько недель. В итоге телеграммы было решено печатать отдельно, как это сделали и во Владивостоке.

Тем временем руководители ранее отказавшихся от участия во "Владивостокском дне печати" газет "Дальний Восток" и "Далекая окраина" решили под тем же лозунгом "День печати" выпустить своё отдельное издание, средства от продажи которого были бы направлены в помощь воинам-сибирякам [37, с. 3].

22 апреля (5 мая), ещё до выхода первого "Дня печати", редактор "Далекой окраины" Н.П. Леонов подал военному губернатору прошение о разрешении провести 26 апреля (9 мая) "совещание работников печати по организации во Владивостоке "Дня печати"" (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 32). На этом совещании были выбраны три комиссии по устройству альтернативного Дня печати: редакционная, техническая и хозяйственная. Объединённое заседание всех трёх комиссий с участием свыше 30 человек состоялось вечером 29 апреля (12 мая) в помещении собрания приказчиков. Активное участие в работе комиссий приняли журналисты В.А. Панов (редактор газеты "Дальний Восток"), К.И. Лепин (редактор газеты "Уссурийский край"), П.Н. Макаев и др. На заседании было решено 25 мая выпустить два издания в пользу раненых: альманах и газету. Особо было оговорено, что распространение их не должно "носить характер навязывания", и что плата за издания "будет приниматься в кружки" [71, с. 3].

Планирующемуся изданию дали название "Сибирскому стрелку" (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 34). Смысл этого названия раскрыл 3(16) мая в "Далекой окраине" М.Н. Вознесенский (под псевдонимом Новиков-Сибирский): "Сибирские стрел-

ки покрыли себя вечной славой пред всем миром своей отвагой и презрением к опасности" [48, с. 1].

Редколлегия прислала авторов присылать рукописи в редакции "Далекой окраины" и "Дальнего Востока" [72, с. 4]. Объединенное заседание по изданию состоялось 3(16) мая. Оно постановило выпустить газету на 6 страницах по цене 5 коп. за номер, а альманах – от 16 до 32 страниц. Причем 1 000 экз. газеты предполагалось отправить в действующую армию [73, с. 3].

Губернатор Приморской области не разрешил 25 мая воспользоваться кружками при продаже издания из-за проведения другой благотворительной акции: с 29 по 31 мая во Владивостоке был запланирован трёхдневный кружечный сбор в пользу населения, пострадавшего от войны (проводившийся учащимися начальных училищ по инициативе городского головы И.А. Ющенкова [52, с. 3]). По предложению министерства внутренних дел, за неделю до трёхдневного сбора не должны были разрешаться никакие другие сборы [74, с. 3]. Поскольку плату за "Сибирскому стрелку" планировалось собирать, как и у "Владивостокского дня печати", "при посредстве кружек", выпуск был перенесён на 29 июня (12 июля) [75, с. 3], средства должны были пойти в пользу того же Сибирского общества помощи раненым (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2440. Л. 39). 27 июня (10 июля) в "Далекой окраине" появилось объявление: "29 июня будет выпущено тружениками печати однодневное издание "Сибирскому стрелку" от тружеников печати города Владивостока. Издание выйдет в количестве 15 000 экз." [17, с. 1].

"Сибирскому стрелку". Издание тружеников печати г. Владивостока появилось 29 июня (12 июля) 1915 г., спустя два месяца после публикации "Владивостокского дня печати". В этот же день вышел и хабаровский **"День печати"** с подзаголовком "Однодневное издание тружеников печатного дела г. Хабаровска в пользу жертв войны". Таким образом, они более соответствовали требованиям печатников, вызвавшим раскол в хозяйственно-редакционной комиссии их предшественника, являясь "профессиональными" изданиями сотрудников печатного дела.

"Сибирскому стрелку" позиционировалась как "Газета-письмо", пожертвование "местных тружеников пера и станка" (так редакция всё же упомянула запрещённое для этого издания слово "газета") [11, с. 2]. В ней было 8 полос крупного формата; цена за номер, как и у "Владивостокского дня печати", составляла 10 коп.

Распространение этого издания было организовано схоже с предыдущим и дало близкие результаты. Валовый сбор выразился в сумме 3 195 руб. 03 коп. Из них кружечный сбор от продажи (в обороте было 168 кружек) принёс 1 849 руб. 41 коп. (почти столько же принесла продажа и "Владивостокского дня печати"). За объявления, помещённые в издании, удалось выручить 1 044 руб. 50 коп. (вдвое меньше, чем у "Владивостокского дня печати"). В качестве пожертвований "Сибирскому стрелку" поступило ещё 301 руб. 12 коп. [80, с. 4].

Благотворительная цель изданий, на первый взгляд, была достигнута: продажа "Владивостокского дня печати" дала выручку в 2 раза больше объявленной стоимости газеты. Несколько хуже получились результаты "Сибирскому стрелку" (с учётом большего тиража). Однако собранные суммы (по 4 000–3 200 руб.) нельзя признать очень большими. Для сравнения, проводившаяся 26 сентября (9 октября) 1914 г. (в начале войны) во Владивостоке отделом Общества Красного креста акция "Кружечный сбор" дала на 484 кружки сбор в 11 145 руб. 59 коп. [78, с. 2]. Упомянутый выше трёхдневный кружечный сбор 29–31 мая (11–13 июня) 1915 г. принёс 14 029 руб., из которых 1 489 руб. 37 коп. пошли на уплату расходов на проведение акции [15, с. 2].

Год спустя во Владивостоке было выпущено ещё одно однодневное благотворительное издание – **"Воину-сибиряку"** – работники торговли, промышленности и кредита. Хотя в работе над ним приняли участие многие журналисты, в том числе участники "Дней печати" 1915 г., организатором выступило на этот раз собрание торгово-промышленных служащих г. Владивостока. В марте 1916 г. оно приняло решение о проведении "Дня тружеников торговли, промышленности и кредита воину-сибиряку" [42, с. 3]. Это мероприятие ставилось в ряд с проведённым два

паза "Днём печати" и др. [65, с. 2]. Издание Собрания приказчиков г. Владивостока вышло 21 мая (4 июня) 1916 г. на 4-х полосах, из которых 1-я и 4-я были отданы под рекламу (объём был вдвое меньше, чем у предшественников). Цена за номер также была определена вдвое меньше: 5 коп. Редактором "Воину-сибиряку" был указан В.Ф. Пестриков.

Содержание изданий

"Владивостокский день печати" выглядел наиболее патриотичным. Его авторы писали, что "великое дело охраны Родины" требует "безмерно тяжёлых и великих жертв", но победа стран Антанты станет ключом к благополучию всей Европы и установлению "прочного и долгого мира" [46, с. 1], что идёт "идейная война" "за кровное достояние наших предков, не только за наши экономические интересы, но и за наше право на самостоятельное и культурное развитие" [64, с. 1]. Показывалось, что, благодаря доблести сибирских полков, регион перестали считать "каторжным" и ассоциировать с "могилой": "Сибирь научила себя уважать... Её сыны своей кровью запечатлели преданность отечеству... Откликнулось и общество Сибири на призыв государства". Подчеркивалась обязанность общества поддержать сибирские полки [13, с. 1].

В других публикациях говорилось, что война объединяет лучшие силы русского общества, все "осчастливлены своим историческим правом создать своими усилиями лучшее будущее для страны", "тяжкое бедствие – война", но да будет она благословенна" [44, с. 3–4], что в работе на общее благо "после войны развитие города пойдёт ещё сильнее, ещё быстрее" [45, с. 4–5], что союз с Японией благотворно повлияет на развитие края после окончания войны [6, с. 4]. Отмечая нехватку в крае рабочей силы из-за оттока пришлых из Европейской России и Сибири рабочих, отправившихся на фронт, закрытие переселения и сокращение потока приезжих рабочих из других регионов страны, авторы надеялись, что проблема будет решена привлечением труда иностранных подданных [69, с. 4]. Положительное влияние войны виделось и в отрезвлении русской деревни: "сквозь пьяный угар" проступила "кристально чистая мужицкая душа" и "во весь свой колоссальный рост" встала "культуристость" [67, с. 4–5].

Соседним с Россией азиатским странам в "Дне печати" была посвящена почти вся вторая полоса. Здесь были опубликованы "Пять краткостиший Его Величества императора Японии по случаю войны с Германией (перевод Е.Г. Спальвина), отрывок из сборника повестей романиста-художника Кенси Уеда, заметка о предстоящей промышленной выставке в Сеуле, организованной корейским генерал-губернаторством и посвященной пятилетней годовщине присоединения Корейского полуострова к владениям Японской империи [57, с. 2]. Особое место занимала статья японского консула во Владивостоке Номура "Японо-русское сближение" [49, с. 2]. В статье "К современному положению Китая" А.В. Гребенщиков показывал, что по вине Германии и германской агитации против России Китай пришёл к кризису и "находится в преддверии третьей революции" [16, с. 2–3].

Героическим подвигам защитников Родины были посвящены и многочисленные стихотворения. В них прославлялось мужество сибирских солдат, описывалась суровую боевую жизнь и противопоставлялась Германия, готовившая "нового рабства позор", русским воинам, давшим "могучий отпор" неприятелю [3, с. 1]. Создавался положительный образ родной приморской земли и приморцев, сражавшихся за Россию на фронте и нуждавшихся в поддержке земляков в тылу. В стихотворениях проводилась мысль, что хорошо умереть за правое святое дело защиты Родины и что победа искупит любые жертвы [41, с. 3].

"Владивостокский день печати" был иллюстрирован фотографиями политических деятелей: российского императора Николая II с цесаревичем, японского императора Ёсихито, короля Англии Георга V, сербского короля Петра I, короля Черногории Николая I. Присутствовали фотографии английского и французского кабинетов министров. Оживляла газету также реклама.

Газета "Сибирскому стрелку" открывалась обращением к солдатам, названным в статье "дорогими братьями", которых "мы, сограждане ваши", проводили

"на подвиг, страдание и смерть" и которые покрыли себя и родную Сибирь "неувядаемой славой" [66, с. 2]. Она не была обделена литературной составляющей. Здесь были опубликованы стихотворения того же Н.П. Матвеева (Николая-Амурского) "Сибири" и бывшего редактора закрытой газеты Матвеева "Приморский край" В.А. Салько "Из Галицийских мотивов". Однако центральным материалом номера была статья Н.С. Арефьева, которая вышла в "Сибирскому стрелку" с названием "Экзамен", а в хабаровском "Дне печати" – с названием "Экзамен на общественную зрелость (общественная самодеятельность и война)".

Арефьев писал, что война для культуры – "явление отрицательного порядка", она "не может не отразиться более или менее невыгодным образом на культурных ценностях воюющего народа". Однако война может и положительно повлиять на общество, она выявляет дефекты и слабости социальной жизни страны, намечая "путь её возрождения и совершенствования": русский народ заслужил признания за ним "гражданских прав" [5, с. 3].

Характерно, что о "блестящем будущем", "быстром развитии" и "гражданских правах" говорилось в обтекаемых выражениях. Утверждение номера газеты в печать проходило через местную администрацию. Однако авторы, пусть в осторожной форме, смогли выразить в своих публикациях некоторые из ожиданий либерально настроенных кругов общества. Прежде всего, надежды на перераспределение в пользу прогрессивной оппозиции части властных полномочий в сфере управления страной и регионального управления, что мотивировалось заслугами общественных организаций в военное время.

Наиболее неоднозначно выглядел в этом смысле хабаровский "**День печати**". Его издатели сразу заявили о своей аполитичности и внепартийности и о нежелании "выразить своё отношение к войне". Целью издания они назвали "помощь жертвам войны", "помощь людям, ставшим жертвою современных событий" [4, с. 1]. Поэтому здесь нет "героев-сибиряков", "неувядаемой славы" и защиты Родины, а война показана с исключительно отрицательной стороны, как "возврат к прошлому", "отрывка былой дикости, временный атавизм" [70, с. 1]. Подобное направление прослеживалось и в других материалах издания: "Настоящая война и её вероятные итоги", "Самоуправление и организация санитарии в Хабаровске", "Земство и народное здравоохранение", "Труд и капитал". Удивляясь "беззаветной храбрости русских воинов", газета противопоставляла русскому народу, недавно освободившемуся от крепостного права, английский народ, который "перешёл в XIV век, держа в руках "Великую хартию вольности"", и полюбил не смерть, а жизнь. Литературная составляющая была подобрана в таком же духе. Например, на первой полосе были напечатаны "Воспоминания об авторе "Войны и мира" (из дневника японца)" и рассказ "Душа музыки (после концерта)", автору которого даже в музыке Чайковского слышатся "стоны, вопли и рыдания".

Если вышеописанные однодневные благотворительные газеты вышли через 8 и 10 месяцев после начала войны, когда в обществе ещё не угасла надежда на её скорое окончание (это особенно видно по самой первой из них – "Владивостокский день печати"), то издание "**Воину-сибиряку**" состоялось уже совсем в другой обстановке – после 22 месяцев войны сама вера в победу пошатнулась даже в высших слоях населения. Этими пессимистическими настроениями проникнуты материалы издания Собрания приказчиков г. Владивостока.

С одной стороны, здесь говорится о том, что нужно откликнуться на клич "Родина в опасности", "напрячь все силы", "положить свои головы", "пролить свою кровь за отечество" [47, с. 1]. С другой – констатируется, что "тоска, как удушливый газ, расстилается в нашем интеллигентном обществе всё шире и шире; являясь следствием мучительного сознания собственного бессилия и жуткого страха надвигающимися мировыми катаклизмами" [51, с. 1]. Рассуждая о благотворительности, авторы газеты показывали, что благодаря трудам и заботам городского попечительства "семьи защитников не терпят вопиющей нужды" [40, с. 3]. А в литературных публикациях выражалась надежда, что "великие усилия" защитников Родины "благословит Великий Бог" [43, с. 2].

Заключение

По архивным документам и газетным публикациям на материалах Дальнего Востока нам впервые удалось проследить всю историю однодневных благотворительных газет периода Первой мировой войны, созданных в рамках концепции "Дня печати" и не только. Задача такого мероприятия, помимо непосредственно сбора средств на цели благотворительности (помощь раненым воинам и их семьям) заключалась в том, чтобы продемонстрировать единение печати (а вместе с ней и общества, к которому с начала войны эта печать активно и призывала).

И если со сбором средств у издателей получилось, то вот с единением вышло не очень. Четыре владивостокские газеты были вынуждены провести два отдельных "Дня печати", поскольку их редакции с большим трудом могли хотя бы временно преодолеть личные или политические разногласия. Эти разногласия видны и в содержании вышедших изданий (хотя здесь имеет значение и время их выхода). Самый первый "Владивостокский день печати" прославляет героизм воинов и благословляет войну, в которой ищет выгоды для развития страны и дальневосточного региона. Авторы "Сибирскому стрелку", сохраняя некий пафос в отношении защитников родины, осторожно намекают на внутренние реформы и гражданские права. Хабаровский "День печати" посвящён жертвам войны и рассматривает войну как исключительно отрицательное явление. Последнее по времени издание, "Воину-сибиряку", хоть и призывает "напрячь все силы", констатирует расстройство тыла и моральное падение в обществе, проникнуто чувством пессимизма и страхом перед будущим.

В этом мы видим влияние пропаганды левых партий (например, социалистов-революционеров), которое с началом войны сильнее проявлялось в Хабаровске, чем во Владивостоке, а также усталости общества от войны, усилившейся по мере затягивания военных действий и ухудшения положения на фронте. Если страницы "Владивостокского дня печати" (1 мая 1915 г.) полны оптимизма и веры в победу России, то в вышедшем год спустя "Воину-сибиряку" (21 мая 1916 г.) не чувствуется уже ни того, ни другого, а только одна тоска.

Литература

1. Агапов В.Л. Газетный мир Владивостока в период первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2(32). С. 80–90.
2. Агапов В.Л. Дальневосточная печать и капитализм: язык газетных войн в Приморье начала XX века // Кто вы? Акулы пера или дятлы клавиатуры: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. федераль. ун-та, 2020. С. 31–41.
3. Амурский Н. Сибирским стрелкам // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
4. Арефьев Н.С. "День печати" // День печати. Однодневное издание тружеников печатного дела г. Хабаровска в пользу жертв войны. 29 июня 1915 г.
5. Арефьев Н.С. Экзамен // Сибирскому стрелку. 29 июня 1915 г.
6. А-ский Н. Наш край и война // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
7. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны: монография / А.Ф. Бережной. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 152 с.
8. Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук) / В.В. Богатов. Владивосток: Дальнаука, 2024. 576 с.
9. Владивосток, 5 апреля. "День печати" во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 5 апреля.
10. "Владивостокский день печати" // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
11. Газета-письмо // Сибирскому стрелку. Издание тружеников печати г. Владивостока. Понедельник, 29-го июня 1915 г.
12. Газетчики // Новости дня. 1915. 2 мая.
13. Гарев П. Сибирь – отечеству // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
14. Городская жизнь // Далекая окраина. 1915. 4 апреля.
15. Городская жизнь. Итоги трёхдневного сбора // Далекая окраина. 1915. 16 июня.
16. Гребенщиков А.В. К современному положению Китая // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
17. Далекая окраина. 1915. 27 июня.
18. Далинский. На Дальнем Востоке // Русский Восток. 1914. 24 августа (6 сентября).
19. День печати // Далекая окраина. 1915. 7 апреля.
20. День печати в Москве // Русский Восток. 1915. 23 февраля.
21. "День печати" во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 23 февраля.

22. "День печати" во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 28 февраля.
23. День печати во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 4 апреля.
24. День печати во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 7 апреля.
25. "День печати" во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 8 апреля.
26. "День печати" во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 19 апреля.
27. День печати в Хабаровске // Далекая окраина. 1915. 2 мая.
28. День печати // Петроградский листок. 1914. № 311. 12(25) ноября.
29. День печати // Русский Восток. 1915. 15 апреля.
30. День печати // Русский Восток. 1915. 18 апреля.
31. "День печати" // Русский Восток. 1915. 22 апреля.
32. Жилиякова Н.В. Новые газеты и журналы Томска периода Первой мировой войны // Век информации. 2015. № 2. С. 68–77.
33. Жилиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания: Учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 292 с.
34. Жирков Г.В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг.: монография / Г.В. Жирков. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. 382 с.
35. Итоги дня печати // Русский Восток. 1915. 3 мая.
36. Как возникла и осуществилась идея создания "Дня печати" // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
37. К истории нашего издания // Сибирскому стрелку. Издание тружеников печати г. Владивостока. Понедельник, 29-го июня 1915 г.
38. Киянин. "День печати" во Владивостоке // Русский Восток. 1915. 10 апреля.
39. К населению // Приамурские ведомости. 1914. 29 июля.
40. Лапин М. Положение семейств воинов // Воину-сибиряку. 21 мая 1916 г.
41. Мелодии войны. Стихотворения Сем. Цыганок-Темрюкского // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
42. М.К. Что сделали торгово-промышленные служащие? // Воину-сибиряку – работники торговли, промышленности и кредита. 21 мая 1916 г.
43. Николай Амурский. Посвящается защитникам Родины // Воину-сибиряку. 21 мая 1916 г.
44. Н.К. Война – жесточайшая эпидемия // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
45. Н.М. Положение городского самоуправления и его задачи // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
46. Новиков-Сибирский. Жертвы народа // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
47. Новиков-Сибирский. Посильная лепта // Воину-сибиряку. 21 мая 1916 г.
48. Новиков-Сибирский. Сибирскому стрелку // Далекая окраина. 1915. 3 мая.
49. Номура. Японо-русское сближение // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
50. Обращение Владивостокского городского комитета по сбору пожертвований // Далекая окраина. 1914. 5 сентября.
51. Огановский Н. Тоска // Воину-сибиряку. 21 мая 1916 г.
52. Организация трёхдневного сбора // Далекая окраина. 1915. 17 мая.
53. Открытое письмо редакции газеты "Дальний Восток" // Далекая окраина. 1915. 7 апреля.
54. Открытое письмо редакции газеты "Дальний Восток" // Русский Восток. 1915. 7 апреля.
55. Открытое письмо // Русский Восток. 1915. 22 апреля.
56. Отчет Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям // Приамурские ведомости. 1915. 16 июня.
57. П. Гр. К предстоящей выставке в Сеуле // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
58. Письмо в редакцию // Далекая окраина. 1915. 9 апреля.
59. Письмо в редакцию // Русский Восток. 1915. 9 апреля.
60. Письмо в редакцию // Русский Восток. 1915. 18 апреля.
61. После "Дня печати" // Русский Восток. 1915. 3 мая.
62. П. Тайфун. Берегите идею // Русский Восток. 1915. 18 апреля.
63. П. Тайфун. По городу 1-го мая // Русский Восток. 1915. 3 мая.
64. Свистунов Я. Идеальная война // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
65. Секурс. За время войны // Воину-сибиряку. 21 мая 1916 г.
66. Сибирским войскам // Сибирскому стрелку. 29 июня 1915 г.
67. Статистик. Отрезвевшая деревня (анкета) // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
68. Сумский. И мы пахали (от нашего корреспондента) // Русский Восток. 1915. 2 марта.
69. Терновский А.Н. Война и местный рабочий вопрос // Владивостокский день печати. 1 мая 1915 г.
70. Тимофеев М.И. Война и прогресс // День печати. 29 июня 1915 г.
71. Хроника. День печати во Владивостоке // Далекая окраина. 1915. 2 мая.
72. Хроника. День печати во Владивостоке // Далекая окраина. 1915. 3 мая.

73. Хроника. День печати во Владивостоке // Далекая окраина. 1915. 5 мая.
74. Хроника. День печати во Владивостоке // Далекая окраина. 1915. 17 мая.
75. Хроника. День печати во Владивостоке // Далекая окраина. 1915. 21 июня.
76. Хроника. День печати // Далекая окраина. 1915. 12 апреля.
77. Хроника. День печати // Далекая окраина. 1915. 13 апреля.
78. Хроника. Итоги кружечного сбора // Далекая окраина. 1914. 3 октября.
79. Хроника. Патриотическое шествие // Далекая окраина. 1915. 1 мая.
80. Хроника. "Сибирскому стрелку" // Далекая окраина. 1915. 7 июля.

References

1. Agapov V.L. Vladivostok press during the World war I, 1914–1916 // Humanities Research in the Russian Far East. 1994. No 2(32). P. 80–90. (In Russ.).
2. Agapov V.L. Far Eastern press and capitalism: the language of newspaper wars in Primorye at the beginning of the 20th century // Who are you? Sharks of the pen or woodpeckers of the keyboard: a tutorial. Vladivostok: Far eastern federal univ. Publishing house, 2020. P. 31–41. (In Russ.).
3. Amursky N. To the Siberian Riflemen // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
4. Arefiev N.S. "Print Day" // Den' pechati. A one-day publication by Khabarovsk printing workers in favor of war victims. June 29, 1915. (In Russ.).
5. Arefiev N.S. Exam // Sibirskomu strelku. June 29, 1915. (In Russ.).
6. A-sky N. Our land and war // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
7. Berezhnoy A.F. Russian legal press during the World War I: monograph. Leningrad: Leningrad Univ. Publishing house, 1975. 152 p. (In Russ.).
8. Bogatov V.V. Academic science in the Russian East (to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences). Vladivostok: Dalnauka, 2024. 576 p. (In Russ.).
9. Vladivostok, April 5. "Press Day" in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, April, 5. (In Russ.).
10. "Vladivostokskiy den' pechati" // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
11. Newspaper-letter // To the Siberian shooter. Publication of Vladivostok press workers. Monday, 29th June, 1915. (In Russ.).
12. Newsmen // Novosti dnya. 1915, May, 2. (In Russ.).
13. Garev P. Siberia to the Motherland // Vladivostokskiy den' pechati. 1915, May, 1. (In Russ.).
14. City life // Dalekaya Okraina. 1915, April, 4. (In Russ.).
15. City life. Results of a three-day fundraising // Dalekaya Okraina. 1915, June, 16. (In Russ.).
16. Grebenshchikov A.V. On the current situation in China // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
17. Dalekaya Okraina. 1915, June, 27. (In Russ.).
18. Dalinsky. In the Far East // Russkiy Vostok. 1914, August, 24 (September, 6). (In Russ.).
19. Press Day // Dalekaya Okraina. 1915, April, 7. (In Russ.).
20. Press Day in Moscow // Russkiy Vostok, 1915, February, 23. (In Russ.).
21. "Press Day" in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, February, 23. (In Russ.).
22. "Press Day" in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, February, 28. (In Russ.).
23. Press Day in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, April, 4. (In Russ.).
24. Press Day in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, April, 7. (In Russ.).
25. "Press Day" in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, April, 8. (In Russ.).
26. "Press Day" in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, April, 19. (In Russ.).
27. Press Day in Khabarovsk // Dalekaya Okraina. 1915, May, 2. (In Russ.).
28. Press Day // Petrogradskiy listok. 1914. November, 12(25). (In Russ.).
29. Press Day // Russkiy Vostok. 1915, April, 15. (In Russ.).
30. Press Day // Russkiy Vostok. 1915, April, 18. (In Russ.).
31. "Press Day" // Russkiy Vostok. 1915, April, 22. (In Russ.).
32. Zhilyakova N.V. New newspapers and magazines Tomsk during the First World War // Age of Information. 2015. No. 2. P. 68–77. (In Russ.).
33. Zhilyakova N.V., Shevtsov V.V., Evdokimova E.V. Periodicals of the Tomsk province (1857–1916): the formation of journalism and the formation of regional identity. Tomsk: Tomsk Univ. Publishing house, 2015. Vol. 1. 292 p. (In Russ.).
34. Zhirkov G.V. Journalism in Russia: from the golden age to tragedy. 1900–1918: monograph. Izhevsk: Institute of Computer Research, 2014. 382 p. (In Russ.).
35. Results of the press day // Russkiy Vostok. 1915, May, 3. (In Russ.).
36. How the idea of creating "Print Day" arose and was realized // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
37. On the history of our publication // Sibirskomu strelku. Publication of Vladivostok press workers. Monday, 29th June 1915 (In Russ.).
38. Kiyanin. "Press Day" in Vladivostok // Russkiy Vostok. 1915, April, 10. (In Russ.).

39. To the population // Priamurskie vedomosti. 1914, July, 29. (In Russ.).
40. Lapin M. The situation of warrior families // Voinu-sibiryaku – workers of trade, industry and credit. May 21, 1916. (In Russ.).
41. Melodies of war. Poems by Sem. Tsyganok-Temryukskiy // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
42. M.K. What did the commercial and industrial employees do? // Voinu-sibiryaku. May 21, 1916. (In Russ.).
43. Nikolai Amursky. Dedicated to the defenders of the Motherland // Voinu-sibiryaku. May 21, 1916. (In Russ.).
44. N.K. War is the most severe epidemic // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
45. N.M. The situation of city government and its tasks // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
46. Novikov-Sibirskiy. Victims of the People // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
47. Novikov-Sibirskiy. A feasible contribution // Voinu-sibiryaku. May 21, 1916. (In Russ.).
48. Novikov-Sibirskiy. Siberian rifleman // Dalekaya Okraina. 1915, May, 3. (In Russ.).
49. Nomura. Japanese-Russian rapprochement // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
50. Appeal of the Vladivostok City Committee for collecting donations // Dalekaya Okraina. 1914, September, 5. (In Russ.).
51. Oganovsky N. Longing // Voinu-sibiryaku. May 21, 1916. (In Russ.).
52. Organization of a three-day gathering // Dalekaya Okraina. 1915, May, 17. (In Russ.).
53. Open letter from the editors of the newspaper "Dal'niy Vostok" // Dalekaya Okraina. 1915, April, 7. (In Russ.).
54. Open letter from the editors of the newspaper "Dal'niy Vostok" // Russkiy Vostok. 1915, April, 7. (In Russ.).
55. Open letter // Russkiy Vostok. 1915, April, 22. (In Russ.).
56. Report of the Amur Committee for providing assistance to wounded, maimed and sick soldiers and their families // Priamurskie vedomosti. 1915, June, 16. (In Russ.).
57. P. Gr. For the upcoming exhibition in Seoul // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
58. Letter to the editor // Dalekaya Okraina. 1915, April, 9. (In Russ.).
59. Letter to the editor // Russkiy Vostok. 1915, April, 9. (In Russ.).
60. Letter to the editor // Russkiy Vostok. 1915, April, 18. (In Russ.).
61. After "Press Day" // Russkiy Vostok. 1915, May, 3. (In Russ.).
62. P. Typhoon. Take care of the idea // Russkiy Vostok. 1915, April, 18. (In Russ.).
63. P. Typhoon. Around the city on May 1 // Russkiy Vostok. 1915, May, 3. (In Russ.).
64. Svistunov Ya. War of ideas // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
65. Securs. During the war // Voinu-sibiryaku. May 21, 1916. (In Russ.).
66. To the Siberian troops // Sibirskomu strelku. June 29, 1915. (In Russ.).
67. Statistician. Sobering village (questionnaire) // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
68. Sumsky. And we plowed (from our correspondent) // Russkiy Vostok. 1915, March, 2. (In Russ.).
69. Ternovsky A.N. War and local labor issue // Vladivostokskiy den' pechati. May 1, 1915. (In Russ.).
70. Timofeev M.I. War and progress // Den' pechati. June 29, 1915. (In Russ.).
71. Chronicle. Press Day in Vladivostok // Dalekaya Okraina. 1915, May, 2. (In Russ.).
72. Chronicle. Press Day in Vladivostok // Dalekaya Okraina. 1915, May, 3. (In Russ.).
73. Chronicle. Press Day in Vladivostok // Dalekaya Okraina. 1915, May, 5. (In Russ.).
74. Chronicle. Press Day in Vladivostok // Dalekaya Okraina. 1915, May, 17. (In Russ.).
75. Chronicle. Press Day in Vladivostok // Dalekaya Okraina. 1915, June, 21. (In Russ.).
76. Chronicle. Printing Day // Dalekaya Okraina. 1915, April, 12. (In Russ.).
77. Chronicle. Printing Day // Dalekaya Okraina. 1915, April, 13. (In Russ.).
78. Chronicle. Results of the circle gathering // Dalekaya Okraina. 1914, October, 3. (In Russ.).
79. Chronicle. Patriotic procession // Dalekaya Okraina. 1915, May, 1. (In Russ.).
80. Chronicle. "To the Siberian Shooter" // Dalekaya Okraina. 1915, July, 7. (In Russ.).

Вадим Львович АГАПОВ, д-р ист. наук, профессор департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: agapov_vl@mail.ru

Vadim L. AGAPOV, Doctor of Historical Sciences, Department of Communications and Media, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: agapov_vl@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 28.04.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 21.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Автомобильная промышленность и компания "Тойота" в период послевоенной оккупации Японии (1945–1952 гг.)

Анна Сергеевна МОСТОВАЯ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, e-mail: kartashema@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития автомобильной промышленности Японии и компании "Тойота", анализируется исторический фон и факторы, оказавшие влияние на состояние отрасли. Исследуется политика оккупационных властей в отношении Японии и японского автопрома, а также ее последствия. Рассматривается антимонопольное законодательство и его влияние на автомобильные компании, тесно связанные с финансово-промышленными концернами дзайбацу. Результатом развития отрасли стали структурные изменения, выразившиеся в появлении ряда новых производителей, укреплении подотрасли поставщиков, усилении кадрового потенциала, обновлении системы трудовых отношений, а также переориентации производства с военных нужд на гражданские.

Ключевые слова: Япония, автомобильная промышленность, Тойота, автомобильные производители, послевоенная оккупация Японии

Для цитирования: Мостовая А. С. Автомобильная промышленность и компания "Тойота" в период послевоенной оккупации Японии (1945–1952 гг.) // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 95–106. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/95-106>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/95-106>

The Japanese Automotive Industry and Toyota Company During the Occupation Period (1945–1952)

Anna S. MOSTOVAIA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, kartashema@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the specific characteristics of the Japanese automotive industry and Toyota considering the historical background and factors that influenced the industry. Special attention is paid both to the general analysis of the occupation authorities' policy towards Japan and to its specific measures related to the automobile companies. The problems faced by Japanese companies during the occupation period, in particular Toyota, caused both by the occupation authorities' policy and by the severe consequences for Japan of defeat in World War II, are considered. The post-war antitrust legislation and its impact on automobile companies, closely related to financial and industrial monopolies, is analyzed in detail. As a result of the development of the automotive industry in this period there was a profound change in the structure of the automotive industry, led to an emergence of new companies, the strengthening of the supplier sector, the relocation of engineering personnel from other industries, establishing a new system of labor relations, as well as conversion to civilian production.

Keywords: Japan, automotive industry, Toyota company, Japan's occupation, automotive companies

For citation: Mostovaia A. S. The Japanese Automotive Industry and Toyota Company During the Occupation Period (1945–1952) // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 95–106. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/95-106>

Период оккупации (1945–1952) стал важнейшей вехой в развитии современного японского автомобилестроения. После поражения Японии во Второй мировой войне эта новая отрасль национальной промышленности, находясь на грани крушения, преодолела многочисленные трудности и стала набирать обороты для дальнейшего мощного скачка.

Необходимо отметить, что к моменту окончания войны японская автоиндустрия имела непродолжительную историю. Ее появление во второй половине 1930-х годов было результатом государственной политики, направленной на соз-

дание собственного независимого от американских компаний¹ производства автомобилей для обеспечения нужд императорской армии в условиях подготовки страны к полномасштабной войне. Первыми национальными производителями, получившими от правительства в сентябре 1936 г. права на массовый выпуск автомобилей и прилагаемую к ним государственную поддержку [15, с. 329], стали "Тойота"² и "Ниссан"³ (в апреле 1941 г. к ним добавилась "Токё дзидося когё"⁴ (совр. "Исудзу")). За годы войны эти три компании значительно увеличились в масштабах, усилив свой производственный потенциал за счет непрерывного роста государственных заказов⁵.

После поражения в войне Япония оказалась в тяжелых экономических условиях. В результате американских авиабомбардировок было уничтожено около четверти жилого фонда страны, значительный ущерб нанесен инфраструктуре, население испытывало острый дефицит продовольствия, предметов первой необходимости, жилья, все это усиливалось высокими темпами инфляции. Прекращение военного производства и последующая реконверсия промышленности проходила с большими трудностями, порождая ряд проблем социально-экономического характера, одной из которых являлась безработица, вызванная массовым закрытием фабрик и заводов, а также возвращением демобилизованных военнослужащих и японских репатриантов из бывших колоний.

В то же время производственно-техническая база индустрии по большей части сохранилась. Это относилось и к автомобилестроительному сектору, основные производственные мощности которого практически не пострадали. Вместе с тем деятельность японской автоиндустрии была парализована в силу ряда причин: был утрачен доступ к источникам сырья и топлива в бывших колониях; исчез спрос на продукцию военного назначения; потеряны рынки сбыта товаров в Азии [1, с. 15]. Кроме того, промышленности, ориентированной на военные заказы, требовалась масштабная реконверсия. Еще одной проблемой, препятствующей возобновлению производственной деятельности, являлась сильная изношенность оборудования, которое использовалось в годы войны со сверхнормативными нагрузками, а поэтому нуждалось в срочной модернизации. Это, в свою очередь, также было затруднительно, так как Японию обязали выплатить огромные репарации странам, пострадавшим в результате военных действий.

В транспортной сфере наблюдался масштабный кризис. Железные дороги сильно пострадали от бомбардировок, на их восстановление требовалось время и значительные финансовые ресурсы. Автопарк страны находился в состоянии упадка: количество автомобилей к концу войны сократилось до критического уровня – к 1945 г. в стране осталось менее 50% грузовых автомобилей и 18% легковых автомобилей от показателей, зарегистрированных в 1940 г. Для восстановления разрушенного народного хозяйства и возобновления работы системы пассажирских и грузовых перевозок требовалось колоссальное количество автомобильных транспортных средств. Подобная ситуация должна была способствовать быстрому восстановлению деятельности национального автопрома, но события стали разворачиваться в ином ключе.

¹ До принятия в 1936 г. Закона об автомобильной промышленности, ограничившего деятельность иностранных автопроизводителей, около 90% от общего количества производства и продаж автомобилей в Японии контролировали японские филиалы компаний "Форд" и "Дженерал моторс".

² Автомобильное подразделение компании "Тоёда сёкки", от которого ведет свою историю современная корпорация "Тойота", было официально учреждено 1 сентября 1933 г., а как самостоятельная автомобильная компания "Тойота" была зарегистрирована 27 августа 1937 г.

³ Автомобильная компания "Ниссан" была учреждена в 1934 г. в преф. Канагава.

⁴ В 1929 г. была учреждена под названием "Исикавадзима дзидося сэйсакусё". В апреле 1941 г. компания была переименована в "Дизель дзидося когё", в июле 1949 г. сменила название на "Исудзу".

⁵ Подробно деятельность компании "Тойота" и государственная политика Японии по учреждению автомобильной промышленности в довоенный и военный период рассматривается в статье Мостовой А. С. История становления и развития автомобильной промышленности Японии в 1920–1945 гг. (на примере компании "Тойота") // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 121–134.

В период оккупации (1945–1952) деятельность японских автомобильных компаний в большей степени определялась политикой штаба оккупационных войск (ШОВ). На первом этапе (1945–1948) меры оккупационной администрации были сконцентрированы на подавлении экономического потенциала Японии, в частности, в автомобильной промышленности предполагалась ликвидация основных компаний – возможных конкурентов американских автоконцернов. Второй этап (1948–1952) отражал изменение курса США в отношении Японии: на фоне изменений международной ситуации (создание КНР, ухудшение обстановки на Корейском полуострове и т. д.) Японии отводилась роль младшего союзника США.

Сразу после начала оккупации в 1945 г. в рамках задачи по "экономическому разоружению" Японии ШОВ ввел запрет на производство военной продукции, к которой в том числе относились автомобили. Затем действия оккупационных властей по подавлению японской автоиндустрии распространились на все аспекты ее деятельности. Серьезным ударом для автопромышленников стала ликвидация в том же году единой государственной компании по сбыту автомобилей: автомобильным компаниям, прежде существовавшим за счет государственных военных заказов и практически не имевшим опыта функционирования в рыночных условиях, предстояло самостоятельно вести торгово-сбытовую деятельность. Также была ликвидирована Ассоциация автомобилестроительных компаний – контролирующий орган, действовавший в 1941–1945 гг. под эгидой министерства торговли и промышленности Японии⁶. В 1946 г. был отменен действовавший с 1936 г. Закон об автомобильной промышленности [11], создавший фундамент для появления и развития национальной автоиндустрии.

На примере компании "Тойота" можно детально рассмотреть процессы восстановления компаний автомобильной отрасли. Необходимо отметить, что за годы войны организационно-производственная структура автомобильной компании "Тойота" сильно трансформировалась под влиянием государственной политики, направленной на поддержку приоритетных направлений промышленности. Из автомобильной компании выделили ряд подразделений и центров (металлургического, литейного, производство резин и др.), которые были укрупнены и преобразованы в отдельные производственные единицы. В результате к 1945 г. вокруг автомобильной фирмы "Тойота" сформировалась мощная промышленная группа. Масштабы ее деятельности значительно увеличились благодаря огромным военным заказам, системе государственной поддержке, а также труду мобилизованных на предприятия граждан. Производственные комплексы "Тоёты" практически не пострадали от американских бомбардировок. Единственным случаем, когда компании был нанесен прямой ущерб, была бомбардировка 14 августа 1945 г. завода "Коромо", в результате которой получила разрушения четвертая часть производственного комплекса [10].

Руководство компании предприняло экстренные меры для адаптации к новым условиям. 16 августа 1945 г.⁷ на чрезвычайном совещании администрации компании была сформулирована цель – возобновить деятельность с выпуска грузовиков, необходимых для восстановления Японии [12, с. 503]. На следующий день было запущено производство грузовых автомашин. Однако, как отмечалось выше, сразу после начала оккупации 2 сентября 1945 г. работа военных предприятий, к которым относились и автомобильные заводы, была остановлена и введен запрет на выпуск продукции военного назначения [8]. 25 сентября того же года ШОВ издал меморандум "О деятельности обрабатывающей промышленности", разрешающий выпуск грузовых автомашин, что, казалось бы, давало возможность автомобильным компаниям возобновить производство. Пример "Тоёты" наглядно

⁶ Входила в число 11 контролирующих организаций для отраслей, которые военное министерство обозначило как стратегические. В 1948 г. для координации своей деятельности в масштабах страны автомобильные компании учредили Ассоциацию автопроизводителей Японии, которая постепенно стала играть важную роль в защите интересов отрасли.

⁷ На следующий день после издания императорского рескрипта о капитуляции Японии.

демонстрирует, с какими сложностями сталкивались компании во время процессов восстановления и реконверсии промышленных предприятий⁸. 10 октября 1945 г. руководство "Тоёты" направило заявку на проведение реконверсии четырех заводов – "Коромо", "Кария минами", "Кария кита" и "Аити"⁹. 8 декабря 1945 г. от штаба Шестой армии США было получено разрешение на выпуск лодочных моторов, радиоприёмников, бытовой электротехники (обогреватели, утюги, плиты) и т.д. Однако уже с января 1946 г. почти все заводы "Тойота" включили в ремонтные списки, и производство было вновь прекращено.

Несмотря на текущие трудности, весной 1946 г. президент компании "Тойота" Тоёда Киитиро обнародовал среднесрочный план послевоенной реконструкции компании, в котором были обозначены приоритетные цели и задачи:

Для проведения работ по полному восстановлению и обновлению оборудования, изношенного или пришедшего в негодность вследствие сверхнормативной эксплуатации, учредить временное управление.

Изменить существующий подход к производству комплектующих; учредить для выпуска запчастей специализированный завод, оснащенный независимыми производственными мощностями.

Возобновить работы по модернизации и проектированию автомобилей, приостановленные в военный период; наряду с разработкой новых автомобилей создать систему бесперебойного снабжения запчастями для ремонта существующих моделей.

Из компании, которая поставляла и ремонтировала автомобили для армии в условиях контролируемой экономики, превратиться в рыночно-ориентированную компанию, продукция которой в полной мере будет соответствовать пожеланиям и запросам потребителей [8, с. 491].

В первую очередь было учреждено временное управление по реконструкции оборудования, которое возглавил сам К. Тоёда. Пострадавший от бомбардировки завод "Коромо" в течение года был восстановлен, и в марте 1947 г. производство перезапустили в плановом режиме. Для реализации второго пункта плана была проведена конверсия производившей авиационные двигатели компании "Токай хикоки", входящей в группу "Тойота". Ее переименовали в "Аити когё" и перепрофилировали на выпуск автокомплектующих. Важнейшую роль в дальнейшем развитии компании сыграла успешная реализация третьего пункта плана. С середины октября 1945 г. в "Тоёте" возобновили работы по проектированию компактного автомобильного двигателя; к производству его прототипов приступили в феврале 1946 г. В 1947 г. на основе иностранных автомобилей поколения второй половины 1940-х годов была разработана и испытана новая линия компактных легковых и грузовых автомобилей (серия "Тоёпэт"). Таким образом, несмотря на действовавший в отношении производства легковых автомобилей запрет, руководство "Тоёты" продолжало в плановом порядке готовиться к запуску массового производства собственных моделей. Реализация последнего пункта плана была наиболее сложной. Поскольку в 1945 г. единая государственная ассоциация по сбыту автомобилей была ликвидирована, "Тоёте" требовалось организовать новую собственную систему продаж. Руководство "Тоёты" в лице К. Тоёда и С. Камия воспользовались для решения проблемы подходом, примененным ими еще в короткий довоенный период работы компании. 16 ноября 1946 г. была учреждена "Ассоциация по продажам Тойота", в которую вошло 46 дилерских компаний. "Ассоциация" была учреждена на базе упраздненной национальной сбытовой компании¹⁰: ее бывшие

⁸ Согласно отчету "О состоянии реконверсии производства на гражданские нужды 337 основных военных заводов и арсеналов", опубликованном 20 декабря 1945 г. МТП, за три с половиной месяца после капитуляции конверсию произвели 26% предприятий сектора машиностроения (1 место) и 17% сектор транспортного машиностроения – производство автомобилей (2 место)

⁹ Переименован в феврале 1947 г. в "Накагава".

¹⁰ В середине 1940-х годов из-за ограниченных финансовых возможностей С. Камия использовал для продажи автомобилей "Тойота" сбытовые каналы американского филиала "Дженерал моторс".

сотрудники перешли на работу в торговые филиалы "Тоёты". В результате четкое планирование, оперативность и слаженность действий различных подразделений компании на данном этапе обеспечили "Тоёте" ряд преимуществ перед другими автопроизводителями, что позволило в следующие десятилетия, уже в более благоприятных условиях быстрее реагировать на различные вызовы.

На автомобильную промышленность Японии огромное воздействие оказала антимонопольная политика оккупационных властей. Согласно плану по демилитаризации Японии, были ликвидированы крупнейшие торгово-промышленные монополии *дзайбацу*, игравшие ведущую роль в экономике страны [4, с. 12], вследствие чего три ключевые автомобильные фирмы ("Тойота", "Ниссан", "Исудзу") утратили связи со своими холдинговыми компаниями, потеряв важные источники финансирования. Довоенная история компании "Тойота" была тесно связана с концерном "Мицуи", дочерние компании которого поддерживали бизнес семьи Тоёда с начала его появления¹¹.

Кроме того, в результате роспуска *дзайбацу* и введения полного запрета на производство самолетов и судов образовались новые автомобильные компании, которые прежде в рамках холдинга занимались выпуском военной продукции для авиации и судостроения. Если во второй половине 1920-х – 1930-х гг. *дзайбацу* отказывались от капиталовложений в автомобилестроение из-за невозможности конкурировать с американскими автогигантами, занимавшими ключевое положение на японском рынке, то в послевоенные годы, они устремились в эту гражданскую сферу, пытаясь сохранить собственное промышленное производство и занять нишу в этой перспективной отрасли. Эти тенденции в дальнейшем привели к тому, что в послевоенный период структура сектора автомобилестроения значительно усложнилась. К указанным выше трем автомобильным компаниям добавилось еще восемь. Следует подчеркнуть, что все эти производители за исключением компании "Хонда"¹² существовали еще в довоенный период, однако производство автомобилей не являлось для них профильным направлением деятельности. Так, в период оккупации компания "Мицубиси дзюко", начавшая производство армейских грузовиков в середине войны, была в 1950 г. разделена на три компании, две из которых занялись производством автомобилей¹³. Из распущенного авиаконцерна "Накадзима хикоки" выделились две компании: "Фудзи дзюкогё" (совр. "Субару") и "Принс дзидоса когё", – которые также перепрофилировались на выпуск автомобилей. В автомобилестроение перешли также компании "Хино"¹⁴, "Тоёкогё" (в наст вр. "Мазда")¹⁵ и "Дайхацу когё"¹⁶.

Запрет деятельности в авиастроении и судостроении привел к перемещению квалифицированных специалистов из этих отраслей в автомобилестроение, испытывавшей в довоенный и военный период проблему дефицита инженерно-технических кадров. В большинстве случаев процессы перетока кадров носили плавный характер, так как многие автомобильные предприятия во время войны имели

¹¹ Необходимо отметить, что, несмотря на роспуск "Мицуи" и ослабление связей с бывшей холдинговой компанией, ее представители продолжали активно внедряться в высшее руководство "Тойота". После ликвидации головного банка в 1950 г. выходец из "Мицуи" Ф. Накагава был "переведен" на пост исполнительного директора в "Тоёту" для надзора за финансовой реорганизацией, а в 1961 г. стал президентом компании.

¹² "Хонда гикэн когё" – единственная японская автомобильная компания, учрежденная после войны (1946 г.). Первоначально выпускала двухколесные транспортные средства.

¹³ На начальном этапе эти компании занимались субконтрактным производством для "Ниссана" и "Тоёты". Позднее эти две автомобильные компании вновь объединились в одну под старым названием.

¹⁴ "Хино дзюкогё" выделилась из компании "Дизель дзидоса когё" в мае 1942 г.; выпускала крупногабаритные специализированные дизельные грузовики для армии. В 1946 г. переименована в "Хино сангё", в 1948 г. – в "Хино дизель когё", в 1959 г. – "Хино дзидоса когё".

¹⁵ В довоенный период занималась деятельностью в различных сферах: производство станков и другого оборудования, выпуск трехколесных легковых и грузовых автомобилей, мотоциклов и т.д.

¹⁶ Производство трехколесных и малогабаритных автомобилей.

опыт сотрудничества с производителями авиационной отрасли и с готовностью брали в штат проверенных специалистов¹⁷. В этот период в компанию "Тойота" были приняты инженеры-авиаконструкторы, которых сразу подключили к работам по изучению британских и немецких моделей автомобилей.

Еще одним положительным сдвигом стало укрепление подотрасли поставщиков, которая в довоенный период находилась в стадии формирования и являлась наиболее слабым звеном автомобилестроения. Проблема дефицита поставщиков материалов и комплектующих в 1930-е годы вынудила руководство "Тоёты" создавать свои собственные опытно-производственные структуры, занимающиеся разработкой и выпуском сталей и сплавов, резин и других материалов для нужд автомобилестроения¹⁸. После окончания войны в автопром вслед за своими заказчиками из авиационной, судостроительной и других отраслей пришли и их поставщики и подрядчики, что в значительной мере способствовало усилению этой подотрасли.

Аналогичная ситуация наблюдалась в секторе станкостроения, который не имел опыта создания и производства оборудования для выпуска автомобилей и комплектующих, что ставило японские компании в полную зависимость от зарубежных производителей. "Ниссан" и "Исудзу" изначально закупали оборудование в США и европейских странах, и его эксплуатация осуществлялась под надзором иностранных специалистов. "Тойота" первой из японских автомобильных фирм еще до войны начала выпускать станки и сотрудничать в этой области с японскими компаниями. Промышленное оборудование японского производства было не самого высокого качества, но уже тогда инженеры "Тоёты" обозначили необходимые им характеристики – небольшой размер и возможность быстрой переналадки под разные задачи, что впоследствии обеспечило преимущество в выпуске автомобилей различных моделей. Благодаря такому подходу уже в 1950-е годы "Тоёте" удалось намного быстрее решить проблему модернизации основных фондов, чем, например, "Ниссану", у которого одновременно устарело иностранное оборудование, преимущественно ориентированное на выпуск определенных зарубежных моделей.

На возобновление деятельности промышленности отрицательно влияла жесткая репарационная политика оккупационной администрации, реакцией на которую стал саботаж со стороны руководства ключевых японских компаний. Так как под изъятия попали военные арсеналы и 505 предприятий крупнейших японских фирм, имевших существенное значение для экономики страны, процессы реконверсии значительно задерживались. Предприятия компании "Тойота" также попали в репарационные списки: первым в январе 1946 г. стал завод "Аити". Компании предписывалось содержать станки и оборудование для производства самолетов в надлежащем состоянии, производство было остановлено. В мае того же года этот завод исключили из списка, но в него попали три других производственных комплекса ("Коромо", "Кария кита" и "Кария минами")¹⁹. В течение этого периода компания не имела права использовать свои производственные мощности, что значительно тормозило планы по реструктуризации и перезапуску предприятий.

Антимонопольная политика оккупационных властей также препятствовала возобновлению деятельности компании. В соответствии с директивой Дальневосточной комиссии в 1947 г. японский парламент принял Закон о запрещении частных монополий и обеспечении честных и справедливых сделок [13] и Закон о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи [14]. Пример компании

¹⁷ "Тойота" и авиастроительная компания "Кавасаки" создали совместное предприятие, на котором был налажен массовый выпуск авиационных двигателей на основе технологий, применяемых в автомобилестроении.

¹⁸ Поставщики ориентировались на сотрудничество со стратегическими секторами, в первую очередь самолетостроением и судостроением, которые являлись приоритетными для страны.

¹⁹ После подачи апелляции предписания также были отменены (для "Коромо" – в 1946 г. и для остальных двух заводов – в 1948 г.)

"Тойота", тесно связанной с "Мицуи", хорошо демонстрирует, как реализовывалась эта политика и как на нее реагировали компании, попавшие под ее действие.

Руководство "Тоёты", чтобы не попасть под критерии холдинговой компании, в ноябре–декабре 1945 г. провело комплекс упреждающих мероприятий (сокращение количества административных должностей в головной и аффилированных компаниях, перерегистрацию и изменение названий фирм и т.д.), в результате чего ликвидации удалось избежать. Однако 25 ноября 1946 г. на деятельность компании наложили ограничения в связи с тем, что в апреле 1946 г. "Тойота" превысила разрешенную долю участия в капитале одной из аффилированных фирм концерна "Мицуи", подлежащего роспуску. Кроме того, в марте 1947 г. был издан правительственный указ об удалении с командных постов и лишении имущества 56 членов 11 дзайбацу [6, с. 31]. Президент "Ниссана" Ё. Аюкава был включен в этот список, однако К. Тоёда удалось сохранить свой пост в компании.

Тем не менее мероприятия высшего руководства "Тоёты" не позволили уйти от действия закона о чрезмерной концентрации экономической мощи, принятого в декабре 1947 г. 8 февраля 1948 г. Комиссия по регулированию холдинговых компаний признала "Тоёту" компанией с чрезмерной концентрацией экономической мощи. В комиссию были представлены планы по разделению компании, ликвидации заводов и акционерного капитала.

Изменение международной ситуации с середины 1948 года заставили США пересмотреть курс в отношении Японии. Для превращения Японии в подконтрольного себе союзника требовалась поддержка крупного капитала, поэтому оккупационные власти пошли на смягчение антимонопольного регулирования, отказавшись от плана по ликвидации чрезмерной экономической концентрации в Японии. Более того, американское правительство отозвало свои предложения по программе "промежуточных репараций, выдвинутых в 1947 г. в Дальневосточной комиссии" [2, с. 531]. Это привело к тому, что 21 января 1949 г. постановление о роспуске "Тоёты" было отменено, а вскоре из репарационных списков исключили заводы компании.

Несмотря на то что ликвидации удалось избежать, компания "Тойота", как и вся автомобилестроительная отрасль, продолжала находиться в состоянии кризиса. Это было вызвано в том числе последствиями политики экономической стабилизации Японии, которую оккупационные власти начали проводить в декабре 1948 г. Введение в апреле 1949 г. единого обменного курса (360 иен за 1 долл. США) негативно отразилось на состоянии японской промышленности: стоимость сырья и материалов повысилась, а готовой продукции снизилась. Спрос на автомобили оставался на крайне низком уровне, в то время как автомобилестроительные компании нуждались в срочном наращивании выпуска продукции. В октябре 1949 г. был снят запрет на производство легковых автомобилей, однако у "Тоёты", действовавшей в рамках жестких правовых ограничений, не было необходимых средств для возобновления производства. Меры по стабилизации экономики, направленные на сокращение бюджетных расходов, запрещали государственное субсидирование промышленности. Правительство оказывало финансовую поддержку частным банкам, которым вменялось в обязанность кредитование под собственную ответственность компаний в важнейших отраслях промышленности. Таким образом, концерн "Мицуи", попавший под основной удар закона о роспуске дзайбацу, не имел возможности оказать "Тоёте" финансовую поддержку, а банковские организации, не связанные с компанией, в свою очередь, из-за высоких рисков не видели перспективы в кредитовании ее деятельности.

Помимо вышеперечисленных текущих проблем в конце 1940-х годов в японских правительственных кругах возник вопрос целесообразности существования национальной автомобильной промышленности. За дальнейшее приоритетное развитие отрасли выступало Министерство внешней торговли и промышленности (МВТП), которое высоко оценивало потенциал автоиндустрии как экспортной отрасли (по примеру западноевропейских стран) и отводило ей важную роль в содействии экономическому росту Японии. Оппонентами МВТП являлись Банк

Японии, министерство финансов, которые, обосновывая свою позицию теорией сравнительных преимуществ, призывали отказаться от дальнейшего развития собственного автопрома и отдать японский рынок легковых автомобилей на откуп американским и европейским компаниям.

Тем не менее именно противники развития автопрома сыграли важную роль в дальнейшей судьбе компании "Тойота". Для того чтобы избежать банкротства, управляющий директор компании "Тойота" С. Камия предпринял беспрецедентный шаг – обратился с просьбой о предоставлении кредита в представительство Банка Японии в г. Нагоя. Управляющий Банком Японии Х. Итимада являлся противником стратегии индустриального развития за счет тяжелой промышленности, особенно автомобилестроения. Однако региональное представительство смогло убедить руководство Банка в необходимости выдачи кредита "Тоёте", мотивируя тем, что банкротство крупнейшего автопроизводителя повлечет обрушение экономики региона [7, с. 58]. При содействии Банка Японии был создан консорциум из 24 финансовых организаций во главе с банками "Тэйкоку"²⁰ и "Токай", которые обещали обеспечить для "Тойота" кредит на сумму 188,2 млн иен при выполнении следующих условий: департамент продаж компании преобразуется в отдельную торгово-сбытовую компанию, чтобы отделить операционные прибыли от других фондов; производство ограничивается до объемов, согласованных с торгово-сбытовой компанией; вводится система продажи автомобилей на основе ежемесячных взносов; проводятся сокращения персонала. Выполнить первый пункт для "Тоёты" было несложно, так как С. Камия еще в 1945 г. разработал план по выделению департамента продаж в отдельную торгово-сбытовую компанию. Однако ограничения, наложенные на активы "Тоёты", не давали возможности реализовать план своими силами²¹.

3 апреля 1950 г. после достижения соглашения с банками и профсоюзом "Тоёты" департамент продаж был преобразован в независимую торгово-сбытовую компанию, которая получила название "Тойота дзидоса хамбай" (англ. "Тойота мотор сэйлс"). Возглавил ее С. Камия. "Тойота" на тот момент имела статус "компаний с ограничениями деятельности" и в соответствии с законодательством не могла напрямую участвовать в капитале "Тойота дзидоса хамбай", поэтому его обеспечили через 18 частных лиц, прежде занимавших посты руководителей разного уровня. Кроме того, несмотря на действующие рестрикции, С. Камия изыскал возможность перевести 358 сотрудников департамента продаж в новую компанию, а также продолжил использовать торговую марку "Тойота" и свой прежний офис. Таким образом, под давлением обстоятельств "Тойота" была разделена на две компании – производственную и маркетинговую.²²

Еще одним важным результатом результата политики ШОВ по демократизации Японии стало кардинальное изменение в характере трудовых отношений на предприятиях, ключевую роль в котором сыграли образованные после войны профсоюзные организации. Закон о профсоюзах, принятый в декабре 1945 г., способствовал резкому росту численности членов профсоюзов в стране. Это объяснялось отменой существовавшего в военное время запрета на создание рабочих организаций и тем, что профсоюзы создавались на базе ликвидированных "обществ служения отечеству на производстве", образованных во время войны. В январе 1946 г. профсоюз работников завода "Коромо" появился в компании "Тойота".

После создания в 1946 г. Национального конгресса производственных союзов ("Санбэцу") профсоюзы компаний "Тойота", "Ниссан" и "Исудзу" вступили в него

²⁰ Банк "Тэйкоку" с 1954 г. вернул название "Мицуби". В 1960 г. банк сформировал горизонтальную "кэйрэцу" с универсальной торговой компанией "Мицуби", сплотив компании, связанные с "Мицуби дзайбачу".

²¹ Лишь в 1949 г. удалось провести инвентаризацию запасов и выявить дефицит в 200 млн иен.

²² Консолидация "Тойота" и "Тойота дзидоса хамбай" произошла 1 июля 1982 г., в результате чего образовалась современная корпорация "Тойота".

в качестве независимых организаций [5, с. 502]. В 1947 г. был учрежден Первый Всеяпонский рабочий профсоюз автомобильной промышленности ("Дзэндзи")²³.

Депрессия в экономике и промышленности Японии, вызванная дефляционной политикой оккупационных властей, ухудшила состояние рабочих автомобильной отрасли и привела к обострению социальных конфликтов на предприятиях. Снижение заработной платы и введение довоенных методов расчета оплаты труда в октябре 1949 г. в компаниях "Ниссан" и "Исудзу" вызвало масштабные протесты профсоюзов, на которые администрация ответила массовыми увольнениями²⁴. Не удалось избежать сокращений и "Тоёте", хотя ее руководство почти на год отложило это решение. Сначала администрация снизила заработную плату на 10%, затем были проведены увольнения в дочерних компаниях (более 700 чел.). Это привело в апреле 1950 г. к забастовке на головном заводе "Коромо". Несмотря на яростные протесты со стороны профсоюза компании и "Дзэндзи", летом 1950 г. было уволено 2146 чел., более трети от общей численности персонала "Тоёты". Из-за двухмесячного простоя компания несла серьезные убытки, грозящие крахом, поэтому К. Тоёда предложил компромисс: он и ряд других ключевых руководителей компании уволятся вместе с остальными работниками. На свое место К. Тоёда предложил Т. Исида (1888–1979)²⁵, президента компании "Тоёда сёкки", входящей в группу "Тойота". Эту кандидатуру поддержали собрание акционеров и профсоюз. Конфликт был урегулирован. После массовых увольнений оставшиеся работники были в большей степени обеспокоены собственным будущим на предприятии, сохранением своих рабочих мест, чем защитой прав трудящихся, судьбой профсоюза и его исполнительного комитета в Токио.

В "Тоёте" в отличие от других автомобильных компаний взаимодействие администрации и профсоюзов было конструктивным, несмотря на то что в процентном отношении в "Тоёте" было уволено больше сотрудников, чем в "Ниссане". Обе стороны выказывали стремление к продолжению диалога, не прекращая переговоры весь период забастовки²⁶. При этом профсоюз "Тоёты" показал себя наиболее консервативным среди профсоюзов автомобильной отрасли. Его лидеры в меньшей степени симпатизировали коммунистам и социалистам, чем их коллеги из "Ниссана" и "Исудзу". В 1950 г. рабочие "Тоёты" не присоединились к антивоенным протестам, осуждающим американскую агрессию на Корейском полуострове, и не стали отказываться от работы по "спецаказам". Профсоюз постепенно отходил от политических требований, сосредоточившись на социальных аспектах (обеспечение трудовых гарантий, увеличение уровня заработной платы постоянных работников, кооперация с администрацией в вопросах производственной деятельности). Во время всеобщей забастовки работников автомобильной промышленности в 1953 г. администрация "Тоёты" быстро урегулировала вопросы с профсоюзом. Большую часть наиболее активных членов уволила еще в 1950 г.; немногим оставшимся дали гарантии пожизненного найма в обмен на лояльность администрации. Такой своеобразный "подкуп" стал неотъемлемой составляющей политики "Тоёты" во взаимоотношениях с профсоюзом: сотрудничество с администрацией обеспечивало рабочим лидерам продвижение по карьерной лестнице. Профсоюз постепенно превращался в подконтрольную администрации организацию.

Ограничения деятельности компаний автомобилестроения оккупационной администрацией, обострение социальных конфликтов, отсутствие спроса на автомобили в виду крайне низких доходов населения, а также приток на внутренний

²³ Всеяпонский рабочий профсоюз автомобильной промышленности (яп. сокр. "Дзэндзи"). Распущен в 1954 г. после всеобщей забастовки работников автомобильных компаний 1953 года.

²⁴ "Ниссан" уволил 1826 чел., "Исудзу" 1271 чел. – около четверти от общего числа работников.

²⁵ Это назначение было временным, однако из-за смерти К. Тоёда Т. Исида остался на посту до 1961 г.

²⁶ В "Ниссане" противостояние было ожесточенным, руководство и профсоюз демонстративно прерывали переговоры, постоянно обостряя ситуацию.

рынок иностранных автомашин²⁷ ввергли отрасль в состояние депрессии. В тот момент было очевидно, что при таком состоянии дел автомобильная промышленность не выстоит в конкурентной борьбе с иностранными компаниями, которые планировали дальнейшую экспансию на японский рынок.

Выйти из затяжного кризиса японским автопроизводителям, как и всей японской экономике, помогла начавшаяся 26 июня 1950 г. Корейская война, во время которой территория и ресурсы Японии использовались для обслуживания нужд американских вооруженных сил. Американские "специальные заказы", а также благоприятная конъюнктура на мировых рынках, способствовали восстановлению японской промышленности: впервые после войны объемы производства достигли уровня начала 1940-х годов. За годы войны (1950–1953) японские автомобильные фирмы произвели для американской армии несколько тысяч грузовых и специальных военных автомобилей, что позволило им восстановить выпуск продукции на уровне 1941 г. и накопить средства, необходимые для инвестиций в обновление оборудования, модернизацию производства и разработку новых моделей автомобилей.

Война на Корейском полуострове положила конец спорам о целесообразности развития национального автомобилестроения внутри правительства. Автопроизводители в кратчайший срок смогли выйти из кризиса, получив от американской армии "специальные" заказы на сумму более 23 млн долл. Среди компаний японской промышленности "Тойота" и "Ниссан" вышли на первое и второе место по объему долларовых поступлений от "спецзаказов", что произвело переворот в сознании политических, экономических и общественных кругов.

10 июля 1951 г. "Тойота" получила от командования Восьмой Армии США первый заказ на поставку грузовых автомобилей в количестве 1000 ед. Всего за период войны компания произвела для вооруженных сил США 4679 ед. грузовиков; общая сумма контрактов составила 3,66 млрд иен. Для выполнения "специальных заказов" "Тойота" увеличила план ежемесячного производства с 650 до 1000 ед., вследствие чего на ее предприятиях возник дефицит рабочей силы. Такая ситуация была характерна для всего сектора автомобилестроения. Дефицит трудовых ресурсов компенсировали путем увеличения продолжительности рабочего дня и привлечения временных рабочих. "Тойота" отказалась от найма дополнительных рабочих и с недостатком сотрудников стремилась справляться за счет кадровых перемещений и сверхурочной работы. После проведения массовых увольнений в 1950 г. ее администрация опасалась увеличивать штаты, чтобы избежать возникновения социальных конфликтов, так как перспективы дальнейшего роста компании и отрасли в целом были неясными.

Масштабные закупки армии США позволили автопроизводителям скорректировать запасы нереализованной продукции, осуществить выплаты по банковским кредитам. Компания "Тойота" перед началом Корейской войны, как упоминалось ранее, имела огромную задолженность перед банками. Уже через год огромные прибыли от "спецзаказов" позволили ей не только погасить долги, но и выплатить дивиденды акционерам. Более того, "Тойота" выполнила первоочередную задачу – вернула контроль над компанией "Тойота дзидоса хамбай", став 11 апреля 1951 г. одним из ее главных акционеров²⁸ с долей 22,5% в акционерном капитале [12, С. 587].

С началом Корейской войны под давлением оккупационных властей началась постепенная ремилитаризация Японии, активным участником которого стала автомобильная промышленность. Новым заказчиком для автомобильных фирм стал корпус национальной безопасности, преобразованный в октябре 1952 г. из резерв-

²⁷ Наряду с официальными продажами, доля которых была незначительна, в стране существовал черный рынок, на котором спекулировали американские военнослужащие.

²⁸ К этому времени с "Тоёты" сняли все ограничения, связанные с антимонопольным регулированием.

ного полицейского корпуса. Уже в феврале 1953 г. компания "Тойота" получила от него первый заказ на поставку 1236 ед. четырех- и шестиколесных автомобилей.

Окончание Второй мировой войны ознаменовало новую важнейшую веху в развитии японской автомобильной промышленности. Автоиндустрия сумела преодолеть тяжелые последствия поражения Японии в войне, выстоять в сложных условиях оккупации и встроиться в новый политический, экономический и социальный порядок, установившийся вследствие реформирования всех сторон жизни японского общества. Если в предвоенный и военный периоды японские автомобильные компании существовали за счет военных заказов, то после войны им предстояло функционировать в новых рыночных условиях, ориентироваться на нужды гражданских потребителей. Изменился и характер трудовых отношений на предприятиях, сформировались характерные особенности взаимодействия администрации и персонала, впоследствии оказавшие влияние на результаты деятельности автомобильных компаний. Именно в этот период были поставлены ориентиры и задачи, определившие вектор развития молодой отрасли автомобилестроения и ее лидера – компании "Тойота".

Литература

1. Власов В.А. Японская промышленность: научно-технический прогресс и его последствия. М.: Наука, 1979. 207 с.
2. История Японии. Т. 2. 1868–1998 / отв. ред. А.Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. 703 с.
3. Мажоров С.Т. Военно-экономический потенциал современной Японии. М.: Наука, 1979. 200 с.
4. Экономика Японии: учебное пособие / под ред. Лебедевой И.П. М.: Вост. лит., 2008. 406 с.
5. Современная Япония. Справочное издание. М.: Наука. 1972. 853 с.
6. Сутягина, М. В. Группа "Сумитомо" / М.В. Сутягина. М.: Наука, 1979. 160 с.
7. Genthner, Ph. A History of Japan's Government-Business Relationship Book: The Passenger Car Industry Book / Phyllis Genthner. Michigan: University of Michigan Press, 1990. 252 p.
8. 一般命令第一号 联合国最高司令官総司令部= Меморандум главнокомандующего союзных держав №1 (12 сентября 1945 г.) // МИД Японии. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000097066.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).
9. 和田 一夫. 豊田喜一郎文書集成. 名古屋, 名古屋大学出版会, 1999. 650 p. = К. Вада. Собрание документов и писем Тоёда Киитиро / Нагоя: Нагоя дайгаку сёппанкай, 1999. 650 с.
10. 敗戦とトヨタ再興=Поражение в войне и возрождение компании "Тойота" // 日経ビジネス [Нikkeй бизнес]: официальный сайт. 15 июля 2016. URL: <https://business.nikkei.com/atcl/NBD/15/041800014/071100015/> (дата обращения: 13.02.2019).
11. 自動車製造事業法 = Закон об автомобильной промышленности // Национальная библиотека Парламента Японии. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000025503¤t=-1> (дата обращения: 02.01.2024).
12. トヨタ自動車30年史 / トヨタ自動車工業株式会社. トヨタ: トヨタ自動車工業, 1967, 903 p. = 30-летняя история компании "Тойота дзидося" / сост. "Тойота дзидося когё кабусики гайся". Тойота: Тойота дзидося когё, 1967. 903 с.
13. 私的独占の禁止及び公正取引の確保に関する法律 = Закон о запрете частных монополий и обеспечении честных и справедливых сделок // Портал электронного правительства Японии. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawId=322AC0000000054&openerCode=1> (дата обращения: 29.02.2024).
14. 過度経済力集中排除法 昭和22年12月18日法律第207号 = Закон о чрезмерной концентрации экономической мощи: 1947 // Национальная библиотека Парламента Японии: официальный сайт. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000039487¤t=-1> (дата обращения: 30.01.2023).
15. 日本自動車工業史稿 第3 / 自動車工業会. 東京: 自動車工業, 1969. 406 p. = Сборник материалов по истории автомобильной промышленности Японии. Том 3 / сост. Ассоциация автомобильных производителей Японии]. Токио: Дзидося когёкай, 1969. 406 с.

References

1. Vlasov, V. A. The Manufacturing Industry of Japan: Scientific and Technical Progress and Its Implications. M.: Nauka, 1979. 207 p. (In Russ.).
2. History of Japan. Vol. 2. 1868–1998 / ed. by Zhukov A. E. M.: Institute of Oriental Studies, 1998. 703 p. (In Russ.).
3. Madzhorov S.T. Military-Economic Potential of Contemporary Japan. M.: Nauka, 1979. 200 p. (In Russ.).
4. Economy of Japan / ed. by Lebedeva, I. P., Timonina, I. L.-M.: Vostovhnaya literature, 2008. 406 p. (In Russ.).

5. Contemporary Japan / ed. by Latyshev I.A. M.: Nauka, 1973. 853 p. (In Russ.).
6. Sutyagina M.V. Sumitomo Group. M.: Nauka, 1979. 160 p. (In Russ.).
7. Genther, Ph. A History of Japan's Government-Business Relationship Book: The Passenger Car Industry Book / Phyllis Genther. Michigan: University of Michigan Press, 1990. 252 p.
8. General Order No. 1 Office of The Supreme Commander for the Allied Powers // Ministry of Foreign Affairs of Japan: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000097066.pdf> (accessed 15.02.2024).
9. Wada K. A collection of Letters and Documents by Toyoda Kiitiro. Nagoya: Nagoya daigaku shuppankai, 1999. 650 p. (In Jap.).
10. The Defeat in the War and the Restoration of Toyota // Nikkei Business: Official Site. 15th July 2016. URL: <https://business.nikkei.com/atcl/NBD/15/041800014/071100015/> (accessed 13.02.2021).
11. Automotive Industry Law: 1936 // Diet Library: Official Site. – Tokyo. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000025503¤t=-1> (accessed 02.01.2024). (In Jap.).
12. A Thirty-year History of Toyota Motor Company. Toyota: Toyota jidosha kogyo, 1967. 903 p. (In Jap.).
13. Act on Prohibition of Private Monopolization and Maintenance of Fair Trade: 1947 // e-Gov: Official Site. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawId=322AC0000000054&openerCode=1> (accessed 29.03.2023). (In Jap.).
14. Law for the Elimination of Excessive Concentration of Economic Power: 1947 // Diet Library: Official Site. Tokyo. URL: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000039487¤t=-1> (accessed 30.01.2023). (In Jap.).
15. Collection of materials on the history of the automobile industry of Japan. Volume 3 / compiled by the Association of Automobile Manufacturers of Japan. Tokyo: Jidosha Kogyokai, 1969. 406 p. (In Jap.).

Анна Сергеевна МОСТОВАЯ, младший научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: kartashema@gmail.com

Anna S. MOSTOVAIA, Junior Researcher, Center of Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: kartashema@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 07.05.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 27.08.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.09.2024

Взаимодействия СССР/РФ и Японии по принятию соглашений о безвизовых поездках между Южными Курильскими островами и Японией (1964–1999 гг.)

Елена Николаевна ЧЕРНОЛУЦКАЯ

Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, chvalery@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен процесс выработки соглашений между СССР/РФ и Японией о безвизовых поездках японцев на Южные Курильские острова, а жителей последних – в Японию. Показано, что были введены в действие две формы безвизовых контактов: один – с целью посещения могил родственников, второй – для налаживания гуманитарных связей. Стороны декларировали, что такие контакты несут миссию гуманности и взаимопонимания между соседними народами. Однако главным мотивом Токио было отстаивание своих претензий на обладание Южными Курильскими островами.

Ключевые слова: Южные Курильские острова, Япония, безвизовые контакты, двусторонние соглашения

Для цитирования: Чернолуцкая Е. Н. Взаимодействия СССР/РФ и Японии по принятию соглашений о безвизовых поездках между Южными Курильскими островами и Японией (1964–1999 гг.) // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 107–122. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/107-122>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/107-122>

Interactions of the USSR/Russian Federation and Japan on the adoption of agreements on visa-free travel between the Southern Kuril Islands and Japan (1964–1999)

Elena N. CHERNOLUTSKAIA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, chvalery@mail.ru

Abstract. The article examines the process of drafting agreements between the USSR/the Russian Federation and Japan on visa-free trips of Japanese to the Southern Kuril Islands, and residents of the latter to Japan. It is shown that two forms of visa-free contacts were put into effect: one – for the purpose of visiting the graves of relatives, the second – for establishing humanitarian ties. The parties declared that such contacts carry the mission of humanity and mutual understanding between neighboring peoples. However, Tokyo's main motive was to defend its claims to the possession of the Southern Kuril Islands.

Keywords: South Kuril Islands, Japan, visa-free contacts, bilateral agreements

For citation: Chernolutskaia E. N. Interactions of the USSR/Russian Federation and Japan on the adoption of agreements on visa-free travel between the Southern Kuril Islands and Japan (1964–1999) // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 107–122. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/107-122>

Введение

В сентябре 2022 г. Российская Федерация прекратила действие Соглашений с Японией (1991 и 1999 гг.) о безвизовом обмене между этой страной и Южными Курильскими островами. Данный шаг, а также объявление России о прекращении переговоров по заключению мирного договора, приостановке действия Соглашений по рыболовству (1998) и добыче морской капусты у о. Сигнальный (1981) были вызваны резкой антироссийской позицией Японии, присоединившейся к санкциям и таким образом перечеркнувшей результаты непростых, но все же невраждебных российско-японских отношений, достигнутые в предыдущие десятилетия. В настоящее время этот крайне негативный тренд сохраняется. В корне изменившаяся международная ситуация актуализирует обращение к ретроспективному анализу двусторонних взаимодействий, выявлению его противоречий, сильных и слабых характеристик.

Весьма показательным в этом плане выступает курило-японский безвизовый обмен. Это был специфический и во многом уникальный элемент трансграничных

гуманитарных связей на Дальнем Востоке. Как одна из форм "народной дипломатии" он способствовал налаживанию прямых контактов и лучшему взаимопониманию между людьми двух соседних государств. Однако он возник и развивался в рамках особого геополитического контекста, приобретая неоднозначные и противоречивые черты. Данный феномен сыграл свою историческую роль как в масштабах межгосударственных связей, так и в жизни локальных сообществ российско-японского приграничья, что ставит задачи по его изучению на стыке истории международных отношений и исторической регионалистики.

Одним из аспектов этой проблемы выступает процесс выработки правовой базы безвизового обмена. Вопрос о нем в советско-/российско-японской дипломатии занимал значимое место и выступал индикатором степени готовности политической элиты двух государств к компромиссам, с одной стороны, и решимости в отстаивании своих геополитических целей – с другой. Несмотря на диаметрально противоположные интересы, стороны постепенно приходили к согласованным позициям, совместным действиям и их развитию. Такая международная ситуация заслуживает специального анализа. Важно определить её причины и факторы, вектор динамики во времени со складывавшейся конфигурацией выгод, уступок и рисков.

Цель статьи – раскрыть становление и специфику советско-/российско-японских отношений по вопросу о безвизовых поездках на указанные территории как формы сотрудничества государств, преследующих противоположные геополитические цели. Для этого мы ставим задачи проследить поэтапный процесс выработки соглашений СССР/РФ и Японии в этой области на фоне общей атмосферы двусторонних отношений, определить политическую мотивацию каждой из сторон, показать содержание принятых процедур и их значение для соседних сообществ двух государств.

События, связанные с формированием правовой базы безвизового обмена, затрагиваются специалистами по российско-японским отношениям как один из аспектов двусторонней дипломатии [8; 9; 12 и др.]. Имеется также ряд содержательных публицистических и документальных публикаций, раскрывающих политическую подоплёку принятых оглашений, конкретные данные о проведении безвизовых поездок, их восприятие участниками и т.д. [10; 11; 15; 23 и др.]. Тем не менее сформулированная нами тема пока не стала самостоятельным предметом научного исследования.

Основными источниками послужили опубликованные документы, принятые на межправительственном уровне (декларации, договорённости, коммюнике, соглашения, заявления, дипломатические ноты и др.) и в рамках советского/российского управленческого процесса (постановления и решения центральных, областных и районных структур власти), а также аналитические материалы, сообщения СМИ и др.

В своем анализе мы используем классические методы исторической науки, а также опираемся на теоретические разработки проблем внешнеполитического процесса. Одним из основополагающих в этой теории выступает тезис о том, что любые внешнеполитические действия отражают национальные интересы, осмысленные политической элитой в контексте внутренних потребностей [27, с. 145], что и определяет мотивацию участников процесса. Исходя из этого, для нас важно проследить, как на трансформацию договорённостей по "безвизу" повлияла смена этапов развития СССР, образования Российской Федерации и, соответственно, смена политических лидеров, которые в нашей стране традиционно являются главными акторами принятия внешнеполитических решений. Вместе с тем своего изучения требуют действия региональных агентов влияния, заявивших о себе в 1990-е гг. в условиях новой государственной системы, – сахалинской политической элиты и общественного мнения южно-курильчан.

Осмыслению позиций Японии в данном вопросе способствуют выводы специалистов об особенностях политической культуры этого государства: групповой солидарности, обязательных неформальных согласованиях, координации пози-

ций между ведомствами и др. Сфера внешней политики здесь является прерогативой кабинета министров во главе с премьер-министром. Решающее влияние на принятие решений оказывает правящая партия, в течение длительного периода ее представляла ЛДПЯ, лидеры которой традиционно занимали ключевые политические позиции. При этом для этой страны характерна быстрая ротация руководящих кадров. Таким образом, принятие внешнеполитических решений в этой стране в меньшей степени персонифицировано. Во взаимоотношениях с СССР и Российской Федерацией ключевой нерешенной проблемой со времен окончания Второй мировой войны в Японии считается статус Южных Курильских островов, о которых неизменно воспроизводится утверждение как о временно оккупированных Советским Союзом/Россией [2, с. 81–92; 26].

Теоретически значимым в решении поставленных задач является концепт "международное сотрудничество". Оно представляет собой сложный и многохарактерный процесс, обнаруживающий особую динамику и противоречивость. Эта динамика напрямую связана с противоречиями, характеризующими структуру отношений сторон, вовлеченных в него. Понятие "интересы" является ведущим для понимания сути международного сотрудничества [6, с. 9, 16].

Анализируя мотивацию принятия соглашений по безвизовому обмену, получившему эпитет "народная дипломатия", нельзя не обойтись без концепта "мягкая сила", понимаемого как один из инструментов внешнеполитического процесса, имеющий способность оказывать влияние для достижения желаемых результатов с помощью привлекательности образа страны, а не принуждения или насилия [1]. Теоретиками отмечена амбивалентность этого понятия. По словам О.А. Белькова, в словосочетании "мягкая сила" определяющим выступает предикат сила. "Сила же в социальной истории и динамике представляет собой возможность и способность одного субъекта реализовать свои цели вопреки противодействию других субъектов, заставить их предпринять что-либо, что они по собственной воле делать не стали бы" [3, с. 58].

"Мягкая сила" все более активно используется в современной внешней политике государств, которая усложняется за счет включения в нее гуманитарного сотрудничества, научных и культурных обменов и т.д. Обязательное условие её эффективности – участие гражданского общества [2, с. 6; 3, с. 58].

В этот процесс вовлечена и Япония. Здесь Д.В. Стрельцовым выявлено заметное повышение роли "народной дипломатии" в отношениях со странами (к их числу относится и Россия), которые по той или иной причине имеют ограничения своего развития и с которыми официальный Токио оказывается несколько связанным в своих действиях. В результате усиливается значение неправительственных организаций, позволяющих улучшить имидж Японии и облегчить в дальнейшем продвижение межгосударственных взаимоотношений [26, с. 254].

Советско-японская дипломатия и проблема посещения могил родственников (1960–1980-е гг.)

Со времени восстановления дипломатических отношений СССР и Японии в 1956 г. вопрос о безвизовых поездках был постоянным аспектом переговоров на уровне глав государств и министров иностранных дел. Но в советское время он понимался в узких рамках – только как возможность посещения могил родственников¹. Эту просьбу Токио неоднократно излагал советскому руководству от имени японских граждан, проживавших до репатриации на Южном Сахалине и Курильских островах.

Как известно, советско-японские контакты налаживались крайне тяжело, с периодами активизации и охлаждения. И Россия, и Япония были заинтересованы в их развитии, а в конечном счете – в подписании мирного договора. Однако "курильская территориальная проблема" оставалась для этого непреодолимым препятствием. Напомним, что линия советских лидеров в этом плане периодически

¹ На о-вах Кунашир, Итуруп, Шикотан и Малой Курильской гряды находятся 54 места японских захоронений [18].

менялась. Если Сталин не пошел на территориальные уступки Японии, то Хрущев с принятием Декларации 1956 г. согласился на передачу о-ва Шикотан вместе с частью Малой Курильской гряды² после заключения договора о мире. Но с 1960 г., когда США и Япония подписали договор о размещении на территории последней американских военных баз, и до начала 1990-х гг. Москва твердо заявляла о безусловной принадлежности Советскому Союзу всех Курильских островов. Япония же обязательным условием подписания мирного договора требовала передачи ей о-вов Малой Курильской гряды, Шикотана, Кунашира и Итурупа, которые априори считала своими.

В этом контексте вопрос о посещении могил родственников на оспариваемых Японией островах имел принципиальное значение. Советская сторона не препятствовала таким визитам, но на общепринятой основе, то есть с оформлением виз. Однако японское руководство воспринимало это условие как признание юрисдикции СССР над Южными Курилами, поэтому настойчиво отстаивало возможность таких поездок для своих граждан только на основании личных удостоверений и категорически не рекомендовало японцам получать для этого визы.

Несмотря на острые разногласия, обе стороны в подходящих ситуациях старались демонстрировать свою доброжелательность, надеясь на встречные ответные действия. Лояльность Москвы относительно посещения японцами Курильских островов как раз и лежала в этой плоскости.

Первый шаг навстречу просьбам Японии был сделан в период оживления советско-японских отношений в 1960-е гг. Заметным событием стал первый в их истории обмен парламентскими делегациями в 1964 г. Советская делегация во главе с Председателем Совета министров СССР А.И. Микояном находилась в Японии 14–27 мая. Ответный визит японцев (4–18 сентября) возглавлял видный деятель либерально-демократической партии К. Фукунага. Парламентарии посетили столицы и ряд других городов стран пребывания, встречались с руководителями государств и представителями политической элиты [21, 1964, 15 мая, с. 3; 28 мая, с. 3; 4 сен., с. 3; 10 сен., с. 3; 18 сен., с. 1; 19 сен., с. 3].

Накануне этих визитов символичным жестом доброй воли со стороны Москвы стало постановление Президиума ЦК КПСС от 12 мая 1964 г. о разрешении японским гражданам посетить о-ва Малой Курильской гряды. И уже 8–10 сентября, то есть когда парламентарии Японии совершали круиз по городам СССР, *первые две группы японцев смогли почтить память родственников в местах захоронений*. Согласно исследованию В.А. Карпова, в Государственном историческом архиве Сахалинской области имеются документы, связанные с приёмом японских групп на о-вах Шикотан и Танфильева³ в 1965, 1966, 1969 гг. Так, в августе 1965 г. с о-ва Хоккайдо прибыло 34 чел. – 27 родственников погребенных и сопровождающие лица. В 1966 г. японское посольство просило включить в такую группу и журналистов, но получило отказ [7, с. 73–76].

В 1973 г., во время визита в СССР премьер-министра Японии К. Танаки, Л.И. Брежнев подтвердил "готовность и впредь с должным вниманием" рассматривать указанный вопрос, "руководствуясь чувствами гуманности" [21, 1973, 12 окт., с. 4]. Однако из-за ухудшения двусторонних отношений советское руководство в 1976 г. запретило такие поездки [8, с. 10]. Лишь в 1977 г. японцам было разрешено посетить кладбища на о-ве Сахалин в городах Южно-Сахалинск, Холмск, Невельск и Горнозаводск [25, с. 44–45].

² В японской картографии часть Малой Курильской гряды (около 20 небольших островов и скал), расположенная юго-западнее о. Шикотан, носит географическое название Хабомаи. Япония в своих претензиях включает в список "спорных территорий" эту островную группу, а также о-ва Шикотан, Кунашир и Итуруп. Первоначально в документах, связанных с курильской проблемой, фигурировало именно японское название. При этом Хабомаи условно принимаются за один объект – "остров", поэтому в целом речь идет о "четырех спорных островах". С 1998 г., после заявления Сахалинской областной Думы о некорректности применения японского названия в официальных документах РФ, российская сторона использует для этой группы топоним Малая Курильская гряда [11, с. 44–45].

³ О-в Танфильева входит в группу о-вов Малой Курильской гряды.

Москва щепетильно относилась к таким визитам. Решения о них каждый раз оформлялись в виде специальных постановлений ЦК КПСС и Сахалинского обкома КПСС. Работа по приёму японцев возлагалась на Сахалинский областной, соответствующие городские и Южно-Курильский районный Совет депутатов трудящихся и их исполкомы. Они решали вопросы финансирования, сопровождения и обеспечения гостей транспортом, приведения в порядок кладбищ и т.п. Планы и сроки пребывания, численность и состав групп, маршруты передвижения разрабатывались с участием КГБ и МИД СССР, обсуждались с работниками японского МИД [7, с. 76; 21, с. 44–45]. Как вспоминают старожилы-курильчане, в те годы они с интересом наблюдали за приезжавшими к ним на острова японцами, но лишь издалека, так как общения с ними не допускалось [23, с. 134]. Эти события в советской прессе на освещались, и, кроме курильчан и ответственных работников, население в нашей стране о них ничего не знало.

С приходом М.С. Горбачёва к руководству в СССР и началом перестройки во внешней политике был провозглашён поворот к "открытости миру". Наместились некоторые перемены и в советско-японских отношениях. Стороны активизировали диалог о развитии товарооборота, культурных связей и т.п., а также о "нерешённых вопросах, оставшихся после Второй мировой войны", включая проблему заключения мирного договора [8, с. 7–12].

В 1986 г. во время поездки министра иностранных дел СССР Э. Шеварнадзе в Токио и ответного визита его японского коллеги С. Абэ в Москву среди широкого круга обсуждённых аспектов со стороны последнего вновь звучала просьба о посещении могил, причем сформулированная в духе территориальных притязаний. В Москве на завтраке, который 30 мая Шеварнадзе дал в честь гостя, Абэ сказал: "В Токио я затрагивал вопрос о посещении японцами мест захоронений их родственников в *северных районах* (выделено нами – Е.Ч.) и разъяснял, что поклонение могилам предков играет важную роль в духовной жизни японцев. В этой связи я просил, исходя из гуманных соображений, проявить соответствующее внимание к данному вопросу" [21, 1986, 31 мая, с. 4]. На состоявшейся в тот же день встрече Абэ с Горбачёвым последний, несмотря на недвусмысленную позицию гостя по поводу "северных районов", сообщил о готовности сделать шаги навстречу "в духе гостеприимства и уважения к обычаям" [21, 1986, 31 мая, с. 1]. Поэтому в совместном советско-японском коммюнике от 2 июня 1986 г. было заявлено: "В связи с обращением С. Абэ о посещении японцами мест захоронений их родственников советская сторона выразила готовность в принципе отнестись к ним позитивно, имея в виду рассмотреть по дипломатическим каналам относящиеся к этому вопросы в свете состоявшегося обсуждения" [21, 1986, 2 июня, с. 4].

Вскоре была заключена договорённость о таких поездках на взаимной основе с долговременной перспективой. Стороны обменялись нотами от 2 июля 1986 г. (Нота СССР № 24/2дв-н и Нота Японии № А-49-86) об упрощённой (безвизовой) процедуре посещения захоронений русских и японцев на территории Японии и России. В них указано, что поездки могут осуществляться только группами с заверением их списочного состава консульскими учреждениями, участники должны иметь при себе удостоверение личности (внутренний паспорт). Маршрут, программа и вид транспорта определяются сторонами по дипломатическим каналам. Японцам разрешено посещать о. Шикотан и о-ва Малой Курильской гряды, а советским гражданам в Японии – русские кладбища времен войны 1904–1905 гг. [22].

Японцы ежегодно и многократно вплоть до 2020 г. (до пандемии) пользовались этой возможностью. Что касается наших граждан, то согласно данным МИД РФ, в декабре 1986 г. первая советская безвизовая группа побывала на кладбищах в Нагасаки, Мацуяме и Идзумиоцу, вторая группа – в Канадзаве, Симодэ, Фунабаси, Хакодате и Хэда в ноябре-декабре 1989 г. После этого подобные целевые поездки россиян не организовывались. Но теоретически соглашение до сих пор остается в силе [22], хотя в настоящее время по известным причинам его реализация маловероятна.

Договорённость 1986 г. на основе взаимности стала вехой в становлении гуманитарных контактов. Но для советской стороны она имела скорее символический характер. Японцы же не были удовлетворены ограниченностью территории, разрешенной для въезда. Поэтому при очередном визите Э. Шеварнадзе в Токио (декабрь 1988 г.) министр иностранных дел Японии С. Уно обратился с просьбой дать возможность японцам посещать могилы на всех четырёх "спорных" островах, а также на Сахалине и материке.

В ответ в ходе визита Уно в СССР в 1989 г. Москва согласилась добавить только о. Кунашир к разрешённым для посещения островам. С августа 1989 г. японцы стали совершать поминальные поездки "на три острова". Большой интерес к этому району проявили также японские журналисты, которые приезжали на Южные Курилы, как и положено, оформляя визы, чем вызвали негативную реакцию своего правительства. В сентябре 1989 г. оно призвало своих граждан не посещать этот район до изменения процедуры, так как такие визиты "ослабляют позиции Японии на переговорах по возвращению Южных Курил". Начальник секретариата кабинета министров М. Морияма заявил, что "поездки по советским въездным визам несовместимы с национальными чувствами и политикой правительства" [8, с. 23, 29–30, 32]. Чиновники японского МИД откровенно объяснили, что данные "поездки для сбора материала в соответствии с советскими правилами могут восприниматься как фактическое признание того, что это территория СССР" [23, с. 33]. Стоит отметить, что журналисты не вняли этим увещаниям и в дальнейшем продолжали работать на Курильских островах тогда, когда считали нужным.

В январе 1990 г. Абэ, возглавлявший прибывшую в Москву делегацию ЛДПЯ, на встрече с Горбачёвым предложил программу сотрудничества, в которой снова был пункт о поминальных поездках японцев [21, 1990, 16 янв., с. 1]. В интервью газете "Правда" Абэ пояснял: "...Хотелось бы расширить сотрудничество в гуманитарной области. Когда я был министром иностранных дел, при содействии Горбачёва японцам было разрешено посещать места захоронения их родственников на островах Хабомаи, Шикотан, Кунашир. Хотелось бы, чтобы эта мера коснулась и острова Итуруп. Председатель Горбачёв позитивно воспринял выдвинутую нами программу и обещал ответить после того, как эти предложения будут изучены..." [21, 1990, 17 янв., с. 6].

Свое обещание Горбачёв выполнил: в августе и сентябре 1990 г. японцы впервые получили разрешение посещать кладбища на всех четырёх оспариваемых Японией островах [30; 31].

Соглашение о безвизовом обмене 1991 г.

Следующий этап в развитии таких контактов связан с визитом Горбачёва в Японию в апреле 1991 г. Данное событие имело большой публичный резонанс как первое посещение этой страны советским руководителем. При обсуждении вопроса о перспективах мирного договора главной целью Токио, как и прежде, было получить под свой суверенитет "четыре острова". Москва же в условиях нараставшего в СССР кризиса была заинтересована в экономической и финансовой помощи со стороны Японии [8, с. 48–65].

В ходе визита был подписан ряд соглашений в разных сферах. Однако ни та, ни другая сторона не добились желаемых результатов в своих главных претензиях. Но Горбачёв пошел на заметную уступку Японии: впервые с 1960 г. на уровне советского лидера он признал наличие территориального вопроса, причём в его расширительной трактовке, по сравнению с позицией СССР 1956 г., согласившись на обсуждение юрисдикции не только о-вов Малой Курильской гряды и Шикотана, но также Кунашира и Итурупа. Кроме того, Президент СССР пообещал сократить там вооруженные силы. И наконец, он предложил "...в ближайшее время осуществить меры по расширению общения между населением Японии и названных выше островов, установлению упрощённого, безвизового режима посещения этих островов японскими гражданами, налаживанию совместной взаимовыгодной хозяйственной деятельности в этом районе...". Японская сторона заявила о намерении "в дальнейшем консультироваться по этим вопросам". Все это было изложено

в совместном советско-японском заявлении от 18 апреля 1991 г. [21, 1991, 20 апр., с. 5].

Итоги переговоров вызвали вопросы и негативные комментарии среди ряда политических и военных деятелей в СССР, а также обычного населения, в частности, на Дальнем Востоке. Достаточно резко отозвался о них В.П. Фёдоров, тогдашний председатель Сахалинского облисполкома (позже – губернатор области), назвав их "односторонней сдачей позиций". В интервью газете "Советский Сахалин" он сказал: "...Я считаю, что на переговорах в Токио произошло разрушение почвы под ногами советской стороны. Удивляет вот какой момент. Президент СССР, решая судьбу четырёх островов, не нашёл возможным побывать там или даже взглянуть на них с борта самолета. Игнорирование интересов населения Сахалина определило мое недоверие Президенту". Что касается безвизовых поездок, то Фёдоров заметил, что в совместном заявлении речь шла об их одностороннем характере: "А советские граждане смогут без визы посещать Японию? Что же получит советское население от безвизового посещения японцев? Президент нашей страны пошёл на уступку японской стороне, которая в выдаче советских виз видит наш суверенитет. И отмена виз автоматически снимает суверенитет над этими четырьмя островами..." [24, 1991, 23 апр., с. 1].

Согласно официальной информации МИД Японии, Горбачёв все-таки предлагал схему обмена между советскими и японскими гражданами [31], но Токио тогда оказался не готов ответить на такую инициативу. Поэтому в совместном заявлении эта позиция была завуалирована, причём именно в той части, которая касалась упрощённой процедуры поездок для советских граждан. Тем не менее нельзя не согласиться с Фёдоровым в том, что само предложение осуществить "безвиз" на оспариваемых Японией островах было расшатывает уверенность в их принадлежности СССР.

В июне японское правительство всё-таки приступило к официальным переговорам о безвизовых поездках на взаимной основе. По предварительной позиции Токио, право посещения "северных территорий" следовало предоставить их бывшим японским жителям, журналистам, общественным организациям и др., а сами поездки не должны были быть связаны с экономической деятельностью. Аналогичные требования предъявлялись и в отношении южно-курильчан [24, 1991, 1 июня, с. 1].

Позже МИД Японии заявило, что готово разрешить "безвиз" только малому числу японцев – бывшим жителям Курил и представителям СМИ. Свободное участие своих граждан в этом обмене японское правительство не приняло, так как считало, что это приведёт к "подрыву движения за возвращение северных территорий" [24, 1991, 26 июня, с. 1].

Советско-японские консультации, в которых принимали участие и представители МИД РСФСР⁴, завершились в сентябре 1991 г. достижением "принципиальной договоренности" [24, 1991, 21 сен., с. 1].

Но еще до принятия официального соглашения Москва опять же в качестве жеста доброй воли разрешила организацию круиза на безвизовой основе для большой группы японцев. Его инициатором выступила японская молодёжная организация "Лодка мира"⁵, которая не разделяла позицию своего правительства по "территориальному вопросу". Поэтому МИД Японии не только не поддержало идею круиза, но и мешало ее реализации. Тем не менее советское руководство по-

⁴ К концу советского периода инициативу в переговорном процессе с Японией старалось перехватить руководство РСФСР – республики, принявшей в 1990 г. Декларацию о своем государственном суверенитете в составе СССР. Известный специалист в области российско-японских отношений А.А. Кошкин отмечает, что цель Б.Н. Ельцина, ставшего председателем Верховного Совета РСФСР, и его окружения заключалась не в отстаивании прав России на Курильские острова, а в том, чтобы "японская финансовая помощь была получена не союзным, а российским руководством" [9, с. 369].

⁵ Японская молодёжная общественная организация "Лодка мира" была создана в 1983 г. Ежегодно она арендовала большое пассажирское судно и организовывала круизы по странам АТР с целью показать молодёжи последствия войны, оставшиеся от захватнических действий японской армии, и таким образом привить согражданам стремление к миру [23, с. 40].

шло навстречу организаторам, очевидно, рассчитывая, что это событие сыграет роль "образцово-показательного мероприятия" в преддверии подписания соглашения по "безвизу".

С 17 по 27 сентября 1991 г. на арендованном советском теплоходе "Антонина Нежданова" 110 граждан Японии совершили путешествие по маршруту: г. Ниигата (о. Хонсю, Япония) – г. Корсаков (о. Сахалин) – о. Итуруп – о. Шикотан – о. Кунашир – г. Кусиро (о. Хокайдо, Япония). Состав группы был более широким, чем это позже было прописано в процедуре обмена, и более многочисленным, чем все последующие безвизовые поездки: делегация включала не только молодёжных активистов, но и других граждан Японии разных возрастов, в том числе проживавших ранее на Сахалине и Курилах, а также некоторых политиков.

Встреча на российской земле была организована на широкую ногу. Гостей приветствовали цветами, караваями, речами руководящих лиц, концертами. Японцы посетили Южно-Сахалинск, где участвовали в фестивале дружбы, экскурсиях, деловых приемах в облисполкоме и молодёжных организациях. На Итурупе, Шикотане и Кунашире они знакомились с условиями жизни островитян, ночевали у них в семьях, посещали кладбища, любовались природой. Местные жители встречали их с большим радушием. Везде возникали оживлённые дружелюбные беседы. Тем не менее в японской группе были и ярые сторонники передачи четырёх островов Японии, настойчиво доказывавшие, что эти земли являются "исконно японскими" [24, 1991, 19 сен., с. 1; 21 сен., с. 1; 24 сен., с. 1; 2 окт., с. 2; 19, с. 45–51].

В целом и гости, и хозяева были удовлетворены результатами круиза и надеялись на дальнейшие позитивные действия своих правительств в этом направлении. Но общая политическая атмосфера вокруг "территориального вопроса", а главное, позиция советского руководства оставались настолько неоднозначными, что вызывали тревогу у местного населения и острую реакцию сахалинских областных и районных органов власти. Так, жительница о. Итуруп говорила: "Безвизовое посещение японцами наших островов – это словно доказательство того, что они не наши. Скоро отдадут? А куда ехать? Что с нами будет? Незнание угнетает..." [24, 1992, 16 мая, с. 1].

С большим возмущением сахалинцы и курильчане встретили заявление и.о. Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатова о возможной передаче Японии "спорных" территорий и приезд на Курилы в октябре 1991 г. зам. министра иностранных дел Г. Кунадзде, попытавшегося убедить местное население в неизбежности такого шага [23, с. 43, 51–52]. В органы власти различного уровня и средства массовой информации посыпались протесты от трудовых коллективов и отдельных людей, специальное заявление сделал Координационный комитет по Курильской проблеме при Президиуме областного Совета народных депутатов. А Курильский районный Совет 16 октября принял решение "О порядке приёма японских граждан на территории Курильского района", в котором заявил, что в случае если руководство страны не подтвердит приверженность политике неизменности статуса Южных Курильских островов, то Совет снимает с себя ответственность за пребывание японских граждан на Итурупе. Правда, это решение не имело практической реализации и было отменено 27 декабря 1991 г. Сахалинским областным Советом как не соответствующее действующему законодательству [11, с. 119–121, 126–128].

Окончательно межправительственное соглашение по "безвизу" было оформлено во время рабочего визита министра иностранных дел Японии Т. Накаямы в Москву 12–17 октября 1991 г. по приглашению его советского коллеги Б.Д. Панкина [8, с. 72]. Накануне Токио объявил, что вкладывает 2,5 млрд долл. в Россию, преимущественно в Сахалинскую область, а на встрече Москва проинформировала о проводимом сокращении на 30% размещённого на Южных Курилах военного контингента [12, с. 111]. Накаяма вылетал в СССР с уверенностью, что вынудит советскую сторону пойти на территориальные уступки, но этого не случилось. Панкин, следуя линии Горбачёва, говорил о необходимости создания "атмосферы добрососедства, взаимной выгоды и доверия", чему могли способствовать "ско-

рейшая подготовка и введение в действие договорённости о безвизовых посещениях японскими гражданами южных Курильских островов и жителями последних – Японии, а также реализация нашего предложения о налаживании хозяйственно-го сотрудничества в районе упомянутых островов" [цит. по: 12, с. 111].

14 октября 1991 г. министры обменялись письмами о процедуре таких поездок (далее в тексте – Соглашение (1991)), в которых был учтен наработанный ранее опыт организации поминальных поездок. Стороны договорились, что Соглашение (1991) будет действовать *"в период до урегулирования вопроса о заключении мирного договора между СССР и Японией, включая разрешение территориальной проблемы, в целях углубления взаимопонимания и содействия решению указанного вопроса"* [13]. Таким образом, "спорность" суверенитета Южных Курильских островов осталась в политической повестке, что в большей степени, чем гуманитарная миссия, демонстрировало основную цель Токио и геополитическую уступку со стороны СССР. Кстати сказать, хозяйственное сотрудничество с японцами в дальнейшем на Южных Курилах не только не было налажено, но и оказалось под сильным противодействием со стороны Токио, который считал неприемлемым ведение японцами и другими иностранцами любой деятельности на этой территории по советским/российским законам [подробнее см.: 29].

Принятая процедура обмена заключалась в следующем. Группы советских граждан, *постоянно* проживающих на о-вах Малой Курильской гряды, Шикотан, Итуруп и Кунашир, могут посещать Японию, а группы японских граждан – названные Курильские острова. Вместо загранпаспортов и виз участники обмена предъявляют удостоверения личности и вкладыши к ним, заверенные Посольствами своих стран. Группу сопровождает представитель центральных или местных органов власти. Программа визитов утверждается на консультациях между дипломатическими инстанциями. Министерства иностранных дел заблаговременно направляют друг другу ноты, где указывают численность группы, имена ее руководителя и сопровождающего лица, сроки и программу поездки, средства передвижения, условия размещения [13]. Министры договорились, что такие поездки начнутся уже к концу 1991 г. В последующем обеими сторонами планировалось принимать до 10-12 групп ежегодно [24, 1991, 16 окт., с. 1]. В Соглашении особо отмечалось, что оно "ни в коей мере не затронет процедуры посещения захоронений, которая была определена соответствующими Нотами обеих сторон от 2 июля 1986 г." [13].

Как видим, установленные правила своими ограничениями существенно отличались от традиционных безвизовых процедур, действующих в мировой туристической практике. Но это была *единственная* возможность для жителей Южных Курильских островов посетить соседнюю страну, так как МИД Японии ранее и сейчас отказывает им в оформлении обычной визы на том основании, что считает эту территорию своей, но лишь временно "оккупированной" Россией [23, с. 144].

В Японии официальный старт обменному процессу был дан правительственным решением от 29 октября 1991 г. Однако Токио по-своему интерпретировал состав японских участников, объявив, что такие поездки наряду с бывшими жителями островов разрешаются членам их семей, представителям СМИ, а также лицам, имеющим отношение к движению за возвращение "северных территорий". Такая трактовка вызвала в СССР негативную реакцию [8, с. 75].

Тем не менее японские группы формировались в соответствии с решением своего правительства и в нарушение двустороннего соглашения. Так, среди 45 японских участников первой безвизовой поездки было 11 бывших жителей Курильских островов, 5 представителей администрации префектуры Хоккайдо, 15 журналистов, 5 членов общественного движения за возвращение "северных территорий" [24, 1992, 12 мая, с. 1]. И в последующем, как правило, бывшие жители островов и простые граждане, для которых собственно и декларировалась организация обмена, оказывались в японских группах в меньшинстве.

Развитие правовой основы безвизового обмена после образования Российской Федерации (1990-е гг.)

Безвизовые поездки намечалось открыть с декабря 1991 г. Но, как известно, в это время СССР прекратил свое существование. Российская Федерация стала его преемником в международных договоренностях, в частности, с Японией, что было официально подтверждено в Токийской декларации от 13 октября 1993 г., подписанной Президентом РФ Б. Ельциным и Премьер-министром Японии М. Хосокава. Ельцин сохранил линию Горбачёва по выработке мирного договора с учётом вопроса о принадлежности "четырёх островов". Не изменилась позиция и по безвизовому обмену, о политической значимости которого свидетельствовал тот факт, что этот пункт размещался в Декларации сразу же после главного пункта о мирном договоре [28].

Еще при подготовке токийской встречи министерства иностранных дел России и Японии обменялись нотами от 20 апреля 1993 г., которыми подтвердили действие Соглашения (1991) [16]. В Токийской декларации правительства двух стран закрепили эту позицию, объявив о согласии "предпринять ряд шагов в целях углубления взаимопонимания, прежде всего в плане дальнейшего совершенствования проведения взаимных поездок постоянных жителей упомянутых выше островов и жителей Японии, которые осуществляются в рамках установленной на основе договорённости между двумя Сторонами процедуры" [28].

Сами поездки по этому соглашению начались в 1992 г.: 26-28 апреля первые 19 жителей Итурупа, Кунашира и Шикотана побывали на о. Хоккайдо, а 12-19 мая состоялся ответный визит 45 жителей о. Хоккайдо на Южные Курилы [24, 1992, 29 апр., с. 1; 12 мая, с. 1]. С этого времени безвизовый обмен стал регулярным.

Следующий этап активизации российско-японских отношений пришёлся на вторую половину 1990-х гг. По оценке МИД Японии, они "достигли устойчивого прогресса во всех областях" [32]. Токийская декларация провозглашалась основой сотрудничества в тогдашних знаковых соглашениях – Плане "Ельцин–Хасимото" (принят на встрече "без галстуков" в Красноярске 1–2 ноября 1997 г.) и Московской декларации "Об установлении созидательного партнёрства между Российской Федерацией и Японией" (подписана 13 ноября 1998 г. во время визита Премьер-министра Японии К. Обути в Москву). Они предусматривали значительное расширение экономических и политических контактов, главной же целью по-прежнему оставалась активизация переговоров по мирному договору с центральным вопросом о принадлежности Южных Курильских островов [14].

В этом контексте безвизовый обмен сохранял свою политическую значимость, и стороны усиливали его возможности. В октябре 1996 г. было решено расширить круг его участников. С 1997 г. начался обмен специалистами. Для стажировки на Хоккайдо отправлялись фермеры, учителя, врачи и медсёстры, работавшие на Южных Курилах. Из Японии приезжали учёные (вулканологи, сейсмологи, ихтиологи, ботаники, археологи, историки) и преподаватели японского языка, обучавшие ему всех желающих [4]. Курсы по углублённому изучению японского языка были организованы также в Саппоро, куда ежегодно выезжало 20 южно-курильчан [15].

По инициативе МИД РФ эти контакты были дополнены еще одним направлением: в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 19 декабря 1997 г. № 1595 и обменными нотами МИД РФ и Японии от 18 сентября 1998 г., процедура, предусмотренная Соглашением (1991), стала применяться к поездкам с целью оказания экстренной гуманитарной помощи, в том числе в случае чрезвычайных ситуаций при возникновении угрозы жизни и здоровью людей, а также связанного с такой помощью технического содействия [16; 20].

Данная договорённость имела значимый практический результат для жителей Южных Курил, где инфраструктура здравоохранения находилась далеко не в лучшем состоянии. Островитяне, включая детей, неоднократно получали экстренную медицинскую помощь от японских врачей, проходили медицинское обследование и специализированное лечение в клиниках на о. Хоккайдо. С 2006 г. японская сторона стала предлагать *всем* участникам безвизовых групп медицинское обследо-

вание [23, с. 161]. Немаловажную роль в поддержке местного населения, особенно в кризисные 1990-е гг., сыграла и гуманитарная помощь Японии в виде топлива для электростанций, медикаментов, продуктов питания, поставки аварийных электрогенераторов и др. Но и здесь Токио не обошлось без геополитического подтекста, объясняя свои действия тем, что "естественно оказывать помощь иностранцам на территории Японии", каковой, якобы, являются "четыре серверных острова". [24, 1995, 30 авг., с. 2].

Оживление двусторонних связей ("созидательное партнерство") сказалось и на дальнейшей либерализации правил безвизового обмена. В Московской декларации 1998 г. (разд. 1, п. 2) было заявлено: "Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии понимают важность сотрудничества, связанного с островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, с тем, чтобы способствовать углублению взаимопонимания между жителями соседних районов России и Японии и развитию взаимовыгодного сотрудничества и тем самым создать условия для скорейшего заключения мирного договора". Стороны договорились об *"организации максимально облегченного, так называемого свободного, посещения островов японскими гражданами – бывшими жителями островов и членами их семей"* [14].

Проект процедуры указанных поездок, предложенный Министерством иностранных дел РФ, был утвержден Правительством РФ в Постановлении № 977 от 31 августа 1999 г., а на межгосударственном уровне закреплён нотами РФ № 138 и Японии № 219 от 2 сентября 1999 г. (далее в тексте – Соглашение (1999)). Его выполнение, в части, касающейся организации приема японских граждан, возлагалось на администрацию Сахалинской области [19].

На самом деле, объявленная процедура поездок имела лишь относительно "свободный", "облегченный" характер. По Соглашению (1999) в Японию теперь могли ездить не только *постоянные*, но и *временные* жители Южных Курил. С японской стороны список участников был расширен за счет *членов семей* (супругов и детей) бывших жителей этих островов. В качестве сопровождающих групп могли выступать представители центральных или местных органов власти (не более двух человек), врач и переводчик. Вкладыш к удостоверению личности оформлялся для многократных поездок, на нем делались отметки о прибытии и убытии через пункты пропуска. Предусматривалось согласование и утверждение программ посещений один раз в год на взаимных консультациях. В остальном процедура сохраняла прежний порядок: все данные о составе групп, программе пребывания, пунктах прохода ввездных и выездных формальностей стороны заранее сообщали друг другу нотами по дипломатическим каналам, а затем информировали о своем согласии или несогласии с ними [17].

Эти правила действовали до конца существования курило-японского безвизового обмена. С годами его структура расширялась: помимо названных общих делегаций и малочисленных групп специалистов и ученых, медицинских работников, преподавателей языка, в нем стали участвовать детско-юношеские и семейные делегации, художественные коллективы. Всего за 1992–2019 гг. на Южных Курильских островах побывало 25,8 тыс. японских граждан, а Японию посетило 11 тыс. южно-курильчан [18].

В течение всего периода действия этот безвизовый обмен сохранял специфические черты. Участникам поездок с обеих сторон предлагались насыщенные и интересные программы пребывания, знакомство с местной культурой, природой, жизнью простых людей и семей и т.п. Расходы на пребывание россиян в Японии полностью брала на себя принимающая сторона. Южно-курильчане имели возможность получать медицинскую помощь, учить японский язык, покупать необходимые товары и просто совершать ознакомительные поездки за границу, которая к Южным Курильским островам географически значительно ближе, чем российские материковые районы.

Вместе с тем японская сторона использовала "безвиз" как площадку для активной пропаганды возвращения "северных территорий" и провокаций. Обязатель-

ными пунктами программ для российских групп в Японии были довольно жёсткие дискуссии и лекции по "территориальному вопросу", вручение различных сувениров и печатной продукции с надписями и изображениями реваншистского содержания и т.п. В этом значимую роль играли японские МИД, правительственные, региональные, муниципальные органы, общественные организации, специально сформированные для "борьбы за возвращение северных территорий". Все они получали щедрое финансирование от своего правительства и не жалели средств на организацию приёма южно-курильчан по своему сценарию. В свою очередь, в составе японских групп на Южные Курильские острова, как на "свою вотчину", приезжали работники МИД, руководители соседнего губернаторства Хоккайдо и округа Немуро, депутаты парламента, члены реваншистских организаций. При этом японская сторона категорически возражала против участия представителей государственных органов и руководства Сахалинской области, парламентариев, партийных деятелей в качестве глав российских делегаций. Кроме того, МИД Японии исключало из предлагавшихся списков российских делегаций тех, кто работал на Южных Курилах на совместных с иностранными компаниями предприятиях. К сожалению, сахалинские организаторы поездок и южно-курильские делегации в условиях мощного идеологического прессинга не имели ощутимой дипломатической поддержки от своего МИД [5, 1997, 6 дек., с. 1; 6; 11; 23].

Сахалинские политические и общественные деятели, областная Дума и такие ученые, как А.А. Кошкин, неоднократно акцентировали внимание Москвы на этом аспекте, однако не получали внятного отклика [11, с. 325, 407, 487–488; 10; 15]. Лишь экстренные исторические обстоятельства привели к завершению курило-японского безвизового обмена: он был приостановлен в 2020 г. из-за пандемии коронавируса и не был впоследствии возобновлен в связи с выходом Российской Федерации из названных выше соглашений.

Выводы

В 1960-е – 1990-е гг. СССР/РФ и Япония постепенно накапливали практический опыт, разрабатывали правовые основы и в итоге приняли соглашения о двух независимых друг от друга формах безвизовых контактов между Южными Курильскими островами и Японией: одна – с целью посещения могил родственников, вторая – для налаживания гуманитарных связей. Этот вид сотрудничества являлся неотъемлемым элементом и одним из инструментов внешнеполитических действий ("мягкой силой") двух государств в попытках достичь основной цели – подписания мирного договора. Однако каждая из сторон вкладывала в эту цель свое условие, касающееся юрисдикции Южных Курильских островов. Радикально противоположная мотивация сторон стала источником противоречивой сущности дальнейшего многолетнего безвизового обмена.

Реализацию первой формы с 1960-х гг. настойчиво проталкивал Токио под вывеской гуманного отношения к японской поминальной традиции. При этом, как справедливо отмечает историк А.А. Кошкин, японское руководство не испытывало сострадания к своим престарелым гражданам, запреща им оформлять советские/российские визы для посещения Южных Курильских остров [18]. Мотив Токио очевиден: на кону стояла не столько гуманная, сколько политическая миссия "безвиза". В первую очередь он позволял Японии демонстрировать свои противоправные претензии на обладание этой территорией, игнорируя миграционные правила СССР, а затем РФ. Советское же руководство шаг за шагом сдавало позиции, разрешив безвизовое посещение сначала двух, затем трех и, наконец, всех четырех оспариваемых островов, что и требовалось Токио. Договоренность 1986 г. о таких поездках на взаимной основе не изменила этого политического подтекста, позже Российская Федерация подтвердила свое участие в ней.

Вторая форма "безвиза" означала выход на новый уровень гуманитарных контактов, представляя собой механизм взаимодействия между локальными сообществами соседних государств. Её инициатором стала советская/российская сторона. В условиях советской перестройки и системных реформ в РФ, сопровождавшихся острым внутренним кризисом, лидеры страны надеялись, что "народная дипло-

матия" будет способствовать расширению двусторонних связей в целом, в том числе получению от Японии экономической помощи и смягчению ее позиции по заключению мирного договора. Принятая в 1991 г. процедура этой формы приграничного взаимодействия и последующая во второй половине 1990-х гг. её либерализация способствовали развитию действительно ценных контактов между простыми людьми и широкого круга возможностей для знакомства с жизнью соседей. Однако истинной целью японских политиков, согласившихся на развитие этой формы контактов, было использование её как удобной площадки для массовой пропаганды возвращения "северных территорий", обработку общественного мнения южно-курильчан с тем, чтобы они повлияли на российское правительство для мотивации его к подписанию мирного договора на условиях Токио.

Рассмотренный материал показывает, что во внешнеполитических взаимодействиях стороны, имеющие существенные противоречия и противоположные геополитические цели в главных претензиях, при определенных исторических обстоятельствах могут находить возможности для сотрудничества в частностях, например, в гуманитарной сфере или в локальных территориальных рамках. Это позволяет несколько сгладить напряженность двусторонних отношений на "низовом" уровне – среди обычных граждан, получающих дополнительные жизненные блага, а в целом между странами – избегать конфронтации. Однако на "высоком" уровне такое сотрудничество используется как "мягкая сила" в достижении основной цели. И это не гарантирует равенства сторон во взаимоотношениях, а, скорее, обуславливают уступки той из них, которая имеет меньшие ресурсы внешнеполитического давления. При этом главное противоречие остается не разрешенным, а сотрудничество хрупким. Оно может быстро разрушиться при изменении внешних или внутренних условий..

Литература

1. Алексеева Т.А. "Мягкая сила" в теории и практике международных отношений // Роль технологий "мягкой силы" в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2016. С. 27–50.
2. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.
3. Бельков О.А. "Мягкая сила": слова и смыслы // Роль технологий "мягкой силы" в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2016. С. 51–79.
4. Визовый режим между Россией и Японией. Досье // ТАСС. 2016. 31 дек. URL: <https://tass.ru/info/3919329?ysclid=Ivek3l0ag2791510744> (дата обращения: 25.04.2024).
5. Губернские ведомости (газ.). Южно-Сахалинск, 1997–2005.
6. Гусейнов Ф. Геополитические интересы и международное сотрудничество // Кавказ и глобализация. 2011. Т. 5. Вып. 3-4. С. 7–17.
7. Карпов В.А. Документы Государственного исторического архива Сахалинской области о посещении японскими гражданами могил предков на островах Малой Курильской гряды в 1960-е гг. // Отечественные архивы. 2014. № 6. С. 73–78.
8. Кожевников В.В. Российско-Японские отношения на современном этапе. Проблемы и поиски решений. Владивосток: Дальнаука, 1997. 216 с.
9. Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. М.: Вече, 2010. 480 с.
10. Кошкин А. Японские безвизовые "десанты" на наши острова следует прекратить. URL: <https://nstarikov.ru/japonskie-bezvizovye-desanty-na-nashi-ostrova-sleduet-prekratit-114482?ysclid=Ixfsdjw0e3527710369> (дата обращения: 06.05.2024).
11. Курильский аспект. Деятельность органов власти и общественности Сахалинской области по сохранению территориальной целостности России. 1947–2019 годы: сб. документов и материалов / авт.-сост. С.А. Пономарёв. Южно-Сахалинск: КорКиС, 2019. 597 с.
12. Кузмин В.А. Советско-японские отношения и дипломатия Б.Д. Панкина // Уральское востоковедение. 2005. № 1. С. 110–112.
13. Межправительственная договоренность о безвизовых поездках жителей Южных Курил и граждан Японии. URL: <https://ruvisa.online/ru/pravo/dogovora-yaponia/dogovorennost-o-bezvize-dlya-zhitelej-kuril-i-yaponii> (дата обращения: 05.04.2024).
14. Московская декларация "Об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией" // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://>

docs.cntd.ru/document/901724336?ysclid=lurp945s4a516731514 (дата обращения: 09.04.2024).

15. Недорез Ю.И. Японо-курильские российские безвизовые обмены // Сахалинское информационно-аналитическое агентство. 2011. 27 июня. URL: <https://www.siaa.ru/?pg=2&id=147296&type=128&page=0&hd=2> (дата обращения: 25.04.2024).

16. Нота МИД Российской Федерации о безвизовых посещениях островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи с целью оказания экстренной гуманитарной помощи от 18 сентября 1998 г. // Официальный сайт Посольства Японии в России. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html (дата обращения: 16.04.2024).

17. Нота Посольства РФ в Японии о максимально облегченном режиме посещения островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи японскими гражданами из числа их бывших жителей и членов их семей от 2 сентября 1999 г. // Официальный сайт Посольства Японии в России. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html (дата обращения: 12.04.2024).

18. О безвизовых обменах между жителями Курильских островов и гражданами Японии // Курильские новости. 2022. 15 нояб. URL: <https://kurilnews.ru/news/новости/2022-11-15/o-bezvizovyh-obmenah-mezhdu-zhitelyami-kurilskih-ostrovov-i-grazhdanami-yaponii-352612> (дата обращения: 20.02.2024).

19. О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об организации максимально облегченного посещения островов Кунашир, Итуруп и островов Малой Курильской гряды (Сахалинская область) японскими гражданами – бывшими жителями островов и членами их семей: Постановление правительства РФ от 31 августа 1999 г. № 977 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901743360?ysclid=ismhl62z6331589045> (дата обращения: 15.02.2024).

20. О применении договоренности между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Японии о безвизовых посещениях жителями Южных Курильских островов районов Японии и гражданами Японии Южных Курильских островов: Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1997 г. № 1595 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9055018?ysclid=ismh9e1fc9460319255#> (дата обращения: 15.02.2024).

21. Правда (раз.). М., 1964–1991.

22. Россия вышла не из всех соглашений о безвизовых обменах с Японией // ИА Сах.ком. 2022. 27 сен. URL: <https://iasakh.com/news/227033?ysclid=i8lcn9ucqq497400652> (дата обращения: 28.01.2024).

23. Самолук А.Р. Трижды теряя... (Курилы и Япония – двадцать лет безвизовым обменам). Красноярск: ООО "Поликор", 2011. 191 с.

24. Советский Сахалин (газ.). Южно-Сахалинск, 1991–1992.

25. Социалистическое строительство и "перестройка" на Сахалине и Курильских островах. 1976–1991 гг.: сб. документов и материалов / сост. Л.В. Драгунова, М.В. Гридяева (отв.) и др. Владивосток: Дальпресс, 2016. 552 с.

26. Стрельцов Д.В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1(10). С. 245–256.

27. Стрельцов Д.В., Колтунова Е.В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1(10). С. 144–152.

28. Токийская декларация о российско-японских отношениях // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 02.04.2024).

29. Чернолуцкая Е.Н. Трансграничное сотрудничество vs "территориальный вопрос": Курилы в период рыночных трансформаций // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2022. Т. 13. Вып. 2 (112). URL: <https://history.jes.su/s207987840019952-6-1/> <https://doi.org/10.18254/S207987840019952-6>

30. Diplomatic bluebook. 1991. Japan's diplomatic activities. Section 4. Soviet Union // Official website of the Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-4-4.htm> (accessed 06.03.2024).

31. Diplomatic bluebook. 1991. Japan's diplomatic activities. Section 4. Soviet Union // Official website of the Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-4-4.htm> (дата обращения: 06.03.2024).

32. Diplomatic Bluebook 1999. Japan's diplomacy with leadership toward the new century. Chapter 1 (C-2). Japan-Russia relations // Official website of the Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1999/l-c.html#2> (accessed 06.03.2024).

References

1. Alekseeva T.A. "Soft power" in the theory and practice of international relations // The role of "soft power" technologies in information, value-worldview and civilizational confrontation / ed. by I.V. Bocharnikov. M.: Publishing house "Ekon-Inform", 2016. P. 27–50. (In Russ.).

2. Alekseeva T.A., Kazantsev A.A. The foreign policy process. Comparative analysis. Moscow: Aspect Press, 2012. 223 p.

3. Belkov O.A. "Soft power": words and meanings // The role of "soft power" technologies in information,

- value-worldview and civilizational confrontation / ed. by I.V. Bocharnikov. M.: Publishing house "Ekon-Inform", 2016. P. 51–79. (In Russ.).
4. Visa regime between Russia and Japan. The dossier // TASS. 2016. December 31. URL: <https://tass.ru/info/3919329?ysclid=lvek3l0ag2791510744> (accessed 25.04.2024). (In Russ.).
 5. Gubernskie vedomosti (newspaper). Yuzhno-Sakhalinsk. 1997–2005. (In Russ.).
 6. Huseynov F. Geopolitical interests and international cooperation // Caucasus and Globalization. 2011. Vol. 5. Issue 3-4. P. 7–17. (In Russ.).
 7. Karpov V.A. Documents of the State historical archive of the Sakhalin region on visits by Japanese citizens to the graves of their ancestors on the islands of the Little Kuril Ridge in the 1960s // Domestic archives. 2014. No. 6. P. 73–78. (In Russ.).
 8. Kozhevnikov V.V. Russian-Japanese relations at the present stage. Problems and the search for solutions. Vladivostok: Dalnauka, 1997. 216 p. (In Russ.).
 9. Koshkin A.A. Russia and Japan: knots of contradictions. M.: Veche, 2010. 480 p. (In Russ.).
 10. Koshkin A.A. Japanese visa-free "landings" on our islands should be stopped URL: <https://news.rambler.ru/asia/43958167-yaponskie-bezvizovye-desanty-na-nashi-ostrova-sleduet-prekratit/?ysclid=ltftiptj0r5809819757> (accessed 06.05.2024). (In Russ.).
 11. The Kuril aspect. The activities of the authorities and the public of the Sakhalin region to preserve the territorial integrity of Russia. 1947–2019: collection of documents and materials / author-comp. S.A. Ponomarev. Yuzhno-Sakhalinsk: Korki'S, 2019. 597 p. (In Russ.).
 12. Kuzmin V.A. Soviet-Japanese relations and diplomacy of B.D. Pankin // Ural oriental studies. 2005. No. 1. P. 110–112. (In Russ.).
 13. An intergovernmental agreement on visa-free travel for residents of the Southern Kuriles and Japanese citizens. URL: <https://ruvisa.online/ru/pravo/dogovora-yaponia/dogovorennost-o-bezvize-dlya-zhitelej-kuril-i-yaponii> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).
 14. The Moscow Declaration "On the establishment of a creative partnership between the Russian Federation and Japan" // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901724336?ysclid=lurp945s4a516731514> (accessed 09.04.2024). (In Russ.).
 15. Nedorez Yu.I. Japanese-Kuril Russian visa-free exchanges // Sakhalin information and analytical agency. 2011. June 27. URL: <https://www.siaa.ru/?pg=2&id=147296&type=128&page=0&hd=2> (accessed 25.04.2024). (In Russ.).
 16. The note of the Ministry of foreign affairs of the Russian Federation on visa-free visits to the islands of Iturup, Kunashir, Shikotan and Habomai for the purpose of providing emergency humanitarian assistance dated September 18, 1998 // The official website of the Japanese Embassy in Russia. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html (accessed 16.04.2024). (In Russ.).
 17. A note from the Embassy of the Russian Federation in Japan on the maximally facilitated regime of visits to the islands of Iturup, Kunashir, Shikotan and Habomai by Japanese citizens from among their former residents and members of their families dated September 2, 1999 // The official website of the Japanese Embassy in Russia. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html (accessed 12.04.2024). (In Russ.).
 18. On visa-free exchanges between residents of the Kuril Islands and Japanese citizens // Kuril news. 2022. November 15. URL: <https://kurilnews.ru/news/новости/2022-11-15/o-bezvizovyh-obmenah-mezhdu-zhityami-kurilskih-ostrovov-i-grazhdanami-yaponii-352612> (accessed 20.02.2024). (In Russ.).
 19. On the conclusion of an Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Japan on the organization of the most facilitated visits to the islands of Kunashir, Iturup and the islands of the Little Kuril Ridge (Sakhalin Region) by Japanese citizens – former residents of the islands and members of their families: Decree of the Government of the Russian Federation dated August 31, 1999, No. 977 // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901743360?ysclid=ismhl62z6331589045> (accessed 15.02.2024). (In Russ.).
 20. On the application of the agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of Japan on visa-free visits by residents of the Southern Kuril Islands of Japan and Japanese citizens of the Southern Kuril Islands: Decree of the Government of the Russian Federation dated December 19, 1997, No. 1595 // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9055018?ysclid=ismh9e1fc9460319255#> (accessed 15.02.2024). (In Russ.).
 21. Pravda (newspaper). Moscow, 1964–1991. (In Russ.).
 22. Russia has not withdrawn from all agreements on visa-free exchanges with Japan // IA Sah.com. 2022. September 27. URL: <https://iasakh.com/news/227033?ysclid=i8lcn9ucqq497400652> (accessed 28.01.2024). (In Russ.).
 23. Samolyuk A.R. Losing three times ... (The Kuriles and Japan – twenty years of visa-free exchanges). Krasnoyarsk: LLC "Polikor", 2011. 191 p. (In Russ.).
 24. Soviet Sakhalin (newspaper). Yuzhno-Sakhalinsk, 1991–1992. (In Russ.).
 25. Socialist construction and "perestroika" on Sakhalin and the Kuril Islands. 1976–1991: collection of documents and materials / comp. L.V. Dragunova, M.V. Gridiaeva (resp.), etc. Vladivostok: Dalpress, 2016.

552 p. (In Russ.).

26. Streltsov D.V. The foreign policy process in modern Japan // Bulletin of MGIMO-University. 2010. No. 1(10). P. 245–256. (In Russ.).

27. Streltsov D.V., Koltunova E.V. The foreign policy process in the East: some approaches to research methodology // Bulletin of MGIMO-University. 2010. No. 1(10). P. 144–152. (In Russ.).

28. Tokyo Declaration on Russian-Japanese relations // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (accessed 02.04.2024). (In Russ.).

29. Chernolutskaia E. Cross-border cooperation vs "territorial issue": Kuril Islands in the period of market transformations // Istorija. 2022. V. 13. Issue 2 (112). URL: <https://history.jes.su/s207987840019952-6-1/> (In Russ.).

30. Diplomatic bluebook. 1990. Japan's diplomatic activities. Section 4. Soviet Union // Official website of the Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1990/1990-3-4.htm> (accessed 06.03.2024).

31. Diplomatic bluebook. 1991. Japan's diplomatic activities. Section 4. Soviet Union // Official website of the Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-4-4.htm> (accessed 06.03.2024).

32. Diplomatic Bluebook 1999. Japan's diplomacy with leadership toward the new century. Chapter 1 (C-2). Japan-Russia relations // Official website of the Ministry of foreign affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1999/l-c.html#2> (accessed 06.03.2024).

Елена Николаевна ЧЕРНОЛУЦКАЯ, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: chvalery@mail.ru

Elena N. CHERNOLUTSKAIA, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: chvalery@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 18.06.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 23.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Научная статья
УДК 81.373.7(520)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века

Александр Сергеевич ДЫБОВСКИЙ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. В статье диахронически рассматриваются основные этапы языкового планирования в Японии во второй половине XIX – начале XXI века. Анализируются изменения языковой ситуации в ходе исторического развития страны, выявляются влиятельные акторы языкового планирования и языковой политики. Особое внимание сосредоточено на эпохе Мэйдзи и на языковых реформах после Второй мировой войны. Кроме того, даётся краткое описание вопросов языкового планирования и языковой политики Японии на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны; выявляются важнейшие особенности современной языковой ситуации, а также актуальные задачи языковой политики и языкового планирования в Японии в соответствии с вызовами XXI века.

Ключевые слова: языковое планирование, языковая политика, языковая ситуация, письменные языки в Японии, языковая ситуация в эпоху Мэйдзи, акторы языкового планирования, реформирование японского языка, иероглифические лимиты

Для цитирования: Дыбовский А. С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 123–136. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Language planning in Japan from the mid XIX to the early XXI century

Alexander S. DYBOVSKY

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. The article examines language planning in Japan from the second half of the XIX century to the beginning of the XXI century. It analyzes changes in the linguistic situation, identifies the key actors of language planning, as well as legislative acts of the Japanese government that turned various elements of language planning into an organized system of state policy. Special attention is focused on the Meiji era and language reforms after World War II, when changes to the Japanese language were stimulated by powerful popular movements. At other times, as well as at present, language planning has been under strict control of the Japanese government and has been primarily limited to its language policy. Additionally, the article provides a brief overview of language planning and policy issues in Japan on occupied territories during World War II. It also highlights the key features of the contemporary linguistic situation and the current tasks of language policy and planning in Japan in the XXI century.

Keywords: language planning, language policy, language situation, written languages in Japan, language situation in the Meiji era, actors of language planning, reforming the Japanese language, kanji limits

For citation: Dybovsky A. S. Language planning in Japan from the mid XIX to the early XXI century // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 123–136. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/123-136>

Введение

В соответствии с определениями, приводимыми Нанетт Готтлиб (Nanette Gottlieb)¹ [8], под языковым планированием (language planning) мы будем понимать "набор идей, законов и постановлений (языковая политика), изменение правил, представлений и практик, направленных на достижение планируемых перемен ... в использовании языка в одном или более сообществах. Другими словами, языковое планирование включает в себя сознательные, хотя и не всегда явные,

¹ В настоящее время почётный профессор Университета Квинсленда (University of Queensland; Австралия).

ориентированные на будущее изменения системы языкового кода и/или речи в социокультурном контексте" [8, с. 16]. Из этого определения следует, что понятие "языковое планирование" шире понятия "языковая политика", хотя в отечественном японоведении, а также в русскоязычном дискурсе текстов, например, о языковой ситуации на постсоветском пространстве, обычно используется термин "языковая политика".

Л.В. Васильева в статье "Языковая политика Японии с периода Мэйдзи до наших дней" пишет: "Считается, что одна из первых попыток сознательного нормирования японского языка относится еще к XII веку, когда крупный ученый-филолог Фудзивара Тэйка установил первые орфографические нормы, именуемые *тэйка-канадзукаи*" [1, с. 630], хотя очевидно, что один из авторов "Новой антологии старых и новых песен" (新古今和歌集) является актором языкового планирования, а не языковой политики, которая обычно представлена в законодательных актах и правовых уложениях.

За пределы языковой политики выходит в книге "Послевоенная история языковой политики Японии" и Номура Тосио [10]. Т. Номура подробно описывает историю создания лимитов иероглифов в Японии, поэтому мы будем неоднократно обращаться к содержанию его сочинения. Книга Нанетт Готлиб [8] посвящена философским и идеологическим вопросам языковой политики: идеям и верованиям японцев относительно японского языка, общей логике осуществления реформ японского языка, которые, по мнению Нанетт Готлиб, всегда были идеологически маркированными своей направленностью на "долговременную культурную традицию" (*longstanding cultural tradition*) [8, с. 17–18]; кроме того в этой книге обсуждаются главные вызовы языкового планирования и языковой политики Японии в XXI веке – превращение Японии в мультикультурное и полиэтническое общество, адаптация и языковое существование мигрантов, проблемы преподавания в Японии иностранных языков помимо английского, особенности функционирования в Японии языков мигрантов. Мы же в этой публикации будем говорить об особенностях языковой ситуации в Японии, а также о наиболее важных идеях и проектах, направленных на реформирование японского языка, которые далеко не всегда трансформировались в законодательные документы.

Эпоха, объект и императивы языкового планирования в Японии второй половины XIX в.

Идеи о необходимости реформирования японского языка стали актуальны в Японии во второй половине XIX века, когда "Черные корабли" commodора М. Перри положили конец политической изоляции страны, и вслед за США Россия и другие Великие державы вынудили Японию открыть свои порты для иностранцев и вступить с ними в торговые отношения. Военная, экономическая и политическая отсталость Японии стала очевидной. Сёгунат Токугава (徳川幕府 1603–1867) вступил в эпоху нестабильности. И для многих японских интеллектуалов и политиков стала очевидной необходимость форсированной модернизации страны.

Одним из условий успеха модернизации Японии было создание единого общенародного языка, поскольку языковая ситуация в это время отличалась большой сложностью. Например, португальские монахи-иезуиты, начавшие миссионерскую деятельность в Японии во второй половине XVI века и написавшие первую грамматику японского языка (*Arte da Língua do Japão*, 1604), считали, что японский язык – это "изобретение дьявола", призванное препятствовать распространению христианства в Японии. Сложность языковой ситуации в Японии в эпоху позднего средневековья обуславливалась следующими обстоятельствами. Во-первых, для Японии в это время было характерно наличие большого разнообразия территориальных диалектов, носители которых далеко не всегда могли понимать друг друга. Во-вторых, письменность, основанной на разговорном языке, не было. Но существовало несколько письменных языков (в японистике они нередко называются стилями), резко отличающихся от устно-разговорного японского языка (КО:ГО 口語). Прежде всего это был КАМБУН "китайские письмены" (или стиль буквального перевода на китайский), восходящий к классическому китайскому языку

(ВЭНЬЯНЬ). На КАМБУНЕ в VII-ом веке по китайским образцам были составлены первые японские законодательные документы, и он просуществовал практически до начала XX века как высокий и строгий язык законоуложений и официальных правительственных документов. Для нужд изящной словесности существовал японский классический литературно-книжный язык БУНГО, сформировавшийся на основе разговорного языка IX–XII веков под сильным влиянием китайского, на котором строилось образование аристократической элиты в эпоху японского средневековья.

Еще одним письменным языком был СО:РО:БУН "письмена *со:ро:*" (по названию особого служебно-предикативного элемента 候). СО:РО:БУН возник из практики частной и деловой переписки в начале XIII века, совмещая в себе некоторые элементы КАМБУНА и БУНГО; в частной переписке в скорописной форме использовался до XX века, оказав большое влияние на современный японский деловой язык².

Существовала и практика смешения элементов КАМБУНА и БУНГО в одном тексте, которая получила название КАНВАБУН (漢和文) ("китайско-японское письмо"). В вышеуказанных письменных языках использовалось около 10 тыс. иероглифов, многие из которых имели более двух обычных чтений иероглифов в Японии (ОНное, протокитайское и КУНное – фиксирующее значение иероглифа по-японски), поскольку иероглифы заимствовались на протяжении столетий в разные эпохи из разных районов Китая, также имевшего территориальные диалекты. В освоении японцами китайской иероглифики было немало случайностей (в том числе и ошибок). Даже в современном японском языке сохранилось немало оригинальных чтений иероглифов, например, в географических названиях: ср. названия некоторых станций японских железных дорог, например, 十三 (ДЗЮ:СО:) в Осака, 京終 (КЁ:БАТЭ) в городе Нара или 坂祝 (САКАХОГИ) в префектуре Гифу.

Две слоговые азбуки – КАТАКАНА и ХИРАГАНА – дополнялись третьей – ХЭН-ТАЙГАНА (видоизмененная КАНА), которая использовала для буквенного слогового письма скорописные варианты иероглифов, не вошедших в *хирагану*. Творческое использование иероглифов в первом японском поэтическом сборнике "Мириад листьев" (万葉集) породило приёмы АТЭДЗИ – подставленных по смыслу или используемых фонетически иероглифов, например: 煙草 (дым + трава) "сигареты" для португальского *tabaco*, 珈琲 (два иероглифа со значением "украшение, блестящий" и соответствующими чтениями 珈 КА + 琲 ХИ) "кофе" для голландского *koffie*; 亜米利加 Америка, 印度 Индия (фонетическое слоговое письмо). Кроме уставного написания иероглифов существовали их полускорописные и скорописные формы.

Таким образом, японская письменность в середине XIX века была чрезвычайно сложной. Использовалось несколько письменных языков, корпуса текстов на разговорном языке не существовало. Создание системы современного образования, необходимого для модернизации страны, с такой сложной и громоздкой письменностью, а также и с несколькими письменными языками было делом очень непростым, если не сказать невозможным.

Актеры языкового планирования во второй половине XIX в.

В фундаментальном исследовании языковой ситуации на территории бывшего СССР под редакцией М. Кирквуда *Language Planning in the Soviet Union*, со ссылкой на Фасолда и Истмана (Fasold, Eastman) говорится, что актерами языкового планирования могут быть политологи, экономисты, антропологи, лингвисты, издатели – кто угодно, от правительств до частных лиц [7, с. 1]. Посмотрим, кто же это был в Японии во второй половине XIX века.

² СО:РО:БУН можно обнаружить в письмах первого японского послевоенного премьер-министра Ёсида Сигэру (1878–1967), относящихся к 1955 году [11].

Первым, кто указал на необходимость реформирования письменного языка был Маэдзима Хисока (前島密 1835–1919) – будущий создатель почты³ и телеграфа, министр связи и депутат японского парламента, который в 1866 году обратился к последнему сёгуну Токугава Ёсинобу (徳川 慶喜 1837–1913) с "Трактатом об отмене иероглифов" (漢字御廃止之議). Имея опыт преподавания английского языка, Х. Маэдзима считал, что ускорить модернизацию страны и избежать судьбы Китая можно только путём отказа от иероглифов и осуществления массового образования с использованием японской слоговой азбуки КАНА или латиницы [10, с. 13–15]. Сёгунат не прислушался к воззванию Х. Маэдзима, но через некоторое время идею отмены иероглифики поддержали два мощных народных движения: в 1883 году было создано общество сторонников японской слоговой азбуки КАНА – КАНАКУВАЙ; с 1910 года – КАНА-НО КАЙ (仮名の会), а в 1885 году – общество сторонников латинизации японского языка организовало общество РО:МАДЗИ КАЙ (ローマ字会).

В 1873 году о необходимости преобразовании японского языка в своём известном труде "Обучение грамоте" 『文字之教』 высказался Фукудзава Юкити (福沢諭吉 1835–1901) – голандовед, просветитель, основатель ун-та Кэйо Гидзюку, чей портрет и в наши дни украшает японскую банкноту в десять тысяч иен. Ю. Фукудзава называл "китайскую науку" (КАНГАКУ), доминировавшую в японской научной мысли позднего средневековья, препятствием модернизации страны. Конфуция и Лао-Цзы он считал великими мыслителями прошлого. Относительно иероглифической письменности японского языка Ю. Фукудзава считал, что отказаться от использования иероглифов полностью нерационально, достаточно ограничить количество общеупотребимых иероглифов двумя-тремя тысячами знаков [15]. Это был путь введения иероглифических лимитов, на который Япония и вступила в середине XX века. Ср. лимит 2010 года в 2136 иероглифов (подробнее – ниже).

Автором наиболее радикальной реформы языкового существования японцев стал Мори Аринори (森有礼 1847–1889) – государственный деятель, дипломат, министр просвещения (1885–1889), реформатор школьного образования и основатель университета Хитоцубаси (1875). Работая над созданием системы массового народного образования, А. Мори постепенно пришёл к необходимости жесткого государственного контроля не только над созданием учебников и работой образовательных учреждений, но также и над учениками и теми, кто был призван их обучать. Он писал: "Японские школы созданы на благо нации, а не учащихся!" [14]. А. Мори считал, что для решения проблем народного образования и модернизации Японии в исторически приемлемые сроки необходима латинизация письма, а также санкционируемое государством введение английского языка в речевой оборот японцев. По поводу возможности последнего он даже консультировался с американским лингвистом У.Д. Уитни (William Dwight Whitney; 1827–1894), от которого получил не очень ободряющий ответ в том духе, что это еще никем не осуществленная в мире задача. В 1889 году на 42-м году жизни А. Мори был убит экстремистом за неподобающее поведение в синтоистском храме. А. Мори заложил важные основы системы японского школьного образования [6, с. 129–145]. Идея А. Мори о необходимости введении в обиход японцев английского языка оказалась нереализованной, но японская общественная мысль неоднократно возвращалась к планам вестернизации языкового общения японцев. В 1946 году в апрельском номере популярного японского социально-политического журнала "Реконструкция" (改造) известный японский писатель Сига Наоя (志賀直哉 1883–1971) опубликовал эссе под заголовком "Проблема национального языка" (国語問題), призывающее сделать французский язык государственным в ходе послевоенных демократических реформ. Инициатива Н. Сига не встретила поддержки у соотечественников, скорее нанесла урон его престижу [13]. Сторонники вестернизации речевой прак-

³ Ему приписывается создание новых терминов – 郵便 ю:бин "почта" и 切手 киттэ "почтовая марка".

тики японцев вновь выступили с подобной идеей только в 2000 году. Известный японский журналист-международник, доктор права (1992) Фунабаси Ёити (船橋洋一 1944–) накануне нового тысячелетия обратился к соотечественникам с идеей придания английскому языку статуса официального, кратко перечислив в своей статье преимущества этой акции [17].

Ещё одним важным актором языкового планирования в Японии эпохи Мэйдзи стал писатель и известный переводчик русской литературы Футабатэй Симэй (二葉亭四迷), настоящее имя Хасэгава Тацуносукэ (長谷川辰之助 1864–1909). С. Футабатэй был также секретарём Военно-морского ведомства, профессором русского языка Высшей военной академии Императорского флота, японским патриотом и близким другом будущего профессора Восточного института во Владивостоке Е.Г. Спальвина. После мучительных поисков и экспериментов он написал большой роман "Плывущее облако" (1887–1891) на разговорном языке⁴ – именно на том языке, которым японцы пользовались в ежедневной устной коммуникации. Письменный язык, начало которому было положено романом "Плывущее облако", привлёк других литераторов и к началу XX века стал основным письменным языком японской литературы [16]. Активизировалось составление словарей, с конца XIX века одна за другой стали создаваться грамматики разговорного японского языка, причём под влиянием процессов европеизации страны их прототипами нередко становились грамматики европейских языков, хотя их авторы стремились сохранить и лингвистические понятия, выработанные японцами до знакомства с европейской наукой о языке (ср. ТАЙГЭН, Ё:ГЭН, ТЭНИОХА и т. д.). Большое влияние на развитие японской лингвистической мысли оказали грамматики Ямада Ёсио (山田孝雄 1875–1959), Хасимото Синкити (橋本進吉 1882–1945), Мацусита Дайсабуро (松下大三郎 1878–1935)⁵. Таким образом в Японии был создан новый письменный язык и начались процессы его кодификации. На этой основе началась работа по составлению школьных учебников и хрестоматий. К концу первого десятилетия XX века было введено бесплатное шестилетнее образования и подготовлены единые школьные учебники. Реформы в области образования, а также издание учебников осуществлялось под контролем Министерства просвещения Японии. Официальная документация постепенно переводилась с КАМБУНА на БУНГО; с опорой на новый письменный язык начинает формироваться новый стиль частной и деловой корреспонденции. Бурное литературное творчество на новом письменном-книжном языке во второе десятилетие XX века вскоре было приостановлено политической реакцией. Империалистическая экспансия Японии поставила на повестку дня новые задачи языкового планирования – актуальной стала задача распространения японского языка на контролируемых японским государством заморских территориях. При этом особое место отводилось Тайваню и Корее, население которых стало объектом особо жесткой политики японизации.

Языковое планирование в годы Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны, вероятно, по политическим причинам стало ограничиваться использование западных заимствований в публичной сфере. Это проявилось, например, в том, что в 1940–1944 гг. брошюра рекомендаций для дикторов NHK "Терминология радиовещания" 『放送用語備要』 санкционировала к переименованию 161 слово европейского происхождения на том основании, что такие слова "трудны для восприятия на слух" [12, с. 16]. В этом списке действительно имелись сложные для широкой публики слова и выражения, такие, как センセーショナル (sensational), リード (lead), フレッシュ (fresh), ボイコット (boycott), ボルシェヴィズム (большевизм), フル・スピード (full speed), メンタル・テスト

⁴ Примерно в то же время подобное произведение опубликовал и другой японский писатель – Ямада Бимё (山田 美妙 1868–1910). Это был рассказ "Бабочка" (蝴蝶), опубликованный в январе 1889 года в журнале "Друг народа" (国民之友).

⁵ Грамматика Кизда Масуити, впервые изданная в нашей стране в 1958–1959 гг., представляет собой параллельное описание двух языковых систем – БУНГО и КО:ГО как некий единый и целостный объект, что, по всей вероятности, отражает языковое сознание японцев первой половины XX века.

(mental test). Однако в списке также присутствовала и широко употребляемая лексика, уже прочно вошедшая в речевой обиход японцев, например: プラン (plan), プログラム (program), ボーイ (boy), ホール (hall), メモ (memo), メロディー (melody), メンバー (member), ユニフォーム (uniform), ライブラリー (library), ラッシュ・アワー (rush hour), ランチ (lunch), リーダー (leader), レコード (record), ストライキ (strike), スローガン (slogan), タイトル (title), テキスト (text), テスト (test), デッキ (deck), デパート (department store), デフレーション (deflation), Демократия (democracy), ТERROR (terror), Точка (укрепленный пункт), Национализм (nationalism), Ньюс (news), Пилот (pilot), Паспорт (passport), Баланс (balance), Балкон (balcony), Пул (pool), Брас-бэнд (brass band) и т.д. [12, с. 16]. Борьба с заимствованиями административными методами оказалась неэффективной. В итоге почти все слова и выражения из указанного списка сохранились в японском языке.

В годы Второй мировой войны задачей языкового планирования стало регулирование языкового оборота на оккупированных японской армией территориях. В обязанности японской военной администрации входило обучение населения японскому языку. Обеспечением оккупированных территорий учебной литературой занимались как Министерство просвещения, так и военное ведомство. Поскольку японская армия в 1941–1942 гг. в Малайе и Сингапуре продвигалась быстро, центральные власти не поспевали за темпами наступления японских войск, и учебные пособия по японскому языку по необходимости создавались на месте как военной администрацией, так и частными лицами. Содержание учебников регламентировалось отделом пропаганды 25-ой армии [3, с. 56–57]. К преподаванию японского языка местному населению привлекались военнослужащие, имевшие в прошлом опыт работы в сфере народного образования. Целью работы с населением было не только преподавание японского языка, но и идеологическая обработка людей, целью которой было превращение обучаемых в подданных Японской империи. Министерство просвещения Японии специальными постановлениями направляло усилия преподавателей японского языка и составителей учебных пособий. Например, в постановлении Министерства просвещения "Вопросы преподавания японского языка в регионах на юге" (南方諸地域における日本語教育に関する件), относящегося к 1943 году, перед преподавателями японского языка ставились следующие задачи:

- 1) обучать местное население японскому языку на уровне, необходимом для практических целей;
- 2) способствовать распространению японской духовности и культуры;
- 3) способствовать унификации Восточной Азии при помощи распространения японского языка.

Инструкция по составлению текстов учебников японского языка состояла из тринадцати пунктов, важнейшими из которых были следующие: 1) раскрывать причины и цели Великой восточно-азиатской войны, а также Великой восточно-азиатской сферы совместного процветания; 2) указывать на корыстную природу военных действий США, Британии и Нидерландов; 3) описывать национальный характер японцев и экономические достижения страны; 4) на конкретных примерах показывать источник силы Императорской японской армии; 5) давать примеры самоотверженной храбрости японских солдат на полях сражений; 6) подчеркивать важность установленного военного порядка жизни населения. Были установлены экзаменационные требования по четырем уровням владения японским языком. Подробнее см. [3].

Как видим, во время войны языковое планирование сомкнулось с идеологической работой государства; языковая политика и языковое планирование стали частью империалистической политики Японии. После капитуляции Японии важным актором языкового планирования становится военная администрация генерала Д. Макартура – General Headquarters (GHQ), под эгидой которой и осуществлялись демилитаризация и демократизация Японии, создавались новая конституция и органы местного самоуправления. Важнейшим актом демократизации японской

общественной жизни стала радикальная реформа языка, в основе которой было введение иероглифического лимита 1946 года.

Языковое планирование после Второй мировой войны. Логика введения иероглифических лимитов

Уже на следующий день после подписания 2 сентября 1945 года на борту линкора "Миссури" министром иностранных дел Японии М. Сигэмицу и генералом Ё. Умэдзу Акта о капитуляции администрация Д. Макарура (GHQ) издала приказ, требующий обозначить станции железных дорог, названия учреждений и организаций и т.д. при помощи латиницы Хэлбёрна. Начинается интенсивная работа по написанию новой конституции страны, созданию новых политических партий, женской эмансипации; одним из демократических требований была реформа языка, основой которой стало введение лимита на употребление иероглифов. В штаб Д. Макарура с докладом о проекте латинизации японского языка приезжает Джордж Динсмор Стоддард (1897–1981) – педагог, писатель, советник по реформе образования Японии.

В ноябре 1945 года в Комиссии по обсуждению проблем государственного языка (国語審議会) начинается рассмотрение вопроса об упрощении японской иероглифической графики. При активном участии секретаря Комиссии Хосина Коити (保科孝一 1872–1955) к весне 1946 года был выработан список из 1295 иероглифов для учебной литературы, который был опубликован в газете Асахи 23 апреля 1946 года [10, с. 25–27]. Против такого резкого ограничения иероглифики выступили представители газетных издательств, которые в это время использовали в своей деятельности более 4 тыс. иероглифов. Не поддержала проект и академическая общественность, также привыкшая к использованию в научных публикациях гораздо большего числа иероглифов. 5 ноября 1946 года в виде компромисса был принят лимит в 1850 знаков под названием "Таблица наиболее употребимых иероглифов" 当用漢字表. В пояснительной записке председателя указанной Комиссии на имя министра культуры говорилось, что эта "таблица представляет собой диапазон использования иероглифики в законодательстве, официальных документах, газетах, журналах и общественной жизни"⁶ [9]. 16 ноября 1946 года документ был обнародован как указ кабинета министров [10, с. 31]. В 1951 году к лимиту было добавлено 92 иероглифа для личных имен, а в 1954 году этот список пополнился еще 28 иероглифами. До 1973 года вносились и другие дополнения. Поскольку иероглифический лимит 1946 г. был обязателен для издателей, то он оказал значительное влияние на языковую ситуацию в послевоенной Японии. Во-первых, произошло резкое сокращение числа иероглифов в издаваемой печатной продукции. Неизбежно сократилось использование КАНГО. Значительная часть КАНГО требовала иероглифических замен, например: 諒解 (りょうかい) → 了解; 聯邦 (れんぽう) → 連邦; 衣裳 (いそう) → 衣装; 火焰 (かえん) → 火炎 [10, с. 101]. Китаизмы, для написания которых использовались наиболее трудные иероглифы, не вошедшие в лимит, приходилось заменять более простыми, близкими по смыслу, либо пользоваться синонимами из исконно японской или заимствованной из европейских языков лексики. Таким образом, иероглифический лимит способствовал сокращению китаизмов и вестернизации лексики японского языка. Введение лимита оказало существенное влияние на язык и стиль государственных указов, а также на язык юридических документов. Происходила перестройка издательского дела, требовалось переиздание всего японского литературного наследия, ведь новым языковым нормам не соответствовала даже довоенная литература, например, книги Нацумэ Сосэки, Акутагава Рюносукэ, Кикиути Кана или Кавабата Ясунари. Сига Наоя говорил, что в послевоенные годы отказался от газетных публикаций из-за обилия редакторских замен в графике, искажающих смысл авторского текста [13].

⁶ Примерно в то же время подобное произведение опубликовал и другой японский писатель – Ямада Бимё (山田 美妙 1868–1910). Это был рассказ "Бабочка" (蝴蝶), опубликованный в январе 1889 года в журнале "Друг народа" (国民之友).

Информационные запросы японского общества после языковых реформ 1946 года требовали увеличения количества иероглифов в обороте. В 1981 году была принята "Таблица общеупотребимых иероглифов (常用漢字表), которая содержала 1945 знаков; в 2010 году она была расширена до 2136 иероглифов. При этом список иероглифов для начальной школы (школьный минимум) увеличился до 1006 иероглифов. Неоднократно пополнялись списки иероглифов для написания имен и фамилий.

В своей книге, опубликованной в 2006 году [10], Номура Тосио выделяет три этапа языковой политики Японии после Второй мировой войны:

1) 1945–1966 гг. Период реформ языка на основе идей демократизации (民主化思想による国語再構築期) : перестройка старой графической системы во имя демократических преобразований общества;

2) 1967–1991 гг. Период выстраивания современной графической системы (現代表記再構築期) : расширение набора иероглифики, выверенная система графики, сочетаний иероглифики и азбук;

3) 1992– Период ответа на вызовы эпохи интернационализации и информационного общества (国際化・情報化社会への対応期) [10, с. 274–284].

Очевидно, что за прошедшую почти четверть XXI века положение Японии в глобализирующемся мире еще более усложнилось. Активизировалось продвижение японского языка в мире, изменилось отношение в Японии к мигрантам, активное использование мягкой силы в последние годы стало дополняться увеличением расходов на военные цели. Снова усложнилась языковая ситуация в стране.

Институционализированные акторы языкового планирования

По мере осознания важности для государственного строительства проблем языкового планирования и языковой политики под эгидой государства стали создаваться специальные органы языкового планирования, кооптировавшие в свой состав экспертов-языковедов, исследователей массовой коммуникации, диалектов и языковой ситуации в стране. Важную роль в языковом планировании в Японии сыграли радио и телевидение.

В 1926 году на базе созданной в 1925 году Токийской радиовещательной станции была учреждена Государственная радиовещательная корпорация NHK (Nippon Hōsō Kyōkai). В 1950 году она превратилась в радио-телевизионную корпорацию NHK и стала основной государственной вещательной компанией Японии, предоставляющей радио- и телевизионные услуги населению. По закону о вещании от 2 мая 1950 года NHK призвана служить общественному благу, работать на принципах беспристрастности, правдивости и автономии трансляции, способствовать развитию демократии (Статья 1). Руководящим органом корпорации является Исполнительный комитет (経営委員会) из восьми лиц, которые назначаются премьер-министром страны после одобрения обеими палатами Парламента (Статья 15) [18].

С момента своего возникновения NHK стала важнейшим актором языкового планирования, работающим ежедневно и оказывающим влияние на все население страны. Тщательный отбор лексики и грамматики, составление справочников нормативной акцентуации, постоянная работа над стилями и жанрами речи, выбор, создание и трансляция актуальных новостей и произведений тележурналистики, современной и классической художественной литературы и различных песенных жанров, японских и иностранных художественных фильмов – вот только некоторые важные аспекты работы корпорации, оказывавшие большое влияние на ценностные ориентации населения, связанные с функционированием японского языка.

NHK в предвоенные и военные годы была призвана служить трону. Поэтому корпорация стала орудием империалистической политики и пропаганды. И в годы войны вела борьбу с англицизмами, составляя списки нежелательных в вещании слов и выражений.

Следовавшая на протяжении многих десятилетий нормативным стандартам японского языка, корпорация NHK в своём вещании в последние годы все больше

места уделяет устным жанрам реальной коммуникации японцев, особое внимание обращая на привлечение молодёжи передачами в прямом эфире, создаваемыми самими молодыми людьми с участием звёзд эстрады и идиолов популярной культуры.

Другим важным органом языкового планирования на протяжении многих десятилетий были комиссии по изучению (обсуждению) проблем государственного (японского) языка при Министерстве просвещения Японии. Эти комиссии создавались в качестве совещательного органа при министре просвещения Японии. Их работа координировалась специальным Отделом государственного языка (国語部) Министерства просвещения.

Первая Комиссия по изучению государственного языка (国語調査委員会) была создана в 1902 как временный консультативный орган при министре просвещения. Она занималась изучением достоинств и недостатков перевода японской графики на слоговое или алфавитное письмо, вопросами стандартизации письменной и устной форм японского языка, а также вопросами фонетики и диалектологии, правописания иероглифики и слоговой графики, исследованием грамматики разговорного языка и т.д. и просуществовала до 1913 года [10, с. 16].

В 1921 году была создана Временная комиссия по изучению государственного языка (臨時国語調査会). Она продолжила работу по модернизации японской графики, оптимизации орфографии, созданию проектов лимитов иероглифов, ограничению использования лексики китайского происхождения. Одним из таких проектов стала Таблица общеупотребимых иероглифов (常用漢字表), содержащая 1962 иероглифа. В мае 1923 года проект был опубликован. Его поддержали газетные издательства. В августе 1923 года 20 крупнейших газетных издательств выступили с Воззванием относительно необходимости ограничения количества иероглифов (漢字制限に関する宣言). Пафосом воззвания был призыв немедленно перейти к реализации проекта ограничения иероглифов, однако этому помешало Великое землетрясение Канто, произошедшее 1 сентября 1923 года. В июне 1925 года с аналогичным воззванием выступили 10 газетных издательств, выразив готовность ограничить количество используемых иероглифов с шести до двух тысяч. В 1931 году Временная комиссия опубликовала новую версию "Таблицы общеупотребимых иероглифов" (常用漢字表) в 1858 знаков. На этот раз осуществлению иероглифической реформы помешал Маньчжурский инцидент, произошедший в мае 1931 года и сделавший необходимым использование не предусмотренных лимитом иероглифов для написания китайских имён и географических названий [10, с. 16–18].

В 1934 году была создана Комиссия по обсуждению государственного языка (国語審議会), которая просуществовала до 2001 года и после Второй мировой войны стала важным актором реформирования японского языка, в том числе рабочим органом создания послевоенных иероглифических лимитов (подробнее – ниже). Комиссия занималась исследованием и обсуждением вопросов функционирования японского языка по запросам министра просвещения и давала рекомендации заинтересованным государственным органам. Большей частью это были вопросы, связанные с графикой японского языка: уточнение графической формы иероглифов, составление иероглифических лимитов, систематизация ОНных чтений иероглифов, оптимизация латиницы для японского языка. Многие материалы, разработанные Комиссией, использовались в ходе послевоенных языковых реформ. Например, в июне 1942 года в целях распространения японского языка на оккупированных территориях Комиссия представила проект "Стандартная таблица иероглифов" 標準漢字表, который включал 2528 иероглифических знаков [10, с. 18–19], что, между прочим, очень близко к тому количеству иероглифов в обороте, к которому японское общество пришло в наши дни после нескольких реформ иероглифической письменности.

В 2001 году Комиссия по обсуждению государственного языка была преобразована в Секцию языка (国語分科会) при Комиссии по обсуждению культуры 文化審議会 [10, с. 10].

Современная система языкового планирования Японии основывается на деятельности трёх главных акторов, ассоциированных с японским государством. Это Отдел государственного языка (国語部) Управления культуры Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, Секция японского языка (日本語分科会) Комиссии по обсуждению культуры (文化審議会) и созданный в 1948 году Государственный институт изучения родного языка (国立国語研究所). Государственный институт изучения родного языка представляет собой современное академическое учреждение, занимающееся всеми актуальными аспектами функционирования японского языка. Это иероглифическая графика и использование слоговых азбук, проблемы правописания и орфографии, системное изучение фонетики, морфологии, грамматики, фразеологии и стилистики японского языка; проблемы языкового существования японцев и оптимизация форм вежливости (敬語); современное состояние территориальных диалектов, различные аспекты западных заимствований в японском языке и т.д. Как видим, со временем важнейшими акторами языкового планирования стали общественные институты, деятельность которых санкционируется и контролируется японским государством.

Языковая ситуация, языковая политика и задачи языкового планирования в XXI в.

В XXI веке языковая ситуация в Японии стала много проще, чем в эпоху Мэйдзи. Экзотическими элементами истории японского языка стали не только КАМБУН и СО:РО:БУН, но и БУНГО, хотя последний продолжает использоваться в классических формах японской поэзии. Для общенационального литературного языка (КЁ:ЦУГО), противопоставленного просторечию, жаргонам и территориальным диалектам, в учебниках, словарях, грамматиках и хрестоматиях выработана прочная основа правильного стандартного языка (ХЁ:ДЗЮНГО). В то же время изменилось отношение общества к территориальным диалектам. Их перестали считать низкими формами японского языка и неизбежным атрибутом провинциальности и необразованности. Диалектные формы стали изучаться в школе и активно использоваться в художественной литературе; за их счёт даже стал пополняться молодежный жаргон.

В письменно-книжном языке, особенно в языке информации, постепенно увеличивается число иероглифов, создаются новые КАНГО, возникло даже немало новых протокитайских четырёхкомпонентных композитов (四字熟語), ср., например, новообразования эпохи пандемии коронавируса: 対面授業 "очные уроки", 時短営業 "работа по сокращённому графику", 在宅勤務 "работа из дома на удалёнке", 二人三脚 (ににんさんきやく) "бег парами (когда нога одного бегуна связана с ногой другого)"; обр. "тесное сотрудничество" и т.д.; см. подробнее [4]. Просвещённость и образованность в Японии уже давно не ассоциируются с китайской классической литературой и философией, но КАНГО стали неотторжимыми элементами японского языка, позволяющими делать письменную речь лаконичной, точной, визуально информативной. Эффективность использования КАНГО в письменном информационном языке (газеты, журналы, терминология науки, массовая коммуникация) совершенно очевидна. Наглядность, компактность и выразительность КАНГО широко используется в рекламе. Вместе с КАНГО в письменной форме СЯЯ прочно укоренились многие элементы китайской грамматики.

Вместе с тем на японский язык в XXI веке обрушился почти неконтролируемый поток заимствований из европейских языков, особенно англицизмов. Всё больше ГАЙРАЙГО (外来語) входит в речевой оборот японцев, ср.: СУМАХО "смартфон", ПУРАЙБАСИ: "частная жизнь, приватность", СИНГУРУ МАДЗА: "одинокая мать", РАНАА: "бегун", ДЗЁГИНГУ "бег трусцой", ПРОФЕССА: "профессор", ДЗИРЭММА "дилемма", ТАЙМИНГУ "тайминг", и т.д.

Современный японский деловой язык также не обходится без большого массива англоязычной лексики, например: budget (予算), agenda (アジェンダ), meeting (ミーティング), sample (サンプル), maker (メーカー) и т.д. Всё более сложные выражения можно наблюдать в академическом дискурсе, например: コンテンツ (content),

クラウドファンディング (crowdfunding), リスクマネジメント (risk management), デジタルヒューマニティ (digital humanities), エクリチュール (écriture – фр. "письмо"), Эмпауэрмент (empowerment) и т. д. В политической риторике западные заимствования используются для экспликации образованности, просвещенности, компетентности в глобальной проблематике политических, военных, экономических и других мировых проблем [4].

Эстетика вестернизации правит бал в рекламе и коммерческих объявлениях, например, в сфере обслуживания более экспрессивно звучит не 弁当, а ランチ・ボックス (lunch box), не 女性, а レディース (ladies), не 出来事, а イベント (event), не 生活, а ライフ (life) и даже уже не スーパー (supermarket), а "Food Plaza" с испанским словом plaza "площадь", которое может также использоваться в названиях торговых центров или крупных торговых комплексов [2; 4].

Эстетика вестернизации ведет к экспансии латинской графики, порождает моду на яркие заморские "одежды" в названиях магазинов, ресторанов, компаний, товаров и коммерческих предприятий, музыкальных проектов и личных имен исполнителей. Влияние Западной цивилизации проявляется не только в графике и лексике. Меняются формы публичной риторики, грамматика японского языка, сам строй мысли японцев; увеличивается жестовое сопровождение речи, постепенно входят в обиход европейские ценности, связанные с использованием языка. Калькирование расхожих англоязычных выражений порождает новые лексические коллокации японского языка, например: 恋に落ちる ← fall in love; 休息を取る ← take a rest; 出席を取る ← take attendance; 責任を取る ← take responsibility on; 尊敬を払う ← pay respect; 注意を払う ← pay attention. Появлению и распространению подобных выражений способствуют и ставшие предметом обихода электронные переводчики. Хотя от многих японских интеллектуалов, а также и от обычных граждан (особенно пожилых, не владеющих английским языком) звучат призывы оградить японский язык от нашествия англицизмов, робкие попытки противостоять заимствованиям напоминают пуризм А. С. Шишкова с его "плитуаром" и "тихогромами". Например, в 2003 году в Государственном НИИ родного языка под председательством тогдашнего директора указанного НИИ Каи Муцуро (甲斐 睦朗 1939-) была создана специальная комиссия по западным заимствованиям, состоявшая из 20-ти экспертов института и других заинтересованных организаций. После тщательного изучения ситуации указанная комиссия выработала рекомендации для государственных органов, газетных издательств, учебно-просветительных учреждений и т. д. о замене 176 западных заимствований китаизмами и исконно японскими эквивалентами. Вот небольшой фрагмент этого списка:

1. アジェンダ (agenda) → 検討課題 (вопрос для обсуждения);
2. アミューズメント (amusement) → 娯楽 (развлечение, удовольствие);
3. インフラ (infrastructure) → 社会基盤 (социальная база, основа);
4. コラボレーション (collaboration) → 共同制作 (совместное производство);
5. シミュレーション (simulation) → 模擬実験 (эксперимент симуляции);
6. リテラシー (literacy) → 読み書き能力、活用能力 (умение читать и писать, практические навыки);
7. ポテンシャル (potential) → 潜在能力 (потенциальная способность)
8. デリバリー (delivery) → 配達 (доставка);
9. アイデンティティー (identity) → 自己認識 (самосознание);
10. ステレオタイプ (stereotype) → 紋切り型 (стереотип);
11. グランドデザイン (grand design) → 全体構想 (общая идея) [10, 271–272].

Вскоре выяснилось, что рекомендации по замене западных заимствований китаизмами особого успеха не имели. Сам нынешний премьер-министр Японии Кишида Фумио в своей программной политической речи в японском парламенте 17 января 2022 года использовал рекомендованное к замене выражение: ср.: 新しい資本主義のグランドデザイン "**великий замысел** нового капитализма". Причиной употребления в речи японского премьер-министра этого модного англицизма, вероятно, стало то, что новые заимствования из западноевропейских

языков обычно имеют более высокое стилистическое звучание, чем китаизмы, см. подробнее об этом [4].

Как видим, XXI век поставил на повестку дня новые задачи языкового планирования. Прежде всего это сдерживание стремительного роста западных заимствований. Важной задачей остаётся также контроль за экспансией КАНГО, неизбежно увеличивающей количество иероглифов в обороте, использование которых уже не контролируются строго иероглифическим лимитом 2010 года. Актуальными остаются задачи адаптации японского общества к идеям мультикультурализма, а также новая языковая и культурная политика в отношении мигрантов (увеличение доли пожилого населения страны и дальше будет способствовать росту числа трудовых мигрантов). В связи с этим возникают проблемы преподавания японского языка иммигрантам, адаптации их детей в японской школе, а также весьма актуальные проблемы социальной адаптации японских детей, вернувшихся домой из-за рубежа (帰国子女). Новые задачи языкового планирования порождает и "глобализация Японии": распространение в мире японской кухни, боевых искусств, японского языка и японской популярной культуры как мягкой силы (Cool Japan).

Заключение

Итак, мы рассмотрели наиболее важные аспекты языкового планирования в Японии со второй половины XIX до начала XXI века. Особое внимание было сосредоточено на эпохе Мэйдзи и на языковых реформах после Второй мировой войны, когда изменение японского языка стимулировалось мощными народными движениями. В иные эпохи, как и в настоящее время, языковое планирование оказывалось под строгим контролем японского государства и ограничивалось преимущественно языковой политикой последнего.

В наши дни языковая ситуация в Японии быстро усложняется в связи с планетарными трендами вестернизации и глобализации. Японский язык стремительно пополняется заимствованиями из английского языка, причём последние не ограничиваются лексическими заимствованиями. Восстанавливается массив китаизмов, расширяется набор китайских иероглифов в обороте, чрезвычайно важных для письменных стилей японского языка информативной точностью и компактностью. Лексический корпус японского языка беспрецедентно увеличивается. Это создает новые вызовы для языкового планирования, однако современная языковая политика Японии пока слабо и нерешительно реагирует на эти новые вызовы.

Наше исследование показало, что понятие "языковое планирование" шире понятия "языковая политика". Но именно последнее чаще используется в европейской научной литературе, покрывая и проблематику, более адекватно описываемую в терминах языкового планирования.

Литература

1. Васильева Л.В. Языковая политика Японии с периода Мэйдзи до наших дней // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Серия: "Issues Of Japanology = Вопросы японоведения". Санкт-Петербург: Эйдос, 2018. С. 630–667.
2. Дыбовский. А.С. Заимствования в японском языке и процессы европеизации японского общества // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 97–102.
3. Дыбовский А.С. Идеология японоцентризма в учебной литературе по японскому языку. На материале учебников японского языка эпохи японской оккупации английских владений в Малайе и Сингапуре (1941–1945) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Том 12. № 1. С. 54–72.
4. Дыбовский А.С. О дискурсивных особенностях использования западных заимствований в современном японском языке (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. 2022. Том 5. No 4. С. 119–135.
5. Дыбовский А.С. Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. No 4. С. 17–30. URL: <https://journals.dvfu.ru/dvphilology/article/view/963/683/> (дата обращения: 18.01.2024).
6. Прасол А.Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Владивосток: Дальнаука, 2002. 357 с.
7. Language Planning in the Soviet Union / Edited by Mikhael Kirkwood. London: The Macmillan Press LTD,

1989. 230 p.

8. Nanette Gottlieb. Language policy in Japan. Cambridge university press, 2012. 207 p.

9. 当用漢字表 / 国語施策・日本語教育=Таблица общеупотребимых иероглифов / Языковая политика. Преподавание японского языка. URL: https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/syusen/tosin02/index.html / (дата обращения: 03.05.2024).

10. 野村敏夫 国語政策の戦後史 大修館書店 東京 =Тосио Номура. Послевоенная история языковой политики Японии. Токио. Изд-во Тайсюкан. 2006. 292 p.

11. 旧吉田茂邸大磯町郷土資料館 =Музей-резиденция бывшего премьер-министра Ёсиды Сигэру. Архивный зал на родине в районе Исо. URL: <http://www.town.oiso.kanagawa.jp/oisomuseum/kyuyoshidatei/lab/R3/16519.html> / (дата обращения: 03.05.2024).

12. 日本語の中の外来語と外国語 –新聞, 雑誌, テレビ – =Западные заимствования и иностранные слова в японском языке: газеты, журналы, ТВ / 第30回「ことば」フォーラム =Тридцатый форум "Язык" / 独立行政法人国立国語研究所 =Независимое юридическое лицо / Государственный институт родного языка. URL: https://www2.ninjal.ac.jp/past-events/kotoba_forum/30/haihu_30.pdf / (дата обращения: 28.04.2024).

13. 志賀直哉 =Сига Наоя // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/志賀直哉/> (дата обращения: 30.04.2024).

14. 森有礼 =Мори Аринори // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/森有礼/> (дата обращения: 30.04.2024).

15. 福澤諭吉 =Фукудзава Юкити // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/福澤諭吉/> (дата обращения: 30.04.2024).

16. 二葉亭四迷 =Футабатэй Симэй // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/二葉亭四迷/> (дата обращения: 03.05.2024).

17. 船橋洋一 英語公用語論の思想 // 言語 8月号 =Фунасаба Ёити. Некоторые идеи по поводу английского языка в качестве официального // Язык. 2000. Том. 29, № 8 (347). С. 22–27.

18. 放送法 // 衆議院 =Закон о вещании // Палата Представителей. URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/houritsu/00719500502132.html / (дата обращения: 30.04.2024).

References

1. Vasilieva L.V. Language Policy of Japan from the Meiji Period to the Present Day // Japan: 150 Years of Meiji Revolution. Series: "Issues of Japanology". St. Petersburg: Eidos, 2018. P. 630–667 (In Russ.).

2. Dybovsky A.S. Loanwords in the Japanese Language and the Processes of Europeanization of Japanese Society // Russia and the Asia-Pacific Region. Publisher: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 1996, No. 3. P. 97–102 (In Russ.).

3. Dybovsky A.S. The Ideology of Japanocentrism in Textbooks of Japanese Language During the Japanese Occupation of British Territories in Malaya and Singapore (1941–1945) // Historical and Socio-Educational Thought. Vol. 12. No. 1. 2020. P. 54–72 (In Russ.).

4. Dybovsky A.S. On the Discursive Features of the Use of Western Loanwords in Contemporary Japanese Language (Revised Edition) // Pedagogy: History, Perspectives. Vol. 5. No. 4. 2022. P. 119–135 (In Russ.).

5. Dybovsky A.S. Japanese Language as an Arena of Civilization Clash // Far Eastern Philological Journal. 2023. Vol. 1. No. 4. P. 17–30. Electronic resource. URL: <https://journals.dvfu.ru/dvphilology/article/view/963/683> / (accessed 18.01.2024) (In Russ.).

6. Prasol A.F. Japanese Education in the Meiji Era (1868–1912). Vladivostok: Dalnauka, 2002. 357 p. (In Russ.).

7. Language Planning in the Soviet Union / Edited by Mikhael Kirkwood / London: The Macmillan Press LTD, 1989. 230 p.

8. Nanette Gottlieb. Language policy in Japan / Cambridge university press 2012. 207 p.

9. Official List of Commonly Used Kanji Characters / National Language Policies and Japanese Language Education. URL: https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/syusen/tosin02/index.html (accessed 03.05.2024) (In Jap.).

10. Nomura, Toshio. Postwar History of National Language Policy. Daishukan-ten, Tokyo, 2006. 292 p. (In Jap.).

11. Former Residence of Yoshida Shigeru, Oiso Town Local History Museum. URL: <http://www.town.oiso.kanagawa.jp/oisomuseum/kyuyoshidatei/lab/R3/16519.html> / (accessed 03.05.2024) (In Jap.).

12. Loanwords and Foreign Languages in Japanese – Newspapers, Magazines, Television – / 30th "Language" Forum / National Institute for Japanese Language and Linguistics. URL: https://www2.ninjal.ac.jp/past-events/kotoba_forum/30/haihu_30.pdf / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).

13. Shiga Naoya // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/志賀直哉/> / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).

14. Mori Arinori // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/森有礼/> / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).

15. Fukuzawa Yukichi // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/福澤諭吉/> / (accessed 30.04.2024) (In Jap.).

16. Futabatei Shimei // Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/二葉亭四迷/> / (accessed 03.05.2024) (In Jap.).

17. Funabashi Yōichi / The Idea of English as an Official Language // Gengo, August Vol. 29, No. 8 (347), 2000. P. 22–27. (In Jap.).

18. Broadcasting Act // House of Representatives / URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/houritsu/00719500502132.htm/ (accessed 30.04.2024) (In Jap.).

Александр Сергеевич ДЫБОВСКИЙ, канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Alexander S. DYBOVSKY, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 14.05.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.08.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.09.2024

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Сравнительный анализ интеграционных инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии

Бехруз Самадович САИДОВ

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, saidov.mts.tj@gmail.com

Аннотация. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что после распада СССР со стороны Москвы многократно осуществлялись попытки создания на постсоветском пространстве интегрированного политического и экономического объединения. Однако в первом десятилетии XXI в. ни одно из этих усилий не было воплощено в действительность, а формирование ЕАЭС рассматривается как шаг к более эффективному экономическому росту и успеху среди отдельных постсоветских инициатив. Путь от Таможенного союза к Единому экономическому пространству, а оттуда к Общему рынку представляется не только логичным, но и реальным. По вопросу военно-политического взаимодействия следует признать тот факт, что на постсоветском пространстве не существует альтернативного варианта по образцу ОДКБ. Она является единственной структурой, которая формирует архитектуру безопасности в зоне своей ответственности и обеспечивает безопасность и стабильность стран-участниц от внешних и внутренних вызовов и угроз современности. Пекин, в свою очередь, сделал значительный прогресс в своих дипломатических контактах с центрально-азиатскими государствами, создав два основных институциональных столпа – ШОС и глобальную инициативу "ЭПШП". Данные два инструмента стали фундаментальной основой, улучшившей внешнеполитическое и внешнеэкономическое позиционирование Китая в центрально-азиатском направлении.

Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, ЕАЭС, ЭПШП, ОДКБ, ШОС

Для цитирования: Саидов Б. С. Сравнительный анализ интеграционных инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 137–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Comparative analysis of integration initiatives and projects of Russia and China in Central Asia

Behruz S. SAIDOV

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, saidov.mts.tj@gmail.com

Abstract. Based on the analysis, the author concludes that after the collapse of the USSR, Moscow made numerous attempts to create an integrated political and economic union in the post-Soviet space. However, in the first decade of the 21st century, none of these efforts was realized in reality, and the formation of the EAEU is seen as a step towards more effective economic growth and success compared to other post-Soviet initiatives. The path from the Customs Union to the Common Economic Space and from there to the Common Market appears not only logical but also realistic. In terms of military-political cooperation, it is recognized that there is no alternative to the CSTO in the post-Soviet space. It is the only structure that shapes the security architecture in its area of responsibility and ensures the security and stability of member countries against external and internal challenges and threats in the modern world. On the other hand, Beijing has made significant progress in its diplomatic contacts with the Central Asian states by establishing two major institutional pillars – the SCO and the global initiative BRI. These two instruments have become the fundamental basis that has improved China's foreign policy and external economic positioning in the Central Asian direction.

Keywords: Russia, China, Central Asia, EAEU, BRI, CSTO, SCO

For citation: Saidov B. S. Comparative analysis of integration initiatives and projects of Russia and China in Central Asia // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 137–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/137-149>

Анализ экономических инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии

За последние три десятилетия после распада Советского Союза многократно осуществлялись попытки создания на постсоветском пространстве интегрированного политического и экономического объединения. Однако в первом десятилетии XXI в. ни одно из этих усилий не было воплощено в действительность. В настоящее время реализация данной цели связана с дальнейшим развитием евразийского сообщества государств, сложившегося на основе Евразийского Экономического Союза и Организации Договора о коллективной безопасности.

ЕАЭС отличается от прежних экономических интеграционных проектов постсоветского пространства тем, что он опирается на обширную проработанную и эффективно действующую нормативно-правовую базу, состоит из выработанной и сформулированной единой политики тарифно-таможенного регулирования. Однако наличие нормативно-правовой основы предусматривает принятие со стороны новых членов весь пакет обязательств по действующим соглашениям, что в значительной степени повышает критерии вступления новых участников в интеграционное объединение.

Одной из таких острых проблем является присоединение стран-членов Всемирной торговой организации в состав Евразийского экономического союза. Данная проблема обусловлена различиями в правовых и экономических системах этих двух организаций. ВТО, с одной стороны, является международной организацией, которая регулирует международную торговлю и имеет свои правила и процедуры. Таможенный союз ЕАЭС, с другой стороны, является региональным экономическим интеграционным объединением, которое также обладает своим регламентом.

В связи с этим присоединение к ЕАЭС может потребовать от стран-членов ВТО изменения их законодательства и экономической политики, что предполагает сложный и длительный процесс. Кроме того, вступление новых стран в интеграционное объединение требует существенного увеличения импортных тарифов либо выхода из состав международной организации. Начавшиеся в 2013 году переговоры о присоединении Армении, а затем Кыргызстана ускорили принятие политических решений в этом направлении. Так, в соответствии со статьей 42.6 договора о Евразийском Экономическом Союзе новым странам, вступающим в объединение, позволяется "применять ставки ввозных таможенных пошлин, отличные от ставок Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза" [7]. Однако на практике такое решение отрицательно влияет на дальнейшее развитие интеграционного объединения, приводит к постепенному ослаблению таможенного союза и сведения на нет главного превосходства ЕАЭС [8].

Опыт регионального и межрегионального взаимодействия на пространстве Содружества независимых государств показывает существование определенных препятствий на пути к интеграционным объединениям. Так, история взаимоотношений стран региона свидетельствует о том, что здесь не был успешно реализован ни один интеграционный проект. Эксперты связывают будущую судьбу консолидации данного пространства с дальнейшим развитием Евразийского Экономического Союза. Однако и этому союзу предстоит продемонстрировать свою устойчивость и эффективность в нынешней непредсказуемой и быстро меняющейся обстановке мирового порядка.

Вместе с тем причины недостаточного функционирования и жизнеспособности интеграционных проектов на постсоветском пространстве просматриваются в низкой политической воле или незаинтересованности руководителей стран, отсутствием желания идти на компромисс, недостаточном всестороннем анализе существующих проблем, поиска альтернативных путей их решения и в какой-то степени не учете интересов сторон.

Другим фактором, тормозящим процесс интеграции стран Центральной Азии в рамках ЕАЭС, эксперты называют объективную доминирующую роль России на евразийском пространстве и ее стремление сохранить себя в этой позиции. Если

Европейский союз был образован на фоне существования в нем нескольких региональных держав: Германии, Франции, Великобритании – что создавало для малых стран интеграционного объединения возможность взаимодействия друг с другом, не порождая в них опасений о том, что они являются объектом, а не субъектом региональной подсистемы какой-то державы, то на пространстве СНГ, особенно в регионе Центральной Азии, ситуация выглядит несколько иначе. Главенствующая роль России в качестве единственной державы в рамках интеграционного объединения вынуждает страны региона расширить круг своих внешних контактов во избежание привязанности к ней. В связи с чем они в своих внешнеполитических стратегиях придерживаются "многовекторной политики" под разными названиями и пытаются реализовать ее методами маневрирования и балансирования между центрами силами, что, по определению А.Д. Богатурова, считается "отложенным нейтралитетом" [2].

Кроме того, препятствие на пути к решению интеграционных задач и использованию европейского опыта на постсоветском пространстве состоит в том, что в регионе наблюдается существенный разрыв в уровнях экономического развития. Большинство экономик стран региона являются аграрно-индустриальными, а не индустриально-аграрными. По данным 2021 года, можно увидеть, что уровень ВВП на д.н. в разных странах СНГ существенно дифференцируется. Например, Россия имеет один из самых высоких уровней ВВП на душу населения в СНГ – 11 523 долл. США., в то время как Таджикистан имеет один из самых низких – 1209 долл. США [25].

Препятствуют развитию интеграции и усилия по имплементации существующих проектов быстрыми темпами, перепрыгнув через установленные экономической наукой стадии формирования единого экономического пространства, не осуществив целиком и полностью predetermined задачи предыдущих этапов, аналогичным образом и намерение в короткие сроки укрепить экономическую интеграцию путём образования политических союзов, а также стремление в сжатые сроки увеличить масштаб и состав интеграционного объединения. Отрицательный исход такого рода политического курса можно проследить на примере сначала Экономического союза стран СНГ, а затем и на примере ЕврАзЭ. В настоящее время с подобными опасностями сталкивается будущее развитие и функционирование Евразийского Экономического Союза.

В качестве барьеров на пути к подлинной интеграции также лежат ограниченность рынка, несогласованность законодательства, недостаток доверия и неэффективность институтов. Так, практика показывает, что рынок ЕАЭС ограничен по сравнению с другими мировыми рынками, а это сдерживает возможности экспорта и инвестиций в странах объединения. Между тем различия в законодательстве создают препятствия для свободного перемещения товаров, услуг и капитала между странами-членами. Наибольшее значение имеет и тот факт, что некоторые страны-члены ЕАЭС имеют недостаток доверия друг к другу, что затрудняет принятие общих решений, а институты ЕАЭС, в свою очередь, не всегда эффективны в решении проблем и координации действий между странами-членами.

Вместе с тем Россия и разработанные ею региональные подсистемные проекты ныне являются исключительными инициативами региональной консолидации и притяжения для многих постсоветских стран. Так, Россия, Украина, Молдова и государства Южного Кавказа являются членами Организации Черноморского экономического сотрудничества. Страны Центрально-азиатского региона вместе с Азербайджаном, Турцией, Ираном и Пакистаном входят в Организацию экономического сотрудничества. Помимо этого, они являются постоянными членами Организации исламского сотрудничества. Тюркоязычные страны Центральной Азии: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Узбекистан – также входят в состав турецкого проекта Организация тюркских государств. В то же время государства региона Центральной Азии благодаря географическому расположению, культурно-политическим особенностям и уровню экономического роста ближе к региону "Большой Центральной Азии" и находятся в зоне внешнеполитических приорите-

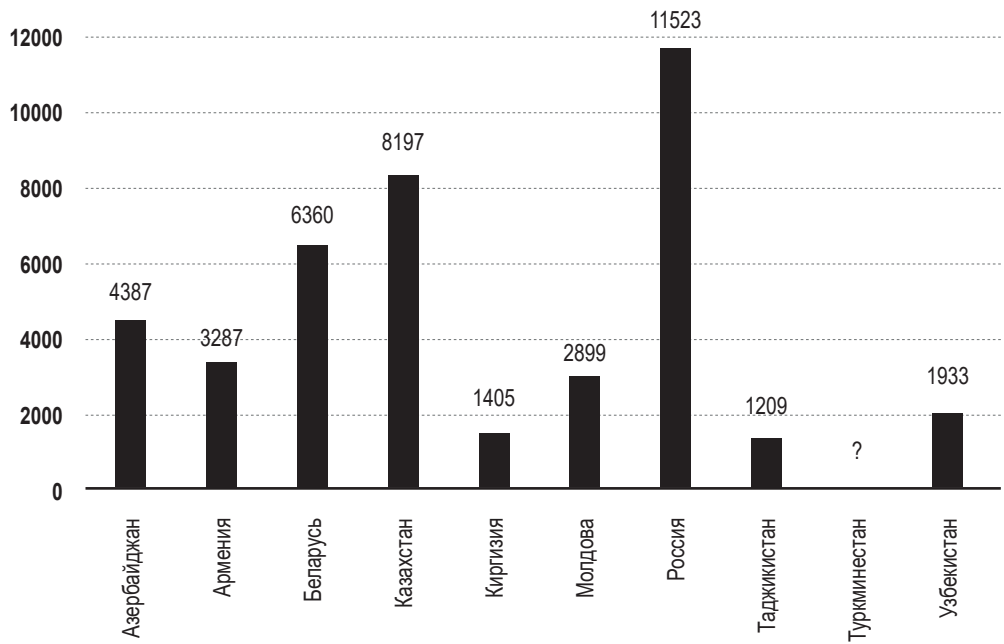

Рис. 1. ВВП на душу населения в странах СНГ за 2021 г., в долл. США.

Источник: [25].

Fig. 1. GDP per capita in the CIS countries for 2021, in US dollars.

Source: [25].

тов Китая, который продвигает свою новую концепцию Шелкового пути "Пояс и путь" [8].

Таким образом, пространство СНГ до сих пор в определенной степени является фрагментированным. Страны Центральной Азии преимущественно проводят "многовекторную политику", сотрудничая как с региональными, так и внерегиональными центробежными силами. Проблемы, с которыми сталкиваются страны региона в процессе формирования интеграционного объединения, имеют объективно-структурные мотивы политического и экономического характера, к числу которых можно отнести серьезную раздробленность постсоветского пространства, значительное расхождение стран региона по экономическим показателям, недостаточные экономические предпосылки для интеграции и т.п.

Однако в целом ЕАЭС может предоставить возможности для укрепления экономических связей между странами-членами, улучшения инфраструктуры и облегчения торговли. Также объединение может стать платформой для сотрудничества в области научных исследований и технологического развития.

Существенную активность Китай проявляет на центрально-азиатском направлении в экономической области. В первую очередь это ощутимо в рамках инициативы "Экономического пояса Шелкового пути", посредством которого Пекин пытается создать на Евразийском материке крупную международно-экономическую систему взаимодействия, которая предусматривает реализацию всего объема китайских внешнеполитических и внешнеэкономических инструментов и механизмов сотрудничества, от создания транспортно-логистических до гуманитарно-туристических.

Вместе с тем "Экономический пояс Шелкового пути" направлен не только исключительно на выстраивание плодотворных отношений со странами Центральной Азии и Россией, но также и на взаимоприспособление европейских интересов в рамках китайского проекта. Европейский союз, в свою очередь, поддерживает

инициативу "Шелкового пути", рассматривает в нем возможность углубленной экономической интеграцией с Китаем.

Географический охват проекта "Шелкового пути" масштабен: его сухопутная часть берет начало в Китае и охватывает страны Центральной Азии, Ближнего Востока, Западную Азию, Кавказ, Восточную Европу и Россию, а китайским Евразийским трансконтинентальным магистральным планом предусмотрены три маршрута прохождения ЭПШП: северный, центральный и южный. За исключением пакистанской части южного маршрута все страны Центральной Азии попадают в зону прохождения китайских трансконтинентальных магистралей [3].

Запуск данных маршрутов для Китая может стать важным шагом в улучшении транспортной инфраструктуры и снижении затрат на транспортировку товаров. Это позволит повысить конкурентоспособность китайских товаров на мировых рынках, а также разнообразить каналы поставок и развить приграничные районы [23].

"Пояс и путь" как новый этап политики открытости призван перейти от импорта инвестиций и капитала к их экспорту, став субъектом, а не объектом глобальной экономики. "Фабрика мира" становится глобальной, и в этом смысле данная инициатива является полноценным "локомотивом" для включения развивающихся стран в международное разделение труда и его преобразования.

Тем не менее проект китайского трансконтинентального железнодорожного моста еще не имеет конкретного плана действий, требуется дополнительное изучение и разработка, чтобы определить, как его реализовать. Ни в известной речи главы Китая, произнесенной на саммите в г. Астана [15], ни в дорожной карте проекта конкретно не прописаны планы действий и последовательность этапов достижения поставленных целей, обозначены только те направления, по которым осуществляется процесс его создания, что усложняет процесс анализа прозрачности и прогрессивности этой инициативы [1]. Однако для реализации стратегии ЭПШП Китай привлекает огромные средства. Так, на строительство инфраструктурных проектов в 60 странах Пекин планирует выделить более 1 трлн. долл., при этом, по различным оценкам экспертов, бюджет данной инициативы варьируется от 4 до 8 трлн. долл. [24].

Страны Центральной Азии видят в проекте "Шелкового пути" возможность укрепления экономических связей с Китаем и другими странами региона, а Китай видит в них ключевых партнеров, через территории которых проходит транспортная и коммуникационная инфраструктура, соединяющая Китай с Евразией и Африкой. Вместе с тем страны региона рассматривают в проекте возможность получения финансирования для реализации своих инфраструктурных проектов, расширения экспорта своих товаров и услуг, а также надеются на укрепление своей геополитической позиции и привлечение новых инвестиций.

Как упоминалось ранее, инициатива "Пояс и путь" не имеет формализованной институциональной структуры, а скорее представляет собой совокупность проектов, инициатив и предложений, которые можно рассматривать как бренд внешней политики Китая. Однако неясно, как эта стратегия может быть сопряжена с Евразийским Экономическим Союзом, который имеет четко определенную правовую структуру и жесткие нормы взаимодействия между государствами-членами. Вероятно, будут наблюдаться разнонаправленные тенденции, результат которых пока неизвестен. Тем не менее на практике уже наблюдаются элементы выстраивания на двусторонней основе отношений Китая с государствами, входящими в состав ЕАЭС, что может поставить под угрозу целостность и внутреннюю солидарность интеграционного объединения. Сегодня уже в некоторых странах объединения прослеживаются критика и недовольство касательно деятельности союза. Россия – ядро интеграционного объединения, – находясь под санкциями западных стран и их сателлитов, а также в условиях падения мировых цен на нефть с 2022 г., имеет меньше возможностей для проведения в Центральной Азии активной экономической политики. Китай, наоборот, проводит интенсивную внешнеэкономическую политику.

ческую деятельность, наращивая свой инвестиционный и кредитный потенциал в регионе.

С одной стороны, реализация экономического проекта "Шелкового пути" может поспособствовать развитию торговых отношений между странами, что может привести к увеличению объемов экспорта и импорта товаров и услуг, укрепить экономические связи между странами и содействовать более глубокому взаимопониманию, создать новые рабочие места в различных секторах экономики, окажет содействие развитию инфраструктуры в регионах, через которые пройдет "Шелковый путь", что в результате приведет к улучшению условий жизни местных жителей. С другой стороны, он не лишен и недостатков. Нарастает острая критика в адрес проекта, которая включает в себя увеличение долговой нагрузки на страны-участницы, неравные условия участия, недостаточная прозрачность, несоответствие стандартам, усиление конкуренции и риски валютных колебаний. Так, эксперты высказывают опасения, что инвестиции Китая в Центральную Азию могут привести к долговой зависимости этих стран от него. Некоторые страны, например, Таджикистан, уже столкнулись с проблемами возврата кредитов, выданных Китаем на строительство инфраструктуры. Однако другие эксперты считают, что проект "Пояс и путь" может принести значительную выгоду всем участникам, так как новая инфраструктура может способствовать развитию экономики и торговли в регионе, а также повысить уровень жизни населения. Тем не менее следует иметь в виду, что проект занимает особое место во внешней политике Китая и может иметь значительное отрицательное воздействие на экономику и политику стран Центральной Азии, поэтому государствам региона необходимо учитывать потенциальные риски и балансировать между экономической выгодой и долговой нагрузкой.

Таким образом, провозглашенная Китаем международная инициатива "Пояс и путь", особенно ее сухопутная часть – "Экономический пояс Шелкового пути", призвана стать наиболее очевидным воплощением усилий Китая по укреплению своего присутствия на Евразийском материке, в частности в его Центрально-азиатском регионе.

Ключевой вопрос, который остро обсуждается как российскими, так и китайскими экспертами, состоит в том, насколько иницилируемая Россией региональная подсистема, ядром которой является ЕАЭС, сочетается с китайским глобальным проектом ЭПШП. Они допускают возможности различия и нестыковок, а другие видят в них основу для дальнейшего взаимодействия и создания новых благоприятных условий для развития российско-китайского партнерства в регионе Центральной Азии.

Вопрос о взаимоотношении и сосуществовании российского и китайского проектов в одном пространстве зависит от двух факторов: от непосредственных отношений Китая и России и взаимоотношений стран-членов ЕАЭС с Китаем. Китай рассматривается Россией как надежный союзник, и на современном этапе развития российско-китайские связи характеризуются как отношения "всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия". Однако продвигаемая Китаем инициатива Экономического пояса "Шелкового пути" воспринимается Россией в качестве акта вмешательства в орбиту ее внешнеполитических приоритетов. Причины для беспокойства относительно расширения присутствия Китая в регионе Центральной Азии весьма ощутимы, по крайней мере ввиду того, что для политической элиты стран региона китайская "инвестиционная политика" привлекательнее, чем любые финансируемые проекты в рамках ЕАЭС [18].

Кроме того, интеграционные проекты Евразийского Экономического Союза и Экономического пояса Шелкового пути являются ассиметричными, также их участники имеют разную степень экономического развития и разные интересы в рамках проектов. Например, в ЕАЭС Россия является крупнейшей экономикой, а другие страны (Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия) имеют более низкий уровень развития. В случае ЭПШП Китай является крупнейшей экономикой и главным инициатором проекта, в то время как другие страны (в том числе Россия) имеют

Рис. 2. Китайская Евразийская трансконтинентальная магистраль.

Источник: [4].

Fig. 2. The Chinese Eurasian Transcontinental Highway.

Source: [4].

более скромные экономические возможности и меньшее влияние на проект. Такая асимметрия может привести к неравномерному распределению выгод и рисков между участниками проектов. Кроме того, ЕАЭС является межгосударственной структурой, цель которого направлена на формирование устойчивого регионального экономического межправительственного объединения с участием стран постсоветского пространства. Его задачами являются поддержание стабильного экономического роста, совершенствование и повышение конкурентоспособности национальных экономик участников интеграционного объединения. Китайская инициатива Экономический пояс "Шелкового пути", в свою очередь, ориентирована на вовлечение как стран, так и субъектов многостороннего сотрудничества. Естественным основополагающим звеном взаимовыгодного сотрудничества России и Китая является только продвижение и совершенствование северной части Северного маршрута, соединяющей Китай и Европейский Союз через территорию региона Центральной Азии и России.

Другие эксперты полагают, что реализация ЭПШП и процесс становления ЕАЭС как региональной экономической интеграционной структуры на постсоветском пространстве не только не мешают сосуществованию и функционированию друг другу, но вместе с тем могут взаимодополнять деятельность друг друга. Так, в 2015 году эти две страны ратифицировали "Совместное заявление о сотрудничестве в области сопряжения проектов по строительству Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути" [19]. В рамках этого соглашения были определены приоритетные направления совместных усилий, включая создание механизмов для упрощения торговли в тех сферах, где это возможно, разработку совместных шагов по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов. Поэтому китайский проект не является альтернативой Евразийскому союзу, и многие страны региона могут одновременно участвовать в нескольких региональных экономических проектах. Российская и китайская сторона стремятся осуществлять как свои национальные, так и свои

геополитические интересы в возникшей обстановке, вести новую игру с положительной суммой.

Таким образом, сегодня на территории Большой Евразии, которая включает в себя и Западную Европу, существуют три интеграционных мегапроекта различной степени зрелости: Европейский союз, Евразийский Экономический Союз и Экономический пояс "Шелкового пути". Эксперты обсуждают возможность сопряжения этого "треугольника", потенциальные возникающие сложности и перспективы их взаимоотношения на этом пути. Совмещение всех трех проектов может столкнуться с рядом препятствий. Например, Европейский союз и Евразийский экономический союз являются конкурентами на рынке торговли и инвестиций, а также имеют различные правовые и экономические стандарты. Китайский проект "Шелкового пути" также может вызвать опасения у других стран, так как он может привести к доминированию Китая в регионе и созданию зависимости от него.

Кроме того, каждый из этих проектов имеет свои особенности и цели. Например, Евразийский экономический союз создан для укрепления экономической интеграции между странами бывшего СССР, в то время как "Шелковый путь" направлен на расширение китайского экономического и политического преобладания в регионе.

Тем не менее возможно, что сотрудничество между этими проектами может привести к созданию более широкой интеграционной сети в Большой Евразии. Это может быть достигнуто путем установления общих правил и стандартов, а также создания согласованных механизмов для решения конфликтов и координации действий.

В целом совмещение трех интеграционных проектов в Большой Евразии может стать важным шагом в направлении создания более устойчивой и процветающей региональной и мировой экономики. Однако для этого необходимо преодолеть множество сложностей и наладить эффективное сотрудничество между всеми участниками проекта.

Вместе с тем сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что китайское руководство не только не откажется от инициативы строительства новых транспортных коридоров, но и активизирует свои усилия в этом плане. Пекин будет активно продвигать свою стратегию региональной и глобальной интеграции. Углубляя сотрудничество со странами Центральной Азии, Китай в дополнение к экономическим и геополитическим целям предпринимает меры для создания стабильной международной среды в данном регионе.

Анализ военно-политических инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии

За годы независимости стран Центральной Азии в регионе сложилась уникальная система региональной безопасности, составной частью которой выступают Организация Договора о коллективной безопасности [16] и Шанхайская организация сотрудничества [14], целями которых является предотвращение внешней агрессии, поддержание мира и стабильности в зонах своей ответственности.

Мнения экспертов относительно эффективности деятельности Организации Договора о коллективной безопасности на постсоветском пространстве различаются. Первая группа экспертов полагает, что после распада Советского Союза и образования Содружества независимых государств [13] на постсоветском пространстве не существует альтернативного варианта военно-политической организации по образцу Организации Договора о коллективной безопасности. Она является единственной структурой, которая формирует архитектуру безопасности в зоне своей ответственности и обеспечивает безопасность и стабильность стран-участниц от внешних и внутренних вызовов и угроз современности [22]. Вместе с тем организация является уникальной площадкой для обмена мнениями и идеями, обсуждения тематики координации военно-политических вопросов и проведения военных учений, что обуславливает повышение уровня доверия, согласование подходов по широкому спектру международных региональных вопро-

сов, а также углублению и укреплению отношений между странами-участниками организации [9].

Другие эксперты считают, что в силу того факта, что Узбекистан и Туркменистан не входят в состав организации, она не может в полной мере реагировать на вызовы и угрозы современности и обеспечить безопасность и стабильность в Центральной Азии. Помимо этого, они подчеркивают, что зачастую интересы государств-членов не совпадают и большинство решений, принятых по линии военно-политической организации, остаются на бумаге и фактически не реализуются, что сдерживает ее возможности в урегулировании конфликтов в зоне своей ответственности. Более того, безопасности евразийского пространства в том виде, о котором мы говорим, не существует – она фрагментирована, противоречива, непоследовательна и полна конкуренции внутри себя [12]. Подтверждением сказанного, является факт наличия в рамках организации трех отличных друг от друга регионов коллективной безопасности: Восточно-европейский, Кавказский и Центрально-Азиатский. Каждый из этих регионов обладает своими специфическими свойствами, а также проблемами, решение которых трудно достижимо. Например, восточно-европейскому региону присущи высокий уровень экономического развития и стабильность политических систем, кавказскому региону характерна конфликтность вокруг Нагорного Карабаха, центрально-азиатскому региону типична неустойчивость политических режимов и высокая степень вызовов и угроз, исходящих со стороны его южных рубежей.

В тоже время организация прилагает усилия, направленные на изменение своего статуса на международной арене, т.е. становления в качестве не просто региональной структуры, а полноценной международной военно-политической организации. Изменение статуса имеет ряд негативных последствий. Так, такого рода трансформации могут привести к потере статуса организации, отвечающей на региональные вызовы и утрате эффективности деятельности. С другой стороны, это может восприниматься западными странами как противовес Североатлантическому альянсу и потенциальная угрозой их безопасности.

Конфликт в Нагорном Карабахе показал, что в ОДКБ отсутствуют единая точка зрения по вопросу об обеспечении региональной безопасности, комплексный подход к военному сотрудничеству, единая стратегия по решению внешнеполитических вопросов, механизм для урегулирования конфликтов между странами-членами. Государства-участники придерживаются различных интересов и приоритетов, что в конечном счете имеет негативные последствия для деятельности организации. Кроме того, другим препятствием в работе организации считается наличие различных взглядов на определение иерархии вызовов и угроз национальной безопасности со стороны членов военно-политического союза.

Наряду с этим, деятельность объединения ориентирована преимущественно на противодействие внешним угрозам, а о потенциальных внутрирегиональных опасностях предпочитают не говорить, считая данные вопросы внутренним делом каждого государства. Тем не менее надо учесть тот факт, что внутренние вызовы и угрозы могут носить международный характер, поэтому без разработки надлежащих мер по их предупреждению и предотвращению организация не сможет обеспечить безопасность и стабильность в зоне своей ответственности.

Более того, у государств-членов нет единой политики в области военно-технического взаимодействия. Например, сотрудничество в этой сфере осуществляется на двусторонней основе – страны Центральной Азии получают военную технику от России на льготных условиях, в то же время закупают их у третьих стран, в частности у Турции и США. Такая деятельность приводит к хаотизации обстановки и трудностям, связанным с отслеживанием транспортировки результатов производства военного назначения в регион. Аналогичным образом обстоит ситуация с подготовкой кадров военного назначения, так, несмотря на ратификацию соглашения об их обучении на базе российских учебных заведений, наблюдается динамика их специализации в западных, китайских и индийских военных учреждениях.

Однако самое серьезное препятствие на пути к достижению поставленных организацией задач является восприятие военно-политического блока странами-членами как структуры, непосредственно функционирующей в интересах России. Страны постсоветского пространства, особенно Центральной Азии, полагают, что повышение роли Организация Договора о коллективной безопасности приведет к усилению российских позиций в регионе, следовательно, и в зоне ответственности организации на центрально-азиатском векторе. Поэтому они участвуют в различных проектах и инициативах, выдвигаемых Турцией (Организация тюркских государств), Китаем (Шанхайская организация сотрудничества), Саудовской Аравией (Организация исламского сотрудничества) и др., пытаясь сохранить "баланс сил" в регионе.

Таким образом, Россия стремится поддержать безопасность и стабильность в регионе, в то же время сталкиваясь с проблемой снижения своей привлекательности в регионе. Помимо этого, ОДКБ воспринимается странами Центральной Азии в качестве инструмента военно-политического присутствия Москвы в регионе [21]. Однако следует признать тот факт, что на постсоветском пространстве не существует альтернативного варианта военно-политической организации по образцу ОДКБ. Она является единственной структурой, которая формирует архитектуру безопасности в зоне своей ответственности и обеспечивает безопасность и стабильность стран-участниц от внешних и внутренних вызовов и угроз современности.

Вместе с тем в Центральной Азии функционируют две межгосударственные структуры, ориентированные на поддержание мира и стабильности в регионе, каждая из которых имеет свое ядро: Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества [17]. Обе организации представляются, пожалуй, не конкурирующими, а взаимодополняющими и выступают в качестве системообразующего элемента в формировании системы региональной безопасности в Центральной Азии. Организация Договора о коллективной безопасности сфокусирована на защиту своих членов от внешних угроз и имеет оборонительный характер, в то время как Шанхайская организация сотрудничества нацелена на борьбу с внутрирегиональными вызовами и пытается преобразоваться в военно-политический союз.

Эксперты полагают, что ШОС является основным внешнеполитическим механизмом Китая в Центральной Азии и от ее укрепления или ослабления зависит будущее позиционирование Пекина в этом регионе. Так, если военно-политический и экономический потенциал организации укрепится, то влияние Китая в регионе повысится. Если ШОС не сумеет реализовать поставленные перед ней задачи, тогда у центрально-азиатских стран возникнут сомнения в мирорегулирующих способностях Пекина.

Однако потенциал "Шанхайской восьмерки" огромен. В нее входят как региональные, так и глобальные державы, имеющие макрорегулирующие амбиции. Так, Россия, Китай, Индия и Пакистан являются полноправными членами "ядерного клуба", а присоединение новых государств-наблюдателей, партнёров по диалогу и иных стран может повысить престиж организации на мировой арене. Она считается важной платформой для диалога и сотрудничества, расширения культурных связей и укрепления доверительных отношений [11].

Специфическая особенность ШОС заключается в том, что она не выступает ни каким образом в качестве военного блока наподобие Североатлантического альянса, а ориентирована исключительно на обеспечение безопасности в рамках своей зоны ответственности, борьбы против "трех зол" нового столетия – терроризма, экстремизма и сепаратизма [5].

В рамках организации возникла удивительная ситуация, где Россия и Китай одновременно являются и партнерами, и конкурентами. Хотя у Москвы наблюдается больше преимуществ, чем у Пекина, Китай предпринимает серьезные меры по наращиванию своего присутствия в регионе посредством различных экономических и финансово-инвестиционных проектов. Такие шаги Пекина провоцируют

возрастание конкуренции с Россией за доступ к энергетическим ресурсам региона и его транспортно-коммуникационными возможностями [6]. Такой исход неизбежен, однако необходимо избегать соперничества как в Центральной Азии, так и внутри ШОС. Особенно, когда разрабатываются пути по сопряжению российского Евразийского экономического союза и китайского Экономического пояса "Шелкового пути".

Эксперты дают разные оценки о функциональности "Шанхайской восьмерки". Одни полагают, что организация является важным инструментом продвижения внешней политики Китая в Центральной Азии [20], другие рассматривают ее как формат многостороннего сотрудничества для обеспечения безопасности в регионе [10], третьи считают ШОС форумом для диалога между странами Центральной и Южной Азии, четвертая группа оценивает ее как неэффективную организацию, не сумевшую справиться с поставленными перед ней задачами, пятая группа экспертов воспринимает ШОС как механизм, направленный на ограничение и ослабление геополитического влияния России в Центральной Азии.

В целом благодаря Шанхайской организации сотрудничества Китаю удалось наладить тесные и систематические экономические, политические и военные контакты с государствами Центральной Азии, что позволило Пекину расширить свое присутствие в регионе и преодолеть недоверие руководящих элит центрально-азиатских стран к Китаю.

Заключение

Подводя итог, можно прийти к выводу о том, что на пространстве Центральной Азии одновременно функционируют два международных института региональной безопасности, каждый из которых имеет своего "инициатора" – Россия и Китай. Однако у России есть превосходство в этом направлении. Так, у Москвы есть и привлекательный экономический интеграционный проект, в состав которого входят почти все страны Центральной Азии – Евразийский экономический союз, и действующая военно-политическая организация – Организация Договора о коллективной безопасности. Помимо этого, из пяти стран Центральной Азии в двух находятся действующие российские военные базы. На фоне российских преимуществ, китайская инициатива Экономического пояса "Шелкового пути" и политическая структура Шанхайская организация сотрудничества могут играть только "дублирующую" роль.

Литература

1. Анохов И. В. Проект "Один пояс – один путь": гармонизация долгосрочных интересов России и Китая // И. В. Анохов, А. П. Суходолов // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 3(66). С. 89–110.
2. Богатуров А. Д. Центральная Азия: отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах: Очерки текущей политики. Вып. 4 / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, Е. Ф. Троицкий. М.: НОФМО, 2010. 104 с.
3. Бордачев Т. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества: доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай", М., 2016 / Т. Бордачев, Э. Смолл, В. Цинсун. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Гиваргизова Л. "Новый шелковый путь" должен усилить экономику // Звезда. 18.04.2017. URL: <https://zviazda.by/ru/news/20170417/1492442046-novyy-shelkovyy-put-dolzhen-usilit-ekonomiku> (дата обращения: 02.02.2024).
5. Дадабаева З.А. Киргизия и Таджикистан между Россией и Китаем // Россия и современный мир. 2015. № 3. С. 81–95.
6. Дадабаева З. Д. Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 183–193.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. от 09.12.2022) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 02.02.2024).
8. Европейская интеграция: учебник / О. Б. Александров [и др.]; под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2016. 734 с.
9. Искандаров А. Безопасность и интеграция в Центральной Азии: роль ОДКБ и ШОС // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16, № 2. С. 18–28.
10. Казанцев А. А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия:

монография. М.: МГИМО-Университет, 2008. 380 с.

11. Колдунова Е. В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. № 2(12). С. 60–69.
12. Мальшева Д. Б. Центральнoазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 100 с.
13. О Содружестве // Исполнительный комитет Содружества независимых государств. URL: <https://cis.minsk.by/about-cis> (дата обращения: 24.02.2024).
14. О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <https://rus.sectso.org/> (дата обращения: 02.02.2024).
15. "Один пояс, один путь": полный текст речи Си Цзиньпина от 19 мая 2017 // ИноСМИ.RU. 19.05.2017. URL: <https://inosmi.ru/20170519/239391693.html> (дата обращения: 24.02.2024).
16. От Договора к Организации // Организации Договора о коллективной безопасности: офиц. сайт. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 24.02.2024).
17. Попов Д.С. О проблеме расширения Шанхайской организации сотрудничества: аналит. обзор РИСИ. М.: Рос. ин-т стратег. исслед. 2010. 46 с.
18. Серёков Б.А. Китайский проект "Один пояс – Один путь": проблемы и перспективы реализации // Россия современный мир. 2018. № 3. С. 138–150.
19. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 24.02.2024).
20. Современные международные отношения: учебник / А. В. Абрамова [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. 687 с.
21. Сыроежкин К. Л. Пути и механизмы решения проблем региона ЦА. Роль и потенциал ОДКБ // Вызовы безопасности в Центральной Азии. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С.131–134.
22. Устав Организации Договора о коллективной безопасности: ратифицирован Федер. законом РФ от 26 мая 2003 года № 56-ФЗ. (с изм. на 08.11.2018 г.) // Организации Договора о коллективной безопасности: офиц. сайт. URL: <https://www.odkb-csto.org/structure/#:~:text=%> (дата обращения: 24.02.2024).
23. Чубаков И. Г. Евразийские перспективы: пять составляющих внешнеэкономического курса Китая "Один пояс, один путь" // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 45–58.
24. Financing China's One Belt, One Road: US\$8 Trillion in Capital Requirements // Silk Road Briefing. 03.04.2017. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/04/03/financing-chinas-one-belt-one-road-us8-trillion-in-capital-requirements/> (дата обращения: 24.01.2024).
25. Gross domestic product 2022 // World bank. 01.07.2023. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. Anohov I.V. The "One Belt, one Road" project: harmonization of long-term interests of Russia and China // I.V. Anohov, A.P. Suhodolov // MGIMO Review of International Relations. 2019. No 3(66). P. 89–110. (In Russ.).
2. Bogaturov A.D. Central Asia: deferred neutrality and international relations in the 2000s: Essays on current policy. Issue 4 / A.D. Bogaturov, A.S. Dundich, E.F. Troickij. M.: NOFMO, 2010. 104 p. (In Russ.).
3. Bordachev T. Russia, China and the USA in Central Asia: balance of interests and opportunities for cooperation: report of the Valdai International Discussion Club, Moscow, 2016 / T. Bordachev, E. Smoll, V. Qingsun. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (accessed data: 20.02.2024). (In Russ.).
4. Givargizova L. "New Silk Road" should strengthen the economy // Zvyazda. 18.04.2017. URL: <https://zvyazda.by/ru/news/20170417/1492442046-novyj-sheikovyj-put-dolzhen-usilit-ekonomiku> (accessed 02.02.2024). (In Russ.).
5. Dadabayeva Z.A. Kyrgyzstan and Tajikistan between Russia and China // Russia and the Modern World. 2015. No 3. P. 81–95. (In Russ.).
6. Dadabayeva Z.D. Russia and security problems in Central Asia // Russia and the modern world. 2008. No 4. P. 183–193. (In Russ.).
7. The Treaty on the Eurasian Economic Union: signed in Astana on 29.05.2014 (ed. from 09.12.2022) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed 02.02.2024). (In Russ.).
8. European integration: textbook / O. B. Aleksandrov [et al]; eds. by: O. V. Butorinoj, N. Yu. Kaveshnikova. 2nd ed., ispr. and add. M.: Aspekt Press, 2018. 734 p. (In Russ.).
9. Iskandarov A. Security and integration in Central Asia: the role of the CSTO and the SCO // Central Asia and the Caucasus. 2013. Vol. 16, No 2. P. 18–28. (In Russ.).
10. Kazantsev A.A. "The Big Game" with unknown rules: world politics and Central Asia: monograph. Moscow: MGIMO-University, 2008. 380 p. (In Russ.).
11. Koldunova E.V. The role of the Shanghai Cooperation Organization in the Central Asian region: a comparative analysis of research discourses // Comparative Politics. 2013. No 2(12). P. 60–69. (In Russ.).

12. Malysheva D. B. Central Asian node of world politics. Moscow: IMEMO RAN, 2010. 100 p. (In Russ.).
13. On the Commonwealth // Executive Committee of the Commonwealth of Independent States. URL: <https://cis.minsk.by/about-cis> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
14. About the Shanghai Cooperation Organization // Shanghai Cooperation Organization: official website. URL: <https://rus.sectsc.org/> (accessed 02.02.2024). (In Russ.).
15. "One belt, one way": the full text of Xi Jinping's speech on 19.05.2017 // InoSmi.RU. 19.05.2017. URL: <https://inosmi.ru/20170519/239391693.html> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
16. From the Treaty to the Organization // Collective Security Treaty Organization: official website. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
17. Popov D. S. On the problem of expanding the Shanghai Cooperation Organization: analit. review of RISI. M.: Russian Institute of Strategy research, 2010. No 4 (27). 46 p. (In Russ.).
18. Serekov B. A. The Chinese project "One Belt, One Road": problems and prospects of implementation // Russia modern World. 2018. No 3. P. 138–150. (In Russ.).
19. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation on the conjugation of the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt dated 08.05.2015 // President of Russia: official website. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
20. Modern international relations: textbook / eds. by: A. V. Torkunova, A. V. Malgina. M.: Aspekt Press, 2017. 687 p. (In Russ.).
21. Syroezhkin K. L. Ways and mechanisms of solving the problems of the Central Asian region. The role and potential of the CSTO // Security challenges in Central Asia. Moscow: IMEMO RAN, 2013. P. 131–134. (In Russ.).
22. Charter of the Collective Security Treaty Organization: ratified by the Feder. By the Law of the Russian Federation No. 56-FZ of 26.05.2003 (as amended on 08.11.2018) // Collective Security Treaty Organization: official website. URL: <https://www.odkb-csto.org/structure/#:~:text=%> (accessed 24.02.2024). (In Russ.).
23. Chubakov I. G. Eurasian perspectives: five components of China's foreign economic policy "One belt, one road" // International Analytics. 2018. No 3 (25). P. 45–58. (In Russ.).
24. Financing China's One Belt, One Road: US\$8 Trillion in Capital Requirements // Silk Road Briefing. 03.04.2017. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/04/03/financing-chinas-one-belt-one-road-us8-trillion-in-capital-requirements/> (accessed 24.01.2024).
25. Gross domestic product 2022 // World bank. 01.07.2023. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP.pdf (accessed 20.02.2024).

Бехруз Самадович САИДОВ, аспирант Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Россия, e-mail: saidov.mts.tj@gmail.com

Behruz S. SAIDOV, Postgraduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: saidov.mts.tj@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 09.04.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 20.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Позиции Республики Корея и Японии по институционализации военно-политического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Валентин Игоревич ВОЛОЩАК

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, v.voloshchak@ihaefe.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу текущих позиций Республики Корея (РК) и Японии по вопросам институционализации военно-политического сотрудничества в АТР, оценке перспектив ее развития в рамках треугольника США – РК – Япония, а также оценке перспектив возможного присоединения Японии и Южной Кореи к многосторонней структуре безопасности на базе AUKUS. Опираясь на анализ стратегических документов Токио и Сеула в области безопасности, а также совместных заявлений и других официальных информационных материалов США и их партнеров в АТР, автор приходит к выводу, что анонсированная "Трехсторонняя структура сотрудничества в области безопасности" США – РК – Японии будет слабо формализована, сведясь к сотрудничеству по обмену разведывательными данными и мониторингу военной активности КНДР, а заключенный в июле 2024 г. Меморандум о сотрудничестве преимущественно имеет идеологическое значение и призван создать прецедент закрепления на бумаге военного сотрудничества в трехстороннем формате. Перспектива вступления РК и Японии в AUKUS является реальной, и сотрудничество в рамках этого формата может также иметь слабо формализованный характер, сведясь к работе над рядом совместных проектов в высокотехнологичных областях.

Ключевые слова: США, Республика Корея, Япония, безопасность, оборона, сотрудничество, AUKUS

Статья подготовлена в рамках темы государственного задания 1023110200001-7-5.6.1 Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях соперничества Запада и Большого Востока за формирование нового мирового порядка

Для цитирования: Волощак В. И. Позиции Республики Корея и Японии по институционализации военно-политического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 150–161. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/150-161>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/150-161>

Republic of Korea's and Japan's Stance on Defense Cooperation Institutionalization in the Asia Pacific

Valentin I. VOLOSHCHAK

Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, v.voloshchak@ihaefe.ru

Abstract. The article analyzes the current stance of the Republic of Korea (ROK) and Japan on the institutionalization of defense cooperation in the Asia-Pacific region, provides the assessment of the prospects for the US-ROK-Japan triangle institutionalization, as well as the assessment of the prospects for the possible accession of Japan and South Korea to the AUKUS agreement. Drawing from the strategic documents of Tokyo and Seoul in the field of security, as well as joint statements and other official information materials of the United States and its partners in the Asia-Pacific region, the author comes to the conclusion that the announced "Trilateral Security Cooperation Framework" of the United States – South Korea – Japan will be poorly formalized, and the main area of cooperation within this framework will be the exchange of intelligence data and monitoring of the military activity of the DPRK. The Memorandum of Cooperation concluded in July 2024 has primarily an ideological significance and is intended to create a precedent for formalizing military cooperation in a trilateral format. The potential entry of the ROK and Japan into AUKUS also has its problems. Through the license-free AUKUS arms trade ecosystem, Japan potentially can be able to develop its own defense industry and gain a foothold as an arms exporter. On the contrary, for South Korea, which is already an established exporter of military equipment and weapons, this would be a potential risk and the possibility of losing its acquired positions in Australia and other markets. Nevertheless, the prospect for both parties joining AUKUS is real, and cooperation within this multilateral format can also be of a weakly formalized nature, reduced to work on a number of joint projects, mainly in high-tech areas with the ultimate goal of developing common technological and legal standards.

Keywords: USA, Republic of Korea, Japan, defense, cooperation, AUKUS

The article is prepared under the state assignment No. 1023110200001-7-5.6.1 "The Asia-Pacific region in the context of rivalry between the West and the Greater East for the formation of a new world order"

For citation: Voloshchak V. I. Republic of Korea's and Japan's Stance on Defense Cooperation Institutionalization in the Asia Pacific // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 150–161. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/150-161>

Республика Корея (РК) и Япония – ключевые союзники США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), однако многие годы их военно-политические связи характеризовались асимметричностью, присущей системе "оси и спиц". Имея формализованные союзные отношения с США, Сеул и Токио не развивали в той же степени военное сотрудничество между собой и практически не имели двусторонних соглашений в области безопасности (за исключением Соглашения об обмене военной информацией GSOMIA, подписанного в 2016 г.).

На сегодня уже нет однозначного ответа, будет ли сохраняться данное положение дел. Военно-политическое сближение РК и Японии активно продвигается на фоне нарастающих американо-китайского противостояния и политики США по развитию существующих и созданию новых форматов сотрудничества в области безопасности [2, с. 111]. Не ослабевает и роль старых очагов напряженности, включая обстановку вокруг Тайваня и в Южно-Китайском море, а очередной этап ухудшения межкорейских отношений подталкивает нынешнюю южнокорейскую администрацию к более тесной военно-политической интеграции с США и Японией. В этой связи данная работа посвящена анализу текущих позиций РК и Японии по вопросам институционализации военно-политического сотрудничества в АТР, оценке перспектив ее развития в рамках треугольника США – РК – Япония, а также оценке перспектив возможного присоединения Японии и Южной Кореи к многосторонней структуре безопасности на базе AUKUS.

Тенденции формирования трехсторонней военно-политической структуры США – Республика Корея – Япония

В 2022 г. президентом Республики Корея стал правый консерватор Юн Согёль, ориентированный на всестороннее сближение с США. Однако, помимо этого, важной новацией внешнеполитического курса Юн Согёля стало также и улучшение отношений с Японией под лозунгами "восстановления" и "следования духу" Совместной южнокорейско-японской декларации 1998 г., заключенному лидерами стран Ким Дэчжуном и К. Обути. Новый южнокорейский президент поставил таким образом цель заручиться поддержкой одного из важнейших игроков в регионе, уделяя меньше внимания традиционным противоречиям отношений двух государств – историческому наследию японского колониализма и связанным с ним рядом неурегулированных вопросов, а также нараставшим последние несколько лет двусторонним торгово-экономическим противоречиям. Эти изменения происходят на фоне развития антикитайских экономических и военно-политических моделей интеграции в АТР, а также нового обострения ситуации на Корейском полуострове – в подобных условиях южнокорейское правительство считает естественным сближение с партнером, разделяющим с Сеулом общие интересы безопасности.

Таким образом, углубление военно-политического сотрудничества с Японией стало одним из приоритетов государственной политики Республики Корея после 2022 г. Первые шаги в этом направлении были устремлены на развитие двустороннего диалога безопасности на рабочем и высоком уровне. В сентябре 2022 г. впервые за несколько лет встретились заместители министров обороны двух стран, а в июне 2023 г. состоялась встреча министров обороны, по итогам которой представители Сеула и Токио подтвердили общность своих интересов и приверженность к развитию военного сотрудничества в двустороннем формате, а также в рамках треугольника США – РК – Япония. Ввиду связующей роли США в этом формате развитие трехсторонних военно-политических связей также происходит не менее активно: в июне 2022 г. на полях "Диалога Шангри-Ла" в Сингапуре состоялась встреча министров обороны США, РК и Японии [12]; лидеры трех стран встречались в ноябре 2022 г. на Восточноазиатском саммите, издав Пномпеньскую

декларацию [21], а затем – в августе 2023 г. в американской президентской резиденции в Кемп-Дэвиде, издав целый ряд программных документов, регламентирующих в том числе вопросы трехсторонней военно-политической интеграции [26]. Наконец, участники треугольника реализуют различные и разнообразные форматы военных учений и сотрудничество на базе Трехсторонних оборонных переговоров (англ. Defense Trilateral Talks) [13].

Еще во время предвыборных дебатов кандидат Юн Согёль отказался дать однозначный отрицательный ответ на вопрос о перспективах создания военного альянса между Сеулом, Вашингтоном и Токио [29], что само по себе противоречит политике "трех нет" его предшественника на президентском посту Мун Чжэина, несколькими годами ранее объявившего об отказе РК от включения в глобальную систему ПРО США, введения новых комплексов THAAD на южнокорейскую территорию, вступления в военный альянс Вашингтона, Токио и Сеула. Это обстоятельство стало отправной точкой дискуссий в СМИ [32] и экспертном сообществе [6] о возможности образования двустороннего или трехстороннего военного блока с участием РК.

Насколько реальны перспективы образования подобного альянса? Не в пользу такой возможности говорит, прежде всего, фактор Китая. Принятие вышеупомянутой политики "трех нет" руководством Республики Корея в свое время стало следствием экономического давления со стороны КНР в 2016–2017 г. после принятия решения о введении в Южную Корею батареи системы противоракетной обороны США THAAD (англ. Terminal High Altitude Area Defense). Исторически Южная Корея имеет тесные торгово-экономические связи с КНР и серьезным образом зависит от китайских поставок критических минералов. Несмотря на тот факт, что интенсивность взаимной торговли между Сеулом и Пекином начинает снижаться, а объем экспорта РК в США впервые с 2002 г. превысил объем экспорта РК в КНР к июню 2024 г. [14], все еще можно констатировать, что администрация президента Юн Согёля ведет осторожную политику в отношении Пекина, воздерживаясь от высказываний по чувствительным вопросам (к примеру, по вопросу отношений с Тайванем) и избегая резких шагов, способных заставить КНР вновь прибегнуть к методам экономического принуждения.

Другой не менее важный фактор – это отношения между РК и Японией, которые содержат много противоречий и препятствий для развития военно-политической интеграции как на двустороннем уровне, так и в треугольнике с участием США. Стороны имеют неразрешенные вопросы исторического прошлого, к которым относятся неурегулированный территориальный спор вокруг о-вов Токто/Такэсима, претензии Южной Кореи к Японии, связанные с отсутствием компенсаций за принудительный труд и сексуальное рабство в колониальный период 1910–1945 гг. Политика Юн Согёля направлена, скорее, на игнорирование этих проблем и сводится к тому, чтобы пожертвовать тяжелым переговорным процессом по урегулированию сложных вопросов ради укрепления двусторонних отношений. Резонансным предложением Юн Согёля стало объявление им плана о выплате компенсаций потомкам пострадавших от принудительного труда за счет добровольных пожертвований не японских, а южнокорейских компаний [17]. Представляется неудивительным, что такой вектор не нашел особой поддержки южнокорейского населения, а рейтинг самого президента остается на весьма невысоком уровне.

Кроме того, важным обстоятельством является характер современного военно-политического курса Японии. В конце 2022 г. Япония выпустила новые редакции основных стратегических документов – Национальной стратегии безопасности и Национальной оборонной стратегии. В них был заявлен ряд положений и инициатив, направленных на серьезное усиление собственного военного потенциала. В их числе приобретение и создание баллистических и управляемых (в том числе гиперзвуковых) ракет, беспилотных подводных аппаратов, оружия направленной энергии. Центральной инициативой было объявлено увеличение военных

расходов к 2027 г. до уровня 2% от текущего показателя ВВП – что вдвое больше нынешнего военного бюджета Южной Кореи [18; 19].

Хотя администрация Юн Согёля достаточно спокойно относится к этой политике, очевидно, имея схожее восприятие обстановки безопасности в регионе, в более долгосрочной перспективе военный рост Японии рискует не только не способствовать успешной военно-политической интеграции, но и стать ее главным препятствием, простимулировав военно-техническую конкуренцию между Сеулом и Токио. Военную промышленность и рынки вооружений Сеула и Токио сложно охарактеризовать как взаимодополняемые. Даже если гипотетически удастся преодолеть политические барьеры, едва ли можно говорить о серьезных перспективах торговли вооружениями между двумя партнерами. Как РК, так и Япония имеют собственные подводные лодки, эсминцы, фрегаты, крейсера, а также строят и авианесущие корабли (эсминцы-вертолетоносцы типов "Идзумо" и "Хюга" Японии и универсальные десантные корабли-вертолетоносцы "Токто" РК). Структура импорта военной техники и вооружений у двух государств также сходная – Сеул и Токио покупают одно и то же у тех же поставщиков: двигатели для вертолетов у Германии, корабельные орудия у США; большие сделки реализуются обоими государствами по закупкам американских истребителей F-35A Lightning II и вертолетов CH-47F Chinook. Рынки РК и Японии, таким образом, скорее можно назвать конкурентными, и серьезных перспектив для партнерства здесь не просматривается.

Наконец, помимо вышеизложенных препятствий военно-политического сближения, стоит отметить отсутствие политической воли сторон к образованию формализованной структуры безопасности. Как у Японии, так и у Южной Кореи, которая сегодня выступает двигателем сближения двух стран, нет запроса на институционализацию военно-политического сотрудничества. Стремление к образованию двустороннего или трехстороннего военного блока не прослеживается ни в стратегических документах (к примеру, в Белой книге обороны и Индо-Тихоокеанской стратегии 2022 г. [25; 28]) и выступлениях официальных лиц РК. Аналогичным образом, Национальная стратегия безопасности и Национальная оборонная стратегия Японии преимущественно провозглашают лишь цели "координации" и "сотрудничества" со "странами-единомышленниками" и инициативу проведения совместных военных учений с участием США, Республики Корея и ряда других стран [18; 19]. Представляется, что для всех сторон треугольника США – РК – Япония наиважнейшим региональным вызовом представляется не столько военная активность КНДР, сколько как таковой рост влияния Китая. В связи с этим первостепенной задачей скорее является создание форматов экономической интеграции, а не построение военно-политических блоков. Защита цепочек поставок, минимизация технологической зависимости союзников США от Китая сегодня поставлены во главу угла, и на повестке стоят вопросы взаимодействия экономик трех государств в рамках IPEF (Индо-Тихоокеанская экономическая структура) и АТЭС, образование технологического альянса Chip4 (США, Тайвань, Южная Корея, Япония) и сотрудничество в области ИИ, сетей радиодоступа (Open-RAN) и других перспективных технологий, а также устранение барьеров в двусторонних торговых связях Сеула и Токио, накопленных за последние несколько лет.

Представляется, что наиболее серьезные перспективы военного сотрудничества в треугольнике США – РК – Япония связаны с вопросами обмена разведывательными данными. Мониторинг ракетных испытаний и другой военной активности КНДР является важной задачей для Токио и Сеула, и неслучайно одним из главных результатов встречи Юн Согёля и премьер-министра Японии Ф. Кисиды 16–17 марта 2023 г. стало решение о возобновлении Соглашения об обмене военной информацией (англ. General Security of Military Information Agreement) после его "заморозки" в 2019 г. [4, с. 214] Изначально, на момент заключения Соглашения в 2016 г., возможности Сеула по сбору разведывательных данных были ограничены пространством к югу от демилитаризованной зоны и Северной разгра-

ничительной линии в Желтом море – фактической границы Северной и Южной Кореи на суше и в море. Отсутствие собственных военных спутников заставляло РК использовать информацию, полученную со спутников других стран [20], и соглашение GSOMIA закрепило вопросы взаимодействия с Японией в том числе по вопросу доступа к данным японских спутников.

Параллельно РК работала над "проектом 425", в рамках которого предполагалось создание компанией Korea Aerospace Industries 4 спутников с радарными с синтезированной апертурой (SAR) и одного спутника с электрооптическими/инфракрасными датчиками (EO/IR), а также их запуск поэтапно в период 2020–2024 гг. [31] Однако работа по проекту откладывалась по разным причинам. В их числе разногласия между Министерством обороны и Национальной разведывательной службой по вопросу прав на эксплуатацию спутников. Кроме того, имелись и внешние препятствия. До 2021 г. по условиям "ракетного меморандума" США-РК Южная Корея была связана добровольными ограничениями максимальной дальности действия и массы полезной нагрузки собственного ракетного вооружения. Таким образом, в условиях ограничения на строительство твердотопливных ракет-носителей, способных выводить разведывательные спутники на орбиту, в 2020 г. Сеул инициировал, к примеру, проект ANASIS-II, который предполагал запуск гражданского спутника на ракете Falcon 9 компании SpaceX.

Сегодня же РК активно работает над восполнением этих пробелов. Расширенные планы "проекта 425" теперь включают создание десяти SAR-спутников и двух спутников с EO/IR-сенсорами, первые образцы были завершены в конце 2023 г. [30] Южнокорейские спутники станут "глазами" программы Kill Chain – одного из трех компонентов масштабного проекта по созданию национальной системы противовоздушной и противоракетной обороны Korea Air and Missile Defense (KAMD). Администрация Юн Согёля также провозгласила курс "Военные инновации 4.0", предполагающий активное применение технологий искусственного интеллекта в военной сфере. С помощью ИИ-решений предполагается модернизировать программу превентивной атаки Kill Chain под новым названием Kill Web [22], которая позволит более гибко назначать и перераспределять цели, более эффективно отслеживать и предупреждать потенциальные ракетные атаки противника. Прогресс в разработке этих систем, таким образом, в ближайшие годы может сделать Южную Корею гораздо менее зависимой от GSOMIA, чем на момент заключения соглашения семь лет назад.

Однако проблема географических рамок все равно останется: если рассмотреть типичный сценарий испытаний ракетных вооружений КНДР, то РК имеет возможность эффективно отслеживать пуски северокорейских ракет, в то время как Япония собирает больше информации о местах их приводнения в Японском море. Оба государства полагаются на информационную и материальную поддержку США, которая может выступать в роли координатора обмена данными. В этом и заключается наиболее вероятный сценарий формирования трехсторонней структуры безопасности – соглашение между РК, Японией и США по обмену данными радиоэлектронной разведки, которое придет на смену GSOMIA и аналогичным двусторонним договоренностям Вашингтона с каждым из двух союзников. Такое соглашение будет более чем отвечать интересам США и продолжать практику последних лет – формирование под эгидой Вашингтона не альянсов (по типу НАТО или двусторонних альянсов системы "оси и спиц"), а, скорее, квазиальянсов без жесткой структуры управления и, как правило, имеющих узкую функциональную направленность (AUKUS, QUAD). Таким образом, потенциальная военно-политическая интеграция в треугольнике США – РК – Япония может принять очертания разведывательного квазиальянса наподобие объединения "Пяти глаз".

В июне 2024 г. в своем интервью министр обороны РК Син Вонсик анонсировал заключение соглашения о "Трехсторонней структуре сотрудничества в области безопасности" (англ. Trilateral Security Cooperation Framework, TSCF) между Сеулом, Вашингтоном и Токио в конце 2024 – начале 2025 гг. По его словам, главным приоритетом данной структуры станет "создание системы эффективного, быстрого

и последовательного реагирования на ракетно-ядерную угрозы со стороны Северной Кореи" [8]. Спустя месяц, 28 июля 2024 г., министры обороны трех стран подписали в Токио Меморандум о сотрудничестве в рамках Трехсторонней структуры сотрудничества в области безопасности, который стал первым документом, формализовавшим военное сотрудничество РК, Японии и США. Однако его содержание имеет весьма общий характер: по условиям Меморандума, стороны договорились об укреплении сотрудничества по обмену информацией о ракетной программе КНДР в реальном времени и регулярном проведении совместных военных учений [16]. Учитывая прямо заявленное министром Син Вонсиком стремление подписать документ в краткие сроки "до инаугурации нового президента США в 2025 г." и выраженную тревогу о возможном "изменении политической ситуации", очевидно, что данные договоренности не принесут радикальных изменений в региональную архитектуру безопасности. Заключение Меморандума (состоявшееся всего спустя несколько дней после заявления Дж. Байдена о снятии своей кандидатуры с предстоящих президентских выборов в США) имеет, скорее, идеологическое значение – создать прецедент закрепления трехстороннего военного сотрудничества на бумаге и оставить задел для последующих шагов к его институционализации в условиях возможных внутривнутриполитических изменений как в США, так и в РК и Японии. В будущем для успешной институционализации "Трехсторонней структуры сотрудничества в области безопасности" партнерам потребуется не только благоприятная внутривнутриполитическая обстановка во всех трех странах, но и поиск решения многочисленных вышеизложенных проблем трехстороннего военно-политического сближения.

Наконец, отдельно необходимо отметить, что данные процессы проходят на фоне неоднозначной поддержки в Южной Корее общего курса Юн Согёля на сближение с Японией, который, к примеру, лидер оппозиционной Демократической партии и конкурент Юн Согёля на президентских выборах 2022 г. Ли Чжэмын охарактеризовал как "оскорбительную дипломатию покорности" [27]. Разразившийся весной 2023 г. скандал с прослушиванием американскими спецслужбами правительства РК и очень мягкая реакция Сеула на него также не создали благоприятный фон для укрепления сотрудничества в обмене разведанными [3]. Отношения Сеула и Токио, таким образом, являются "слабым звеном" в треугольнике США – РК – Япония и в значительной степени зависят от политических позиций президента Юн Согёля. На сегодняшний день его позиции трудно назвать твердыми, а победа оппозиционной коалиции на парламентских выборах в РК в апреле 2024 г., вероятно, станет дополнительным препятствием для реализации внешнеполитических инициатив южнокорейского президента.

Япония и Южная Корея как кандидаты на вступление в AUKUS

9 апреля 2024 г. представители военных ведомств США, Австралии и Великобритании выступили с заявлением о рассмотрении кандидатур Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии в качестве новых членов блока AUKUS [23]. Дискуссия о возможном расширении AUKUS ведется уже достаточно давно [1] и лишь усилилась после перехода альянса ко второй фазе своего развития – так называемому "Столпу 2" (Pillar II), предполагающему акцент на совместной разработке передовых военных технологий. Учитывая интерес и самих потенциальных кандидатов к вступлению в AUKUS [10; 11], перспективы расширения альянса за счет вступления в него РК и Японии заслуживают оценки.

Изначально AUKUS был задуман как проект, ориентированный на Австралию. "Столп 1" (Pillar I) предполагает размещение атомных подводных лодок (АПЛ) типов "Вирджиния" (США) и "Астют" (Великобритания) на базах в Австралии на ротационной основе, обмен опытом и обучение военнослужащих ВМС Австралии, строительство АПЛ "Вирджиния" для австралийского флота, а в долгосрочной перспективе – создание новых АПЛ типа AUKUS. Акцент на атомные подлодки в целом лежит в русле общего вектора США на конструирование Индо-Тихоокеанского региона и усиление стратегических позиций в нем. Именно Австралия занимает в ИТР центральное положение, связывая пространства Тихого и Индийского

океанов, и по плану должна усилить свою стратегическую роль, будучи важным союзником США.

Однако инициативой по строительству АПЛ сотрудничество союзников не исчерпывается. В дополнение к этой конкретной задаче AUKUS принял более широкую повестку "Столпа 2", предусматривающую широкое сотрудничество в таких сферах, как кибербезопасность, квантовые технологии, гиперзвуковое и контргиперзвуковое оружие, современные средства радиоэлектронной борьбы, инновации и обмен данными. Общий смысл работы в рамках "Столпа 2" на текущем этапе сводится к синхронизации технологических процессов и правовых систем государств – членов альянса с тем, чтобы в дальнейшем наладить непосредственное сотрудничество и реализацию проектов в указанных областях. В заявлении министров обороны стран-участниц AUKUS от 8 апреля 2024 г. [5] в качестве важных направлений сотрудничества также обозначены гармонизация политики и законодательства, регулирующего процессы разработки и производства продукции оборонного назначения, упрощение условий экспортного контроля и формирование безлицензионной системы торговли вооружениями, укрепление связей между предприятиями военной промышленности трех государств, а также вовлечение новых доверенных партнеров в реализацию различных проектов "Столпа 2".

Таким образом, США намерены расширить AUKUS, превратив его из сфокусированного на Австралии проекта в устойчивый альянс с многоплановой ролью в регионе. Это возможно будет сделать в том числе за счет вступления в альянс новых членов, уже имеющих прочные военно-политические связи с Вашингтоном. Самым перспективным вариантом расширения AUKUS представляется вступление в альянс РК и Японии. Долгосрочным интересом Вашингтона является развитие военно-политического сотрудничества с двумя своими союзниками. Сегодня это стремление понемногу начинает реализовываться: отношения Сеула и Токио находятся на беспрецедентно высоком уровне, вооруженные силы трех государств проводят масштабные совместные учения, а на трехстороннем саммите в Кемп-Девиде в августе 2023 г. была анонсирована большая повестка сотрудничества в области безопасности, которое предполагается "поднять на новые высоты" [26]. Тем не менее в силу многочисленных препятствий укрепление отношений между РК и Японией является долгосрочной и достаточно непростой задачей. По этой причине для США возможной альтернативой развитию треугольника может стать включение Сеула и Токио в уже существующую многостороннюю структуру безопасности AUKUS. Помимо общей проамериканской внешнеполитической ориентации, обе стороны имеют вооружения и военную промышленность, завязанные на американских стандартах, что представляет важность в контексте общей задачи AUKUS по конвергенции военных технологий и военно-промышленных систем стран-участниц.

Основное внимание США сегодня уделяют Японии как потенциальному члену AUKUS. Вашингтон поддержал политику по укреплению военного потенциала, зафиксированную в обновленных стратегических документах Японии 2022 г. [18], в частности, пересмотр Трех принципов трансфера военного оборудования и технологий, облегчающий экспорт вооружений и расширяющий диапазон необходимых для него условий. Последнее обстоятельство представляет особую важность для США, со времен холодной войны стремившихся защитить свои лидерские позиции в области передовых военных технологий [9]. Сегодня же, напротив, Вашингтон заинтересован в том, чтобы продвинутые технологические державы внесли свой вклад в защиту американских интересов безопасности, для чего и была предложена идея создания безлицензионной экосистемы торговли вооружениями в рамках AUKUS. Смягчив внутренние политические барьеры, Япония сможет не только позволить США извлечь выгоду из поставок японской военной продукции и обмена технологиями, но и выйти на новые рынки в качестве экспортера вооружений.

Менее привлекательным аспект упрощения режима торговли вооружениями представляется для Республики Корея. Сеул – уже состоявшийся экспортер вооружений, закрепившийся на разных рынках во многих регионах мира. Одним из

таких рынков как раз и является Австралия, с которой РК имеет множество соглашений о поставках различных вооружений, а южнокорейская компания Hanwha Defense реализует масштабный проект по строительству завода в Джелонге, на котором будут производиться 155-мм самоходные артиллерийские установки K9 [24]. Присоединение к безлицензионной экосистеме AUKUS может быть рискованным шагом для Сеула – таким образом можно потерять уже приобретенные позиции, уступив в конкуренции другим членам альянса. Похожая проблема сейчас складывается в двустороннем альянсе США и РК: союзники ведут переговоры о заключении Соглашения о взаимных оборонных поставках (англ. Reciprocal Defense Procurement Agreement), которое должно устранить барьеры в торговле вооружениями между двумя странами [7]. Однако Сеул пока не спешит с решениями, настаивая на тщательной проработке условий соглашения, которые не поставили бы в уязвимое положение местные компании оборонного сектора [15, с. 226].

Аналогичным образом в случае с AUKUS все будет зависеть от конкретной модели торговли продукцией военного назначения. Если члены альянса, включая потенциальных кандидатов, смогут договориться об устраивающих всех условиях и разделить рынок (к примеру, РК сможет защитить свои поставки САУ K9 в рамках сухопутного компонента "Столпа 2", а США в партнерстве с Японией смогут разрабатывать гиперзвуковые ракеты и т.д.), то такая структура будет иметь смысл. Так или иначе, согласование займет длительное время – как минимум "несколько месяцев консультаций", по заявлению представителей AUKUS, потребуются для включения новых членов в альянс [23].

Таким образом, в ближайшие годы деятельность AUKUS будет в основном сосредоточена на синхронизации правовых баз и технологических стандартов стран – участниц альянса. Решение правовых вопросов и преодоление действующего американского режима по торговле вооружениями ITAR (англ. International Traffic in Arms Regulations) на совершение сделок, в соответствии с которым партнеры США тратят чрезмерно большие бюджеты, видится в будущем создании безлицензионной экосистемы AUKUS – но такая амбициозная задача потребует длительного согласования.

Технологическая конвергенция также требуется практически во всех направлениях сотрудничества, анонсированных в рамках "Столпа 2". Ярким примером могут послужить технологии искусственного интеллекта, на использование которых в военной технике (беспилотные летательные аппараты, системы управления боевых машин, системы отслеживания запуска гиперзвуковых ракет и т.д.) делают ставку США и их партнеры. Ввиду непрозрачности моделей ИИ для надлежащей работы соответствующих технологий необходимы общие критерии и стандарты разработки, тестирования и оценки работы систем, без которых прогнозирование и понимание поведения ИИ-систем будет максимально затруднено. Все это также потребует масштабной предварительной работы, прежде чем союзники смогут перейти к непосредственной реализации совместных проектов.

В итоге "Столп 2" предполагает большой набор функциональных проектов в высокотехнологических областях, объединенных скорее идеологическим, нежели военно-стратегическим смыслом. Перспектива расширения AUKUS вполне вероятна – это может произойти за счет присоединения к альянсу новых участников из числа государств с развитой военной промышленностью и высокотехнологическим сектором. Такие игроки, как Республика Корея и Япония, став новыми членами AUKUS, могут внести свой вклад в реализацию конкретных проектов – в областях разработки технологий и средств ИИ, РЭБ, гиперзвукового оружия и т.д. Но ценность и стратегическая значимость такого альянса, представляющего собой палитру отдельных проектов без четких обязательств и четкой институциональной структуры, будет не очень высока. Во всяком случае – до тех пор, пока союзники действительно не выработают коллективное восприятие AUKUS как пространства с едиными технологическими стандартами и единым правовым режимом. Этой, идеологической по своей сути, задаче и будет посвящена работа обновленного AUKUS.

Таким образом, основные перспективы углубления роли Республики Корея и Японии в региональной архитектуре безопасности связаны с двумя направлениями: развитием и институционализацией военного сотрудничества в рамках треугольника США – РК – Япония и присоединением Сеула и Токио к соглашению о военно-техническом сотрудничестве AUKUS. Несмотря на анонсированный план о создании "Трехсторонней структуры сотрудничества в области безопасности", многочисленные проблемы отношений Сеула и Токио, невзаимодополняемость их ВПК и зависимость процесса двустороннего сближения от внутривосточной ситуации делают пару РК – Япония "слабым звеном" треугольника. Тем не менее в случае заключения данного соглашения представляется, что новый институт безопасности будет слабо формализован, а основным направлением сотрудничества в его рамках станет обмен разведывательными данными и мониторинг военной активности КНДР. Заключенный в июле 2024 г. Меморандум о сотрудничестве в рамках "Трехсторонней структуры сотрудничества в области безопасности" представляется имеющим, скорее, идеологическое значение – он был подписан сторонами в ожидании изменения внутривосточной ситуации как в США, так и в РК и Японии и призван создать прецедент закрепления на бумаге военного сотрудничества в трехстороннем формате с надеждой на то, чтобы оставить задел для его институционализации в будущем.

Второе направление, касающееся потенциального вступления РК и Японии в AUKUS, является, скорее, альтернативным вариантом институционализации сотрудничества в рамках треугольника США – РК – Япония и также имеет свои проблемы. Больше интересов в этом сценарии имеет Япония, которая за счет безлицензионной экосистемы торговли вооружениями AUKUS сможет развить собственную военную промышленность закрепиться в качестве экспортера вооружений. Для Южной Кореи, которая уже является состоявшимся экспортером военной техники и вооружений, данное обстоятельство, напротив, является потенциальным риском и возможностью потерять приобретенные позиции в Австралии и на других рынках. Так или иначе, перспектива вступления обеих сторон в AUKUS является реальной, и сотрудничество в рамках этого многостороннего формата может также иметь слабо формализованный характер, сведясь к работе над рядом совместных проектов, преимущественно – в высокотехнологичных областях с конечной целью разработки общих технологических и правовых стандартов

Литература

1. В РФ не исключают скорого расширения AUKUS за счет Японии и Южной Кореи // Интерфакс. 14.08.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/916030> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Губин, А.В. Современное состояние комплекса региональной безопасности Северо-Восточной Азии / А.В. Губин // Известия Восточного института. 2024. №1(61). С. 108–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115>
3. Кирьянов, О. Правительство Южной Кореи не может замаят скандал с прослушиванием спецслужбами США / О. Кирьянов // Российская газета. 12.04.2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/12/pravitelstvo-iuzhnoj-korei-ne-mozhet-zamiat-skandal-s-proslushivaniem-specsluzhbam-ssha.html> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Крячкина, Ю.А. Роль и интересы Японии в многосторонних форматах в сфере безопасности в АТР / Ю.А. Крячкина // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 2 (83). С. 204–223. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_2_204
5. AUKUS Defense Ministers' Joint Statement // U.S. Department of Defense. 08.04.2024. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3733790/aukus-defense-ministers-joint-statement/> (дата обращения: 20.06.2024).
6. Aum, F. What's Behind Japan and South Korea's Latest Attempt to Mend Ties? / F. Aum, M. Galic // United States Institute of Peace. 21.03.2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/03/whats-behind-japan-and-south-koreas-latest-attempt-mend-ties> (дата обращения: 20.06.2024).
7. Chae, Yunhwan. S. Korea installs task force to pursue arms procurement accord with U.S. / Chae Yunhwan // Yonhap. 28.10.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221028009000325?section=search> (дата обращения: 20.06.2024).
8. Choi, Soohyang. US, South Korea, Japan to Lock In Security Ties Before Inauguration / Choi Soohyang //

Bloomberg. 17.06.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-06-16/us-south-korea-japan-to-lock-in-security-ties-before-inauguration> (дата обращения: 20.06.2024).

9. Christianson, J. AUKUS Pillar Two: Advancing the Capabilities of the United States, United Kingdom, and Australia / J. Christianson, S. Monaghan, D. Cooke // Center for Strategic and International Studies. 10.07.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/aukus-pillar-two-advancing-capabilities-united-states-united-kingdom-and-australia> (дата обращения: 20.06.2024).

10. Gov't Welcomes US' Reported Consideration of S. Korea as AUKUS Pillar 2 Partner // KBS World. 12.04.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=184817 (дата обращения: 20.06.2024).

11. Japan signals its interest in AUKUS tech partnership // Taipei Times. 07.03.2024. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/world/archives/2024/03/07/2003814589> (дата обращения: 20.06.2024).

12. Ji, Da-gyum. [Shangri-La Dialogue] S.Korea, US, Japan to regularize trilateral exercises against NK missile threats / Ji Da-gyum // The Korea Herald. 11.06.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220611000077> (дата обращения: 19.06.2024).

13. Joint Statement on the U.S.-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting // The US' Department of State. 12.02.2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-ministerial-meeting/> (дата обращения: 19.06.2024).

14. Kim, Haeyoen. US poised to replace China as Korea's top export destination / Kim Haeyoen // Korea Herald. 10.06.2024. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240610050567> (дата обращения: 20.06.2024).

15. Kim, Manki. How South Korea Should Weigh the Risks and Benefits of Entering into a Reciprocal Defense Procurement Memorandum of Understanding (RDP MOU) with the United States / Kim Manki // The Korean Journal of Defense Analysis. 2022. Vol. 34. No. 2. P. 207–230. <https://doi.org/10.22883/kjda.2022.34.2.003>

16. Lee, Minji. S. Korea, U.S., Japan ink document formalizing trilateral security cooperation / Lee Minji // Yonhap. 28.07.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240728001851315?section=national/defense> (дата обращения: 28.07.2024).

17. Mackenzie, J. South Korea to compensate victims of Japan's wartime forced labour / J. Mackenzie, N. Yong // BBC. 06.03.2023. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-64858944> (дата обращения: 20.06.2024).

18. National Defense Strategy of Japan // Ministry of Defense of Japan. 16.12.2022. URL: https://www.mod.go.jp/approach/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

19. National Security Strategy of Japan // Cabinet Secretariat of Japan. 12.2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 20.06.2024).

20. Park, Jaehan. Korea and Japan's Military Information Agreement: A Final Touch for the Pivot? / Park Jaehan, Yun Sangyong // The Diplomat. 24.11.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/11/korea-and-japans-military-information-agreement-a-final-touch-for-the-pivot/> (дата обращения: 20.06.2024).

21. Phnom Penh Statement on US – Japan – Republic of Korea Trilateral Partnership for the Indo-Pacific // The White House. 13.11.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/phnom-penh-statement-on-trilateral-partnership-for-the-indo-pacific/> (дата обращения: 19.06.2024).

22. Saballa, J. S. Korea Unveils 'Kill Web' Concept to Kill Enemy Missiles Before Launch / J. Saballa // The Defense Post. 06.03.2023. URL: <https://www.thedefensepost.com/2023/03/06/south-korea-kill-web/> (дата обращения: 20.06.2024).

23. Song, Sangho. S. Korea, Canada, New Zealand under consideration for AUKUS Pillar II partners: U.S. official / Song Sangho // Yonhap. 10.04.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240410002800315?section=search> (дата обращения: 20.06.2024).

24. Song, Sangho. S. Korean, Australian defense chiefs visit construction site for K9 howitzer factory / Song Sangho // Yonhap. 05.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220805009500325?section=search> (дата обращения: 20.06.2024).

25. Strategy for a Free, Peaceful and Prosperous Indo-Pacific Region. Seoul: The Government of the Republic of Korea, 2022. 43 p.

26. The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States // The White House. 18.08.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (дата обращения: 20.06.2024).

27. '윤석열의 모욕적 굴종외교'에 이재명의 뼈있는 한마디 "강제징용 배상금 기업출연은 제3자 뇌물 아니냐?" = Комментарий Ли Чжэмна по поводу "оскорбительной дипломатии покорности" Юн Согёля: "Разве платежи компаний за принудительный труд не являются дачей взятки третьему лицу?" // 오마이TV = Oh My TV. 13.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dy_Y1Quvvlw (дата обращения: 20.06.2024).

28. 2022년 국방백서 = Белая книга обороны 2022 года // 대한민국 국방부 = Министерство обороны Республики Корея. 2022. URL: https://www.mnd.go.kr/cop/pbictn/selectPublicationUser.do?siteId=mnd&componentId=14&categoryId=0&publicationSeq=1040&pageIndex=1&id=mnd_020704000000 (дата обращения: 20.06.2024).

29. 권혁철. 윤석열, '한반도에 일본 개입 허용' 물음에 "유사시 들어올 수도..." = Кwon, Хёкчхоль. Юн Согёль по вопросу возможности японской интервенции на Корейском полуострове: "В случае экстренной ситуации, они могут прийти" / 권혁철 = Кwon Хёкчхоль // 한겨레 = Хангёре. 26.02.2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1032654.html (дата обращения: 19.06.2024).

30. 김승준. 2023년은 'SAR 위성' 국산화 원년... "악천후에도 지상관측" = Ким, Сынчжун. 2023 год – первый год производства отечественных SAR-спутников: наблюдение за наземными объектами даже в плохую погоду / 김승준 = Ким Сынчжун // News 1. 16.12.2023. URL: <https://www.news1.kr/articles/?5262963> (дата обращения: 20.06.2024).

31. 박수찬. 군 정찰위성 2020년 실전 배치 = Пак, Сучхан. Военный разведывательный спутник будет развернут в 2020 г. / 박수찬 = Пак Сучхан // 세계일보 = Сеге ильбо. 31.03.2016. URL: <https://segye.com/view/20160331003828> (дата обращения: 20.06.2024).

32. 이근. 핵무장과 한일동맹, 금기 깰 때 됐다 = Ли, Гын. Настало время нарушить табу на ядерное оружие и альянс Южной Кореи и Японии / 이근 = Ли Гын // 문화일보 = Мунхва ильбо. 07.02.2023. URL: <https://www.munhwa.com/news/view.html?no=2023020701033011000002> (дата обращения: 19.06.2024).

References

1. Russia doesn't rule out the imminent expansion of AUKUS at the expense of Japan and South Korea // Interfax. 14.08.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/916030> (accessed 20.06.2024) (In Russ.).
2. Gubin, A.V. Contemporary status of regional security complex of North East Asia / A.V. Gubin // Oriental Institute Journal. 2024. №1(61). P. 108–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115> (In Russ.).
3. Kiryanov, O. The South Korean government cannot hush up the scandal with wiretapping by US intelligence agencies / O. Kiryanov // Rossiyskaya Gazeta. 12.04.2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/12/pravitelstvo-iuzhnoj-korei-ne-mozhet-zamiat-skandal-s-proslushivaniem-specsluzhnbami-ssha.html> (accessed 20.06.2024) (In Russ.).
4. Kryachkina Yu. A. Japan's Role and Interests in Multilateral Security Formats in the Asia-Pacific Region / Yu. A. Kryachkina // National Strategy Issues. 2024. № 2 (83). P. 204–223. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_2_204 (In Russ.).
5. AUKUS Defense Ministers' Joint Statement // U.S. Department of Defense. 08.04.2024. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3733790/aukus-defense-ministers-joint-statement/> (accessed 20.06.2024).
6. Aum, F. What's Behind Japan and South Korea's Latest Attempt to Mend Ties? / F. Aum, M. Galic // United States Institute of Peace. 21.03.2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/03/whats-behind-japan-and-south-koreas-latest-attempt-mend-ties> (accessed 20.06.2024).
7. Chae, Yunhwan. S. Korea installs task force to pursue arms procurement accord with U.S. / Chae Yunhwan // Yonhap. 28.10.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221028009000325?section=search> (accessed 20.06.2024).
8. Choi, Soohyang. US, South Korea, Japan to Lock In Security Ties Before Inauguration / Choi Soohyang // Bloomberg. 17.06.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-06-16/us-south-korea-japan-to-lock-in-security-ties-before-inauguration> (accessed 20.06.2024).
9. Christianson, J. AUKUS Pillar Two: Advancing the Capabilities of the United States, United Kingdom, and Australia / J. Christianson, S. Monaghan, D. Cooke // Center for Strategic and International Studies. 10.07.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/aukus-pillar-two-advancing-capabilities-united-states-united-kingdom-and-australia> (accessed 20.06.2024).
10. Gov't Welcomes US' Reported Consideration of S. Korea as AUKUS Pillar 2 Partner // KBS World. 12.04.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=e&Seq_Code=184817 (accessed 20.06.2024).
11. Japan signals its interest in AUKUS tech partnership // Taipei Times. 07.03.2024. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/world/archives/2024/03/07/2003814589> (accessed 20.06.2024).
12. Ji, Da-gyum. [Shangri-La Dialogue] S.Korea, US, Japan to regularize trilateral exercises against NK missile threats / Ji Da-gyum // The Korea Herald. 11.06.2022. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220611000077> (accessed 19.06.2024).
13. Joint Statement on the U.S.-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting // The US' Department of State. 12.02.2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-ministerial-meeting/> (accessed 19.06.2024).
14. Kim, Haeyoen. US poised to replace China as Korea's top export destination / Kim Haeyoen // Korea Herald. 10.06.2024. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20240610050567> (accessed 20.06.2024).
15. Kim, Manki. How South Korea Should Weigh the Risks and Benefits of Entering into a Reciprocal Defense Procurement Memorandum of Understanding (RDP MOU) with the United States / Kim Manki // The Korean Journal of Defense Analysis. 2022. Vol. 34. No. 2. P. 207–230. <https://doi.org/10.22883/kjda.2022.34.2.003>
16. Lee, Minji. S. Korea, U.S., Japan ink document formalizing trilateral security cooperation / Lee Minji // Yonhap. 28.07.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240728001851315?section=national/defense> (accessed 28.07.2024).

17. Mackenzie, J. South Korea to compensate victims of Japan's wartime forced labour / J. Mackenzie, N. Yong // BBC. 06.03.2023. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-64858944> (accessed 20.06.2024).
18. National Defense Strategy of Japan // Ministry of Defense of Japan. 16.12.2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (accessed 20.06.2024).
19. National Security Strategy of Japan // Cabinet Secretariat of Japan. 12.2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed 20.06.2024).
20. Park, Jaehan. Korea and Japan's Military Information Agreement: A Final Touch for the Pivot? / Park Jaehan, Yun Sangyong // The Diplomat. 24.11.2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/11/korea-and-japans-military-information-agreement-a-final-touch-for-the-pivot/> (accessed 20.06.2024).
21. Phnom Penh Statement on US – Japan – Republic of Korea Trilateral Partnership for the Indo-Pacific // The White House. 13.11.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/11/13/phnom-penh-statement-on-trilateral-partnership-for-the-indo-pacific/> (accessed 19.06.2024).
22. Saballa, J. S. Korea Unveils 'Kill Web' Concept to Kill Enemy Missiles Before Launch / J. Saballa // The Defense Post. 06.03.2023. URL: <https://www.thedefensepost.com/2023/03/06/south-korea-kill-web/> (accessed 20.06.2024).
23. Song, Sangho. S. Korea, Canada, New Zealand under consideration for AUKUS Pillar II partners: U.S. official / Song Sangho // Yonhap. 10.04.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240410002800315?section=search> (accessed 20.06.2024).
24. Song, Sangho. S. Korean, Australian defense chiefs visit construction site for K9 howitzer factory / Song Sangho // Yonhap. 05.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220805009500325?section=search> (accessed 20.06.2024).
25. Strategy for a Free, Peaceful and Prosperous Indo-Pacific Region. Seoul: The Government of the Republic of Korea, 2022. 43 p.
26. The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States // The White House. 18.08.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/08/18/the-spirit-of-camp-david-joint-statement-of-japan-the-republic-of-korea-and-the-united-states/> (accessed 20.06.2024).
27. Lee Jae-myung's remark on 'Yoon Seok-yeol's insulting submissive diplomacy': 'Isn't corporate contribution to compensation for forced conscription a third-party bribe?' // Oh My TV. 13.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dy_Y1Quvvlw (accessed 20.06.2024) (In Kor.).
28. 2022 Defense White Paper // Republic of Korea Ministry of National Defense. 2022. URL: https://www.mnd.go.kr/cop/pblicitn/selectPublicationUser.do?siteId=mnd&componentId=14&categoryId=0&publicationSeq=1040&pageIndex=1&id=mnd_020704000000 (accessed 20.06.2024) (In Kor.).
29. Hyukcheol Kwon. When asked whether Japan would allow intervention in the Korean Peninsula, Yoon Seok-yeol said, "In case of emergency, they may come in..." / Kwon Hyuk-cheol // Hankyoreh. 26.02.2022. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1032654.html (accessed 19.06.2024) (In Kor.).
30. Seungjun Kim. 2023 is the first year of domestic production of 'SAR satellites'... "Ground observation even in bad weather" / Seungjun Kim // News1. 16.12.2023. URL: <https://www.news1.kr/articles/?5262963> (accessed 20.06.2024) (In Kor.).
31. Park Soo-chan. Military reconnaissance satellite to be deployed in 2020 / Park Soo-chan // Segye Ilbo. 31.03.2016. URL: <https://segye.com/view/20160331003828> (accessed 20.06.2024) (In Kor.).
32. Geun Lee. It is time to break the taboo between nuclear armament and the Korea-Japan alliance / Geun Lee // Munhwa Ilbo. 07.02.2023. URL: <https://www.munhwa.com/news/view.html?no=2023020701033011000002> (accessed 19.06.2024) (In Kor.).

Валентин Игоревич ВОЛОЩАК, научный сотрудник Лаборатории Азиатских и Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: v.voloshchak@ihae.ru

Valentin I. VOLOSHCHAK, Researcher, Laboratory of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: v.voloshchak@ihae.ru

Поступила в редакцию

(Received) 21.06.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 29.08.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.09.2024

Историческое архитектурное наследие и современная застройка Владивостока как ресурс интеграции в АТР и формирования бренда территории в рамках политики "Разворота на Восток": тренды и проблемы

Пётр Юрьевич САМОЙЛЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, petersam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования бренда территории Владивостока как крупнейшей агломерации Дальнего Востока России и центра международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Автор анализирует особенности застройки и территориального развития города как в предыдущие исторические периоды, так и в условиях настоящего момента. Период анализа охватывает всю историю развития города – со второй половины XIX века до наших дней, территориально – всю городскую застройку с учетом портовой и промышленной застройки. В статье уделено внимание таким проблемам, как сформировавшаяся известность Владивостока, особенности городской среды, специфика структуры городского пространства, взаимосвязь этих аспектов с вопросами развития международного сотрудничества, ведения бизнеса и хозяйственной деятельности, въездного туризма и превращения столицы Дальневосточного федерального округа в известную международную локацию.

Ключевые слова: Владивосток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Российский Дальний Восток, Приморский край, экономическое и гуманитарное сотрудничество, национальные интересы, политика "Разворота на Восток", архитектура, городская среда, развитие территории, объекты культурного наследия, урбанистика, брендинг территории

Для цитирования: Самойленко П. Ю. Историческое архитектурное наследие и современная застройка Владивостока как ресурс интеграции в АТР и формирования бренда территории в рамках политики "Разворота на Восток": тренды и проблемы // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 162–173. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/162-173>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/162-173>

Historical architectural heritage and modern development of Vladivostok as a resource for integration into the Asia-Pacific region and territory brand creation within the framework of the "Turn to the East" policy: trends and problems

Peter Yu. SAMOYLENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, petersam@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of forming a brand for the territory of Vladivostok as the largest agglomeration in the Russian Far East and a center of international cooperation with the countries of the Asia-Pacific region. The author analyzes the features of the building and territorial development of the city both in previous historical periods and in the conditions of the present moment. The period of analysis covers the entire history of the city's development – from the second half of the 19th century to the present day, territorially – the entire urban development, taking into account port and industrial development. The article pays attention to such problems as the established fame of Vladivostok, the features of the urban environment, the specific structure of urban space, the relationship of these aspects with the development of international cooperation, business and economic activity, inbound tourism and the transformation of the capital of the Far Eastern Federal District into a well-known international location. The modern Russian policy of "Turn to the East" on the scale of the Far Eastern Federal District turns out to be largely connected with such locations as Vladivostok, and for this reason it is necessary to pay more and more attention to the development of such territories, harmoniously linking the historical "background" with the possibilities of modern urbanism.

Keywords: Vladivostok, Asia-Pacific region, Russian Far East, Primorsky Krai, economic and humanitarian cooperation, national interests, "Turn to the East" policy, architecture, urban environment, territory development, cultural heritage sites, urban planning, territory branding

For citation: Samoylenko P. Yu. Historical architectural heritage and modern development of Vladivostok as a resource for integration into the Asia-Pacific region and territory brand creation within the framework of the "Turn to the East" policy: trends and problems // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 162–173. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/162-173>

В данной статье автор анализирует историческое архитектурное наследие и современную застройку Владивостока как ресурс интеграции в АТР и формирования бренда Владивостока в рамках политики "Разворота на Восток". Основная цель – выявить ключевые имиджевые архитектурные черты Владивостока как крупнейшей агломерации Дальнего Востока, их историческую преемственность, а также проблемы позиционирования столицы Дальнего Востока как локации с уникальным обликом городской среды. Основной целью является анализ существующего архитектурного имиджа Владивостока и прогноз перспектив формирования международного бренда города, в качестве задач выделяются анализ исторических особенностей восприятия Владивостока, его основных черт, их конверсии в исторической ретроспективе и архитектурного потенциала имиджа города. Временные границы исследования охватывают период со второй половины XIX века, когда началась активная застройка Владивостока, и до наших дней, пространственные – основную территорию города, включая всю прибрежную и морскую инфраструктуру. Архитектурный облик города анализируется по таким чертам, как уникальность, узнаваемость и запоминаемость, брендовая значимость в рамках восприятия территории. Основными методами исследования стали сравнительный анализ, синтез, обзор, аналитическое обобщение, описание и прогнозирование. Исследование носит междисциплинарный характер и затрагивает такие области научного знания, как политология, история, архитектура, урбанистика, пространственная логистика и ряд других.

"Разворот на Восток" и актуальность бренда территории

Современная российская политика "Разворота на Восток" требует существенно-го усиления процессов интеграции регионов Дальнего Востока страны в сотрудничество с ведущими экономиками Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток в этих процессах является ключевым городом, поскольку именно с ним связаны основные события, касающиеся этих процессов. В 2012 году во Владивостоке проходил Саммит АТЭС, с 2014 года ежегодно проводится Восточный экономический форум, с Владивостоком напрямую связаны преференциальные экономические режимы Территорий опережающего развития, Свободного порта Владивосток, на острове Русском в административных границах Владивостокского городского округа расположен один из двух существующих в России сегодня Специальных административных районов – де-факто офшор [10, с. 73]. Также Владивосток с 2018 года официально становится административной столицей Дальневосточного федерального округа, центром административного управления регионом. Все эти факторы ставят на повестку дня вопрос о гармоничном развитии бренда территории, формировании имиджа современного Владивостока как делового и административного центра российского Дальнего Востока, причем имидж должен быть международным.

Указанные процессы во многом уже влияют на современное пространственное развитие города. Связано это не только со строительством и реконструкцией различных объектов внутри города, но и с явным трендом на расширение административных границ территории агломерации в сопредельные муниципальные районы южного Приморья.

Основным в таких условиях становится вопрос о том, какие же имиджевые и информационные черты должны быть присущи городу в современных условиях в связи с активным развитием международного сотрудничества, а также амбициозными планами усиления роли российского Дальнего Востока в процессах внутри страны? [11, с. 70] Очевидно, что в данном случае можно усмотреть какие-то аналогии с крупными городами стран Тихоокеанской Азии, которые в предшествующие периоды прошли схожий путь развития, превратившись из провинциальных центров в крупные морские порты и центры международного торгово-экономического сотрудничества, одновременно сохраняя существенное влияние на внутренние процессы развития в собственных странах или как минимум отдельных регионах стран [5].

Явным примером, с которым можно проводить аналогию, будут некоторые города в странах АТР, относимых к числу так называемых "азиатских тигров" – быстрорастущих экономик, показавших в последние десятилетия бурный экономический рост на волне развития международной кооперации. К таковым можно отнести южнокорейский Пусан, Сингапур и Гонконг, китайские мегаполисы, на которые еще в 80-е годы прошлого века властями КНР была сделана ставка в вопросах создания там свободных экономических зон – это Шанхай, Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Чжухай.

Все эти города, безусловно, разные, но объединяют общие тренды современного пространственного развития, которые в той или иной степени реализованы в них и уже стали основой для соответствующих эффектов – как экономических, так и политических, включая, к примеру, растущее влияние этих городов на процессы развития международного сотрудничества и защиты национальных интересов соответствующих стран [6].

Подобные факторы, пусть и не в полной мере, но уже начинают сказываться и на развитии современного Владивостока, как минимум проявляясь в форме отдельных тенденций. Так, в последние годы Владивосток постепенно становится локацией, которую посещает все больше туристов из стран АТР, прежде всего из КНР. В городе в последние годы идет активное строительство, масштабно развивается транзитная международная логистика через морские порты столицы Дальнего Востока.

История застройки и архитектурного имиджа Владивостока

В целом Владивосток на протяжении 164 лет своего существования всегда был связан с тремя ключевыми направлениями развития – вопросами обороны и обеспечения военного присутствия и защиты стратегических национальных интересов на Тихоокеанских рубежах, логистики и международной торговли, а также внутреннего развития как крупный город и региональный центр. Последним фактором обусловлено, к примеру, наличие большого количества учебных заведений самой различной направленности на территории города, формирование в городе ресурсов гуманитарного развития еще в начальный период его существования, примером чему служит Восточный институт, основанный в 1999 году и являющийся истоком всего высшего образования в регионе.

Пространственное развитие Владивостока и его застройка, начиная с середины XIX века, и до наших дней, в целом шли по трем основным направлениям: строительство военных объектов и сооружений, строительство морской гражданской инфраструктуры, прежде всего портов и причального фронта, а также собственно гражданское строительство, связанное с возведением жилья и объектов социально-бытового характера, как это называлось в советский период [15, с. 220].

Интересно то, что Владивосток, в отличие от многих других городов Дальнего Востока, сопоставимых с ним по возрасту, достаточно быстро стал городом с типовой каменной застройкой, что уже к середине XX века сделало город достаточно привлекательным с точки зрения его городской среды, в которой крайне слабо представлено деревянное домостроение. Архитектурный облик города был связан с каменным домостроением европейского типа, что уже в начале XX века в период "порто-франко" и активного развития международного сотрудничества в тот период было важным фактором привлечения внимания иностранцев. Как и подавляющее большинство крупных исторических городов России, Владивосток с точки зрения архитектуры и городской среды сочетает в себе несколько разнонаправленных стилей – это исторические здания и сооружения, которые в основном относятся к периоду царской России и раннему советскому периоду до Второй мировой войны, советскую более типовую поточную средовую застройку, отличающуюся высокой степенью унификации и типовым характером зданий, а также современную застройку, которая достаточно разнообразна, во многом индивидуализирована, но не всегда удачно вписана в уже существующую архитектурную среду.

Необходимо отметить, что яркой особенностью Владивостока является профиль местности – расположение города на сопках, что делает его восприятие весьма узнаваемым и неповторимым как с суши, так и с моря. Именно данная особенность во многом влияет на информационный образ территории, ее восприятие и визуализацию.

Говоря об исторически сложившихся трендах застройки столицы региона, нельзя не отметить наличие у Владивостока классических пространственных частей – исторического центра, полупериферийных и периферийных районов, а также довольно четко обособленных пространств, связанных с разным функционалом – жилые районы, промышленные и портовые зоны, пляжно-рекреационные территории и так далее [1].

Рассуждая об информационном значении архитектуры Владивостока для формирования его туристического имиджа, следует в первую очередь определить те ключевые составляющие, которые напрямую влияют на имидж города.

Исторический центр Владивостока показателен сохранившейся планировкой улиц, пространственно-планировочной структурой, характерной именно для исторических поселений европейского типа. Технические и инженерные сооружения Владивостока также имеют большое имиджевое и информационное значение. К примеру, это уникальный комплекс фортификационных сооружений Владивостокская крепость, это железнодорожный вокзал, железнодорожные туннели, это здание промышленного холодильника в центре Владивостока, сухой док в "Дальзаводе", в также целый ряд иных уникальных инженерных сооружений самого разного вида и предназначения [3, с. 33]. Все они представляют собой объекты туристического показа, могут быть в той или иной степени музеефицированы и использоваться для привлечения туристов, формирования современного изложения истории региона, развития здесь науки и техники, показа и популяризации таких объектов туристам и иным видам посетителей.

Интересна морская инфраструктура, которая представляет собой различные выходы к морскому побережью, в том числе в зонах отдыха, а также многочисленные портовые и прочие сооружения. В этом отношении уникальны маяки Владивостока, которые расположены как на материковой части города, так и на прилегающих к нему островных территориях [2, с. 63]. Также большой интерес представляют набережные и зоны отдыха.

Особенностью застройки Владивостока является постепенное ее расширение и уплотнение в стороны от исторической части города на северном берегу бухты Золотой Рог. Еще одной характерной чертой пространственно-архитектурного развития Владивостока, которая стала все более явно проявляться в настоящее время, является постепенное воплощение проектов, связанных со стратегическим видением развития города, которые в той или иной степени обсуждаются уже продолжительное время.

К примеру, к числу таковых можно отнести строительство мостов, прежде всего моста через бухту Золотой Рог, о необходимости строительства которого велись дискуссии на протяжении многих десятилетий – фактически с конца первой трети XX века. Другой подобный объект – трасса "Седанка-Патрокл", которая в отличие от моста никогда исторически не обсуждалась в формате конкретного объекта, однако на нее существовал однозначный градостроительный запрос как на дорожный дублер, альтернативную основную трассе на выезд из города – улицу Маковского.

Активное освоение острова Русский, строительство масштабных сооружений, таких как кампус ДВФУ или Приморской океанариум, по сути, открыли новую страницу в застройке города. В дальнейшей перспективе развитие города продолжится на островные территории, а также на север – в Артем и Надеждинский район, чем будет фактически продолжен исторический тренд на застройку столицы региона и ее имидж как "города у моря".

К особенностям исторической застройки города, отражающейся на его имидже, можно отнести следующие черты:

- доминирование каменного домостроения во все периоды развития города;

- тесная взаимосвязь жилой застройки с морской транспортной инфраструктурой: морскими портами, судоремонтными предприятиями, военными объектами и так далее;
- "ярусность" застройки из-за особенностей рельефа местности, что имеет существенные преимущества для визуального восприятия города.

Особенности исторического восприятия Владивостока в ходе развития города

В течение всей истории столицы Дальнего Востока можно проследить несколько взаимопересекающихся трендов в его развитии и пространственной застройке, в восприятии как города с достаточно уникальными имиджевыми чертами.

По мнению автора, наиболее существенными в историческом развитии Владивостока трендами его восприятия были, с одной стороны, определенная конкуренция, а с другой – баланс между несколькими векторами развития города. Основными направлениями развития города исторически были военное и торгово-экономическое. Освоение территории постоянно шло параллельно по этим двум направлениям: с одной стороны, в городе дислоцировался военно-морской флот и иные воинские формирования, с другой – во все большей степени Владивосток становился крупным гражданским морским портом и крупным населенным пунктом на морском побережье Японского моря. Это очень быстро стало отражаться на городской инфраструктуре и застройке "ядра" города, где достаточно органично соседствовали гражданские объекты и объекты военного назначения. Так, вокруг бухты Золотой Рог уже к началу XX века образовался явно выраженный "хинтерленд", связанный с береговой, портовой и причальной инфраструктурой, доковыми комплексами и судоремонтными мощностями. Гражданская застройка города также оказалась тесно связанной с вопросами обороны, поскольку, к примеру, объекты комплекса фортификационных сооружений "Владивостокская крепость" расположены по всей зоне полуострова Муравьева-Амурского и в пределах городской застройки, а также в пригороде в северной части города, и на южных островных территориях агломерации.

Если после основания в 1860 году Владивосток рассматривался как военный форпост, то уже в первой половине XX века он начинает восприниматься как международный центр торговли.

Интересно и то, что Владивосток достаточно быстро превратился в транспортно-логистический узел, и именно эта отрасль экономики стала доминирующей, повлияв на всю структуру хозяйственного комплекса. В городе практически никогда не было масштабных промышленных объектов (за исключением предприятий сферы судоремонта), и помимо логистики одной из ключевых сфер была торговля.

С точки зрения регионального брендинга и привлечения внимания к городу в целом, такая ситуация имеет свои очевидные плюсы. На территории основной городской застройки крайне мало закрытых, недоступных для населения и туристов территорий, за исключением военных объектов, морской инфраструктуры – портов, судоремонтных предприятий, а также отдельных производственных предприятий. Историческое восприятие Владивостока в основном выражается в знаменитой фразе "Владивосток – город рыбаков и моряков". По сути, это ярко и фактурно прорисовывалось на протяжении всей истории развития города, когда он отражался в культуре и искусстве, в литературных и художественных произведениях исключительно как крупный город с каменной архитектурой европейского типа.

При этом важными аспектами исторического восприятия Владивостока являются транспортные [20, р. 40]. К примеру, Владивосток исторически воспринимается как конечная точка Транссибирской магистрали, как крупный морской порт на Тихоокеанском побережье России. Практически в любой период истории города этот аспект играл ключевую роль в позиционировании Владивостока не только внутри страны, но и за рубежом. Можно утверждать, что в определенные исторические периоды эта составляющая бренда территории становилась чуть ли

не ключевой. Так, в настоящее время мы наблюдаем очевидный рост значимости логистической системы региона, в том числе и портовой инфраструктуры Владивостока. Более ранним историческим примером, по мнению автора, можно считать период Второй мировой войны, когда Владивосток служил важнейшей точкой перевалки и переработки грузов в рамках "денд-лиза". Транспортные вопросы развития территории, преимущественно связанные с морской инфраструктурой, по сути, являются одной из основных имиджевых черт восприятия Владивостока на всем протяжении его развития как агломерации и центра международного сотрудничества России на ее Тихоокеанских рубежах.

Таким образом, к историческим трендам восприятия города сегодня мы можем отнести такие ключевые направления развития восприятия современного и исторического Владивостока и образы, связанные с европейской архитектурой и прибрежным логистическим строительством, как:

- образы, связанные с европейской архитектурой (значимы в конце XIX – начале XX при застройке исторического центра и в наши дни для турпоказа);
- образы, связанные с прибрежным логистическим строительством (значение постепенно росло в течение всего периода развития города и особенно усилилось в настоящее время в связи с ростом транзитного грузопотока через территорию города);
- ассоциирование Владивостока с морскими гражданскими и военными профессиями как массовым явлением и неотъемлемой частью имиджа города (в большей степени характерно для имперского и советского периода развития города, сегодня существенно снизилось).

Известные памятники и архитектурная среда – тренды для позиционирования города

Владивосток с точки зрения своего восприятия и бренда территории имеет существенную выигрышную черту, связанную с историей его развития. Он является историческим поселением, и на его территории расположено большое количество объектов культурного наследия – как исторических зданий и сооружений, так и монументов. Основные исторические памятники и сооружения, которые находятся на территории Владивостока, хорошо сохранились, их условно можно разделить на три основные категории: памятники фортификационного зодчества, исторические здания и различные монументы, которые расположены по всей территории города.

Памятники фортификационного зодчества – это, прежде всего, объекты уникального памятника федерального значения "Владивостокская крепость", представляющие собой масштабный взаимосвязанный комплекс из более чем 100 фортов, редутов, батарей и иных оборонительных сооружений. Помимо них сюда можно отнести иные сооружения оборонительного значения, такие как ДОТы и ДЗОТы, а также хорошо сохранившиеся подземные сооружения, которые расположены, в том числе, и прямо в центральной части города, – это бомбоубежища, командные пункты, укрытия и так далее.

Исторические здания в столице Дальнего Востока представлены большим разнообразием самых различных зданий каменного зодчества, в основном относящихся к самому концу XIX – началу XX века. Большинство из них расположено в центральной части города. Примечательным является тот факт, что большинство таких сооружений напрямую связано с брендом территории и прямо отождествляется с известными предпринимателями, которые жили во Владивостоке в период царской России и оставили здесь заметный след. В названиях многих объектов культурного наследия во Владивостоке отражены фамилии купцов, промышленников, владельцев судоходного бизнеса, которые не просто жили на территории "порто-франко" того периода, но и активно занимались бизнесом, а также были, как это принято говорить сегодня, социально-ответственными предпринимателями: они вкладывали свои собственные средства в развитие социальной инфраструктуры, строили больницы, лечебницы, библиотеки. Это такие известные исторические личности, как Фридольф Гек, Яков Семенов, Юлий Бринер, Михаил

Янковский, Николай Солгогуб, Иван Чурин, Василий Жариков, Михаил Пьянков и ряд других. Все они активно работали на благо региона, развивали внешнеэкономические связи с соседними азиатскими странами. Сегодня в историческом центре столицы Дальнего Востока достаточно много монументов, которые прямо содержат фамилии этих людей: "Торговый дом Пьянкова", "Торговый дом Кунст и Альберс", "Дом Бриннера" и так далее.

Говоря о значении этих объектов для современного брендинга территории, нельзя не отметить их высокий имиджевый и информационный потенциал. Часть этих предпринимателей – натурализованные иностранцы, которые приехали в регион и остались здесь жить и работать. Все это очень значимо сегодня, когда Владивосток является одной из основных точек воплощения современной российской политики "Разворота на Восток", ориентированной на развитие сотрудничества с ведущими экономикой АТР.

Отдельная тема – частично сохранившиеся исторические кварталы столицы региона (прежде всего, знаменитая "Миллионка"), которые связаны с проживанием в царскую эпоху китайской и корейской диаспор и, соответственно, привлекают внимание граждан этих стран сегодня.

Монументы во Владивостоке являются еще одним из существенных элементов городской среды, несущих информационно-имиджевую нагрузку. Несмотря на то, что многие из них относятся к советскому периоду, в городе немало и сохранившихся монументов более раннего периода, а также восстановленных и "новоделов", которые в целом повторяют облик исторически существовавших, но не сохранившихся зданий или иных объектов. Примером такового, к примеру, является так называемая "Николаевская арка" или "Николаевские ворота" на улице Петра Великого в историческом центре столицы региона. Интересны и имеют значение для формирования восприятия территории и новые арт-объекты, такие как памятник Элеоноре Прей – американской гражданке, жившей во Владивостоке в период "порто-франко" и внесшей большой вклад в повышение известности Владивостока за рубежом, поскольку она регулярно писала письма на Родину в США, в которых описывала жизнь Владивостока как крупного российского дальневосточного города того периода. Аналогичным по своему историческому семантическому значению является и памятник известному актеру Юлу Бриннеру на улице Алеутской возле одноименного исторического здания – "Дома Бриннеров". Рассуждая о значении существующего исторического наследия в архитектурной среде Владивостока для современного развития сотрудничества со странами Азиатско-тихоокеанского региона, можно найти существенное количество значимых контекстов. К примеру, наличие во Владивостоке памятника В.И. Ленину – объекта культурного наследия федерального значения – и ряда других подобных объектов советской эпохи: бюстов, барельефов и так далее – положительно сказывается на интересе туристов из КНР, которые традиционно посещают такие локации в городе в процессе своего пребывания.

В целом архитектурная среда Владивостока в части комплексного восприятия ее исторической части обладает существенными выигрышными чертами.

Роль бизнеса в развитии архитектуры города

Исторически во Владивостоке существенную роль в формировании архитектуры и городской застройки играл бизнес. Особенно ярко это проявилось в период "порто-франко" во второй половине XIX – начале XX века. В тот период именно бизнес создавал "заказ" на суть и содержательное наполнение городской архитектуры, и в значительной же степени он сам являлся исполнителем таких заказов. В более поздний период таким градоформирующим фактором служила хозяйственная сфера – прежде всего морские порты и железная дорога, транспортные и рыбодобывающие предприятия, а также достаточно большое количество производственных и промышленных предприятий. В современных условиях городская среда также остается под достаточно существенным влиянием хозяйственной сферы и реального сектора экономики.

В современных условиях промышленность в меньшей степени становится фактором влияния на пространственно-планировочную структуру агломерации Владивостока. Количество промышленных предприятий и промзон в границах существующей застройки города неуклонно сокращается. В основном новые объекты капитального строительства – это жилые дома и офисные здания. Также постепенно происходит реконструкция морской прибрежной инфраструктуры, прежде всего портовых сооружений. Помимо этого, формируется запрос на новые виды объектов – к примеру, "заточенных" под нужды отдыха и туризма, формирование развлекательной инфраструктуры, общественные пространства. Все это постепенно должно менять город и сказываться на его образе как крупного населенного пункта с широкими возможностями для развития самых разных видов хозяйственной деятельности [9, с. 20].

На сегодняшний день большое внимание необходимо уделять развитию городской инфраструктуры как ресурса имиджевого преобразования Владивостока, учитывать тренды ведущих агломераций Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как Токио, Сеул, Пекин, Шанхай, Сингапур, Гонконг, Сидней, Куала-Лумпур и другие. Все подобные агломерации сочетают историческую застройку с современными архитектурными форматами, делая существенный акцент на создание единой гармоничной городской среды с архитектурным многообразием и правом преемством [8, с. 161].

На сегодняшний день облик города постепенно меняется под воздействием таких факторов, как развитие предпринимательской деятельности, развитие международного экономического сотрудничества и пространственное "разрастание" границ городской застройки.

К числу наиболее актуальных и значимых можно отнести такие тренды, как:

- усиление роли бизнеса как одного из ключевых интересантов в изменении пространственно-планировочной инфраструктуры города, развитии хозяйства в привязке к различным форматам экономической активности в пределах агломерации;

- постепенно растущий запрос населения города и приезжающих в город на рост количества и качества торговли и сферы услуг в пределах городской черты, что влечет за собой и соответствующие изменения в городском пространстве, к примеру, изменение подходов к малоформатной торговле и соответствующим некапитальным объектам в местах отдыха и на туристических маршрутах, а также к организации различных торговых пространств и мест отдыха в черте города, особенно в центре;

- явно увеличивающаяся необходимость долговременного планирования развития города, как раз исходя из понимания стратегических интересов развития экономики, к примеру, таких сфер, как въездной туризм, что влечет за собой принципиально новое строительство и адаптацию под нужды таких видов бизнеса существующих архитектурных объектов [7, с. 11];

- необходимость "расшивки" традиционных "стыков" жилой застройки и производственных пространств, прежде всего прибрежной портовой инфраструктуры, что также сопряжено с архитектурными решениями и вопросами изменения структуры существующей застройки, ее обновления в таких точках слияния для разделения городских зон, с одной стороны, и их гармоничного соседства – с другой [16, с. 120]. Очевидно, что такие решения будут носить комплексный характер: к примеру, расширение автомобильных и железных дорог на въезде в морские порты автоматически влечет за собой необходимость озеленения и других подобных мероприятий защитного характера на сопредельных участках городского пространства, в особенности если вблизи находятся деловые здания или жилые массивы [19, с. 180];

- постепенно растущий запрос населения города и приезжающих в город на рост количества и качества торговли и сферы услуг в пределах городской черты, а также наличие общественных зон [4, с. 280].

Типичные проблемы современной застройки во Владивостоке

Для Владивостока как крупнейшей агломерации российского Дальнего Востока достаточно характерен целый ряд проблем застройки, которые в определенной степени ярко проявились в последние годы, когда на территории города активно стало развиваться жилищное строительство. Помимо этого, можно говорить и о том, что ряд проблем застройки исторически характерен для города, как минимум для периода активного освоения территории [12, с. 320]. Поэтому современное развитие архитектуры города связано с такими трендами, как исторически сложившиеся проблемы, а также и новые, недавно появившиеся особенности.

В последние 20 лет в столице региона начали формироваться определенные новые тренды, которые в существенной степени повлияли на восприятие современного облика агломерации как явления и процесса развития города.

Таковыми трендами стали:

- точечная застройка, которая характерна в особенности для центральных районов города и в значительной степени стала восприниматься как негативный тренд, связанный с "пожиранием" свободных пространств в черте города, в особенности в микрорайонах с и без того высокой общей плотностью застройки;
- стабильное застраивание отдельных периферийных микрорайонов города, которые были перспективными для развития в конце советского периода, но впоследствии из-за общей экономической рецессии не использовались как территория для нового строительства. Яркий пример – район Второй речки, 71-й микрорайон, где уже на рубеже "нулевых" и "десятих" годов началось строительство новых объектов, в основном жилых домов;
- постепенное исчезновение крупных промышленных объектов, промзон, которые были характерны для города в советский период, связано это было с ликвидацией ранее существовавших предприятий;
- расселение частного сектора в районах, близких к центру города, замена таких "слобод" многоэтажной застройкой;
- активное "прораствание" городской застройки в направлении на север, фактическое формирование единого полотна освоенных земельных участков на границах с Артемом – городом-спутником столицы региона.

Для современного Владивостока, который застраивается достаточно быстрыми темпами, в настоящее время можно отметить такие проблемы застройки, как:

- явное доминирование жилищного строительства, существенное превалирование многоквартирных высотных жилых домов как основной "единицы" в современном городском строительстве;
- слабое развитие малоэтажной застройки, формирование жилых зон, сочетающих малоэтажное строительство с экологичной обстановкой и развитой инфраструктурой для отдыха и здорового образа жизни;
- "опаздывающее" транспортное развитие в отношении новых жилых объектов и микрорайонов, когда пропускная способность, качество или даже наличие улично-дорожной сети существенно отстают от возрастающих запросов на движение транспорта из-за появления новых объектов капстроительства и возрастающего трафика транспорта;
- слабая степень приспособления исторической застройки под актуальные запросы современности – создание лофтов, рекреационной и туристической инфраструктуры и так далее [13, с. 865];
- неярко выраженная пока на практике стратегия Комплексного развития территории (КРТ) и Реновации, хотя руководство региона и заявляет о них как о приоритете [14];
- относительно медленное развитие строительства, ориентированного на туристическо-рекреационные цели, связанные с изначально выгодными условиями, существующими в регионе [18, с. 157]. Речь прежде всего идет об обустройстве морского побережья и создании соответствующих архитектурных и пространственно-планировочных решений, адекватных современным запросам развития

Владивостока как крупнейшей национальной туристической локации в Азиатско-Тихоокеанском регионе [17, с. 25];

- существующий в центральных районах города визуальный диссонанс и определенная эклектика в части сочетания исторической застройки и современных многоэтажных комплексов. Данный факт является последствием точечной застройки, но такая проблема характерна для многих современных крупных городов как в России, так и за границей.

Вместе с тем новая застройка, в целом не представляющая уникальных архитектурных достоинств, также имеет определенное имиджевое значение: расположенная в периферийных районах агломерации она будет граничить с иными потенциально интересными для показа объектами (фортификационными сооружениями, новыми промышленными объектами в составе территорий опережающего развития, природными памятниками). Все это может использоваться для показа в комплексе, с учетом возможностей и перспектив новых объектов, которые должны быть максимально современными и контрастировать с окружающей действительностью в положительном ключе по принципу "старое и новое".

Прогноз развития архитектурного имиджа столицы Дальнего Востока

Наиболее значимыми чертами бренда территории будут являться историческое "ядро" застройки, такие показательные объекты, как мосты, известные памятники, и масштабные новые построенные объекты, такие как кампус ДВФУ или строящийся музейный и театрально-образовательный комплекс в районе фуникулера. Важным представляется органичность сочетания архитектуры города – исторической и современной, важна роль реальных экономических инициатив и бизнес проектов в изменении облика города, и на это необходимо обращать особое внимание при формировании современного имиджа Владивостока.

Рассуждая о возможных сценариях развития архитектурного имиджа Владивостока в рамках процессов международного сотрудничества и реализации политики "Восточного вектора", по мнению автора, можно выделить три основных на среднесрочную перспективу ближайших 3-5 лет. Их практическая реализация будет зависеть от многих факторов как внешнего характера (к примеру, изменения курса антироссийской санкционной политики), так и внутреннего (усилия властей края, активность регионального бизнеса и так далее).

- **Оптимистический** – архитектурная составляющая бренда территории будет активно развиваться, становясь существенным "стержнем" всего имиджа Владивостока и ресурсом привлечения внимания к городу и региону, основой туристического образа Владивостока.

- **Умеренный (инерционный)** – бренд города будет развиваться медленно, при этом роль архитектуры будет играть второстепенную роль, основой будет оставаться исторический "бэкграунд" Владивостока, известные факты и архитектурные объекты, которые известны уже на протяжении длительного времени.

- **Пессимистический** – процессы использования архитектурной составляющей в рамках бренда территории Владивостока будут стагнировать под воздействием малых объемов турпотока, отсутствия политики по сохранению и реставрации памятников истории и культуры, доминирования современной застройки, диссонирующей с существующей в городе в более ранние исторические периоды..

Литература

1. Архитектура Владивостока в контексте устойчивости // Архивлог. URL: <https://www.forma.spb.ru/archiblog/2020/11/07/architektura-vladivostoka-v-kontekste-ustoychivosti/>. (дата обращения: 26.01.2024).
2. Бурдина Д.П., Казанцев П.А. Принципы устойчивого развития автономных островных территорий залива Петра Великого // Урбанистика. 2020. № 2. С. 62–76.
3. Бурилова В.С. Владивостокская крепость, как ресурс развития туризма в Приморском крае // Туризм в современном мире: направления и тенденции развития. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 10-летию кафедры "Социально-культурный сервис и туризм". / под ред. В.А. Чернова. Хабаровск, 2013. С. 30–35.
4. Бэк Ч., Ракова О.В., Кочеткова Е.С. Региональные особенности характеристик "личности" торговой среды Дальнего Востока России // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2015. № 4. С. 278–285.

5. Владивосток – 2050: пространственное развитие // Владивосток: прогноз развития до 2050 года. URL: <https://www.vlc.ru/architecture/Vladivostok-2050>. (дата обращения: 29.01.2024).
6. Город спустя 30 лет: как открывали закрытый порт Владивосток // URL: https://vladnews.ru/2022-01-19/198884/gorod_spustya. (дата обращения: 25.01.2024).
7. Иванова А.П. Курортная архитектура Приморья // Архитектон: известия вузов. 2018. № 4(64). С. 11.
8. Казанцев П.А., Смеловская А.М., Кутенков В.Е. Береговая линия Владивостока как объект архитектурно-экологической реновации // Вестник инженерной школы ДВФУ. 2020. № 4(45). С. 154–167.
9. Казанцев П.А., Марус Я.В., Смеловская А.М. Особенности формирования устойчивой городской среды в условиях реновации водной системы Владивостока // Урбанистика. 2019. № 1. С. 18–32.
10. Калинин Е. В. Проблемы и перспективы развития Свободного порта Владивосток в условиях конкуренции // Молодой ученый. 2018. № 45 (231). С. 71–74.
11. Катунина Н.В., Лунова Е.А. Маркетинговые инструменты управления брендом территории на основе исследования стереотипов населения // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2020. № 1. С. 70–74.
12. Ложкин А. Стратегии и реалии: опыт стратегического пространственного планирования в российских городах // Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим. М.: КБ "Стрелка", 2014. С. 314–331.
13. Метляева Т.В., Бондарь М.В. Проблемы позиционирования творческой индустрии в аспекте формирования имиджа города Владивостока // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 863.
14. Невероятные пертурбации проекта кольцевой автомобильной дороги Владивостока длиной в десятилетия. // "Примамедиа". URL: <https://primamedia.ru/news/1400171/?from=37>. (дата обращения: 21.01.2024).
15. Обертас О.Г., Коноплева Н.А., Петухов В.В. К вопросу идентификации города Владивостока как европейского порта на восточной оконечности России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8. № 1(32). С. 219–227.
16. Смирнов М.М. Системное моделирование развития городов в зарубежном опыте мастер-планов // Управление развитием крупномасштабных систем. Материалы пятой международной конференции. Том 2. Общая редакция: С.Н. Васильев, А.Д. Цвиркун. М., 2011. С. 139–140.
17. Стреленко Т.Г. Гомилевская Г.А., Овчаренко Н.П. Развитие туризма в Приморском крае / Стреленко Т.Г. Гомилевская Г.А., Овчаренко Н.П. Москва-Берлин: DirectMedia, 2019. 725 с.
18. Чернявина Л.А., Обертас О.Г. Лестницы Владивостока – активный компонент городского благоустройства. // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 8. С. 156–160.
19. Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. Факторы эффективного согласования интересов в проектах трансформации городских территорий: постановка исследовательской проблемы и поиск теоретического объяснения // Солидарность и конфликты в современном обществе / Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения 15-17 ноября 2018 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018, С. 180–181.
20. Samoylenko P.Yu. The main challenges for the image of Vladivostok as a free port and international logistics hub in the context of anti-Russian sanctions // Asia-pacific journal of marine science and education. 2023. Vol 13. No 1. P. 35–46.

References

1. Architecture of Vladivostok in the context of sustainability. URL: <https://www.forma.spb.ru/archiblog/2020/11/07/arhitektura-vladivostoka-v-kontekste-ustoychivosti/>. (accessed 01.26.2024) (In Russ.).
2. Burdina D.P., Kazantsev P.A. Principles of sustainable development of autonomous island territories of Peter the Great Bay // Urbanism. 2020. No. 2. P. 62–76. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_32847.html. (accessed 01.16.2024) (In Russ.).
3. Burilova V.S. Vladivostok fortress as a resource for tourism development in the Primorsky Territory // Tourism in the modern world: directions and trends of development. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the 10th anniversary of the Department of Social and Cultural Service and Tourism. edited by V.A. Chernova. Khabarovsk, 2013. P. 30–35. (In Russ.).
4. Back Ch., Rakova O.V., Kochetkova E.S. Regional features of the characteristics of the "personality" of the trading environment of the Russian Far East. Marketing and market research. 2015. No. 4. P. 278–285. (In Russ.).
5. Vladivostok – 2050: spatial development // Prognosis of Vladivostok development till 2050. URL: <https://www.vlc.ru/architecture/Vladivostok-2050>. (accessed 01.29.2024) (In Russ.).
6. The city 30 years later: how the closed port of Vladivostok was opened. // URL: https://vladnews.ru/2022-01-19/198884/gorod_spustya. (accessed 01.25.2024). (In Russ.).
7. Ivanova A.P. Resort architecture of Primorye // Architect: news from universities. 2018. No. 4 (64). P. 11. (In Russ.).
8. Kazantsev P.A., Smelovskaya A.M., Kutenkov V.E. The Vladivostok coastline as an object of architectural

and environmental renovation // Bulletin of the FEFU engineering school. 2020. No. 4(45). P. 154–167. (In Russ.).

9. Kazantsev P.A., Marus Ya.V., Smelovskaya A.M. Features of the formation of a sustainable urban environment in the conditions of renovation of the Vladivostok water system // Urbanistics. 2019. No. 1. P. 18–32. (In Russ.).

10. Kalinich E. V. Problems and prospects for the development of the Free Port of Vladivostok in a competitive environment // "Young Scientist", 2018. No. 45 (231). P. 71–74. (In Russ.).

11. Katunina N.V., Luneva E.A. Marketing tools for territory brand management based on research into population stereotypes. // Marketing and market research. 2020. No. 1. P. 70–74. (In Russ.).

12. Lozhkin A. Strategies and realities: experience of strategic spatial planning in Russian cities / A. Lozhkin // Strategic master plan: a tool for managing the future. M.: KB "Strelka", 2014. P. 314–331. (In Russ.).

13. Metlyaeva T.V., Bondar M.V. Problems of positioning the creative industry in the aspect of forming the image of the city of Vladivostok. // Modern problems of science and education. 2015. No. 2-2. P. 863. (In Russ.).

14. Incredible perturbations of the Vladivostok ring road project lasting decades. // Primamedia, URL: <https://primamedia.ru/news/1400171/?from=37>. (date of access: 01.21.2024). (In Russ.).

15. Obertas O.G., Konopleva N.A., Petukhov V.V. On the issue of identifying the city of Vladivostok as a European port on the eastern tip of Russia. Territory of new opportunities. // Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. T. 8. No. 1 (32). P. 219–227. (In Russ.).

16. Smirnov M.M. System modeling of urban development in foreign experience of master plans // Management of the development of large-scale systems. Proceedings of the fifth international conference. Volume 2. General editor: S.N. Vasiliev, A.D. Tsvirkun. 2011. P. 139–140. (In Russ.).

17. Strelenko T.G. Gomilevskaya G.A., Ovcharenko N.P. Development of tourism in Primorsky Krai. // "DirectMedia", Moscow-Berlin, 2019. 725 p. (In Russ.).

18. Chernyavina L.A., Obertas O.G. Staircases of Vladivostok - an active component of urban improvement. // Modern high technology. 2018. No. 8. P. 156–160. (In Russ.).

19. Shevtsova I.K., Bederson V.D. Factors of effective coordination of interests in projects for the transformation of urban areas: formulation of a research problem and search for a theoretical explanation // Solidarity and conflicts in modern society / Proceedings of the scientific conference XII Kovalev Readings November 15-17, 2018. / Rep. editor: Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Skifia-print, 2018, P. 180–181. (In Russ.).

20. Samoylenko P.Yu. The main challenges for the image of Vladivostok as a free port and international logistics hub in the context of anti-Russian sanctions // Asia-pacific journal of marine science and education. 2023. Vol 13. No 1. P. 35–46.

Пётр Юрьевич САМОЙЛЕНКО, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: petersam@mail.ru

Peter Yu. SAMOYLENKO, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: petersam@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 27.02.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 16.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024

Сообщение
УДК 94
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Ольга и Борис Морозовы через Монголию в Китай (из семейного архива)

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com

Аннотация. Публикация посвящена архивному собранию и произведениям Ольги Александровны (урожд. Колосова, 1877–1968) и Бориса Ивановичу / Иоановичу (1902–1960, Лейквуд, США), которые из России попали в Монголию в 1919 г., затем эмигрировали в Китай (Тяньцзинь и Шанхай), где публиковали свои литературные и научно-просветительские произведения. В последние годы жили в США. Материалы для публикации выявлены из личной коллекции О.А. Морозовой, хранящиеся в Музее русской культуры (МРК) в Сан-Франциско и русской коллекции Гавайского университета.

Ключевые слова: О.А. Морозова, Б.А. Морозов, любительское Китаеведение. русские в Китае, русские в Монголии, эмигрантские мемуары

Для цитирования: Хисамутдинов А. А. Ольга и Борис Морозовы через Монголию в Китай (из семейного архива) // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 174–181. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Message
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Olga and Boris Morozov via Mongolia to China (from the family archive)

Amir A. KHISAMUTDINOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com

Abstract. The publication is dedicated to the archival collection of Olga Alexandrovna (nee Kolosova, 1877–1968, Los Angeles) and Boris Ivanovich / Ioanovich (1902–1960, Lakewood, USA), who from Russia came to Mongolia, then emigrated to China (Tianjin and Shanghai), where they published their literary (autobiographical novel "Fate", "Irreversible" and "Nora") and scientific and educational works. In recent years they lived in the USA. An excerpt from the book by B.I. Morozov is published. "Mongolia: from a traveler's notebook" (Tianjin: Knowledge, 1935). The last unpublished works of O.A. are noted. Morozova: "Notes about Tubabao" and "Cultural forces of Russian emigration." Materials for publication were identified from the personal collection of O.A. Morozova (3 boxes and an album of photographs. Inventory compiled by A. Shmelev), stored in the Museum of Russian Culture (MRC) in San Francisco and the Russian collection of the University of Hawaii. Illustrations from the author's personal collection were used.

Keywords: O.A. Morozova, B.A. Morozov, amateur Chinese studies. Russians in China, Russians in Mongolia, emigrant memoirs

For citation: Khisamutdinov A. A. Olga and Boris Morozov via Mongolia to China (from the family archive) // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 174–181. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/174-181>

Введение

Несмотря на то, что история российской эмиграции уже хорошо исследована, но до сих пор остаются неизвестными биографии интересных личностей, живших в Китае. В Музее русской культуры в Сан-Франциско, хранится личное собрание литератора и просветителя О.А. Морозовой. Опись к ней составил в 2009 г. сотрудник Гуверовского института Анатолий Шмелев. Это собрание состоит из трех коробок¹, которые были микрофильмированы (МРК. Фонд О. Морозовой. Опись).

¹ Коробка (Box) 1: Биографические материалы, 1888–1968; Autobiographical note; Birth certificate; Clippings about or mentioning Ol'ga Morozova. Includes obituaries; Curriculum vitae; Immigration papers; Television program transcripts. Includes Russian translations, additional associated correspondence, and letters of thanks by Morozova's daughter to George Putnam for his televised report on Ol'ga Morozova; Miscellany; Переписка, 1939–1952 (Beliaev, Efim Pavlovich, 1939–1940) (Konstantinov, Petr Filaretovich, 1948–1952; Do-

Публикации О.А. и Б.И. Морозовых [2, с. 124–125] собрала русский библиограф Гавайского университета Патриция Полански, которая много лет изучает литературу, изданную русскими эмигрантами в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Автор благодарит заместителя председателя Музея русской культуры (Сан-Франциско, США) Ива Франкьена, который познакомил с собранием О.А. Морозовой в МРК, а также русского библиографа Гавайского университета (Гонолулу, США) Патрицию Полански за возможность использовать в настоящей статье сочинения Морозовых.

Иногда бывает, что имеются сведения об одной личности, но мало известно о его родственнике. Так случилось с Борисом Ивановичем (Иоанновичем) Морозовым (1902, Харьков – 25 мая 1960, Лейквуд, США), который был внуком известного агронома Александра Александровича Колосова (1887–1901). Его мать Ольга Александровна Морозова (урожд. Колосова, 1877–1968) окончила Харьковский институт ведомства императрицы Марии Федоровны (1895 г.), получив в награду за отличную учебу "золотой шифр большого размера". Борис окончил Семипалатинскую мужскую гимназию, бегло говорил по-немецки и по-арабски.

Гражданская война все изменила. Отца с дочерью Наташей убили в поезде А.В. Колчака. Ольга Александровна бежала в 1919 г. с сыном Б.И. Морозовым в Китайский Туркестан. Они поселились в Чугучаке (Синьцзян-Уйгурский автономный округ, Китай), где Борис Морозов поступил в китайскую школу. Он научился отлично говорить и писать по-китайски. Беспокоясь о будущем, он стал заниматься с одним эмигрантом, рассчитывая поступить в Институт путей сообщения, но последующие события не позволили этого сделать.

В 1925 г. Борис Морозов с матерью переехали в гор. Урумчи, где он устроился на работу простым рабочим на завод швейцарской фирмы "Чункин Импорт", вскоре став старшим мастером. Через два года Морозовы решили переехать в Тяньцзинь.

В своей книге он описал путь (14 нояб. 1927–1924 февр. 1928), который прошел с матерью. В экспедиции принимал участие известный шведский путешественник и географ Свен Гведин (1865–1952).

Б.И. Морозов писал в своей книге: "14 Ноября 1927 г. Итак, завтра мы наконец – едем... Сегодня караван-баш Ган перевез всех нас с вещами и провизией из города Гучена на заимку, где мы и проведем ночь. А завтра двинемся в путь на верблюдах и на 3-4 месяца оторвемся от всякой культурной жизни.

Невольно оборачиваясь назад и вспоминая последние дни, наши сборы, хлопоты, вообще всю ту сумятицу, в которой мы крутились больше месяца, стараясь оборудовать нашу поездку возможно лучше. Мы советовались с опытными людьми, принимая во внимание все, что нам говорилось, сами раскидывали умом, соображали. Но насколько все это, вместе взятое, даст в конечном итоге благоприятные результаты – покажет, конечно, будущее.

Помню большинство знакомых, особенно тетушка Марья Ивановна, все охали, как это я поеду через Монголию на верблюде, да еще зимой по 40–градусному морозу ... В конце концов меня так напугали, что я нашил себе массу теплых вещей и, когда все было готово, решил примерить, пригласив на консультацию Марью Ивановну, как лицо очень опытное, и много путешествовавшую в свое время, хотя, правда, не по пустыням, а по заграничным курортам.

Надел я теплое нижнее белье, затем суконные брюки и гимнастерку, кожаную пару, подбитую мехом, китайские стеганные ватные штаны, суконную на меху поддевку и наконец еще жеребковую доху. На ноги – длинные чулки из верблюжки, потом байбаки (чулки из кошмы) на меху и валенки. На голову – маховую с наушниками шапку и башлык, на руки – теплые перчатки и жеребковые рукавицы.

клады и рукописи, 1953–1965 and undated; "Kul'turnye sily russkoi emigratsii," n.d.; Background materials. Primarily newspaper clippings (obituaries) with attached photographs, and other compiled information. Коробка 2. Дополнительные материалы. Коробка 3. Тубабао: "Tubabao: Lager' IRO russkikh belykh emigrantov," 1953. Рукопись; Kak pomoch' bol'nomu cheloveku, 2nd edition, revised and enlarged, 1958; "World Law Day," Los Angeles Herald-Examiner, 1965 September 1; Printed copy and congratulatory letter from Charles Warren, California State Assemblyman. Альбом фотографий по Тубабао.

Фото 1. О.А. Матвеева. Источник: (МРК).

Photo 1. O. A. Matveeva. Source: (MRC).

Вышло так хорошо и тепло, как верно бывает зайцу, когда его ставят жарить, предварительно нашпиговав салом, а потом еще любовно прикрыв крышечкой. Но тетушка была в восторге. Когда же я подошел к зеркалу, то оказалось, что моя фигура была столь внушительных размеров, что даже не помещалась в трюмо. Ну что ж, это неплохо: ширина и высота всегда были в духе русского человека, лишь бы не вышло по пословице "велика Федура, да дура".

Не знаю, как влезу я в этом костюме в свою кабинку, но что в нем я не замерзну даже при 100 градусах мороза – это не подлежит сомнению.

Во время примерки пришел Виноградский. Он долго хохотал, глядя на меня, а затем серьезно сказал:

– Вы, мой милый, дурака не ломайте. Не забывайте, что Монголия – это песок, пустыня вроде Сахары; а разве в Сахаре холодно? Вам абсолютно не надо брать никаких теплых вещей, одно летнее. Ведь Вы едете к востоку, к морю, следова-

тельно, что ни день, то будет теплее. Что же вы будете делать со всем вашим гардеробом? Ведь соленой капусты из него не пригото- вить?

Я совсем растерялся от слов Виноградского, и, хотя знал этого милого человека больше, как специалиста по женской части, чем серьезного житейского практика, но на душе у меня стало смутно: именно летнего то я с собою ничего и не брал.

Но тут мне на помощь пришла тетушка: не давая сказать больше Виноградскому ни слова, обозвав его "жонглером" (перепутав верно слово "фантазер"), она стала рьяно защищать свою позицию о холоде Монголии. Но со свойственной всем женщинам логикой скоро запуталась в своих доказательствах, рассердилась на Виноградского, рассердилась на меня и наконец ушла, не простившись и захватив с собою обратно теплый шарф, связанный ею мне в подарок на дорогу.

За нею ушел и Виноградский.

Оставшись один, я разоблачился и упал в кресло: я был весь мокрый и чувствовал себя так, как будто бы принял 10 порошков аспирина или же неудачно объяснился в любви какой-нибудь целомудренной библиокоп.

К вечеру зашел Николаев. Я как раз укладывал охотничье ружье и набивал в дорогу патроны.

Николаев удивленно поднял брови.

– Это вы что, никак ружье думаете брать с собою? – Спросил он.

– Ну конечно, оно уже прописано у меня в билете.

– А кого же вы будете стрелять в пустыне, своих верблюдов что ли? – Иронически спросил он, скривив в сторону губы.

– Нет, не верблюдов, – ответил я, раздражаясь. – А гусей, уток, фазанов, рябчиков..., наконец коз.

– Вы это серьезно?

– А вы думаете, шутя? Мне сейчас совсем не до шуток, так как у меня ничего не ладится.

– Конечно, и не может ладиться, когда у вас, простите, в голове раки ползают. Где же это в пустыне дичь, да еще водяная? Откуда вы это выдумали? Приснилось вам, что ли?

– Не выдумал и не приснилось! – Крикнул я уже совсем зло, – А мне все это подробно рассказывали шоферы, приехавшие недавно из Тяньцзиня этой же дорогой. Они говорят, что птицы в дороге было видимо-невидимо, и очень жалели, что у них не было ружья.

[....]

Итак, больше мы не увидим наших верблюдов, не увидим Гоби и Шамо. Впереди перед нами вставало неизвестное будущее, а сзади мы оставляли пески, камни, тяжелое безводье и тысячи трупов.

Дорогой, лишь по приближительному подсчету, мы встретили в транспортных свыше 12.000 верблюдов. Наш транспорт, по величине животных и их упитанности был один из самых лучших, и все-таки за дорогу, за три месяца, мы потеряли 10% (из пятидесяти пало пять, а последних, брошенных на заимке, я даже и не считаю). Следовательно,

за это время от прошедших по пустыням транспортов останется на месте не менее 1.200 истощенных, искалеченных идохлых животных.

Жуткая картина, жуткие цифры!

23 февраля. Ночевали в какой-то фанзе около дороги. Ехали вчера все время по жилым местам – поселки, кумирни, отдельные фанзы. Не скажу, чтобы лица встречных были симпатичны, поэтому наша охрана скакала с ружьями на перевес, а мы, русские, все ехали со взведенными курками в наганах. Здесь грабят постоянно, ежечасно, и именно в этих то, таких невинных придорожных домиках и скрываются грабители. Нападают они целыми сотнями, но случаи убийства весьма редки, обыкновенно все дело кончается грабежом.

Перед вечером перевалили высокую гору, через которую лишь недавно сделана хорошая дорога, а раньше она шла по обрыву, и была одной из семи египетских казней для проезжавших и самым любимым местом для грабителей. С перевала открывается вид на гор. Гуйхуачен, до которого всего сорок ли. Когда мы увидели, наконец, нашу обетованную землю – у всех брызнули из глаз слезы. Только в эту минуту мы со всей остротой почувствовали, как стосковались мы по нормальным условиям жизни и по тем маленьким удобствам, которая обыкновенно не замечаются, но лишение которых повергало нас в пути иногда в отчаяние.

24 февраля. Ночь провели опять в какой-то грязной и дымной фанзе, а утром, рассчитавшись с нашей охраной, двинулись в город, хотя охрана должна еще сопровождать нас до самого Гуйхуачена. Заплатили мы им всем 34 доллара, и столько же обязаны еще внести в городе Торговому обществу.

Дорогой, проезжая через какой-то посёлок, наши первые подводы были остановлены стоявшей у моста охраной и реквизированы для перевозки военных грузов. Услыхав, в чем дело, я быстро вылез из своей двуколки и подошел к постовым: на мне была моя кожаная пара, за спиной неразлучное охотничье ружье, в руках

*Борис Ионович Морозов
в день прибытия в Гуйхуачен после
104 дней пути через Монголию.*

Фото 2. Б.И. Морозов. Источник: [2].

Photo 2. B. I. Morozov. Source: [2].

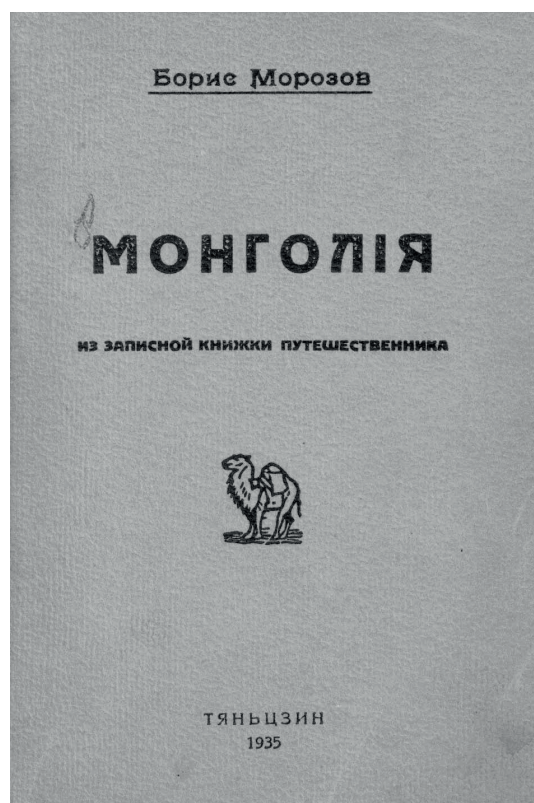

Фото 3. Обложка книги "Монголия".

Photo 3. Cover of the book "Mongolia".

наган. Вообще вид внушительный! Я храбро выругал постовых по-китайски за то, что они осмелились задержать транспорт с иностранцами, и постовые, сделав мне под козырек, почтительно расступились. Дальше мы ехали уже без всяких недоразумений, а с нами вместе ехала и вся фунтеза, благополучно проскользнувшая благодаря нам из Синьцзяня на Восток.

Около часу дня мы въехали в город и остановились в небольшой гостинице. Не прошло и десяти минут, как у нас в номере уже сидели китайские власти, знакомясь, расспрашивая и тщательно отбирая все оружие вплоть до моего злосчастного охотничьего ружья. Путь наш закончен, и как-то даже не верится, что мы находимся опять в культурном сравнительно месте. Впрочем, с этой культурой я уже успел сегодня познакомиться: узнав, что в городе имеется большой католический собор, я, приведя себя в порядок, т. е. сходя в баню и побрившись, отправился перед вечером к ксендзу и, передав ему визитную карточку, просил принять меня. Мне так хотелось повидаться с кем-нибудь из иностранцев и поговорить. Но ксендз

выслал мне сказать, что с русскими он никакого дела иметь не желает ...

Печатаая дневник, не могу не помянуть добрым словом трагически погибшего в 1928 году Ян-ду-туна, Генерал-Губернатора Синьцзяня, который не только дал нам возможность выехать на восток в столь тревожное время, но и снабдил нас еще охранными грамотами и разрешением на провоз с собою необходимого в дороге оружия.

Также тепло вспоминаю я и о всех наших спутниках, не исключая фунтезы. Что же касается Гана, то несмотря на некоторые недоразумения с ним, все-таки ему мы должны быть особенно признательны, так как только благодаря его находчивости и его знанию дороги и законов пустыни мы сделали весь наш путь так сравнительно скоро и благополучно. Б. Морозов" [2, с. 5–7, 110–112].

В дальнейшем Борис Морозов продолжил работать в Чифу и Шанхае, отделениях той же швейцарской фирмы. Ему поручалось вести переписку на английском, немецком и китайском языках.

Мать Бориса Ольга Александровна, освоив азы китайского языка, открыла нотариальную контору в Тяньцзине, занималась литературной деятельностью. Из автобиографии О.А. Морозовой: "На литературное поприще вышла 20 лет назад, поместив в харьковской газете "Южный край" свой пасхальный фельетон "Березовая роща" под псевдонимом "М. Александров", так как тогдашний издатель и редактор газеты, Юзифович, относился к сотрудничеству у себя девиц более чем скептически. Так этот псевдоним и остался за мною на всю жизнь. Последние восемь лет своего проживания в Сибири я сотрудничала во всех западносибирских периодических изданиях, причем отрывки из романа "Судьба" были еще в 1919 году напечатаны в семипалатинской газете "За свободу". В эмиграции, будучи за-

кинутой в глухой угол Китая и не имея возможности и средств к изданию уже законченного романа "Судьба", с прологом к нему – "Невозвратное", я все-таки сумела связаться с кое-какими восточными газетами, и фельетоны мои, а также статьи на политические и другие темы под общим заголовком "Факты и мысли" были напечатаны в годы 1928–1934 в газетах "Слово", "Шанхайская заря" и журнале "Парус". Роман "Судьба" выпустила в этом году. В настоящее время работаю над шлифовкой своего нового романа из московской жизни – "Нора", а также над окончанием комедии "Мухи на меду" [4].

После "Судьбы" Ольга Александровна занялась другим масштабным проектом. Об этом она написала 1 декабря 1939 г. Ефиму Павловичу Беляеву²: "Подготавливая к печати книгу "Культурные силы российской эмиграции", обращаюсь к Вам с просьбой прислать мне о себе следующие сведения: Ваш возраст, образование, деятельность в России, в чем выразилась Ваша культурная работа в эмиграции. ... Материал для своей работы я собираю с 1920 г. по разным книгам, журналам и газетам в области церкви, науки, литературы, медицины, музыки, пения, по разным углам мира проживают и с честью работают на культурном поприще еще много русских сил, о которых мне в печати до сих пор ничего не удалось прочесть, и будет жаль, если лица эти в мой сборник не попадают" (МРК. Ф. О.А. Морозова. Коробка 1. Д. 8). В неопубликованной рукописи О.А. Морозовой есть и дальневосточные востоковеды.

В начале 1949 г. Б.И. Морозов эмигрировал в США, осев в Нью-Джерси. К сожалению, подходящей работы не нашлось, и Борис Иванович решил заняться фермерством. "Задача оказалась трудной и сложной, – писал А. Загорский, – не хватало денежных средств, а потому даже для тяжелых работ не хватало времени и сил. К тому же постоянные заседания, участие в различных комитетах, в церковных, благотворительных и др. комиссиях, куда его постоянно выбирали, отнимали часы и без того короткого отдыха. Надо было бы бросить начатую работу и искать другого применения своих сил и способностей. Но любовь к земле и упрямая настойчивость к достижению намеченной цели гнали его все вперед и вперед. И через несколько лет ферма его на 6000 кур, несмотря на все трудности, действительно вышла на первое место в его штате по своему благоустройству, порядку, чистоте и здоровью, была зарегистрирована, как образцовая" [1].

Фото 4. Могила О.А. Морозовой. Голливудское кладбище. Лос-Анджелес.

Источник: Фото А.А. Хисамутдинова. 2002 г.

Photo 4. Grave of O. A. Morozova. Hollywood Cemetery. Los Angeles. Source: Photo by A. A. Khisamutdinov. 2002.

² Беляев (White), Ефим Павлович (1878–1949, Сан-Франциско). Председатель следственной комиссии по борьбе с большевиками. Бежал на Дальний Восток (29 июня 1919 г.). Адвокат в Никольск-Уссурийском. Переехав во Владивосток, стал юрисконсультантом Союза сибирских маслodelьных артелей. Уехал в Шанхай (22 октября 1922 г.), затем в США (14 июля 1923). Артист и драматург. Основатель и учредитель общества АРТ (Сан-Франциско). Работал над историей культурной жизни русской общины на тихоокеанском побережье США. Похоронен на Сербском кладбище в Колме.

Силы были надломлены, Борис Иванович частенько находился в больнице и второй инсульт 25 мая 1960 г. свел в могилу. Его похоронили на Свято-Владимирском кладбище вблизи г. Лейквуда.

Ольга Александровна Морозова эмигрировала из Китая через Тубабао в Сан-Франциско в 1951 г. Подробные дневники того путешествия передала в Музей русской культуры в Сан-Франциско. В предисловии к этой уникальной рукописи О.А. Морозова писала: "Мои Записки о Тубабао касаются главным образом жизни и переживаний нашей, маленькой, семьи в связи со всем тем, что происходило вокруг нас. Но по ним легко представить себе вообще жизнь всего лагеря, только одним было там немного хуже, чем нам, а другим немного лучше, фон же для всех был почти одинаков. Я, елико возможно, беспристрастно освещать как события, так и поступки отдельных лиц, то наше многоликое начальство или же свой брат-лагерник. Но Записки мои далеко неполны, так как мои лета и здоровье не давали мне возможности часто посещать другие районы, особенно удаленные, и самой наблюдать их жизнь, а также присутствовать на всех митингах, собраниях, торжествах и прочее. Приходилось узнавать через других, а получаемые таким путем сведения, не всегда отвечали истине, нередко грешили односторонним и пристрастным отношением и требовали проверки. Кроме того, записи дат у меня не всегда точны во времени, особенно за 1950 г., когда я часто болела, уходила в больницу, и потом надо было восстанавливать пропущенное сразу за несколько дней. Поэтому, когда понадобилось уже в Америке приводить свою работу в порядок и еще раз тщательно все проверить опросом лиц, бывших со мною на Тубабао, то пришлось кое-что не только изменить, но и совсем выкинуть. Все-таки, если когда-нибудь серьезный, историк заинтересуется единственной в своем роде Тубабавской эпопеей и решит детально описать ее., то мои записки явятся для него несомненно большим подспорьем" (МРК. Фонд О. Морозовой. Рукопись о Тубабао. Б.с.).

Рукопись О.А. Морозовой использовал известный историк Пётр Петрович Балакшин в своей знаменитой работе "Финал в Китае".

В США Ольга Александровна даже успела переиздать свой роман "Судьба". В 1956 г. она стала гражданкой США. В последние годы Морозова жила в Лос-Анджелесе у дочери Веры, где и скончалась 1 января 1968 г., похоронена на Голливудском кладбище.

Литература

1. Загорский. Памяти Бориса Ивановича Морозова / Загорский // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1960. 9 июня.
2. Морозов Б.И. Монголия: из записной книжки путешественника / Б.И. Морозов. Тяньцзинь: Знание, 1935. 112 с.: портр., ил.
3. Полански П. Русская печать в Азиатско-тихоокеанском регионе = Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета / П. Полански. М.: Пашков дом, 2015. Ч. 1. 213 с.
4. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. 1934. 17 нояб.

References

1. Zagorsky. In memory of Boris Ivanovich Morozov / Zagorsky // Russian Life. San Francisco, 1960. June 9. (In Russ.).
2. Morozov B.I. Mongolia: from a traveler's notebook / B.I. Morozov. Tianjin: Knowledge, 1935. 112 p.: portrait, ill. (In Russ.).
3. Polansky P. Russian press in the Asia-Pacific region = Russian Publications in the Asia-Pacific Region: Catalog of the collection of the Hamilton Library of the University of Hawaii / P. Polansky. Moscow: Pashkov House, 2015. Part 1. 213 p. (In Russ.).
4. Review of female literary forces of emigration of the Far East // Rubezh. 1934. November 17.

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: khislamut@yahoo.com

Amir A. KHISAMUTDINOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: khislamut@yahoo.com

Поступила в редакцию

(Received) 27.02.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 16.08.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.09.2024

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
25. При включении в список литературы газет, также необходимо исходить из принципа: одна газета – один пункт в списке литературы (это касается всех изданий, в том числе и многотомных). Обязательно указывается год выхода газеты, месяц и число. При наличии – номер газеты и номер страницы.
26. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
27. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.

28. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).
29. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
30. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
31. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 3 (63) • 2024

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования "Дальневосточный
федеральный университет", 690922, Приморский край,
г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 30.09.2024.
Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 15,48. Уч.-изд. л. 18,33.
Тираж 100 экз.
Заказ 229.

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного
федерального университета, 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006